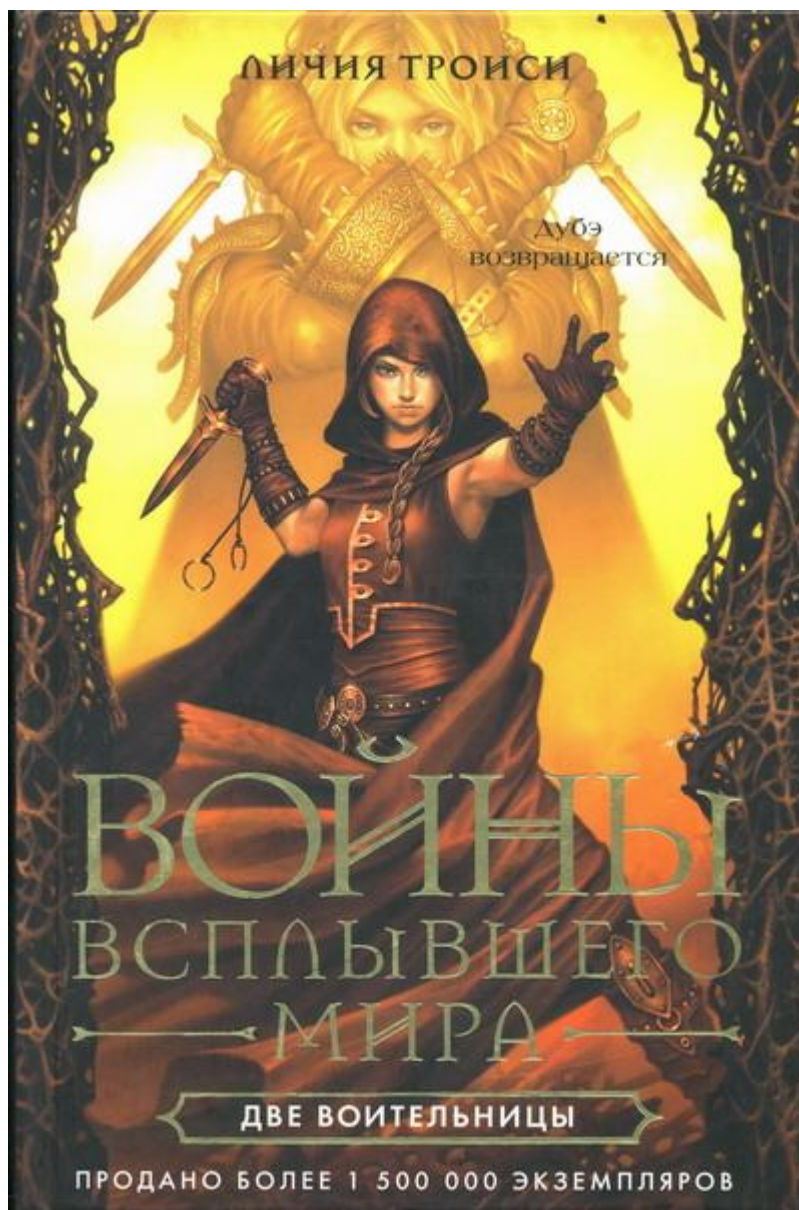

Личия Троиси Две воительницы

Войны Всплывшего Мира – 2

- Alex1979. OCR & ReadCheck - Ergo80. <http://oldmaglib.com>
«Личия Троиси "Войны Всплывшего Мира. Книга 2. Две воительницы"»:
Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4793-6

Аннотация

Свободным Землям грозит катастрофа — Дохор и Верховный Страж Гильдии вступили в сговор, они пойдут на все, чтобы завладеть миром.

Совет поручает Идо разыскать Тарика, сына Ниал и Сеннара. Но агенты Гильдии опередили гнома: Тарик и его жена мертвы, их сын похищен, его готовят к ритуальному убийству — двенадцатилетний внук полуэльфийки Ниал идеально подходит для того, чтобы принять в себя дух Астера. Сметая врагов на своем пути, Идо бросается на поиски мальчика. Тем временем Лонерин отправляется в Неведомые Земли к великому магу, просить его расстроить планы Гильдии, которой вот-вот удастся вернуть Астера из мира

мертвых. Дубэ решает сопроводить Лонерина в надежде на то, что Сеннар найдет способ снять с нее проклятие. Юный маг рад такой спутнице, Дубэ отличный воин, и вместе им будет легче противостоять убийцам Гильдии, которые уже идут по их следу. С болью и горечью провожает Лонерина в новое опасное путешествие Теана. Девушка-маг давно любит его и отчаянно ревнует к таинственной и мрачноватой Дубэ, еще не зная, какие жестокие испытания предстоят им обоим...

Личия Троиси «Две воительницы»

Посвящается Ребекке

Смой меня,
Очисти от меня свое тело,
Сотри все воспоминания:
Они лишь принесут нам горе.

Из песни Citizen Erased группы Muse

ОТЧЕТ СОВЕТА ВОДЫ За Год Сорок Первый от Великой Зимней Битвы Том VIII, доклад тринадцатый Редактор: Лонерин из Земли Ночи, ученик советника Фольвара

Согласно постановлению Совета, принятому на предыдущем заседании, я в начале года отправился на задание в место проживания членов секты, называющей себя «Гильдия убийц», главный храм которой расположен поблизости от Земли Ночи. Последние письменные сообщения Арамона — разведчика, который был моим предшественником в этом деле, заставляют предполагать, что Гильдия убийц заключила соглашение с Дохором, королем Земли Солнца, а также Земель Огня, Скал и Ветра, которые он захватил с помощью войн и всевозможных интриг. Правят в завоеванных землях наместники, назначенные Дохором. Однако трудно понять, на каких условиях и какого рода соглашение объединяет Гильдию и короля-завоевателя.

Чтобы выяснить планы нашего врага, я внедрился в Гильдию под видом одного из тех отчаявшихся людей, которые иногда приходят в храм молить бога убийц, Черного Бога Тенаара, чтобы он исполнил их желания. Члены секты убийц называют их просителями. Не буду отвлекаться на описание страданий, которые перенес, чтобы меня приняли в число просителей; скажу только, что я получил доступ в дом собраний Гильдии. Это просторное подземное обиталище, которое члены Гильдии называют «Дом».

Я не мог полностью изучить устройство Дома, поскольку проситель не имеет свободы передвижения, и мои ночные вылазки за информацией этого рода поневоле оказывались достаточно редкими и кратковременными. Убийцы очень строго следят за просителями; впрочем, еще совсем недавно с просителями обращались как с рабами, каждый из которых ожидал, когда настанет его время и он будет принесен в жертву Тенаару.

Должен признаться, что мое расследование долго не давало никаких результатов. Я могу свидетельствовать лишь то, что было очевидно: Дохор намерен использовать для своей выгоды особый талант этих сектантов, которые прославляют своего бога тем, что убивают людей, и достигли в этом величайшего мастерства. Ни до чего больше я

додумать не мог. Так продолжалось до тех пор, пока судьба неожиданно не послала мне помощницу.

Я кружил по главному залу Дома. Это просторная пещера, в которой высится огромная статуя Тенаара, у ног ее расположены два вызывающих ужас бассейна, наполненные кровью. Именно здесь меня обнаружила сектантка, худощавая, небольшого роста девушка. Она в это время тайком осматривала те же места, которые я изучал для своего расследования.

Эта девушка внезапно захватила меня в плен и привела в свою комнату. Там она потребовала объяснить, почему я разгуливаю ночью по Дому.

Я сразу почувствовал, что она мне не враг и ее больше тревожит то, что ее застали за каким-то запрещенным делом. Признаю, что я, возможно, поступил опрометчиво, но, когда Дубэ — так зовут девушку — спросила у меня, кто я и что здесь делаю, я рассказал ей правду.

Учитывая недоверие Совета к этой девушке, будет справедливо, если я перед тем, как продолжить свой рассказ, подробнее объясню, кто она такая, как мы стали союзниками и какой договор заключили в ту ночь.

В Гильдию вступают двумя путями: родившись от родителей-убийц, уже состоящих в ней, или совершив убийство в очень юном возрасте. Сектанты, входящие во вторую из этих групп, называются «дети смерти». Дубэ относится ко второй.

Я не знаю точно, откуда она родом: она не хотела рассказывать о своем прошлом; это я нахожу естественным и вполне понятным. Но нет сомнения, что она росла в деревне. В детстве во время ссоры, сама того не желая, она убила своего товарища. Родная община за это наказала ее изгнанием. Во время своей бродячей жизни, подробности которой мне неизвестны, она встретила с тем, кто позже обучил ее искусству убивать. Она говорит о нем почтительно и называет его просто Учитель.

Обучение началось, когда ей было восемь лет. Итак, мы имеем дело с человеком, которого принуждают убивать, который обучен только этому ремеслу и к тому же мучим чувством вины. Это еще раз показывает, как неисчерпаемы ресурсы Совета.

Для Гильдии Дубэ — дитя смерти, и поэтому убийцы очень быстро выследили ее. Учитель был членом этой секты, но потом взбунтовался и бежал, и я полагаю, что люди из Гильдии вышли на девочку через него. Через какое-то время Дубэ перестала убивать и начала жить только воровством. Я еще раз прошу тех, кто будет это читать, чтобы они не судили слишком строго поведение той, кому мы обязаны тем, что раскрыли планы Гильдии. Мы говорим об одинокой девочке, которая была обречена лишь на те способы добыть себе средства к существованию, которые ей предоставило ее особое образование.

Члены Гильдии сумели завлечь Дубэ к себе с помощью обмана. Во время одной кражи начало действовать проклятие, которое незадолго до этого было привито ей с помощью отравленной иглы. Это коварное проклятие великолепно характеризует духовное извращение, на котором основана Гильдия. Оно пробуждает к жизни какую-то злую сущность — Дубэ называет ее зверем, — таящуюся в душе Дубэ. Эта сущность время от времени становится сильнее воли девушки и побуждает ее к невероятно жестоким поступкам. Дело в том, что зверь питается кровью и смертью.

Убийцы убедили Дубэ, что только Гильдия владеет противоядием, которое может ее спасти, и это несколько месяцев назад заставило ее вступить в их ряды. Через определенные промежутки времени ей давали напиток, который всего лишь подавлял симптомы проклятия, при этом выдавали его за истинное лекарство.

Итак, мы имеем дело не с человеком, который родился в Гильдии и стал отступником, а с жертвой сектантов, которую они сделали своей работой против ее воли.

Я провел анализ проклятия, от которого страдает Дубэ. У него есть хорошо видимый вещественный знак: две пятиконечные звезды, красная и черная, в которые вписан круг, состоящий из двух переплетающихся змей, тоже наполовину красных и наполовину черных. Как известно, вещественный знак не оставляет ни одно проклятие, кроме печати.

Дубэ показала мне этот символ, и я благодаря своим познаниям в магии сразу же понял, что мы имеем дело с проклятием печатью, и с большим сожалением сказал ей правду: что это магические чары, которые может разрушить лишь тот, кто их навел, и не существует лекарства, способного ее вылечить, есть лишь такие, которые подавляют симптомы, а Гильдия ее сознательно обманывает.

Наше с ней соглашение родилось из ее отчаяния. Все знают, что проклятие печать, наложенное не очень умелым магом, часто бывает слабым и может быть снято более сильным чародеем. Я полагаю, что печать Дубэ именно такого рода, и пообещал привести ее в Совет к какому-нибудь могущественному магу. И тогда она стала помогать мне.

Здесь заканчивается история о Дубэ, и теперь я начинаю рассказ о том, что обнаружила Дубэ в ходе своего расследования.

Гильдия поклоняется почти погубившему Всплывший Мир тирану Астеру как мессии и трудится ради его возвращения. Убийцы уже вызвали его дух, который теперь блуждает между нашим и потусторонним мирами в одной из тайных комнат Дома. Чтобы завершить возвращение Астера, нужно только тело, в которое мог бы вселиться его дух. Выбор Гильдии пал на сына Ниал и Сеннара — героини и героя, которые сорок лет назад сумели положить конец власти Тиранно. О причине этого выбора легко догадаться. Астер был сыном человека и полуэльфийки, именно поэтому Гильдии нужен сын Ниал, последней из полуэльфов во Всплывшем Море, и Сеннара, человека из Земли Моря.

На этом кончаются сведения Дубэ.

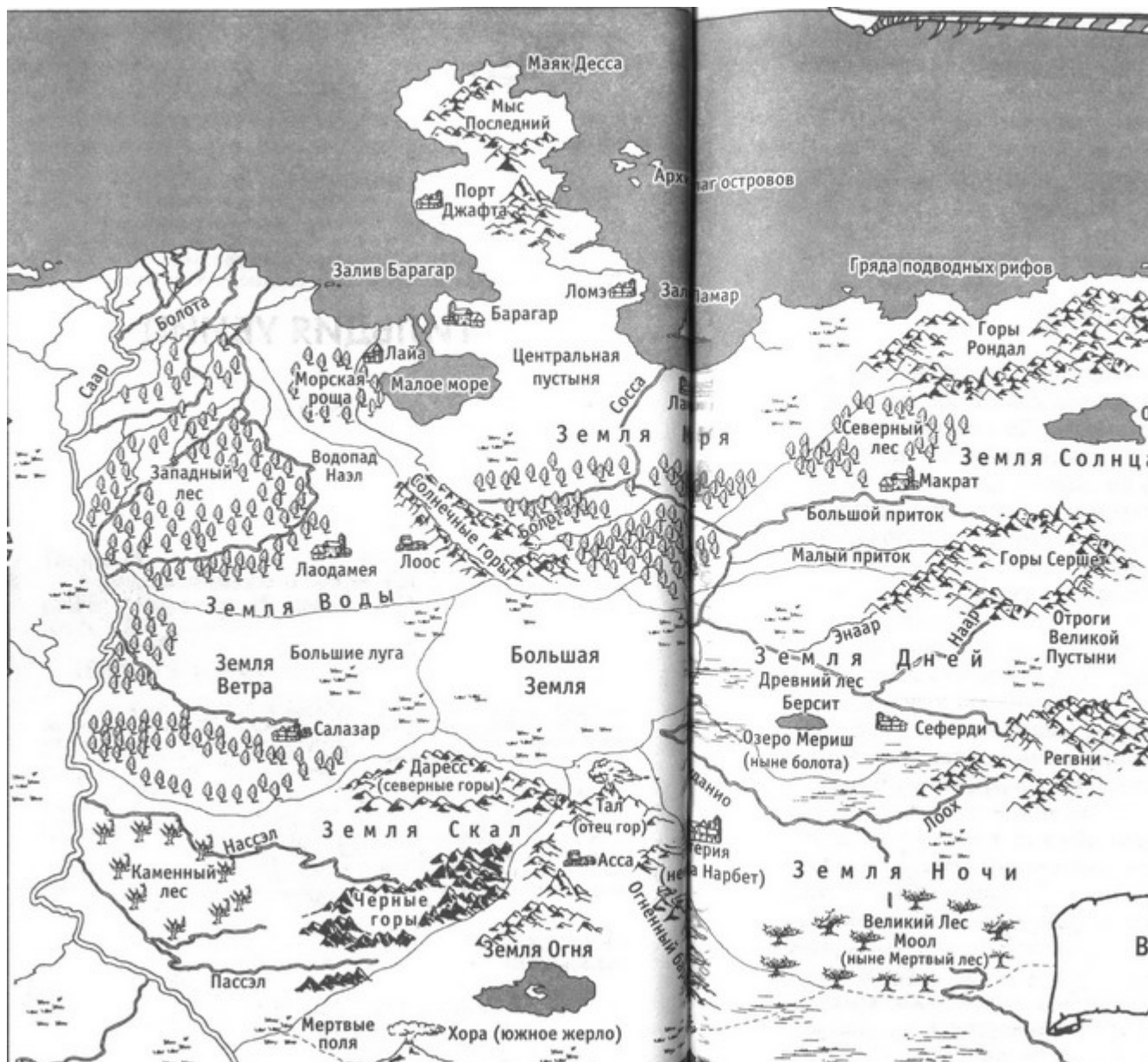
Совет на своем сегодняшнем заседании обсудил их и постановление о действиях, которые необходимо предпринять. С одной стороны, нужно немедленно переправить в безопасное место сына Ниал и Сеннара. По сведениям гнома Идо, вождя наших сил сопротивления, которые борются с Дохором, сын затерялся где-то во Всплывшем Море, в отличие от своих родителей, которые много лет назад переправились через реку Саар и ушли в Неведомые Земли. Идо взял на себя задачу найти этого юношу и переправить его в безопасное место.

Второе направление наших мероприятий поручено мне и Дубэ. Поскольку Сеннар — великий маг, он, несомненно, знает тайну тех чар, которые могут вернуть к жизни Астера. По этой причине я и Дубэ должны переправиться через Саар и отыскать Сеннара. Дубэ решила отправиться вместе со мной в надежде, что Сеннар найдет способ снять с нее печать. Я уверен, что она окажет мне большую помощь, тем более что наш побег из Гильдии был замечен и нет сомнения — убийцы уже идут по нашим следам. Кто лучше Дубэ сумеет защитить нас от них?

Вот и все, что я хотел сообщить. Отправление назначено на завтра. Эти последние слова я пишу с тревогой. Еще никто из тех, кто уходил за Саар, не возвращался назад, а о Неведомых Землях у нас все и всегда говорят с ужасом. Я не знаю, что нас ждет, даже не знаю, сумеем ли мы хотя бы преодолеть стремительные реки. В моей душе смешались радостное волнение исследователя и страх перед неизвестностью. Но боязнь не справиться с заданием мучительнее и сильнее, чем страх смерти.

Это потому, что задание важнее всего остального, а уничтожение Гильдии — все для меня.

ПРОЛОГ

Последний гость ушел только поздно вечером. Он был пьян, и пришлось послать раба провожать его. Сулана видела, как они оба, качаясь, шли в темноте через сад. Гость напевал что-то, но что именно — она не смогла разобрать, наверное, какую-то игривую песенку.

Она чувствовала себя измотанной. Принуждая себя держаться с достоинством, быть приветливой и терпеливой, она совершенно обессилела. Зато как легко было с Дохором, ее мужем с сегодняшнего утра. Когда они встали вместе перед жрецом и Дохор взял ее за руку, его движение было полно изысканной простоты и изяществом, и потом он весь день словно вел ее за собой. Ни одного неуместного слова, ни единого признака слабости или недовольства. Сулана восхищалась им. Дохор всегда знал, что кому сказать. Как это ему удавалось? Она так и не смогла овладеть этим искусством. Так она почувствовала себя замужней женщиной.

Это всё советники.

— Вы в таком возрасте, что вам пора замуж.

— В народе шепчутся о вас, начинается ропот.

— Люди хотят иметь короля.

Сулана сопротивлялась давлению семь лет. Она сумела провести свою страну, Землю

Солнца, через дни войны и через мирные дни, она сумела подчинить придворных и министров своей воле и стать сильнее их, но в конце концов поняла, что больше не выдержит. Хотя ей было немногим больше двадцати лет, она чувствовала себя старой женщиной и ей казалось, что у нее украли детство. Она не могла так жить дальше. Мужество и сила иссякли, и тогда она согласилась. Хорошо, она выйдет замуж.

Ее мало интересовал тот, кто должен был стать ее мужем. Она хотела только отдохнуть, и если она будет отдыхать в объятиях незнакомого мужчины — что же делать, пусть будет так.

И вот появился мальчик, чуть моложе ее, с очень светлыми, почти белыми волосами и удивительно ясными глазами.

«Невозможно всегда быть сильной», — сказала она себе, кусая губы. Тень торжествующей улыбки скользнула по лицу жениха.

Потом ее закружил водоворот событий и приготовлений. Подготовка к празднику и свадебной церемонии, бесконечные примерки свадебного платья, постоянные требования выбрать что-то. Сулана наблюдала за собой словно со стороны и видела, что живет. Но когда она давала указания и приказы, ее собственный голос казался ей чужим. «Да, поставьте ирисы в центр большого стола. Конечно, я в первую очередь поблагодарю министра за его изящный подарок».

А Дохора нет, он далеко. С тех пор как он попросил ее стать его женой, они даже почти не виделись.

«Как он будет вести себя со мной? Будет ли ласковым? Сумею ли я полюбить его?»

Это был брак по расчету, и только. Жених становился королем, невеста приобретала желанный для нее покой. Но в детстве Сулана всегда мечтала о возможности жить с мужчиной, которого будет любить. Поэтому она с надеждой смотрела на будущего мужа. Она тайком следила за ним в огромном дворцовом саду, спрятавшись возле колодца. Он выглядел уверенным и решительным, и еще он был красив — худощавый и стройный. Но в нем все же было что-то, что ее беспокоило. Это что-то пугало ее и в то же время привлекало. Казалось, он скрывает какую-то тайну.

Она начинала верить, что любит его. А если она будет его любить, то... кто знает, может быть, и Дохор сможет ответить ей взаимностью.

Церемония была долгой. Придворные, члены королевских семей, князья, воины, министры, просто прихлебатели один за другим преклоняли колени перед королевской четой. Сулана улыбалась, слегка опираясь рукой о руку мужа. Но было похоже, что никто по-настоящему не смотрел на нее. Взгляды словно проходили сквозь нее, и ей казалось, что она невидима для всех, даже для Дохора, который теперь был включен в список королей.

Только Идо, кажется, видел ее по-настоящему. Он явился к ней, держа за руку Соану, любимую женщину, — с которой давно уже был вместе. Соана, одна из могущественных магов, прежде была советницей Земли Ветра, и когда Сеннар ушел, ее попросили вернуться на эту должность. Идо преподнес новобрачной в дар цветок и полную понимания улыбку. Сулана ответила тем же, и ее приветствие было искренним в первый раз за этот бесконечный день.

Взгляд, который гном Идо адресовал ее мужу, был совершенно иным: в нем не было открытой вражды, но, несомненно, был холод. Сначала Дохор как будто не заметил этого.

— Наш любимый Верховный Главнокомандующий! — звонко произнес он. — Встаньте, встаньте!

— Благодарю, ваше величество, — медленно и не слишком дружелюбно ответил Идо.

— В самом деле странно, что сейчас вы должны кланяться мне. До вчерашнего дня было наоборот.

Сулана посчитала эти слова неуместными, но объяснила их действием вина и волнением.

— Да, вот как вращается колесо судьбы. Разве я не прав?

Соана застыла на месте, словно ее обдало холодом, и Сулана заметила это.

— Желаю вам и вашей супруге всего наилучшего в дни вашего правления, и пусть это правление будет долгим и мирным, — произнесла волшебница и улыбнулась.

— Благодарю вас, — сухо, с едва заметным раздражением в голосе ответил Дохор. Потом он снова обратился к Идо и сказал: — Несмотря ни на что, я не забываю, что прежде всего являюсь Всадником Дракона, и никогда не стану пренебрегать моими обязанностями воина. Для королевства — большая удача иметь короля, хорошо знающего искусство ведения войны. Или вы так не считаете?

— Это, несомненно, было бы большой удачей, если бы мы сейчас вели войну.

— Но ведь никто не может знать заранее, когда начнется война...

— Еще раз благодарю вас за то, что оказали нам честь своим приглашением. Желаю долгой жизни супругам-правителям, — поспешила снова заговорить Соана и поклонилась. Идо смутился и поклонился тоже.

Они ушли, и Сулана почувствовала, что ладонь ее мужа слегка дрожит, она посмотрела на него, но он не обратил на это внимания. Он уже снова владел собой, и на лице его сияла улыбка для следующего гостя.

Сулана торопливо переодевалась. Не обращая внимания на бесчисленные застёжки, она нетерпеливо стаскивала с себя брачный наряд.

— Вы испортите платье! — не выдержала служанка.

Но королеву не интересовало, что будет с платьем.

В любом случае она его больше никогда не наденет. Ее ждала первая брачная ночь, и она сама не знала, что чувствует при этой мысли — страх или радость.

Входя в спальню, она побледнела от волнения. Комнату освещали всего одна свеча и яркие лучи великолепной летней луны. Внутри никого не было.

Сулана остановилась на пороге, повернулась в сторону коридора, но и там было пусто.

— Где король? — спросила она служанку.

— Не знаю, госпожа королева: я не видела, как он вышел.

Где Дохор? Что сейчас может быть для него важнее, чем его жена?

Сулана села на край постели и замерла в неподвижном ожидании. Ее охватил страх.

Была глубокая ночь, и по-прежнему — никаких следов Дохора. Что случилось? Сулана, не в силах больше ждать, вышла в сад. Легко ступая по шелковистой траве, она сделала несколько шагов и задумалась о своих мечтах, о том, что от ее девичьих грез у нее ничего не осталось. Она вздохнула.

Вдруг она услышала чей-то шепот и направилась туда, откуда он доносился.

Она старалась двигаться тихо. В это время в саду не должно быть никого, кроме нее. В первое мгновение она надеялась, что это Дохор. Может быть, он ждал ее там, может быть, он готовил для нее какой-то сюрприз. Думать так было очень глупо, но и очень приятно.

Когда она увидела тень, нет, две тени, за живыми изгородями из самшита, под ивой, ее сердце вздрогнуло.

Она спряталась за деревом.

— А почему вы не пришли во время церемонии? — Голос невозможно было спутать ни с каким другим. Дохор! Сулана узнала его смех.

— Такие люди, как я, входят во дворцы только в определенных случаях, и это не такие радостные события, как свадьба. Туда, куда приходим мы, входит смерть.

Эти слова, сказанные другим человеком, прозвучали холодно и насмешливо.

— Понимаю вас. И что еще вы должны мне сказать?

— Пока — ничего. Разве что сам себя поздравить: я нашел в вашем лице остроумного и довольно проникательного юношу.

— Если бы я не был таким, я бы не стоял здесь.

— Но это лишь начало, разве не так?

— Разумеется, лишь начало.

Снова этот смех, который до нынешнего дня заставлял ее сердце радостно трепетать, а теперь оно в тоске похолодело.

— Будьте уверены, что в будущем я сумею вознаградить за услуги вас и ваше общество.

— Мы в вашем полном распоряжении. Кстати, помните о нашей цене.

— Провести несколько исследований на Большой Земле — это не проблема.

Таинственный собеседник Дохора.

— Мне жаль, что у нас нет вина, чтобы поднять бокал за наше соглашение.

— Мы выпьем за него позже, когда наше сотрудничество даст первые плоды.

Сулана увидела, как Дохор пошел по аллее в сторону дворца. Ноги отказывались ей служить, но она должна была бежать в свою комнату. И она это сделала.

Она оказалась у двери спальни немного раньше, чем он, проскользнула внутрь и села на кровать, сложив руки на животе. Что дальше?

Дохор осторожно открыл дверь. Увидев, что Сулана не спит, он был так озадачен, что замер в дверях.

— Ты не спишь?

Она не знала, что сказать.

— Я ждала тебя...

Он закрыл за собой дверь.

— Извини. Я должен был предупредить тебя, что у меня есть дела. Но, по правде говоря, тебе ни к чему дожидаться меня.

Вежливый. Но холодный. Он зашел за ширму, чтобы переодеться. Сулана слышала, как он умывается водой, принесенной из ручья, потом услышала стук его меча, который он отстегивал. Ни единого слова. А у нее было так много вопросов к нему.

Дохор вышел из-за ширмы в куртке и военных штанах, взял свечу, стоявшую возле постели и приготовился ее погасить.

— Где ты был?

Этот вопрос вырвался у Суланы почти невольно.

Дохор замер на месте. Но повернулся к ней:

— Я уже сказал тебе: у меня были дела.

— Не хочешь рассказать мне какие?

— Это тебя не касается.

Его пальцы были уже возле фитиля. Сулана внезапно рассердилась на мужа.

— Я видела, как ты разговаривал с каким-то человеком в саду.

Дохор резким движением повернулся к ней:

— Ты что, выслеживала меня?

Его ясные глаза вдруг наполнились бешеной яростью, но в них, однако, мелькнул страх.

— Я была там потому, что...

Дохор схватил ее за руки, сдвинул оба запястья.

— Значит, ты начала шпионить за мной? Как ты посмела?

Сулане вдруг стало страшно. Она была в комнате одна с незнакомцем, и этот незнакомец вдруг напал на нее. Она почувствовала, что слезы подступают ей к горлу.

— Я пришла сюда, а тебя не было, я не знала, как быть, беспокоиться или нет... и ждала тебя... но было уже очень поздно... я была разочарована, и еще... это ведь наша первая брачная ночь.

— То, что я делаю, тебя не касается. Теперь король — я, и дела государства в моих руках.

В глубине души Сулана уже поняла это, но не смогла удержаться от новой попытки.

— Но ведь теперь мы муж и жена, а этот человек... он меня пугает.

Дохор усмехнулся:

— Муж и жена? Король и королева, вот мы кто. Ты устала, а я хотел сидеть на троне, и

ничего больше. Этот человек вознесет меня высоко, очень высоко, а от этого будет хорошо и тебе тоже.

Он разжал руки, отпуская ее, — движение не было изящным, потом погасил свечу и вытянулся во весь рост на кровати, спиной к Сулане.

Сулана продолжала сидеть в темноте, широко раскрыв глаза. Потом она почувствовала, что он снова повернулся в постели.

— И не смей ставить мне палки в колеса! Поняла? Мы заключили соглашение, и ты его не нарушишь.

Он произнес это с ледяным спокойствием, затем натянул на себя одеяло.

Сулана еще долго сидела не шевелясь. Слезы медленно текли по ее щекам, и она не вытирала их.

Она ошиблась. Лишь со временем она поймет, как велика была эта ошибка.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Саар, Великая Река на западе Всплывшего Мира, является его непреодолимой границей. Никто не знает точно, какова длина Саара, но, если верить рассказам, в самых широких ее местах расстояние между ее берегами равно семи или восьми километрам. Никому не известно и то, какие существа живут в его водах. Все, что нам известно о Сааре, имеет легендарный и смутный характер, потому что из многих пытавшихся пересечь его никто не вернулся обратно.

Неизвестный автор

Из утраченной библиотеки города Энаара

1

НА КРАЮ ВСПЛЫВШЕГО МИРА

Эти странные чужаки пришли в деревню, когда день начал клониться к вечеру. Деревня называлась Марва; это были несколько жалких домишек на сваях в центре того болотистого края, который раньше назывался Земля Воды, а теперь — Пограничная Область Болот. Девушка и маг ушли отсюда два дня назад. Чужаков было трое, их лица были скрыты капюшонами просторных коричневых плащей.

Куда бы они ни шли, за ними следили взгляды, полные тревоги. Марва стояла далеко от всех торговых путей, а зловонный и неподвижный воздух болот делал ее не слишком привлекательной для случайных путников. В ней не было ни кабачка, ни постоянного двора. Уже много лет никто не проходил через эти места, и вдруг всего за три дня пришли целых пять незнакомцев. Несомненно, случилось что-то плохое.

Новые пришельцы были уже в начале ведущей к мастерской дороги, где смолили лодки. Ее хозяин Бхиф обрабатывал смолой остов новой лодки, но, заметив незнакомцев, побежал им навстречу. Один — должно быть, главный — шел впереди, двое других, более рослые, следом за ним, держались они так уверенно, что Бхиф почему-то вздрогнул от страха. Именно предводитель открыл свое лицо первым, и Бхиф облегченно вздохнул, увидев что это светловолосая девушка — на голове целый ворох мелких кудряшек, вокруг носа веснушки.

— Добрый вечер, — вежливо улыбнулась она.

Бхиф снял рукавицы, медленно смерил ее оценивающим взглядом и решил, что сейчас лучше всего держаться осторожно.

— Чего вы желаете?

— Всего лишь узнать кое-что.

Бхиф похолодел, девушка была закутана в поношенный плащ, но в вырезе он заметил черную ткань ее одежды.

— Если мне известно что-нибудь, что...

— Проходили здесь молодой маг и худощавая девушка, одетая в мужской костюм?

Бхиф ответил «да», при этом внимательно следя взглядом за мужчинами — ее спутниками. Между ним и чужаками была только лодка, над которой он работал.

— Они еще в деревне?

— Нет, — ответил он.

— Понятно. А когда они ушли?

— Вчера. Они взяли лодку.

— Куда они направились? Это вы знаете?

— Почему вы задаете мне все эти вопросы? Я смолю лодки и занимаюсь только своими делами.

— Вы знаете это или нет? — Девушка как будто бы не сердилась, но голос ее звучал жестко.

— Я ничего не знаю. Они были гостями Торио, спросите у него.

Она кивнула, потом надела на голову капюшон.

— Огромное вам спасибо, вы нам очень помогли.

Все трое ушли, не сказав больше ничего, и Бхиф с тревогой заметил, что их шаги были почти бесшумными.

Торио сидел на пороге своего дома, свесив ноги, и чинил рыболовные сети. Это был довольно крепкий телом старик, с тем туповатым выражением лица, которое бывает у человека, если он всю жизнь прожил на одном месте и никогда даже не думал о том, что где-то может существовать огромный мир. Он уловил какое-то движение у порога своего дома, когда незнакомцы оказались уже как раз перед ним.

— Это вы — Торио?

Старик поднял голову. Перед ним стояла девушка в темном плаще и улыбалась. За ней стояли двое мужчин в плащах с капюшонами, и на мгновение он испытал какое-то странное беспокойство.

— Да, — озадаченно ответил он.

— Мы знаем, что вы принимали в этом доме как гостей мага и девушку, одетую как мужчина. Куда они ушли?

Торио насторожился. Та девушка перед уходом совершенно ясно сказала ему: «Если кто-нибудь придет и станет спрашивать о нас, не говори ничего. Скажи, что мы здесь не проходили или что не знаешь, куда мы ушли. Что бы ни было, ты не должен открыть им, куда мы направились».

Он нахмурил брови.

— Вам сказали неправду. Посмотрите вокруг — разве это такое место, чтобы здесь отдыхали приезжие?

И он снова наклонился над сетями, показывая, что для него разговор окончен.

Девушка приблизилась к нему и вонзила в него свой взгляд.

— Тебе не стоит хитрить с нами...

Торио заметил, что у нее прекрасные темно-синие глаза, ясные, магнетические. Но в ее взгляде и в мягком тоне ее голоса было что-то, от чего его душа похолодела. Руки старика задрожали.

— Я вам повторяю: у меня никто не останавливался, и...

Он не успел договорить, девушка просто подняла руку, и те двое, что стояли за ее спиной, в один миг схватили Торио и втащили его в дом. Они закрыли за собой дверь и бросили старика на пол, продолжая крепко держать его за руки.

— Какого черта?..

Девушка с размаха ударила его ногой в сапоге по лицу. Она была сильной, невероятно сильной для женщины с ее телосложением.

— Говори, куда ушли эти двое.

Торио упрямо молчал. Ему было страшно, но не настолько, чтобы забыть печаль в

голосе гостыи, когда та обращалась к нему перед уходом. Девушка злобно улыбнулась:

— Видно, ты плохо понимаешь, во что ввязался.

Ее плащ распахнулся, и Торио с ужасом увидел просторную куртку, на которую был надет жилет из черной кожи с красными пуговицами. Штаны у девушки были из замши и так же, как остальная одежда, черного цвета. Двое мужчин были одеты так же. Сердце старика бешено стучало, он знал, что означает эта одежда, внушающая страх всему Всплывшему Миру, ее носили члены Гильдии, секты убийц.

— Я вижу, что ты узнаешь нас, — сказала девушка и усмехнулась так, что старик внутренне задрожал. Вся показная доброта исчезла с лица девушки, теперь это было лицо лукавого и злого беса.

Она вытащила из-за пояса черный кинжал с рукоятью в форме змеи, наклонилась к лицу старика и прижала лезвие к его щеке.

Торио почти задышался от страха. Его ничто не связывало с тем парнем и девчонкой, они прожили у него всего несколько дней — слишком мало, чтобы он успел их как следует изучить. Но он знал, почему они ушли.

«Мы выполняем задание Совета» — так они сказали. И задание, конечно, было важное. Торио догадался об этом по их разговорам, по серьезности, которая отражалась в их жестах, в хладнокровной решимости. Задание было настолько важным, что оно дало им силы и мужество, чтобы отправиться переплыть Саар. Торио не может предать их.

— Я ничего о них не знаю.

Девушка вдруг стала серьезной.

— Мне казалось, что ты умнее.

Движение ее руки было таким быстрым, что Торио почти не почувствовал боли. Потом он увидел кровь — и взвыл.

— Мы знаем, что лодку дал им ты. Куда они собирались плыть?

Торио осознал, что правда просится ему на язык и слова готовы сорваться с его губ так же быстро, как вытекает его кровь из раны, но все же сумел промолчать. Это было дело чести, это было уважение к человеку, который попросил его о помощи.

— Они мне этого не сказали.

Девушка сделала второй надрез, на другой щеке. Торио почувствовал, что слабеет.

— Ты и в самом деле дурак.

— На север... к водопадам... — прошептал Торио.

Девушка покачала головой:

— Не то... это не настоящий ответ. Думаешь, мы не можем распознать ложь?

На рассвете в болотной воде медленно покачивалось мертвое тело. Рекла стояла на коленях на берегу, а рядом с ней лежал маленький сосуд, наполненный смесью крови и какой-то зеленой жидкости. Она читала те молитвы, которые ночь за ночью учила наизусть в храме Тенаара. Руки она сжала так, что пальцы побелели от напряжения.

«Прости меня, мой повелитель, прости! Прими эту кровь, пока ожидаешь другую жертву — кровь предательницы. Я сама пролью ее в твои бассейны».

Тенаар не отвечал, и его молчание убивало Реклу.

— Что будем делать? — внезапно спросил ее один из двух других убийц.

Она рывком повернулась к спросившему и метнула в него взгляд, сравнимый со вспышками молнии.

— Я молюсь!

— Простите меня, госпожа, прошу вас, простите.

Рекла закончила шептать свою молитву и поднялась с колен.

— Разве не ясно — пойдем за ними.

— Но они ушли за Саар, госпожа; преследовать их будет нелегко. Пусть с ними расправится река. Я знаю, что такое Саар и его течения. Эти двое попадут к рыбам в рот.

Рекла схватила его за шею и сильно надавила руками на горло.

— Два врага Тенаара безнаказанно разгуливают по Всплывшему Миру, а ты что советуешь? Оставить их в покое? Ты понимаешь, что они могут уничтожить все, что мы построили за столько лет?

Она еще чуть сильнее сжала его шею.

— Если твоя вера слаба для этого поручения, если ты так труслив, что не готов отдать жизнь за нашего бога, так возвращайся обратно. Я не остановлюсь ни перед Сааром, ни перед другой преградой — ни перед чем и никогда.

Она повернулась к другому убийце, остановила на нем полный решимости взгляд и заявила:

— Мы должны связаться с его превосходительством. Я думаю, что на этот раз Дохор, чтобы показать свою верность, даст нам дракона.

Последний отрезок пути в несколько локтей длины был мучительным. Полоса земли впереди то поднималась, то опускалась в лад с движениями голов, которые то поднимались над водой, то снова погружались в нее. Но нельзя же было сдаться как раз теперь, когда конец был совсем близко.

Дубэ услышала крик и повернулась на голос. Поблизости от нее поднималась из воды рука: ее просили помочь.

Она поспешно поплыла назад, нырнула, увидела под водой голову Лонерина и его ноги, которые с бешеной скоростью беспорядочно били по воде, обхватила рукой его шею и подняла несчастного мага на поверхность. Они вместе сделали глубокий вдох и тут же опять нырнули: сзади них раздался низкий гудящий звук, и этот гул становился все сильнее.

— Он снова выныривает! — крикнул Лонерин, и Дубэ услышала, что маг начал читать заклинание. Но оно не понадобилось.

Их ноги коснулись илистого дна реки. Река стала мельче, они ее переплыли и, наконец, оказались на берегу. Оба сразу повалились на траву, даже не посмотрев, как выглядят Неведомые Земли, до которых они добрались.

Низкий рев за спиной заставил их мгновенно повернуться назад. Над водой Саара поднимались, на разном расстоянии от берега, зеленое змеиное туловище и огромная голова, по форме — что-то среднее между головами лошади и пресмыкающегося. Чудовище выло, жалуюсь небу на то, что лишилось добычи.

В Марве они взяли лодку у рыбака Торио, на которого им указал Совет Воды. Дубэ этот человек показался не особенно умным, и Лонерин, должно быть, подумал то же самое, судя по удивлению и растерянности в его взгляде. Торио помог им подготовить все необходимое для путешествия. Он дал им сушеную рыбу и мясо и немного фруктов — еду на те дни, которые займет переправа через реку, — и мешок, чтобы хранить все это. Лонерин положил в мешок еще пузырьки с питьем, которое было необходимо Дубэ, чтобы подавлять ее проклятие.

— Это сделано по новой формуле, которую я сам изобрел, — сказал маг. — То, что давала Рекла, вызывало у тебя привыкание, у этого эффект привыкания должен быть меньше.

Дубэ прочла в его взгляде сочувствие. На мгновение она почувствовала к нему ненависть, но лишь опустила глаза и сосредоточила свои мысли на выборе снаряжения, которое она должна была разместить в лодке.

Она взяла метательные ножи, лук со стрелами и кинжал, с которым никогда не расставалась. Этот кинжал раньше принадлежал ее Учителю.

Лонерин тем временем закончил готовить лодку к плаванию.

Дубэ не стала смотреть на то, как он произносил заклинания, которые должны были усилить сопротивление лодки течениям Саара. Она слишком долго была одна, и еще не привыкла к своему спутнику, и потому предпочитала, если могла, оставаться в одиночестве.

Она отошла подальше и стала рассматривать ровную неподвижную поверхность болота. Она думала о своей жизни, об Учителе. Она уцелеет в пути, иначе, как ей казалось,

быть не может. Это не желание, родившееся в глубине ее самой, а необходимость. Эта дорога намечена для нее заранее, другой дороги никогда не было. Единственный путь, проложенный согласно непостижимому замыслу, вел от ее первого убийства, когда она убила своего друга детства Горнара, к этой деревне на болоте.

«Никто никогда не переплывал Саар на лодке», — когда Торио говорил им это в день отъезда, его голос дрожал.

«А мы сделаем это, — твердо ответил Лонерин. — И я скажу тебе больше: мы вернемся назад».

На воспоминания не было времени, и Дубэ отогнала их прочь, завидуя уверенности Лонерина. Ей будущее казалось более мрачным.

Они отплыли от берега и по маленькой речке добрались в своей лодке до одного из притоков Саара, а потом двигались по этому притоку, пока перед ними не раскинулось огромное водное пространство — сама великая река.

Увидев ее, они испугались. Саар был похож на море, нет, на океан, на берегу которого стоял дом Учителя. Пока здесь не было больших волн, но кто знает, когда они могут подняться. И еще Саар был белым. Солнце в это время, в конце весны, было уже таким жгучим, что заставляло всю поверхность реки гореть этим ярчайшим чистым цветом.

Они вошли в эти воды, чувствуя такое почтение, словно вступали на священную территорию. И притом разве эта река не была почти божеством — она же проводила границу между Всплывшим Миром и Неведомыми Землями!

Гребли оба сразу, Лонерин сидел впереди Дубэ и задавал ритм движений. Направление им указывал луч, который Лонерин зажег на носу лодки с помощью заклинания. Эта тонкая световая игла все время указывала на запад — в ту сторону, где находился другой берег.

Течение было сильным, и руки гребцов скоро стали тяжелыми, как гири. Лонерин устал первым: магам не предписывалось упражнять свое тело. Все же он держался стойко, и Дубэ восхищалась им: эта решимость заслуживала похвалы. Лодка двигалась медленно и почти без резких толчков, а потому вначале оба думали, что единственно серьезное препятствие на пути через Саар — огромность реки. Казалось, что эти воды не таят в себе никакой опасности. В небе над ними не было птиц, отчего большая часть дня проходила в полной тишине.

Потом они обнаружили на середине реки остров идеально круглой формы. Увидев его, Лонерин был вне себя от восторга, и даже Дубэ не могла сдержать свою радость. Они плыли уже два дня, и все еще не было видно даже намек на противоположный берег.

Они, не раздумывая, высадились на этот остров, довольные тем, что наконец могут поставить ноги на что-то прочное. А все же это было странное место: слишком уж правильной была его форма, а земля — слишком рыхлой. Но в остальном это был такой же остров, как все другие. На нем росли зеленая трава и пара низких кустов с толстыми, крепкими ветками, к одной из них они и привязали свою лодку.

Потом обессиленные путешественники заснули. И лишь потому, что Дубэ спала чутко — эту способность когда-то развил у нее Учитель, — она почувствовала, что вокруг что-то происходит.

Девушка мгновенно проснулась, вытянулась на траве и прислушалась — земля под ее ладонью как-то странно дрожала.

Она немедленно разбудила Лонерина.

— Что такое? — сонно спросил он.

Девушка сама еще не знала ответа, но, подняв взгляд от земли, она увидела, что остров плывет против течения.

— Остров движется! — потрясенно крикнула она, вскакивая на ноги.

Лонерин проделал то же самое. Оба подумали о лодке, поискали ее взглядом и обнаружили у себя за спиной. Она была привязана на прежнем месте и плыла за островом.

Они побежали к ней и лишь тогда заметили, что остров еще и погружается в воду,

причем очень быстро.

Дубэ остановилась на месте, не веря себе, но ее заставил очнуться голос Лонерина:
— Это чудовище! Ах ты, проклятое!

Вода дошла им до живота, потом они почувствовали, как земля уходит у них из-под ног, и оказались в воде на середине реки.

Дубэ первая сумела схватить веревку, надежно закреплявшую на месте их лодку, ее уже затягивало под воду.

Часть вещей оказалась в воде и навсегда исчезла в глубине реки.

Одной рукой девушка сжала веревку, соединявшую их суденышко с чудовищем, а другой рукой быстро достала кинжал. Хватило одного резкого удара. Освобожденная лодка отскочила назад. Дубэ сумела запрыгнуть в нее, тут же перегнулась через борт и с усилием вытащила из воды своего спутника.

Придя в себя, она спросила Лонерина:

— У тебя есть какие-то догадки насчет того, что оно такое?

Маг только покачал головой:

— Нет, но оно возвращается.

Дубэ повернулась в ту сторону, куда смотрел он, и увидела чудовище. Оно снова всплыло на поверхность, и то, что раньше было островом, теперь казалось всего лишь кругом зеленого дерна, который нелепо выглядел на огромном туловище. Оно походило на тело громадной змеи, покрытое зеленой чешуей, которая на брюхе светлела в тех местах, где из этого брюха, на одинаковом расстоянии один от другого, торчали ярко-желтые плавники.

Дубэ, ошеломленная этим зрелищем, вздрогнула от страха.

— Весла, — прошептал Лонерин, потрясенный не меньше ее. — Весла!

Дубэ потянулась к веслам, чтобы взяться за них, но внезапно перед ней поднялась из воды огромная, похожая на змеиную голова. Чудовище открыло рот, обнажив два устрашающих ряда зубов, огромных, как колья в заборе. Путешественники увидели, как голова чудовища с разинутой пастью склоняется над ними, еще мгновение — и челюсти чудовища сомкнутся, хватая их. Дубэ решила, что это конец. Она закрыла глаза, но вместо жгучей боли почувствовала только сильнейший толчок.

Девушка открыла глаза. Вокруг их суденышка возник серебристый прозрачный шар, который начинался от рук Лонерина, стоявшего впереди нее. Зубы чудовища почему-то не сумели прокусить эту защиту.

— Готово! — крикнул Лонерин. — Когда я сниму преграду, попытайся ранить его.

Но Дубэ была уже готова.

Защита исчезла. Бросок был быстрым и точным, и нож вонзился в глаз чудовища. Оно тут же метнулось назад, воя от боли и яростно раскачиваясь всем телом. Лодка стала со страшной силой взлетать и опускаться на волнах, и Лонерин упал лицом вниз. Все же он сумел торопливо прочесть заклинание, от которого лодка приподнялась и быстро заскользила прочь от этого места, как мошка, которую несет волшебный ветер.

Пока этот ветер уносил их все дальше, Дубэ видела, как громадный водяной зверь беспорядочно метался из стороны в сторону и хватал зубами пустоту, разыскивая их.

Когда у Лонерина больше не осталось сил на волшебство, они сели на весла. Все время, пока он заставлял лодку лететь, Дубэ с восхищением молча смотрела на то, что он делал, чтобы спасти ее и себя. Дубэ восхищалась своим спутником.

Теперь она гребла одна — с большей силой, чем могла это делать раньше, — и смотрела на Лонерина, который в совершенном изнеможении свалился на дно лодки и теперь лежал там на спине, закрыв глаза. Она не ожидала, что он так силен и что у него такие крепкие нервы. Даже она, которая привыкла переживать страх и прошла обучение у убийц, дрогнула перед чудовищем.

— Ты был... великолепен, — произнесла она наконец. Это был первый раз, когда она похвалила его, и потому ее голос звучал неуверенно.

Лонерин улыбнулся, не открывая глаз:

— Это благодаря Сеннару. Ты читала о его приключениях на море?

Дубэ энергично кивнула. Когда она еще жила в родной деревне, называвшейся Сельва, в Земле Солнца, и Горнар еще был жив, она была по-детски влюблена в Сеннара и много раз перечитывала книгу о его приключениях.

— Он первый применил это заклинание к судну, но проделал это с кораблем пиратов королевы Айрес и на гораздо больший срок, чем полчаса.

Дубэ прекрасно помнила этот случай.

— Как ты думаешь, чудовище вернется? — спросил Лонерин.

Дубэ знала, что выбила чудовищу один глаз. В этом она была уверена: она всегда целилась точно. Но раны, которые она ему нанесла, не были смертельными.

— Не знаю, — призналась она. — Но все-таки нам лучше поторопиться.

Они гребли еще всю ночь и весь следующий день, и, когда наконец на горизонте появилась едва заметная зеленая черта, ни он, ни она не верили своим глазам.

— Земля... — полушепотом произнес Лонерин, когда эта черта превратилась в полосу и стал виден берег, на котором смутно угадывались контуры леса.

У обоих гребцов сразу прибавилось силы в руках.

А потом поднялась волна — огромная, каких не бывает в природе, — и раздался рев, заставивший их похолодеть от страха.

Дубэ, хотя сердце бешено колотилось у нее в груди, не дала панике овладеть собой. «Займись лодкой», — сказала она Лонерину, выпуская из рук весла, потом взяла лук, висевший у нее на перевязи через плечо, быстро вынула из колчана две стрелы и заняла положение, удобное для стрельбы.

Чудовище, громадное и угрожающее, снова поднималось на поверхность. Дубэ увидела черное пятно крови там, где раньше у него был глаз, и свой кинжал, по-прежнему торчащий из этого пятна. Другой глаз сверкал от ярости и боли.

Когда Дубэ увидела это, ее рука слегка дрогнула, но девушка справилась с собой, мгновенно прицелилась, и ее стрела вонзилась прямо в лоб огромному зверю. Чудовище издало пронзительный вопль, все его громадное тело взметнулось в воздух, и новые волны стали раскачивать и трясти лодку.

— Заставь ее лететь! — крикнула Дубэ, не теряя из виду цель. Вторая стрела уже лежала на тетиве.

— Не могу, слишком устал! — ответил Лонерин прерывающимся голосом.

Она выстрелила снова, на этот раз стрела вонзилась чудовищу в шею. Кровь брызнула из раны, и громадный зверь стал биться в судорогах.

— Готово, — пробормотала себе под нос Дубэ.

Но чудовище еще раз ударило хвостом. Его хвостовой плавник, плоский и желтый, обрушился на воду совсем близко от них с ужасным грохотом. Лодка не выдержала этого удара и разлетелась на щепки под ногами мага и девушки.

Дубэ едва успела прижать к себе лук и колчан, а в следующий момент уже работала руками и ногами под водой. Потом она почувствовала, что кто-то тянет ее за волосы, — и оказалась на поверхности. Первое, что она увидела, были зеленые глаза Лонерина и его черные волосы, прилипшие к бледному лбу.

— Плыви! — приказал он ей не своим голосом. И она сделала это. Они поплыли вместе.

Они плыли из последних сил, а волны, которые чудовище поднимало своими судорогами, мешали им видеть желанный спасительный берег.

Но они сделали это, и в конце концов, задыхающиеся и помятые, оказались на неведомом берегу.

СНОВА В БОЮ

Дорогой Идо.

Я знаю, что долго не писал тебе, и стыжусь этого. Прости меня, ты не заслуживаешь такого отношения с моей стороны. Произошло много событий — неприятных событий; вот почему я не давал о себе знать. Тарик ушел из дома.

Ты хорошо знаешь, что в последнее время у меня были не очень хорошие отношения с моим сыном, но я всегда думал, что это обычная проблема отцов и детей, мальчики-подростки часто не ладят со своими отцами... Все же я надеялся, что он все-таки любит меня, что общая боль и кровное родство окажутся сильнее глупых распрей. Я ошибался: это были не просто ссоры сына с отцом. Он ненавидит меня — я это чувствую. Он не простил мне той жизни, на которую я его обрек. И я его понимаю: я сам не могу найти покоя. Правда в том, что после смерти Ниал он и я не жили, а лишь выживали кое-как — продолжали дышать и есть. Я как будто умер вместе с ней и поэтому не смог достойно вести по жизни моего сына, не сумел излечить рану, которую он носит в сердце. Я воспитывал его как растение, которое держат в темноте, и вот он покинул меня. Какая трагедия в том, что мы осознаем правду лишь тогда, когда уже слишком поздно! Я совершил ужасную ошибку.

Я чувствую себя таким одиноким, Идо. Если бы мать Тарика была жива, ничего этого не произошло бы. Я думаю о тех годах, которые мы прожили здесь вместе, Ниал, я и наш сын, и о том, как мы были счастливы. Я должен был понимать, что такие люди, как мы, не имеем права на отдых и покой. Ниал всегда говорила об этом в те годы, когда мы жили во Всплывшем Мире.

Но я отвлекся. Я сейчас как лодка, которую течения несут то в одну, то в другую сторону. Мне кажется, что я схожу с ума, лучше расскажу тебе все с самого начала.

Ссора началась как обычно, и я даже не могу вспомнить причину. Кажется, он хотел пойти в сторону берега, а я сказал «нет». Иногда он просил у меня разрешения на это — не знаю, почему его туда влекло; может быть, потому, что в тех местах живут эльфы. Так или иначе, мы начали спорить и наговорили друг другу слишком много ядовитых слов... Потом он заперся в своей комнате, а я в своей; пытаюсь успокоиться, я стал листать книги — одну за другой.

Мы не разговаривали целую неделю. О боги, какой я недостойный отец... Наконец он вышел из своей комнаты и пришел ко мне. Он был как никогда серьезен, и я подумал, что он повзрослел, стал мужчиной и, может быть, теперь мы поймем друг друга. Но я ошибся, он сказал мне, что больше не может терпеть меня, что в Неведомых Землях он медленно умирает и что его мать в его возрасте уже ясно представляла себе, что она должна сделать со своей жизнью. Он сказал мне, что уходит, куда — еще не знает, но уж точно подальше от меня.

Я выслушал его и не сумел найти для него ни одного слова любви. В своей глупой гордости я лишь пытался навязать ему отцовскую волю — кричал, угрожал. А ведь без него я ничто, Идо, вот почему я не владел собой.

Он ушел, хлопнув дверью. С тех пор я не видел его. Я искал его всюду, добрался до самого Саара. Я знаю, Идо: он переправился через Саар, вернулся в страну своей матери — в нашу страну. Я ему больше не нужен.

Я вернулся в наш дом и попытался примириться с тем, что произошло. Это было нелегко. Я знаю: ты один способен меня понять. Мы вместе сражались против Тиранно, Идо, а что это изменило? Кому принесли пользу наши страдания? Я был уверен, что моя боль и боль Ниал не напрасны, что нам удалось принести Всплывшему Миру если не счастье, то хотя бы мир. Ты знаешь — к чему мы пришли.

С тех пор как Ниал умерла, вокруг меня все во тьме. В своих письмах ты рассказываешь только о войне и интригах и о Дохоре, который так похож на Тиранно-Астера.

В войне против Астера столько достойных мы потеряли? Мне искалечили

ногу, ты лишился глаза, ради чего? Кровь пролита напрасно. Но может быть, ты думаешь иначе. Ты не прекращаешь борьбу и, похоже, умрешь с мечом в руке. А я чувствую себя усталым и старым...

И все же я понял выбор Тарика и не хочу снова навязывать ему свою волю, а потому не ищи его. Я должен был признать свою ошибку, жаль, что поздно. Если ты когда-нибудь увидишься с ним, скажи ему, что я его понял и прошу его простить меня за то, что сделал его несчастным.

Больше мне нечего ему сказать. Я должен еще о многом подумать, а потому не беспокойся, если не буду отвечать на твои письма. Это новое одиночество для меня — тяжелый груз, но, кто знает, может оно станет и моим спасением.

Передай мой привет Соане. В этом письме я указал ей напиток, который может помочь против ее болезни. Дай ей это прочесть, она поймет, что надо делать.

Спасибо за все, мой единственный друг.

Сеннар.

Идо стоял перед дворцом в Лаодамее. Утро было ясное, воздух свежий. Лето начиналось прекрасно. Он сжимал в руке развернутое письмо.

С годами в посланиях Сеннара становилось все больше печали и философских рассуждений, особенно после того, как умерла Ниал и у него начались трудности с Тариком.

Письма приходили все реже и реже, и наконец стали поступать только редкие торопливые приветствия. Листок, который Идо держал в руке, — последнее настоящее письмо от мага.

Когда Сеннар умолк, исчез последний призрачный след того мира, который Идо любил. Он и Соана были теперь единственными обломками мира, которых пощадили война и время.

В этом письме были слова, которые он теперь понимал лучше. Когда он смотрел вокруг, он видел только новые лица, малознакомые или совсем незнакомые: своих товарищей по борьбе, которые менялись почти каждые год или два, члены Совета Воды и их ученики. Ни к кому из них Идо не был по-настоящему привязан. Теперь он был одиноким воином. Смерть с отвращением обходила его стороной в каждом из многочисленных сражений, в которых он участвовал, и в итоге он оказался в числе выживших. Теперь и он чувствовал себя одиноким и старым.

Утренний ветерок заставил Идо очнуться от этих мыслей. Он горько улыбнулся и отложил в сторону письмо. За долгие годы он не раз ловил себя на том, что думает: «Это конечная остановка». И каждый раз потом происходило что-нибудь новое. Так почти сорок лет назад началась их с Соаной любовь. Может быть, и теперь случится что-то, и тогда все изменится.

Он положил письмо на прежнее место, в потайной карман. На этот раз он снял с себя одежду воина: для нынешней поездки она не годится. Ему предстоит путешествие, в котором Идо никто не должен узнать. Поэтому он оделся как торговец. Многие гномы из Земли Скал занимались торговлей. На всякий случай он взял с собой просторный плащ с капюшоном.

Идо вскинул на плечи мешок, сел на коня и отправился искать во Всплывшем Море сына Ниал — Тарика.

* * *

Странно, что он унаследовал немного от каждого из нас двоих... Мне бы так хотелось показать его тебе, он бы тебе понравился. Волосы у него рыжие, как у его отца, только цвет чуть-чуть темнее, но глаза — мои, лиловые. И еще у него красивые уши. Они не совсем такие, как у людей, но и не остrokонечные, как у полуэльфов. Я целую их с утра до вечера. Он чудо, Идо, просто чудо. Ты не можешь представить, какой он восхитительный. Ты тоже должен испытать такое.

Так Ниал сообщила ему, что у нее родился сын, крепкий и здоровый. Следующие пять

лет были полны сообщениями о том, какой он подвижный, веселый, ловкий. Идо очень надеялся когда-нибудь увидеть его и в глубине души был убежден, что Ниал и Сеннар в конце концов возвратятся: Всплывший Мир остался у них в сердце. Возможно, так и случилось бы, но Ниал умерла, а Сеннар не вернулся.

Когда их мальчик подрос и убежал из дома, Идо тоже думал о том, чтобы отправиться искать его. Он хотел найти мальчишку, дать ему пару подзатыльников и объяснить, что он не прав, что должен вернуться домой и помогать своему отцу. Но в это время Всплывший Мир был в очень тяжелом положении. Идо с помощью Айрес, королевы Земли Огня, обличил Дохора перед Советом, сообщив, что этот король жестокими мерами очищает Землю Дней от фамминов — существ, созданных магией Тиранно, которые поселились в этой стране в конце войны. Но обвинение обратилось против самих обвинителей: Дохор, с помощью союзников и при поддержке своих сторонников, обвинил Идо и королеву в предательстве. Именно тогда Идо лишился должности Верховного Главнокомандующего Академии Всадников Дракона и был с позором изгнан из Ордена. После этого он решил стать вождем противников власти Дохора и организовал сопротивление этой власти на своей родине — в Земле Огня. Нет, тогда он никак не мог отправиться на поиски Тарика.

Пока его конь скакал по равнине прямо на восток, к Земле Дней, Идо подсчитал, что теперь Тарику должно быть около тридцати пяти лет, и стал проклинать себя. Пока он сражался против Дохора, Тарик стал взрослым мужчиной, быть может, создал семью и нашел свое дело.

Идо решил начать свои поиски именно с Земли Дней потому, что там жили полуэльфы до тех пор, пока их не истребил Тиранно, а Ниал была полуэльфийкой. Идо рассуждал так: если бы он сам был на месте Тарика, порвал со своим отцом и отправился в путь по следам своего прошлого, он непременно пришел бы сюда. Помимо всего прочего, был у него старый друг, который, как он рассчитывал, поможет ему найти сведения об этом молодом человеке. Сеть связных, которую он за прошедшие годы создал в Земле Огня, была уничтожена при разгроме сопротивления. Именно тогда Идо решил войти в Совет Воды, созданный недавно и открыто боровшийся против Дохора. А вышло так, что в результате он почти прекратил участвовать в боях и стал прежде всего стратегом. Нельзя сказать, чтобы это ему очень нравилось, ведь с юности Идо только боролся и не делал ничего другого. Но теперь ему уже сто лет, а это почтенный возраст и для гнома, и к тому же в бою он однажды лишился левого глаза, и случалось — не замечал удара противника. Выбора не было. К тому же Совет был в таком положении, когда организации нужен сильный человек, способный внушать мужество всем ее руководителям.

Однако от тех лет, когда он сам вел войну, у него еще осталось несколько друзей.

Идо остановился отдохнуть в Солнечных горах, в одном из старинных лагерей Академии Всадников Дракона. Но теперь почти все всадники присягнули на верность Дохору, который, помимо всего прочего, входил в свиту Верховного Главнокомандующего, когда Идо был исключен из Ордена.

Теперь здесь жили только Всадники Голубого Дракона — члены менее крупного Ордена, которые летали на драконах голубого цвета, меньших по размеру, чем обычные драконы, с более изящным удлинненным туловищем.

Лагерь был превращен во что-то вроде главного штаба, от которого отправлялись на задание отряды. Это произошло, когда Дохор и Совет Воды открыто воевали между собой, и долгое время часть военных действий происходила на границе Земли Моря и Земли Солнца, недалеко отсюда.

Идо остановился здесь потому, что ему нужно было сменить коня. До этого он скакал почти без отдыха, останавливаясь лишь на несколько часов по ночам, и несчастное животное совсем обессилело.

Его приняли с большим почетом, но он торопился и не имел времени на церемонии.

— Мне нужны только новая лошадь и еда.

— Конечно, все будет предоставлено, — кивнул принимавший его генерал. — Может быть, и мы сможем немного вам помочь.

Он сказал, что на следующий день один из всадников отправится на разведку к Большой Земле, и ему будет нетрудно отвезти на своем драконе Идо.

Идо с радостью согласился. Так он сократит путь самое меньшее на два-три дня.

С тех пор как его дракон Веза погиб в бою, Идо больше ни разу не летал на драконе. Он даже поклялся, что никогда не сядет ни на какого другого. Заменить Везу не мог никто, и эта клятва была дана, чтобы почтить его память.

Веза был обычным драконом красной масти и выглядел внушительно. Дракон, который должен был доставить Идо на Большую Землю, был голубым, и все же Идо ощутил сильное волнение, как только заметил его на площадке, готового к отлету.

Он увидел в глазах зверя свое отражение и сразу же вспомнил глаза Везы. Идо вздохнул: придется нарушить обязательство.

«Прости меня, Веза, я знаю, ты поймешь».

Идо одним движением запрыгнул в седло. Дракон не проявил никаких признаков недовольства.

Гном бережно, даже почтительно взял в руки поводья. Он не мог не признаться себе, что был счастлив еще раз пролететь верхом на драконе. Прошло столько времени, и вот он снова чувствует прикосновение жесткой чешуи, дыхание дракона под собой и медленные мощные взмахи его крыльев. Счастье было бы полным, если бы это был Веза. При этой мысли слезы подступили к горлу старого гнома.

Всадник был очень молод. В прежние времена Идо усомнился бы, что этот мальчишка хотя бы раз летал на драконе.

— Я вполне уверен в твоём мастерстве, но я тороплюсь, — сказал ему Идо, уже расправив в руках поводья.

— Генерал, дело в том, что мой дракон слушается только меня.

Идо улыбнулся:

— До своей карьеры Верховного Главнокомандующего, которая завершилась очень шумно — как именно, ты, разумеется, знаешь, — я больше пятнадцати лет летал на драконах. Дай мне поводья, ты увидишь, он позволит мне управлять собой.

Через день они были у цели — на передовой заставе, на границе с Большой Землей. Здесь было почти спокойно, и Идо подумал, что это мирное место идеально подходит для перехода границы. Он надеялся, что никто не обратит на него внимания — прежде всего потому, что эта часть Большой Земли была почти необитаема, и здесь можно было легко и беспрепятственно пройти из нее в Землю Дней.

Он задержался в лагере лишь на то время, которое понадобилось для выполнения обычных формальностей, а потом снова отправился в путь — уже верхом на жеребце, которого ему дали.

Путь через Большую Землю прошел без происшествий, и на границе с Землей Дней ему почти не задавали вопросов. Идо представился торговцем, и пограничники не колеблясь его пропустили. Они даже не потребовали, чтобы он снял с головы капюшон, скрывавший лицо бывшего Верховного Главнокомандующего.

Идо мысленно поблагодарил их за это.

Земля Дней изменилась с тех пор, как здесь воевала Ниал, произошла еще одна война, которая сровняла с землей хижины фамминов.

После их изгнания в этом краю установился почти полный мир. Но беда была в том, что Дохор выжимал из этой земли все ее богатства до последней капли, чтобы вести войны и украшать свой двор, о богатстве и роскоши которого рассказывали чудеса. Прежде здешние земли были разделены между наместниками, которые служили королю, теперь ими деспотично управляли бывшие генералы, а в некоторых случаях — солдаты. Для простых

людей такая жизнь была настоящим адом.

Но судьба города Сеферди была еще горше.

Когда-то Тиранно уничтожил этот город за одну ночь и истребил всех полуэльфов, в живых осталась только Ниал.

После Великой Зимней Битвы, в которой Тиранно был побежден, многие хотели, чтобы развалины города остались нетронутыми как урок для будущих поколений. Но Дохору идея не понравилась. Вирка, назначенный Дохором правителем этого края, приказал осушить болота вокруг бывшей столицы, и на осушенных землях было отстроено огромное поместье. Развалины Сеферди сровняли с землей, а потом город возвели заново, и все следы организованного Тиранно истребления исчезли.

Нынешняя молодежь смутно представляла себе драматическое прошлое этого города, а большинство знали его лишь таким, каким он стал теперь, — тоскливые серые здания и неистребимо тошнотворный запах болот, когда-то его окружавших.

Гном въехал в город вечером. Он был в пути уже две недели и начал беспокоиться. Отсутствие результатов всегда вызывало у него досаду.

Он точно знал, куда идти, — в гостиницу, стоявшую в центре Сеферди, на самой унылой площади города — прямоугольном участке земли, вымощенном белыми камнями, со статуей Дохора — «Освободителя Земли Дней» — в центре. Эта статуя много раз лишалась головы в те годы, когда жители других земель жадно следили за ходом восстания в Земле Огня. Поэтому теперь каменное изваяние было окружено железной решеткой с шипами, и статую больше не трогали, но Идо знал, что дело не только в решетке — недовольных властью сдерживали репрессии правителя Вирки.

Гостиница на площади была самой известной в Сеферди, и все иностранцы предпочитали останавливаться в ней. Если Тарик побывал в этом городе — а у Идо были причины так думать, — он, скорее всего, жил здесь. На его счастье, хозяин гостиницы, Нехва, был его старым другом.

Они познакомились в те годы, когда в Земле Огня шла повстанческая война, вместе им пришлось многое пережить, потом Нехва попал в плен во время одной боевой операции партизан. Поскольку Нехва был одним из командиров восставших, его не убили. Форс, шурин Дохора, руководивший подавлением восстания в Земле Огня, собственными руками истязал пленника, пытаясь добыть ценные сведения.

Нехва выдержал пытки и никого не выдал. Когда Идо и его бойцы освободили пленника, Нехву невозможно было узнать. Он был измучен и истерзан, а его правая рука была безнадежно изувечена.

Тогда-то Нехва и прекратил борьбу. Он больше не мог участвовать в боях, но хуже было то, что врагам удалось искалечить не только его тело — в его душе что-то сломалось. С тех пор его не интересовало ничто, кроме его новой гостиницы, заботам о которой он посвятил всего себя без остатка.

В тот вечер большой зал гостиницы был полон народа. Пиво лилось рекой, в воздухе плавал аромат жареного мяса. Идо почувствовал, как его рот наполняется слюной.

Он сел на свободное место, заказал себе ужин и с удовольствием его съел, потом выпил пива. И продолжал сидеть, предаваясь воспоминаниям, пока не разошлись посетители. Мысленно он перенесся почти на сорок лет назад, в другую гостиницу.

Зал полон людей. Они пьют. Вокруг них звучат голоса и смех — он знает: это голос наступившего мира, это звуки жизни.

Она молчит, водит пальцем по краю стакана. Он смотрит то на нее, то на стоящую перед ним кружку с пивом. Оба молчат, но это молчание полно мыслей и чувств.

Прошло много времени, прежде чем она подняла на Идо взгляд заблестевших глаз: — Мы двое оставшихся, верно? — и улыбнулась.

Он всегда был «оставшимся». Остался жив, потеряв семью, остался жив в армии Тиранно, теперь остался жив после Великой Зимней Битвы. Он пережил все и уцелел, видел

все, что можно увидеть, и теперь приговорен к мирной жизни — к покою, который ему почти незнаком.

— Я не думала, что так будет. Все эти годы я ждала, чтобы наступил мир, а теперь, когда это случилось, чувствую, что не рада ему, — продолжала Соана.

— Так всегда бывает, когда кончается война. Это привыкание к войне, проклятие вернувшихся из боя. После войны им кажется, что они не могут жить без запаха битвы, без напряжения борьбы.

Соана делает еще один большой глоток, кажется, только для того, чтобы набраться мужества.

— Мне одиноко. Мне никогда не случалось чувствовать одиночество так сильно. Конечно, мне и раньше приходилось это испытывать, помнишь, когда погиб Фен. Но никогда я не была такой одинокой, как теперь, после ухода Ниял и Сеннара. Ниял много лет наполняла собой мою жизнь, а теперь мне остается только жалеть, что я не смогла быть для нее матерью. А ведь я всегда этого хотела, понимаешь?

Идо кивнул.

— Она ушла, и я спрашиваю себя: а что будет теперь?

Идо устало прислонился к стене. Странно, до чего совпадают их мысли. Он испытывал те же чувства и то же ощущение приближающейся старости.

— Что будет, неизвестно. Теперь мы должны научиться наслаждаться покоем и жить без Ниял. И будем сводить счеты с уходящим временем, с болезнями, которые станут усиливаться, со своим телом, которое станет изменяться.

— Вот и наступила старость... Я чувствую себя такой старой, словно прожила много сотен лет и слишком много видела в жизни... Избиение полуэльфов, сумасшествие Рейс, смерть моего любимого, обвал Баини. Я устала... А теперь я еще и уродлива.

Тут Соана на мгновение смутилась и покраснела: она не могла понять, почему у нее вырвалась последняя фраза.

Идо смотрел на тонкие морщинки вокруг ее глаз, на складки в углах губ, и волнение сдавило ему грудь. Это было глупо, но он подумал о другой, новой молодости, о начале новой жизни.

— Ты так же красива, как прежде, даже еще красивее. Даже боль делает тебя светлее и прекраснее.

Он тут же пожалел, что сказал это. Как он мог забыть, где он и сколько ему лет! Старик, а ведет себя как мальчишка!

А Соана улыбнулась, и от этой улыбки повеяло чем-то свежим. Потом она положила свою ладонь на ладонь Идо — и все было решено. Одна ладонь почувствовала дрожь другой и сама вздрогнула в ответ.

— Можно мне провести этот вечер у тебя, как в прежние времена? — спросила Соана.

— Мой дом — твой дом, — не раздумывая ответил Идо.

Так началась их любовь.

Тут его воспоминания грубо прервал хозяин гостиницы.

Нехва похудел и заметно постарел. Он был совершенно лысым и восполнял этот недостаток длинной бородой. Правый рукав его куртки был завязан узлом. А вот лицо не очень изменилось. Оно всегда было красным от пива.

— Уже поздно, мы закрываемся. Но может быть, вы желаете переночевать? У нас есть хорошие комнаты на верхнем этаже.

— Я только хочу кое-что узнать.

Нехва мгновенно перешел к обороне:

— Если не хотите остаться на ночь, я могу только попросить вас расплатиться и уйти.

Идо улыбнулся под своим капюшоном:

— Я ваш старый друг.

На лице хозяина гостиницы отразилось беспокойство.

— Помнишь, когда ты уходил от нас, обещал мне, что всегда будешь моим другом.

Нехва побледнел.

— И...

Идо предостерегающе поднял палец.

— Я купец и сейчас в пути, ясно? Только купец.

— Бог мой, сколько времени... но как...

Идо приложил палец к губам, призывая старого друга к молчанию.

— Тебе не следует этого знать, так будет лучше. Пойдем в задние комнаты.

Нехва согласился, впустил Идо за стойку, отвел его в свое жилье, усадил на место и сел сам.

Только после этого Идо сбросил с головы капюшон. Нехва улыбнулся:

— Черт возьми, ты ни капли не изменился!

— Не изменился? Разве ты не видишь моих седых волос?

Друг от души рассмеялся.

— Ты уже был седым, когда мы сражались в Земле Огня.

— Ну, не совсем! — усмехнулся Идо.

— Идо... кто бы мог подумать, — продолжал Нехва. — Сюда доходит мало новостей о тебе, если не считать объявлений о награде за твою голову. Правду говоря, я считал, что ты умер... Как идут дела?

Идо покачал головой:

— Я думал, что ты, потеряв руку, стал благоразумным. Поверь мне: будет лучше, если я ничего тебе не скажу. Когда я выйду отсюда, забудь даже о том, что открывал мне дверь. Ясно?

Нехва грустно кивнул:

— Жаль... мне бы хотелось поговорить с тобой, как в прежние времена. Мне этого очень не хватало. Здесь все гибнет.

— Нехва, я бы охотно выслушал тебя, если бы не спешное дело, и, кроме того, я в этой местности объявлен в розыск. Чем дольше я здесь задержусь и чем больше расскажу тебе, тем больше создам для тебя проблем.

Хозяин пожал плечами:

— При теперешнем положении дел это, быть может, стало бы для меня освобождением.

— Не говори глупости, здесь нужны такие люди, как ты.

Нехва поморщился:

— Скажи мне, чем я могу тебе помочь.

— Это будет нелегко, но я полагаюсь на твою память. Мне сообщили, что много лет назад через эти места проходил полуэльф.

Нехва улыбнулся:

— Этого не может быть, никого из их народа здесь уже давно не видели.

— Он побывал здесь двадцать лет назад, и, может быть, ты просто не понял, что он полуэльф. Тогда это был подросток с рыжими волосами, лиловыми глазами и немного заостренными ушами.

— А, этот... да, такой проходил, — уверенно сказал Нехва. — Я помню его.

— Ты просто чудо. Я и не надеялся на это.

— Не ври, надеялся: ты же пришел сюда для этого.

— Ты помнишь еще что-нибудь о нем?

— Ну да, а то бы я не вспомнил его, поверь мне. Здесь проходит столько людей. Я думаю, ты понимаешь.

— И что же ты помнишь?

— Он прожил здесь несколько дней. Снял комнату. Я его и помню потому, что обычно люди не останавливаются здесь надолго, а он остался. В первый вечер он спросил меня, где

находятся развалины, а я рассмеялся ему в лицо и довольно резко объяснил ему, что произошло. Он разгорячился, и я стал выгонять его. Он сказал мне, что ищет следы Великой Зимней Битвы, на что я ему посоветовал отправиться в Большую Землю, там он найдет их множество. Еще он поинтересовался, есть ли здесь статуи Ниал, и я подумал: «Откуда же он пришел, если никогда не видел ни одной ее статуи?» Однажды утром он ушел, спросив меня, по какой дороге можно добраться до Земли Ветра.

До страны его матери... Идо мысленно выругал себя дураком. Он ошибся в своих расчетах, и ошибка была не маленькая.

— Ты его больше не видел?

Нехва покачал головой:

— По-моему, он был какой-то странный. Понимаешь, он ничего не знал о Всплывшем Мире. Он ушел, и я не знаю, что с ним стало.

Идо хлопнул себя руками по бедрам, улыбнулся:

— Ты был великолепен, как всегда.

— Бесполезно спрашивать тебя, что ты ищешь и кто был этот мальчик, верно?

— Совершенно верно.

— Скажи мне только, случится ли со мной из-за этого беда?

— Вряд ли, — ответил Идо, но он не был уверен в том, что сказал.

— Притворюсь, что поверил тебе, — усмехнулся Нехва.

Идо встал.

— Мне жаль, что ты уже должен уходить. Мне не хватало тебя, Идо, — и тебя, и остальных. Я скучаю по тем годам, когда казалось, что мы действительно можем что-то изменить, когда не знали, будем ли живы завтра, но нам было за что умирать.

Идо печально улыбнулся. Он подумал обо всех своих погибших бойцах; его не утешала мысль, что они умерли ради великого дела.

— Мне тоже не хватало тебя. — И он крепко обнял друга. — Клянусь тебе: я вернусь, и мы побеседуем. Хорошо? — добавил Идо, разжал объятия и положил другу в ладонь деньги за еду.

— Хотя бы прими ужин в подарок от меня! — запротестовал старый хозяин гостиницы.

Идо небрежно махнул рукой:

— Он стоил этих денег.

Потом Идо быстро вышел из гостиницы, вскочил на коня и продолжил путь. Теперь он направлялся туда, откуда должен был начать поиск, — в Землю Ветра, в страну Ниал и Сеннара.

3

ПЛАНЫ ГИЛЬДИИ

В храме Тенаара было, как всегда, темно. За его стенами дул ветер; здесь, внутри, его напев превращался в заунывный стон. На первой скамье сидели рядом двое мужчин. Эта скамья, установленная ближе всех к огромной статуе бога, была сделана из черного хрусталя, в котором зловеще мерцали какие-то отражения. За беседой этих двоих наблюдал Тенаар. У него был угрожающий вид: лицо искажено злой усмешкой, волосы как бы развеваются на ветру, за плечом колчан со стрелами, правая рука покоится на рукоятке меча.

— Ну? — грубо спросил первый собеседник.

Второй пробормотал последнюю молитву и поднялся с колен. Это был уже пожилой человек, но его тело было еще упругим и быстрым в движениях. Иначе и быть не могло: Иешоль, Верховный Страж Гильдии убийц, никогда не переставал тренироваться. Прежде всего он был наемным убийцей, самым умелым из убийц, а уж потом жрецом.

Он повернулся к своему собеседнику.

Доход выглядел более внушительно. По всему было видно, что это полководец: высокий рост, широкие плечи, крупные резкие черты лица, которые оттеняли светлые, почти

белые волосы. Он обладал властью над большей частью Всплывшего Мира. До него этого удалось добиться только Тиранно.

— Ты по-прежнему позволяешь себе дерзости, которых я не простил бы никому другому, — резко произнес он.

Иешоль улыбнулся и ответил:

— На первом месте у меня только мой бог, — и перевел разговор на другую тему: — Мы сделали то, что вы хотели.

Он вынул из кармана крупное кольцо с запекшейся кровью и подал его Дохору.

Король внимательно рассмотрел его при тусклом свете факелов и, довольный, отрывисто произнес:

— Да, это его кольцо.

— Вчера мы убили генерала Калху из засады. Больше он не будет вас беспокоить.

Доход одобрительно кивнул, и Иешоль стал терпеливо ждать. Но никакого другого ответа не последовало.

Тогда Верховный Страж добавил:

— Осмелюсь немедленно попросить у вас плату.

Король резко повернулся к нему:

— Ты стал скупым...

— Я озабочен, — ответил Иешоль. — Я уже рассказывал вам о бегстве одного просителя и одной из убийц...

Доход важно кивнул. Это дело близко касалось его самого. Никто не знал в точности, что узнали Дубэ и ее молодой сообщник и как они собираются использовать полученную информацию.

— Мои люди идут по их следам, и мы уверены, что скоро схватим их. Но для этого нам кое-что нужно... — Иешоль немного помолчал: он отлично понимал, как много просит, а затем почти шепотом договорил: — Нам нужен дракон.

— Это намного больше того, что я тебе должен.

— Я это знаю, но вам никогда не приходится жаловаться на качество наших услуг. До сих пор наше соглашение давало прекрасные результаты, вспомните, например, убийство Айрес...

Доход сурово поднял руку:

— За это я, кажется, тебе уже заплатил, и потом, ты все время забываешь про Идо, который жив и полон сил. И неизвестно, чем он сейчас занят.

— Я уверен, что, если у нас будет дракон, нам не понадобится много времени, чтобы найти беглецов.

— Идет война, ты это понимаешь? Война. Мои люди служат мне, они выполняют сложные задачи.

— У вас будет много других задач, и, если вы поможете нам, мы выполним их для вас.

Иешолю было противно так унижаться, но он делал это для славы Тенаара, а потому покорно проглотил обиду и простерся на земле у ног того, кто теперь мог быть ему полезен.

— Ты ведь знаешь, чего я хочу, — вкрадчиво произнес Доход.

— Вы это получите в должное время. Пришествие Тенаара близко, а когда он явится, вы будете его возлюбленным сыном. — Эту ложь Иешоль повторял королю уже много лет с тех пор, как они заключили соглашение.

Именно Доход терпеливо разыскивал и в конце концов нашел те книги, в которых Иешоль отыскивал заклинания, необходимые для возвращения к жизни Астера. Король обнаружил их в Большой Земле под развалинами Башни. Именно там он строил для себя новый дворец.

В обмен на это Верховный Страж пообещал, что после воскресения Тиранно Доход будет хозяином Всплывшего Мира. До сих пор этот договор действовал отлично.

— Не хитри со мной: я не знаю всех твоих планов.

Доход хотел, чтобы его посвятили в тайны обряда, который должен вернуть Астера к

жизни, Иешоль знал об этом, но не мог открыть ему тайну — иначе пришлось бы сказать Дохору, что при живом Астере для него не будет места в мире.

Однако на этот раз положение было сложным. За одолженного дракона заплатить придется дорого.

— Я объясню вам подробнее, как душа вселяется в новое тело.

Эти сведения он мог позволить себе продать.

— Надеюсь, это будет только начало! — Слова Дохора прозвучали резко.

— Так и будет.

Король улыбнулся, но тень не позволяла видеть, сколько жестокости было в этой улыбке. Потом он встал и молча вышел из храма.

Иешоль дождался, пока за Дохором закроется дверь, а потом подошел к потайной лестнице, скрытой статуей Тенаара. Эта лестница вела под землю в Дом. Иешолю было необходимо срочно обсудить еще одно требующее выполнения дело.

Шерва, страж гимнастического зала, преподаватель боевого искусства, вошел в рабочую комнату Иешоля бесшумно. Это была его обычная походка. Недаром он лучше всех в Доме владел приемами скрытного передвижения и рукопашного боя.

Он был неестественно худым, суровая тренировка сделала его руки и ноги длинными и необыкновенно гибкими. А совершенно лысая голова и удлинённые черты лица придавали его внешности то выражение коварства, которое люди называют змеиным. К тому же с недавнего времени это лицо стало еще более худым, чем прежде. Смутные угрызения совести и тайный страх вновь и вновь заставляли его мысленно возвращаться к причине его беспокойства — к разговору, который недавно был у него с Дубэ. Шерва знал, что совершил предательство.

Правда была в том, что Шерва без всяких просьб готов был помочь Дубэ бежать из Дома.

В отчаянии она спросила у него, где находятся жилые комнаты стражей — старших по званию членов Гильдии, которые спали отдельно от остальных победителей. Шерва стал членом Гильдии только ради своей выгоды, он не верил в Тенаара и, сам не зная почему, сказал ей об этом.

Через несколько дней Дубэ бежала.

С этого времени жизнь Шервы превратилась в ад. Каждый раз, когда Верховный Страж вызывал его к себе, он чувствовал комок в горле, и его сердце начинало биться чаще.

Шерва, бледный и серьезный, опустился на колени перед Иешолем, который остался сидеть.

— Итак, далеко ли продвинулся твой поиск?

Шерва вздохнул с облегчением: Иешоль не знал о его вине.

— Мы нашли дом Тарика.

— Отлично!

— Он живет вместе со своей женой, Тальей, и сыном, которого зовут Сан.

— Сколько лет? — Иешоль, выпрямился на своем стуле и замер.

Шерва его не понял.

— Сколько лет сыну Тарика?

— По нашим сведениям — двенадцать.

Иешоль рывком встал, его лицо сияло от счастья.

— Это знак судьбы, это поистине чудо! — Он взглянул на Шерву заблестевшими глазами. — Двенадцать лет...

Страж гимнастического зала по-прежнему не понимал, в чем дело. Он не мог догадаться, что в этом сообщении так обрадовало Верховного Стража.

— Учти все это в наших планах.

Иешоль нежно провел рукой по статуе Тенаара, которая стояла позади его письменного стола, и коснулся маленькой статуи Астера, стоявшей между ног бога. Шерва хорошо знал

эту маленькую скульптуру: ее копии были в Доме повсюду. И как только она оказалась у него перед глазами, он понял Иешоля. Статуя изображала мальчика: таким был Астер до дня своей смерти.

Иешоль снова сел на свой стул.

— Ты не знаешь теорию о связи духа и плоти. — Он наклонился к Шерве. — Душа и тело не существуют независимо друг от друга, они тесно связаны между собой. Душа мужчины не может войти в тело женщины: она там не выживет. Так же и дух гнома не может жить в теле нимфы. Именно поэтому я предполагал использовать Тарика какместилище для души Астера из-за того, что Тарик, как и он, сын полуэльфийки и человека. Но я желаю, чтобы Астер вернулся на землю во всей полноте своих сил.

Иешоль немного помолчал, полузакрыв глаза. Он всегда делал так, когда вспоминал своего бывшего наставника Астера.

— Однако дух Астера сорок лет был заточен в теле ребенка, и такая долгая жизнь в неменяющемся теле не прошла для него бесследно. Чтобы в новом воплощении его душа жила долго, ей нужно тело как можно более похожее на то, которое было у нее в прошлой жизни. Для нее идеально подходит тело полукровки, которому двенадцать лет, — то есть тело Сана.

Шерва еще ниже наклонил голову в знак согласия. Представление, которое только что разыграл перед ним Иешоль, его нисколько не тронуло. Шерве было все равно, вернется Астер или нет и будет или нет установлено на земле царство Тенаара.

— Ты должен захватить этого мальчика, понял? Принеси его сюда живого, а его отца и мать просто убей.

— Слушаюсь, ваше превосходительство.

— Исполнителей для этого задания выбери сам. Я доверяю тебе, руководи.

Слово «доверять» почему-то заставило Шерву вздрогнуть.

— Отправляйся в путь немедленно.

Страж гимнастического зала прижал к груди скрещенные кулаки в знак приветствия и направился к выходу.

— Подожди.

Шерва, который был уже перед дверью, повернулся к Иешолю, стараясь следить за выражением своего лица.

— Говорите.

— Мы все чувствуем себя виноватыми из-за побега Дубэ, и это хорошо. Но мне кажется, что ты преувеличиваешь свою вину. Я заметил, какой взгляд был у тебя в последние дни. Не забывай, что я, а не ты пожелал иметь эту предательницу среди нас. Ты только исполнял мои приказы. В любом случае я уверен, что Тенаар уже простил тебя.

Шерва еще раз поклонился и вышел из комнаты.

Оказавшись за дверью, он почувствовал отвращение к себе. Стены Дома стали для Шервы сырой западней, готовой захлопнуться. Он стыдился своего страха и своей слабости. И это Дубэ заставила его взглянуть правде в глаза и осознать, что он слаб.

Однажды она сказала Шерве: «Может быть, ты думаешь, что день, когда ты сможешь достать Иешоля, никогда не придет?»

И тогда он ясно увидел правду. Он вступил в Гильдию, чтобы стать отличным убийцей, величайшим из всех убийц, потому что посвятил свою жизнь этой цели. Он думал, что однажды сразится с Иешолем, убьет его и тогда будет знать, что теперь он, Шерва, самый сильный.

Но годы шли, и, хотя его тело день за днем превращалось в изумительную машину для убийства, его ум, возможно, ослаб. Шерва не только не стал сильнее Иешоля, но в конце концов почти примирился с тем, что подчиняется ему, мирится со своим положением всего лишь одного из многих хранителей, которые, конечно, выше обычных победителей, но и только.

Так было до того дня, до разговора с Дубэ. Теперь он доставит мальчишку к Иешолю, но потом? Как поступить потом?

— Ну, наконец-то!

Рекла большими прыжками подбежала к дракону, который только что приземлился в нескольких локтях от нее. Она видела много таких животных на полях сражений, когда выполняла одну из своих работ на войне. Но этот дракон был несколько странным: цвет его желтых глаз был недостаточно ярким, а зеленый цвет чешуи — совсем тусклым. Однако его спина была черной, и огромные перепончатые крылья тоже черными. Помесь обычного дракона с черной породой, которую много лет назад создал Тиранно для своих войн. Скрестить ее с обычной догадался Дохор.

В седле сидел гном, судя по виду — грубый невежда.

— Долго же твой хозяин собирался послать тебя сюда! — набросилась на него Рекла.

Гном медленно слез на землю.

— Сколько нужно, столько и собирался, — ответил он заносчиво, обдав Реклу омерзительным запахом пива.

Она вздрогнула от ненависти и отвращения. Рекла не выносила зависимости от таких, как этот гном, — мелких служак самого худшего разбора, тех, чья жизнь бесполезна. И все же Тенаар прославляет себя даже такими путями, даже через самые малые существа. Поэтому Рекла не дала волю своему гневу, хотя ее рука уже потянулась к кинжалу.

— По крайней мере, поторопимся теперь, — нетерпеливо сказала она.

Она уже видела на отмели следы тех двоих. Дубэ и Лонерин прошли там, по ее расчетам, два-три дня назад. Для нее это была целая вечность. Она почти ощущала запах Дубэ и сгорала от желания найти предательницу.

— Нас будет четверо, и мой Вхил устанет, — с полным безразличием ответил гном. — Мы не сможем лететь на большой высоте, и скорость будет никудышная.

Рекла едва сдержала новую вспышку гнева.

— Все равно мы будем двигаться быстрее, чем они. — Это сказал Керав, один из двух ее спутников.

— Конечно будем! — нетерпеливо воскликнула она, но в ее глазах не было уверенности. Любое расстояние между ней и предательницей сейчас казалось ей слишком большим.

Дракон начал медленно подниматься в воздух, до предела вытянув крылья: похоже, он делал огромное усилие, чтобы взлететь. Ему пришлось несколько раз хлопнуть крыльями, отчего с берега реки каждый раз поднималось облачко пыли.

Рекла подумала о Дохоре, Иешоль вынужден кланяться ему в храме, у ног статуи Тенаара. Гильдия оказала ему столько услуг, что невозможно сосчитать. Многие из его поручений выполнила она сама. И вот чем он отблагодарил — полудохлым драконом и пьяным всадником.

Получилось именно так, как сказал гном: они летели на высоте всего нескольких локтей над водой. Дракон в полете постепенно уставал и опускался все ниже. Под ними скользила белая гладь реки, над ними висело серое облачное небо.

И все-таки они сумели достаточно быстро преодолеть расстояние, отделявшее их от Неведомых Земель. Им хватило нескольких часов полета, чтобы увидеть противоположный берег, откуда должна была начаться охота.

— Нам надо приземлиться, — сказала Рекла.

В полете они легко могли бы обнаружить двух людей, но сначала нужно было найти их первые следы на этом берегу, чтобы знать, где искать, а это она и ее спутники могли сделать только сойдя на землю.

— Похоже, это будет нелегко, — ответил гном.

Он заставил дракона подняться чуть выше, на высоту, с которой можно было окинуть взглядом окрестности. И то, что они увидели, не обещало ничего хорошего. Берег начинался точно так же, как во Всплывшем Море, — с отмели, покрытой песком и илом, но почти сразу за ней деревья стояли как солдаты, в тесном строю в нескольких шагах от берега.

— Места мало, Вхилу негде сесть, — сказал гном.

— Тогда лети вперед, — приказала Рекла, но и с этой высоты они всюду видели один и тот же пейзаж — густой лес.

— Все то же самое...

— Будь ты проклят! Придумай, как меня высадить! — процедила она сквозь стиснутые зубы.

— Это невозможно.

Присутствие рядом этого убогого всадника, тон его голоса и полное пренебрежение ко всему, что ему говорили, привели Реклу в бешенство. Она выхватила из ножен кинжал, и только благодаря Филле, ее второму спутнику, который удержал ее руку, лезвие не вонзилось туда, куда было нацелено, — в горло гнома.

— Пусти меня! — яростно крикнула Рекла.

— Не сейчас и не так, — шепнул ей Филла, — потерпите, моя госпожа...

Рекла вырвала из его пальцев свою руку, вложила кинжал обратно в ножны и прошипела:

— Здесь команду я!

Она не выносила, когда к ее телу кто-то прижимался, и в особенности — если ее подчиненный осмеливался прикоснуться к ней.

— Лети вдоль берега, потом мы придумаем, как сойти, — приказала она гному.

— Но у дракона больше нет сил. Надо отдохнуть!

— Отдых будет потом! Вперед! Делай, как я сказала! — потребовала Рекла.

Гном недовольно проворчал что-то, но все-таки подчинился и сделал это быстро. Угроза кинжалом, видимо, подействовала на него.

Его дракон летел так низко, что крылья почти касались воды. На мгновение одно крыло все-таки окунулось в реку, и гном сильнее потянул поводья.

Дракон собрал последние силы и немного набрал высоту. Но потом край одного крыла снова коснулся воды.

Вдруг все нижнее крыло погрузилось в воду, и дракон отчаянно взвыл. Только гном сумел удержаться в седле, расправив поводья между пальцами.

Рекла оказалась в воде. Перед глазами у нее со всех сторон мелькали только пена и в ней — что-то зеленое и движущееся. Потом все стало красным, и она почувствовала во рту хорошо знакомый вкус, от которого что-то шевелилось в ее душе, — вкус крови.

Она как могла выбралась на поверхность и увидела вокруг себя красную воду, а впереди, близко от себя — черные крылья, которые, поднимая кровавые брызги, беспорядочно били по воде, и сдавившие их огромные белые зубы. Рекла увидела и гнома, который то выныривал из воды, то снова погружался. В кулаке у него был зажат меч, которым он отчаянно пытался спасти себя и своего дракона.

— Брось его, дурак! — машинально крикнула она, но тут из воды поднялась громадная голова неправильной формы, в которой как будто были смешаны черты лошади и змеи. Из ее пасти, с длинными острыми зубами, свисало тело дракона.

Сердце замерло у Реклы в груди. В следующее мгновение она уже плыла к берегу, торпясь изо всех сил.

«Только не сейчас, не до того, как я заслужу милость Тенаара, не до того, как схвачу Дубэ!»

Последние несколько локтей расстояния до берега показались ей бесконечными. Сзади до нее доносились отчаянные крики гнома.

Она ухватила за выступающий из земли корень, выбралась на берег и оказалась в безопасности. Чуть позже к ней присоединились два ее спутника. Но Рекла и после этого продолжала смотреть на огромное чудовище, на его поднимавшуюся над водой голову, на челюсти, разрывавшие дракона.

Гном, вонючий и невежливый, больше не показывался из воды, и Рекла почти обрадовалась этому. Но вдруг в одном глазу чудовища что-то блеснуло. На таком большом расстоянии было трудно разглядеть очертания маленького предмета, но ошибиться было невозможно. Так сверкать мог только кинжал — кинжал, ослепивший зверя. Теперь, вглядываясь внимательнее, Рекла рассмотрела обломки двух стрел, торчавшие один в шее, а другой во лбу огромного животного. Только обученный убийца мог нанести такие раны.

— Они прошли здесь.

Филла и Керав повернулись к Рекле. Их лица еще искажал страх, и оба тяжело дышали после трудного плавания. Но Рекла уже забыла страх. Ненависть придала ей новые силы.

Дубэ прошла здесь!

4

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ

Дубэ и Лонерин, не веря в свое спасение, вытянулись полулежа на берегу Саара и смотрели на раненое чудовище. Оно по-прежнему металось из стороны в сторону, и вода реки постепенно окрашивалась в красный цвет.

Ни у него, ни у нее не хватало мужества говорить, глядя на такое жуткое зрелище. Они понимали, что были на волосок от смерти и уцелели только чудом.

— Мы спасены, — тяжело дыша, произнес наконец Лонерин.

— Теперь — да. Мы хорошо сработали в команде, верно?

Дубэ повернулась к Лонерину и увидела улыбку на его лице. Ее это обрадовало, и она тоже устало улыбнулась, потом повалилась на землю, зарываясь пальцами в прибрежный песок. Наконец-то они на суше. Они приплыли в Неведомые Земли.

Они лежали на полоске земли шириной всего несколько локтей — это была илистая, заросшая травой почва, и сразу же за этой полоской начинался лес — непроходимая путаница изогнутых ветвей и мощных стволов, невероятно ярко окрашенных: густой коричневый тон коры и ослепительная зелень крупных мясистых листьев. Между ветвями висели длинные волокнистые лианы, которые переплетались с гигантскими папоротниками и еще какими-то неизвестными растениями. Маг и девушка не увидели ни одного знакомого дерева.

Они сделали несколько шагов вперед, но гнетущая тишина вокруг заставила их остановиться. Ни птичьего щебета, ни шуршания быстрых шагов в чаще, не слышно даже шелеста листьев, лес, словно зверь, поджидал в засаде добычу и сейчас готовился к прыжку, который станет для пришедших сюда смертельным.

И кроме того, здесь было темно. Кроны деревьев так тесно переплетались, что лучи света лишь в немногих местах достигали земли, очерчивая на ней редкие световые пятна среди полумрака. В этом лесу глаза могли что-то видеть лишь на расстоянии нескольких локтей, а дальше деревья тонули в темноте, словно ночью.

Так вот она — неизвестность в чистом виде, то, чего боятся все жители Всплывшего Мира, что уже много столетий заставляет их держаться отсюда подальше. Обоих охватила такая тревога, что они решили не трогаться с места до завтра. Лонерин совершенно обессилел после своих магических заклинаний, да и Дубэ чувствовала себя ничуть не лучше. Лучше дождаться следующего дня, а пока попытаться выяснить свое положение.

Лонерин скрестив ноги уселся на берегу и вынул из своего мешка остатки запасов еды, которые он и Дубэ подобрали вскоре после того, как выбрались из реки. Каким-то чудом несколько пузырьков с лекарством и свертков с едой застряли между корнями, которые

тянулись из леса до самой воды, а затем спускались в реку на глубину нескольких ладоней. Дубэ, к счастью, удалось сохранить часть своего оружия — лук со стрелами, кинжал и метательные ножи.

Лонерин начал составлять что-то вроде сметы.

— Мы потеряли в реке треть той еды, которую нам дал Торио, — подвел итоги молодой маг, — но это не беда. Мы можем охотиться и собирать плоды.

Он взглянул вверх, ища подтверждение своим словам в глазах своей спутницы, но увидел в них только тревогу и сразу угадал, чем она озабочена.

— Напитка достаточно, — сказал он.

Взгляд Дубэ не стал спокойнее.

— Мы сохранили только половину, — холодно заметила она.

— Но мы же в лесу и сможем приготовить другой.

— А ты уверен, что найдешь для него травы?

— Ну, я...

— Ты видишь здесь хоть одно знакомое растение? Такое, как во Всплывшем Мире?

— Это только край леса. Надо углубиться в чашу: нужные травы растут в подлеске.

Дубэ посмотрела на него и язвительно усмехнулась.

— Достаточно будет растянуть на более долгий срок то, что есть, — добавил Лонерин. — Это питье не такое, как то, что давала тебе Рекла, я уже говорил об этом. Его нужно меньше, чтобы подавить действие твоей печати. Если ты станешь принимать по одному глотку раз в четыре дня, должно хватить. Но конечно, понадобится и твоя воля.

Дубэ никак не отреагировала на его слова и начала укладывать в свой мешок часть разложенной на земле еды.

— Ты должна мне доверять, — повысив голос, произнес Лонерин.

Доверять. Это было нелегко, и Дубэ не была убеждена, что хочет этого. Последним, кому она доверяла, был ее Учитель.

Даже теперь, спустя почти три года после его смерти, она не переставала горевать о том, что его нет рядом.

— Послушай, дело не в тебе. Дело в том, что я всегда натываюсь на препятствия, — сказала она, не поворачиваясь к Лонерину.

— Я понимаю. — Голос Лонерина стал печальным. — Но препятствия существуют для того, чтобы их преодолевать. И потом, ты не одна. Я сделаю даже невозможное, чтобы спасти тебя. Ведь мы здесь и для этого тоже.

Дубэ мысленно улыбнулась.

Может быть, спасти ее невозможно, даже если проклятие исчезнет. Все же она кивнула в ответ — лишь для того, чтобы доставить удовольствие Лонерину, думая про себя, что вряд ли он в состоянии понять ее чувства.

Солнце стало опускаться в воды реки, и Лонерин решил перед тем, как приняться за еду, как следует изучить маршрут, по которому они пойдут завтра. Он хотел было зажечь сигнальный огонь на месте стоянки, но Дубэ остановила его:

— Не надо. За нами гонятся люди из Гильдии.

— Ты думаешь, они знают, где мы, и у них достанет мужества последовать за нами сюда?..

— Рекла ненавидит меня, ее ничто не остановит, — уверенно ответила Дубэ.

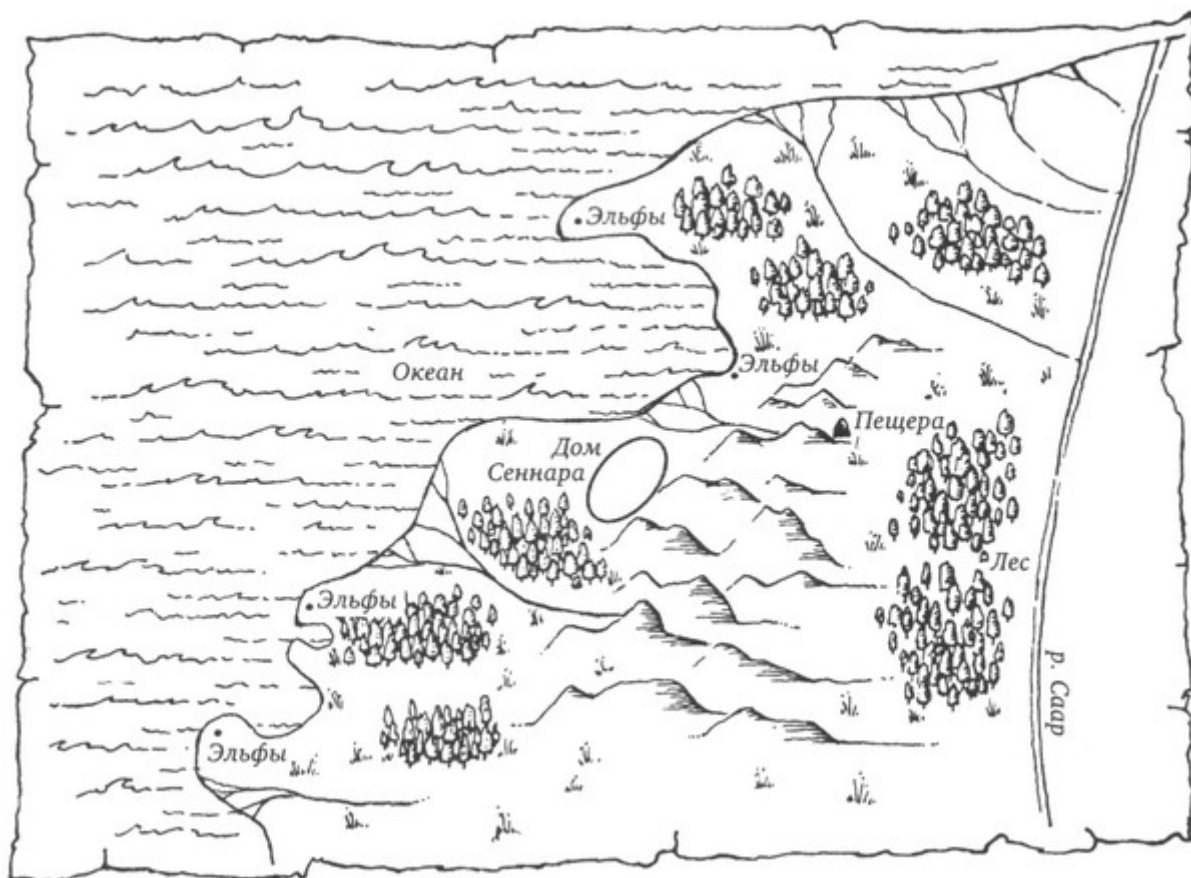
Лонерин смутился и прекратил свою работу. Потом он вынул из мешка клочок пергамента, оставшийся сухим, с помощью заклинания Лонерин защитил его от воды. Маг с удовольствием развернул пергамент на земле.

Это была карта, выполненная сангиной. С первого взгляда было видно, что ее составил не картограф, потому что она была лишь немного подробнее простого плана. Горы были изображены округлыми линиями, реки — прямыми, в одних местах их было больше, в других меньше.

— Это сделал Идо, собрав все указания, которые смог отыскать в письмах Сеннара, —

объяснил Лонерин. — Соана научила Идо получать с помощью магии сообщения. Для этого нужны простейшие заклинания, которые доступны любому. Они позволяют перенести на бумагу слова, которые пишет с помощью колдовства даже тот, кто находится на очень большом расстоянии от получателя. Для этого не обязательно быть магом, и именно таким путем Идо все эти годы поддерживал связь с Сеннаром. И это не все: Идо еще написал мне эти указания.

И Лонерин перевернул карту. На оборотной стороне весь пергамент был плотно исписан заметками, и сделано это было тем же карандашом, которым была начерчена карта. Почерк был очень мелким, текст расположен без всякого порядка, по всему листу в самых разных направлениях.

У Дубэ закружилась голова при мысли о том, что эти заметки написал собственной рукой Идо. Она видела гнома-военачальника на заседании Совета Воды, когда там обсуждали их с Лонерином задание, и говорила с ним несколько минут на крепостной стене в Лаодамее. Но все же Идо оставался для нее существом из легенды — учителем Ниал, героем, который сражался против Тиранно.

Читая заметки и глядя на карту, Лонерин стал рассказывать о том, что случилось за эти годы.

— Первые шесть лет Ниал и Сеннар исследовали эту часть мира. Они много путешествовали, но Сеннар никогда не указывал точно, где они находились. Во всяком случае, они побывали в этом лесу. Сеннар рассказывал о странных животных, кое-что о растениях, но все это не слишком определено. Они двигались без точного маршрута, пока не оказались здесь, на побережье. — Он указал пальцем на океан. — Здесь живут эльфы.

— *Те самые эльфы?* — ошеломленно спросила Дубэ.

Она уже давным-давно ни от кого не слышала об этом народе. Для нее это были персонажи из сказок, которые дети шептали друг другу, из рассказов отца, которые она слышала перед сном.

Лонерин кивнул:

— Те самые. Ниал и Сеннар поселились там. Потом начались трудности, которые Сеннар никогда ясно не описывал. Кроме того, некоторые письма в то время могли пропасть при передаче: Идо сказал мне, что не очень силен в магии.

— А дом Сеннара?

— Закончив странствовать, Сеннар и Ниал поселились на границе земли эльфов, вот в этих краях.

Дубэ внимательно посмотрела на карту. Почти на берегу океана, но неясно, далеко ли.

— Потом, когда Ниал умерла, Сеннар решил порвать отношения с эльфами. В одном из последних писем речь идет о какой-то местности среди гор.

Лонерин снова перевернул карту и прочел:

— «Я перебрался к подножию гор. Но отсюда не так далеко до океана, и мне иногда удается почувствовать его запах, как на моей родине, в Земле Моря. Вокруг — только леса. Дальше залив, где Мархатмат, как называют его эльфы, бросается в океан».

Девушка и молодой маг помолчали.

— Это все, — чуть позже добавил Лонерин.

Дубэ отыскивала на карте реку, о которой шла речь.

— Значит, он живет вот здесь.

— Верно.

— Это на юго-западе. А на середине пути находятся горы.

Лонерин молчал.

Дубэ поморщилась: идти придется почти наугад.

Ее спутник взглянул на нее и усмехнулся.

— Я вижу, это тебя не слишком вдохновляет.

— Просто мне кажется, что карта составлена не очень подробно.

— Я это знаю. Но ничего другого у нас нет, верно?

Дубэ согласилась с ним, и вдруг ей стало стыдно за свои сомнения: отправилась с ним в этот путь, а сама не убеждена в успехе.

Лонерин сложил карту и положил ее обратно в мешок.

— Я не отрицаю: задание у нас сложное. Но именно поэтому нам следует по-настоящему верить в себя и прежде всего доверять друг другу. На реке мы спаслись только потому, что были вместе.

В его словах было что-то смущающее Дубэ. Не так она жила до сих пор, и не этому ее учили.

— Ты веришь в нас, Дубэ? Ты действительно хочешь прийти к Сеннару? Хочешь этого так же, как хочу я?

Ей было странно слышать это: тот же вопрос, который она задавала себе перед выходом в путь, теперь задал ей он.

— Да... — ответила она, но не очень уверенно.

— А раз так, отдохнем. Завтра мы узнаем, что такое этот лес.

Лонерин улыбнулся и улегся на берегу. Дубэ тоже легла, вытянувшись во весь рост и закрыла глаза.

Лес у них за спиной по-прежнему молчал.

Наутро они не сразу решились уйти с узкой полоски открытого пространства. Там, впереди, был угрожающий лес и темнота, почти живая и пугающая.

Колебания прекратил Лонерин. Он поправил на спине свой заплечный мешок и зашагал вперед. Огромные листья, которые он раздвинул, чтобы пройти, сразу же сомкнулись и скрыли его из вида. Дубэ инстинктивно протянула руку к кинжалу и крепко сжала его рукоять. Она вдруг поняла, что значит остаться одной в таком месте, и слова, которые Лонерин сказал ей накануне вечером, приобрели для нее другое значение. Она глубоко вздохнула, а потом решилась и шагнула вслед за своим спутником. Они сделали первый шаг.

Их глаза быстро привыкли к слабому свету. В каком-то смысле это было похоже на их прежнее блуждание по влажным внутренностям Дома, и это сходство не нравилось ни Дубэ, ни Лонерину. Дом был лабиринтом прорубленных в скале коридоров, которые слабо освещались факелами, прикрепленными к стенам на одинаковом расстоянии один от другого. Лес был не менее влажным, и на них со всех сторон угрожающе надвигались кривые толстые стволы с круглыми боками, преграждая им путь. Это тоже был темный лабиринт.

Однообразное чередование зеленой и коричневой красок иногда нарушали цветы, которые раскрывались навстречу им, как открывающиеся рты. Эти растения были немного похожи на светящиеся цветы из Земли Ночи. Дубэ вспомнила, как они оплетали фасад храма.

Но те цветы излучали свет и были бледными, а эти были окрашены даже слишком ярко: в красный цвет, который ранил глаза, и невероятно сочные желтый и синий.

Лонерин вынул что-то из кармана своих коротких штанов и сжал в руке. Это была тонкая игла.

— Смотри, — сказал он и улыбнулся, чтобы скрыть свое волнение.

Он произнес пару слов, эхо которых долго звучало среди деревьев, затем разжал пальцы. Из его ладони вырвался яркий язык голубого огня и превратился в тонкое прямое лезвие, конец которого пропал из вида в густой чаще. Приглядевшись лучше, Дубэ заметила, что свет исходил от самой иглы в руке мага.

— Там запад, — улыбнулся Лонерин и объяснил ей, что это — самое обычное заклинание, то же, которое он применил на лодке, но это — более слабый вариант; луч будет указывать им дорогу.

Его слова ободрили Дубэ. Этот свет будет рядом с ними в пути. На мгновение оба почувствовали себя увереннее.

В первые дни похода давящую тишину вокруг них нарушал только один звук — жужжание насекомых. И это были необычные насекомые. Они немного напоминали тех, что обитали во Всплывшем Море, но в них было что-то странное. Однажды утром одно из них, покрытое пестрым панцирем, перешло Дубэ и Лонерину путь, переступая множеством лап, которые несли на себе круглое туловище. И в эту же минуту мимо них пролетела огромная желтая шестикрылая бабочка, очаровавшая их ритмичностью и гармонией своих движений. На следующий день они увидели червя длиной в ладонь, он полз прямо перед ними, потом вдруг поднял голову и поглядел на них восемью черными глазами. Вокруг стояла полная тишина, не было даже дуновения ветра.

Только один раз они услышали откуда-то издалека отчаянный рев животного, и оба вздрогнули. Лонерин стал лихорадочно оглядываться вокруг, Дубэ вскинула лук, они замерли на месте и не двигались несколько минут, но больше не раздалось ни звука.

— Это был дракон, — прошептал Лонерин.

Откуда дракон мог появиться здесь? — спросил он себя. Разве в этих краях живут драконы? Сеннар о них ничего не писал...

Дубэ похолодела от ужаса. В этом крике она почувствовала угрозу и безотчетно подумала о Доме и Рекле.

Дубэ чувствовала, что за ней кто-то следит. С тех пор как ее поразило проклятие, она никогда не была по-настоящему одна: зверь, живущий в ней, постоянно наблюдал за ней, он был готов уловить каждое мгновение ее слабости и употребить его себе на пользу. Но сейчас на нее смотрел не зверь — это было что-то другое, неопределенное, расплывчатое. Казалось, у листьев, веток и цветов были глаза — тысячи глаз — и все они были направлены на нее и Лонерина.

Время от времени маг доставал свою маленькую карту и смотрел на нее, прежде чем продолжить путь. Это его действие было совершенно бесполезным, но Дубэ понимала, что таким нехитрым способом ее спутник придает себе уверенность. Лонерином можно было

восхищаться: усилие, которое он прилагал, чтобы сохранять спокойствие, было почти героическим. Даже она, обученная справляться со страхом, чувствовала, что ее нервы напряжены.

Ко всем их волнениям и тревоге прибавилась еще и нестерпимая жара. Лонерин разделся до пояса, Дубэ сняла куртку.

Солнце почти всегда было скрыто листвой, лишь когда они пересекали поляны, их ослепляла внезапная вспышка света.

Они продолжали путь, и им казалось, что они попали в страну, где нет ни времени, ни пространства, где никогда ничто не меняется, и эта страна угрожала им, и ужас был в том, что они не знали, с какой именно опасностью им придется столкнуться.

Дубэ всей своей жизнью была лучше Лонерина подготовлена к такого рода испытаниям, но и она чувствовала страх, страх перед неизвестным.

Лонерин был явно сильно обеспокоен. Он все чаще доставал свою карту, бросал тревожный взгляд на иглу и оглядывался вокруг. Дубэ хотела поддержать его, но не находила слов. Она привыкла отвечать только за себя, а в прошлом ее наставлял и защищал Учитель. Как успокоить другого человека? Как помочь другому человеку сохранять бодрость, когда дела идут плохо? Она не знала.

Почти через неделю после прибытия в Неведомые Земли, во второй половине дня, они стали слышать какие-то странные, едва различимые звуки. Сначала насторожилась Дубэ. Зверь обострил ее чувства, это был единственный хороший дар среди многих ужасных последствий проклятия. В первый момент девушка подумала, что это ей только чудится.

Потом Лонерин вдруг остановился и застыл, подняв голову, прислушиваясь к чему-то. Что-то было слышно... звуки и шепоты, но что именно, разобрать было невозможно.

— Ты их слышишь?

Дубэ кивнула.

И как только их голоса нарушили тишину, загадочные звуки смолкли.

Лонерин продолжал прислушиваться, затем повернулся к Дубэ и спросил:

— Как ты думаешь, что это было?

На лбу у него выступил пот, а лицо побледнело.

Дубэ покачала головой:

— Это же лес... в нем всегда должен быть какой-нибудь шум. Неестественно скорее то, что мы ничего не слышали до сих пор.

Лонерин несколько мгновений смотрел на нее, потом вздохнул и двинулся дальше.

Вдруг поднялся ветер. Листья зашумели так, что Дубэ показалось, будто она вот-вот оглохнет. Лонерин, шедший впереди нее, тоже замедлил шаг: казалось, что кроны деревьев произносят какие-то слова.

Потом произошло что-то странное. Теперь звуки не прекращались, а окружили двух спутников. Это был смех и еще, может быть, песни.

Дубэ стерла пот со лба. Зверь в ее животе не шевелился, а, как обычно, сидел неподвижно в своем укрытии. Если бы возникла опасность, он бы заставил Дубэ напасть на врага, он бы учуял дорогу, по которой можно уйти от беды.

— Рядом с нами кто-то есть...

— Поверь мне, Лонерин, все хорошо. Иначе я бы предупредила тебя.

Но ее слова не убедили молодого мага.

— Хочешь, я пойду впереди? — предложила Дубэ.

Лонерин недовольно покачал головой.

— У меня карта и игла — указатель направления.

Голоса продолжали звучать, но маг и девушка неуклонно продвигались вперед. Это было так, как если бы лес вдруг наполнился обитателями, как будто кто-то издевался над ними, смеялся над ними за каждым кустом. Но вокруг никого не было. Дубэ смотрела во все

стороны, но никого не могла разглядеть. Лонерин впереди нее шел все быстрее.

— Дай мне кинжал.

— Ты не умеешь с ним обращаться.

— Чтобы пользоваться этим проклятым кинжалом, не нужно быть воином.

— Ты в конце концов покалечишь себя. Ты нас ведешь, а я защищаю. Я все время считала, что наши обязанности делятся именно так.

— Рядом кто-то есть!

— Если бы здесь кто-то был, это было бы мое дело.

Снова бормотание. Дубэ вздрогнула от ужаса: тени листьев на земле медленно удлинялись, солнце заходило — было неразумно продолжать путь.

— Может быть, нам лучше остановиться, — предложила она, но Лонерин продолжал уверенным шагом идти вперед и не желал ее слушать.

— Лонерин! — крикнула Дубэ, но и это не подействовало.

Ей пришлось схватить его за запястье. Она почувствовала, как напряглись сухожилия его руки и как слегка вздрагивают его мышцы.

— Да, да, ты права, — ответил он, смущенно опуская взгляд.

Пока они отдыхали и ели, шепоты продолжали звучать со всех сторон и ближе, чем до сих пор. Ветер доносил до них слова, а солнце, сообщник леса, скрывалось за горизонтом, уступая место ночи.

— Нет, мы не можем оставаться здесь, мы должны идти, — резко сказал Лонерин, когда они закончили свой скудный ужин. Он со злостью бросил остатки еды в мешок, и Дубэ не смогла ничего сказать против. Она ошиблась, остановка была ошибкой, теперь и ей было страшно. В темноте странные голоса звучали совсем жутко. Некоторые из них были похожи на песни и на плач, другие звучали тихо, настойчиво, но устрашающе.

Дубэ и Лонерин шагали почти вплотную друг с другом.

Свет им обеспечивал Лонерин. Он на время отказался от иглы и простым заклинанием зажег светящийся шар, который повис над его ладонью.

— Там! — Дубэ указала куда-то вдаль.

Лонерин обернулся и едва успел разглядеть кого-то, убежавшего за деревьями.

— Это животное, — сказала девушка, тяжело дыша. — Какое-то проклятое животное, и больше ничего.

Она вынула кинжал из ножен, но зверь внутри нее пока молчал.

— Мы должны как можно скорее уйти отсюда, — повторил Лонерин. При свете шара его лицо казалось еще бледнее.

Дубэ согласилась.

Они зашагали быстрее, сухие листья и папоротники трещали под их ногами.

И снова голоса — плач и смех, все громче и громче.

Лонерин на мгновение увидел тень, исчезающую между растениями, а потом что-то похожее на выющую струйку дыма.

— Это было не животное, — сказал он с дрожью в голосе.

Он ускорил шаг, и Дубэ быстро зашагала вперед, стараясь не отставать. Сердце колотилось у нее в груди.

И снова появилась исчезающая тень, потом еще и еще одна, и наконец оба путника ясно увидели, что это было: женские лица, с застывшим выражением, какое бывает у трагических масок. Они приближались к Дубэ и Лонерину, обвивались вокруг них и смотрели остекленевшими мертвыми глазами. Их бесплотные фигуры были похожи на привидения.

Одна из них прошла сквозь Дубэ, отчего девушка почувствовала ледяной холод, громко закричала и стала наугад размахивать перед собой кинжалом.

Тогда Лонерин решительно схватил ее за руку и потащил прочь. Они побежали изо всех сил, но призраки с женскими лицами мчались за ними, обгоняли их и обвивались вокруг их ног.

Лонерин споткнулся, упал и увлек за собой Дубэ. Светящийся шар погас, и они оказались в непроглядной тьме.

Бормотание превратилось в звонкие крики, а жалобные стоны перешли в пронзительные вопли. Зверь внутри Дубэ зарычал, она, словно при свете молнии, на мгновение увидела те кровавые бойни, которое устроила поневоле в лесу, когда в первый раз проявило себя ее проклятие. Это воспоминание одновременно ужаснуло и взволновало ее. Ее ум растерянно метался из стороны в сторону, а тело требовало крови. В этом жутком месте пахло смертью, а зверь знал этот запах.

Она услышала крик Лонерина, потом ее ослепила красная молния. Шепоты стихли, и призраки исчезли. Наступила тишина.

Девушка попыталась на ощупь отыскать руку своего спутника. Ей удалось дотронуться до его плеча.

— Это духи, таких духов нет во Всплывшем Мире. — Лонерин немного передохнул и продолжил: — Я прогнал их с помощью магической силы огня, но ненадолго.

Дубэ почувствовала, что зверь внутри нее успокоился. Это был всего лишь удар лапы, но удар ужасный.

— Что нам делать?

— Они боятся огня. Мы должны зажечь факел.

— Нас преследуют. Посланцам Гильдии станет легче найти нас, — возразила она.

И почувствовала возле своего лица горячее дыхание Лонерина.

— Ты предпочитаешь, чтобы они вернулись?

Они договорились спать по очереди, чтобы сторожить стоянку, и решили зажечь рядом маленький факел, по крайней мере в эту ночь. Дубэ предложила, чтобы первой была она.

— Я составлю тебе компанию, — сказал Лонерин и заставил себя улыбнуться. — Сомневаюсь, что смогу уснуть.

Ну, теперь нам будет что рассказать, когда вернемся, — пошутил Лонерин, но Дубэ не улыбнулась. — Все будет хорошо, — добавил он, чтобы успокоить ее.

— Как ты это делаешь? — спросила она, поднимая голову.

— Делаю что?

— Как ты можешь идти вперед вот так — я имею в виду, так уверенно. Мы одни в незнакомом месте, где живут привидения неизвестно какой породы, и...

— Это потому, что я знаю, куда хочу прийти. — Голос Лонерина звучал твердо, его зеленые глаза блестели. — Я выполняю задание, от которого зависит судьба многих людей, я посвятил этому всю свою жизнь. Я не думаю о том, что дела могут пойти плохо, что я могу потерпеть неудачу: я просто не рассматриваю такую возможность, помимо всего прочего потому, что это бесплодное занятие.

Дубэ пристально смотрела на него. Из всех людей, которых она знала, он единственный имел свою цель и непоколебимую решимость. В том мире, где она жила до сих пор, она встречала людей, плывущих по течению жизни, — таких, как она сама.

— И ты тоже должна думать о том, как будешь жить после того, как мы найдем Сеннара, когда на тебе больше не будет проклятия и ты станешь свободной. Должна потому, что так будет. Если ты захочешь, так будет.

«Но то, чего я хотела, никогда не происходило! Горнар умер, мои родные забыли меня, и даже Учитель оставил меня одну!»

Она хотела крикнуть это, но промолчала. Так она могла хотя бы недолго обманывать себя верой в то, что слова Лонерина могут быть правдой. Этот обман был сладок, убаюкивал ее, и она не хотела его разрушать.

Она изобразила на лице улыбку, Лонерин тоже улыбнулся ей в ответ, и в его взгляде была странная благодарность.

— Спи, сторожить буду я, — сказал он своей спутнице, показывая жестом, что для него это пустяк.

— Первая смена — самая тяжелая, и потом, я привыкла долго не спать по ночам, — запротестовала Дубэ.

— Я слишком возбужден, понятно? Мне не удастся заснуть. А ты, похоже, осталась совсем без сил, и к тому же то существо прошло через твое тело. Поспи, так будет лучше.

Дубэ дала себя уговорить. Действительно, рычание зверя и столкновение с холодным привидением исчерпали все ее силы, но она не хотела сознаваться в этом Лонерину. В его глазах снова бы появились те жалость и боль, а теперь в его взгляде она видела уверенность и безопасность для нее, и это было так прекрасно.

Дубэ сняла свой кинжал с пояса и положила перед Лонерином.

— Он мне не нужен: против духов работает только магия.

— На всякий случай, — улыбнулась она.

Преследователи шли через чащу, прорубая себе путь кинжалами. Сзади них оставались срезанные листья и срубленные ветви. Дорогу им освещал факел, который нес Филла, шедший рядом с Реклой. Это она решила, что отряд должен идти даже по ночам и как можно меньше спать. «Теперь у нас нет дракона, а они имеют преимущество по меньшей мере в три дня. Нам необходимо сократить разрыв».

— Эта земля переполнена опасностями. Я уверен: они умрут и без нашего вмешательства, — сказал Керав.

— Нет! — яростно крикнула Рекла. — Это я должна убить ее, я должна пролить кровь этой мерзавки в бассейны Тенаара! И я это сделаю.

Она была неутомима, как волк, идущий по следу своей добычи.

В этот вечер они поднялись на маленький холм, чтобы увидеть местность с высоты.

Когда они дошли до вершины, луна стояла уже высоко. Они увидели ее в первый раз с начала путешествия; Филла остановился и потрясенно уставился на нее.

— Помоги мне подняться выше, — прикрикнула на него Рекла.

Какое-то предчувствие заставило ее быстро вскарабкаться на одно из деревьев. Оказавшись на самых верхних ветвях, она улыбнулась, и это была лишь самая малая благодарность, которую она могла воздать Тенаару.

— Ты совершила ошибку, девочка, и она тебя погубит, — прошептала Рекла в темноту.

Вдали, у самого горизонта была видна тонкая, едва различимая нить, — поднимавшаяся вверх струя дыма.

5

САЛАЗАР

Оказавшись в Земле Ветра, Идо испытал странное чувство. Долгое время он приходил сюда только для того, чтобы встретиться с Ниал и Сеннаром. Когда они улетели, эта страна почти исчезла для него с географической карты и снова трагическим образом возникла в его жизни, лишь когда король Земли Скал, гном Гахар, напал на нее, желая захватить. Идо, который в то время еще был Верховным Главнокомандующим, был послан сюда во главе своих войск, чтобы сражаться против армии Гахара. Это была бесполезная война: после пяти лет кровопролитных боев Совет признал Гахара протектором этих земель. В этом не было ничего удивительного: позже стало известно, что король-гном заключил тайный союз с Дохором.

В те дни Идо почти разлюбил сражения. Смерть его бойцов казалась ему бессмысленной, его собственная борьба была напрасной, и тогда он понял, что тот Всплывший Мир, который он знал, идет к своей гибели.

Но в его воспоминаниях была не только кровь. В конечном счете он полюбил беспредельные степи Земли Ветра и ее леса.

Города этой страны очаровывали его. Это были огромные массивные башни, и внутри одной башни размещался целый город — с торговлей, жилыми постройками, храмами и

даже садом в центре. Было так хорошо вечером выйти из палатки и смотреть вдаль, если на горизонте была видна абсолютно плоская равнина, над которой поднимались только рвущиеся вверх вытянутые силуэты этих построек.

До приезда сюда он тешил себя надеждой, что найдет здесь все таким, как было. Степь действительно казалась такой же, как раньше. Но в ней не было ни одного дерева, которое можно было бы сжечь, ни одной горы, которую можно было бы пробить, чтобы извлечь из ее недр черный хрусталь или металлы для мечей и копий. Поэтому рука Дохора не причинила ей большого вреда.

Но гному-военачальнику достаточно было увидеть вдали Салазар, чтобы почувствовать, как сильно действительность отличалась от его воспоминаний.

Башня была разделена пополам и окружена большими и маленькими домами из красного камня. Видимо, замкнутые самодостаточные города-башни перестали существовать.

Крепостной стены не было, и он мог спокойно войти.

Идо направлялся на окраину, к остаткам башни. Он обнаружил, что теперь в ней размещались почти одни только торговые лавки. Люди жили в домах, окружавших ее подножие. Исключение составляли немногие горожане, тосковавшие о прошлом, и старейшина Перка, правитель города, который жил в самой высокой части башни. Верхние этажи башни были заперты, и поэтому больше не было центрального форума, на котором когда-то размещались огород и сад. Самые верхние этажи занимал дворец, а старейшина на самом деле был солдатом, как почти все старейшины в этой стране; многие из них захватили власть над своим городом и окружающими его землями, сражаясь и убивая. Но Перка, судя по тому, что о нем говорили, по меньшей мере был честным.

Башня скорее походила на заброшенные развалины. Похоже, никто не пытался как следует восстановить ее после войны. Уцелевшие горожане поселились в ее развалинах, приведя их в порядок настолько, чтобы в них можно было жить.

На стенах было несколько объявлений с обещаниями награды. ПРЕДАТЕЛЬ. ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК. Идо увидел на одном из этих листов свое лицо, а внизу — обещание непомерного вознаграждения и подпись: «ВРАГ РОДИНЫ, ПРЕДАТЕЛЬ КОРОЛЯ».

Идо не имел ни малейшего представления о том, действительно ли искавший следы своего прошлого Тарик поселился здесь после того, как его пристыдили. Сам Идо на его месте непременно поступил бы так. Тарик, должно быть, преклонялся перед своей матерью, и было бы вполне естественно, если бы он пожелал жить там, где она провела свое детство.

Идо остановился в гостинице возле развалин башни, выбрав одну из самых нищенских и пустых. Ему уж точно незачем было пускать людям пыль в глаза. Хозяин умел молчать, как Идо и надеялся, и ради этого Идо решил не обращать внимания на множество клопов в одеялах и на запах плесени в комнате, где его поселили. В конце концов, ему случалось спать и в местах похуже этого. И кроме того, он проводил в этой комнате мало времени. Как только солнце взошло, он вышел и занялся своими поисками.

Для начала он обошел все гостиницы и рынки, глядя вокруг и задавая завуалированные вопросы. Затем в своих поисках он опустился на самое дно, туда, где собирались подонки общества. По своему опыту Идо знал, что прежде всего именно в таких местах можно получить нужные сведения, и в то же время остаться незамеченным.

Два дня его расследование не давало никаких результатов. Салазар всегда был похож на проходной двор, а теперь — больше чем когда-либо. Люди приезжали и уезжали, мало кто оставался здесь жить.

Вечером третьего дня опечаленный Идо попытал счастья в старейшей гостинице Салазара — так, по крайней мере, сообщала вывеска.

Он вошел туда, только чтобы выпить пива. И уже без надежды на успех он остановил одну из служанок, пухленькую круглощеку девушку с ясными глазами, и, улыбнувшись,

спросил ее:

— Ты не видела когда-нибудь в этих краях парня с рыжими волосами, лиловыми глазами и не совсем обычными ушами?

Девушка подняла взгляд, стараясь вспомнить. Выражение, которое появилось на ее лице, сделало ее еще миловиднее.

«Если бы я меньше занимался войной и больше — всем остальным, я бы мог сейчас иметь такую дочь», — мысленно сказал себе Идо и вздохнул.

— Есть один человек... я не знаю, рыжий он или нет, потому что волосы у него совсем седые, хотя он еще молодой. Но у него прекрасные лиловые глаза.

Идо обратился в слух.

— Где он живет?

— В башне — один из немногих. Там живет он и его семья.

— Значит, у него есть жена?

Девушка кивнула:

— Да, и еще сын.

— А ты можешь мне сказать, где я мог бы с ним встретиться?

Она дружелюбно улыбнулась:

— Конечно, он живет на четвертом этаже, над старыми воротами, третий коридор от лестницы; единственный целый дом, остальные понемногу разваливаются. Я бы побоялась жить в таком месте, там появляются привидения... Таких, кто живет в башне, — мало, но он очень добивался этого дома, когда приехал сюда, во всяком случае, так мне говорил мой отец.

Именно эти слова окончательно убедили Идо.

— Мы с отцом жили ненамного выше ворот. Вот почему фаммины так быстро нашли нас, — однажды рассказала ему Ниал.

Он отставил в сторону кружку с пивом и бросил на стол пару монет.

— Сдачу возьми себе. Ты даже не знаешь, как сильно помогла мне, — сказал он, улыбнулся девушке и быстро ушел.

«Это Тарик, нет сомнения в том, что это он», — думал Идо.

Идо был не в силах дожидаться следующего дня, тем более это было бы неразумно, потому что Гильдия тоже искала Тарика. Лучше услышать в свой адрес «пошел к черту!» за то, что разбудил среди ночи кого-то, с кем ты незнаком, чем утром обнаружить, что с ним случилась беда. И теперь он быстро шел по коридорам Салазара. Его пальцы под плащом играли рукоятью меча.

Все же Идо засомневался, он никогда не видел Тарика. Действительно ли тот, к кому он идет, — Тарик?

Как только он поднялся на этаж над магазинами, которые в этот час были закрыты, — в коридорах сразу стало темно. Лишь несколько тусклых светильников освещали кирпичные стены.

Идо уже бывал здесь: он вспомнил об этом, хотя с тех пор прошло много лет. У него всегда была прекрасная память, и время не тронуло ее. Впрочем, у гномов это случалось не так уж редко: их организм хорошо сопротивлялся и ранам, нанесенным врагами, и разрушительному действию старости.

Идо быстро переходил из коридора в коридор, следуя указаниям своей памяти.

А потом он что-то услышал, остановился и прислушался.

Где-то далеко раздался крик. Кричала женщина!

Он вынул меч из ножен и побежал на этот крик. Теперь темнота была почти полной: ее освещал только месяц — через окна в глубине коридоров. Света было слишком мало, если учесть, что у старого воина был всего лишь один глаз.

Может быть, этот глаз, уже не такой зоркий, как раньше, и оказался виноват в том, что случилось. Идо увидел этих двоих только в последний момент. Два темных пятна — две фигуры, одна из которых, кажется, что-то держала в руках.

— Стой!

Первая фигура проскользнула мимо как тень, даже не обратив на него внимания. Вторая на мгновение замедлила шаг, потом что-то блеснуло.

Идо поднял меч — и едва успел отбить удар кинжала. Тот упал на пол, со звоном ударившись о кирпичи.

Идо почувствовал острую боль в плече, но это его не остановило: он прыгнул вперед, на черную фигуру. Противник отклонился в сторону — быстро, но недостаточно быстро для Идо, и старый воин рубящим ударом задел его бок.

Тень плавно повернулась вокруг своей оси, оказалась у гнома за спиной и сдавила рукой его шею, в то время как второй вооруженный враг уже бежал к выходу. Идо пригнулся, выгнул спину и сумел освободиться. Он еще раз повернулся и нанес боковой удар мечом, но враг уже ускользнул прочь. В воздухе просвистел еще один кинжал, но Идо сумел увернуться. А когда он выпрямился, черная фигура уже слилась с темнотой. Исчезла. Не было слышно даже шагов.

Задыхаясь от усталости, Идо прижался к стене.

«Проклятая старость! Я больше не гоюсь для таких дел!»

Он дотронулся до раненого плеча. Боль была такая, что у него перехватило дыхание, — маленький метательный нож, Идо стиснул зубы и вытащил его.

«Убийцы! Треклятые убийцы из Гильдии!»

Никакого сомнения: это были они.

Он заставил себя не обращать внимания на боль и одышку и снова побежал, пытаясь определить нужное направление в этой темноте и вспомнить то, что сказала ему девушка из гостиницы.

Задача оказалась проще, чем он предполагал. Из одного коридора лился теплый мягкий свет очага или факела, горящего в доме. И освещал на полу что-то блестящее.

Идо замедлил бег: он почувствовал во рту знакомый страшный вкус, это ужасное ощущение достигло желудка. В ноздри проник запах, который нельзя спутать ни с чем. Кровь. Лужа крови на полу.

Он тихо пошел на этот свет. Дом с открытой дверью, бедный дом среди развалин, и в дверях — мужчина, который в отчаянии старался выбраться наружу. Он взглянул на гнома ярко-лиловыми глазами.

— Помогите, — сумел он произнести слабым голосом и медленно повалился на пол.

Идо опоздал.

Он помчался за помощью. Отыскать здесь жреца было непросто, и единственный, которого Идо сумел найти, был довольно бедно одет.

Войдя в дом, жрец был просто раздавлен тем, что увидел. Кровь повсюду, жалкая мебель поломана. И два тела — Тарик в прихожей и женщина внутри, в главной комнате. Сразу стало ясно, что женщине уже ничем нельзя помочь.

У Тарика, как им казалось, была возможность выжить, но жрец оставался мрачным и задумчивым.

— Постарайся сделать невозможное, — сказал ему Идо сквозь зубы.

Но едва они раздели Тарика, Идо понял, что спасти раненого может только чудо, он почувствовал слепую бешеную ярость, гнев на весь мир.

Пока жрец работал, применяя различные травы и заклинания, Идо поворачивал в ладонях кинжал Гильдии. Враги победили его, они пришли раньше.

После нескольких часов отчаянных стараний жрец поднялся со своего места.

— Я сделал невозможное, как вы меня просили, но боюсь, что он не доживет до утра. Чудо, что он еще жив. Мне жаль.

Идо положил руку ему на плечо.

— Мне не в чем тебя упрекнуть.

Жрец ушел, пообещав вернуться утром, чтобы продолжать лечить Тарика, если тот

будет еще жив, или похоронить, если умрет. Дом опустел.

А Идо все стоял в центре комнаты, заставляя свой ум сохранять ясность мысли. Почему посланцы Гильдии решили убить Тарика? Разве они не были должны забрать его с собой и использовать для того, чтобы воскресить Астера? Может быть, кто-то другой пытался помешать секте убийц и не нашел иного способа? Нет, те, с кем Идо столкнулся в коридоре, были убийцами из Гильдии, тут не могло быть ни малейшего сомнения.

Тарик ворочался в бреду на своей постели и что-то бормотал. Идо подошел ближе, но не смог понять его слов.

Раненый открыл глаза, взгляд у него был затуманенный, словно идущий издалека, но на одно мгновение этот взгляд остановился на Идо — тот же цвет глаз, что у Ниал. Идо как будто снова увидел ее.

— Сан... — пробормотал Тарик, на этот раз повернувшись точно к Идо. — Мой сын Сан... — Он попытался сказать что-то еще, но ему не хватило сил, взгляд его сначала стал отсутствующим, а потом глаза закрылись.

Идо похолодел, и дрожь пробежала по его телу. Он даже не подумал об этом в тревоге и спешке. А может быть, просто забыл!

Он начал лихорадочно обыскивать все комнаты маленького дома, но уже знал, что на его вопрос есть только один ответ. И тут в его памяти возникло светлое пятно, которое он видел в руках у одного из убийц.

Девочка из гостиницы говорила, что у Тарика есть сын, а мальчика нет в доме. Посланцы Гильдии забрали Сана с собой. По какой-то причине Гильдия предпочла сына отцу.

Идо знал, что должен уйти отсюда и сейчас же отправиться по следам мальчика, но не мог покинуть Тарика. В другой комнате лежал труп жены Тарика, сам он задыхался и хрипел в постели. Идо не мог оставить его умирать одного и решил пробыть здесь до рассвета.

Он сел на край постели и застыл так, глядя на медленную агонию Тарика. Для него смерть того, кто молод, всегда была невыносима. Он видел гибель многих молодых людей в Земле Огня, но так и не привык к этому. Идо мог сколько угодно повторять себе, что никто из них не умер по-настоящему, потому что их товарищи продолжают сражаться, и что они умерли за правое дело: ничто его не успокаивало. Проклиная все на свете, он оставался рядом и с отчаянием смотрел на их напрасную борьбу со смертью, разве что сжимал в руке руку умирающего и шептал ему, что все хорошо, что ему нечего бояться.

Тарик был таким же, как они. Он дышал устало и теперь, в бреду, вместе с именем сына произносил имя жены: Талья. Талья и Сан...

Он был очень похож на Сеннара, может быть, даже больше, чем на свою мать. Волосы были седыми, но лицо совсем молодого человека. Такое же волевое лицо, как у отца, а уши — такие, как писала о них Ниал, — не человеческие и не как у полуэльфов.

И тогда Идо стал рассказывать Тарику, что отец его простил, что он, Идо, отнимет у врагов его сына даже ценой собственной жизни, и сделает это не только для того, чтобы спасти Всплывший Мир.

Еще он говорил о том, чем была для него Ниал, лучшая из учеников, одна из немногих друзей, дружба с которыми сохранилась навсегда.

Идо говорил, и тут Тарик вдруг снова открыл глаза. Было похоже, что он больше, чем в первый раз, осознает происходящее вокруг, но в то же время он словно уже не существовал, словно был уже призраком и теперь вернулся сюда.

Идо взял его за руку, наклонился к нему и тихо спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

Если бы слезы у Идо не закончились много лет назад, он бы сейчас заплакал.

Тарик, очень бледный, медленно повернулся к нему и снова повторил всего одно слово:

— Сан?

— С ним все в порядке. Они не тронут даже волос на его голове, в этом я уверен.

— Покажи мне его. — Голос Тарика был хриплым и словно доносился издалека.

— Он в руках у них, но я собираюсь в путь, чтобы отбить его. Не бойся.

Тарик молчал, но по его щекам тихо потекли слезы.

— Приведи его ко мне... прошу тебя... приведи...

— Клянусь тебе, я сделаю это.

Тарику становилось все труднее дышать.

— И отомсти за Талью. Отомсти за нее вместо меня.

Идо кивнул, продолжая держать Тарика за руку. Значит, он уже все знал. Должно быть, он все видел.

Какое-то время в тишине дома было слышно только хриплое дыхание раненого.

— Я Идо, Тарик, — сказал наконец гном.

Раненый взглянул на него, и на один миг в лиловых глазах отразились растерянность и изумление.

— Учитель моей матери...

— Он самый.

Тарик, как он ни был слаб, смог улыбнуться.

— Я хотел быть таким, как она... И пытался быть таким.

— Не говори, если тебе трудно.

Может быть, Тарик даже не услышал последних слов Идо, потому что заговорил снова:

— Я больше не мог вынести того, что мой отец твердо решил остаться на том берегу Саара. Она умерла ради нас, а Всплывшему Миру отдала все.

Он умолк, сильно закашлялся, попытался дышать глубже.

— Но здесь все было не так, как она мне рассказывала, и я... я совсем не такой, как моя мать. — Он снова помолчал. — Я хотел прийти к тебе, сражаться вместе с тобой.

Идо горько улыбнулся.

— Ты видел, чем это кончилось для нас. Ты не смог бы победить. Но еще есть время, верно? И борьба не закончилась.

— Я ведь искал тебя, но потом познакомился с Тальей...

— Ты сделал правильный выбор, — шепнул ему Идо. — У каждого свой путь. Твой путь был таким.

Тарик снова какое-то время молчал, а потом спросил:

— Тебя прислал мой отец?

— Нет. Я пришел, чтобы защитить тебя и Сана.

Идо был зол на себя. Хорош оказался защитник!

— Жаль. Я бы хотел увидеть его.

Идо набрался мужества:

— Он писал мне письма все эти годы. Перестал писать, когда ты ушел. В последнем письме он просил меня не искать тебя, но, если когда-нибудь увижу тебя, сказать тебе, что он все понял.

Тарик молчал. Идо приблизил свое лицо к его лицу.

— Ты меня слышишь, Тарик? Он понял тебя так же, как ты, я уверен, понял его. И он просит у тебя прощения.

Тарик улыбнулся и сильнее сжал его руку. Больше они ничего не говорили до самого рассвета. Дыхание Тарика становилось все слабей, а его лицо все бледней. Но улыбка осталась на его губах.

Он умер еще до того, как взошло солнце.

Еще одно прощание, еще одна смерть. На этот раз они даже не успели познакомиться. Идо почувствовал, что его вот-вот раздавит тяжесть всех похожих на эту минут, которые он пережил до сих пор. Но он должен был что-то сделать — ради себя, ради Тарика, ради Ниал и всех остальных. Когда-то давно он сделал выбор — решил продолжать борьбу, даже если руки опускаются от горя. И он не повернет назад теперь, после всей этой крови и боли.

6 ДОЖДЬ

После встречи с духами в лесу путешествие Дубэ и Лонерина стало спокойнее. Те странные призраки снова появились на следующий день перед заходом солнца, так что Дубэ и Лонерину снова пришлось дежурить по очереди. Однако на следующий день духи исчезли окончательно. Зато снова стали слышны звуки. Ветер бушевал среди ветвей, папоротники шуршали, когда их сминали лапы невидимых животных. Потом робко запела какая-то птица, и наконец зазвучали незнакомые жалобы, стихи, доносившиеся издалека. Тишина не была больше полной. Лес больше не таился и не молчал. Но от этого тревога, которую он порождал, не уменьшилась. В нем постоянно был полумрак. И Дубэ и Лонерин оба чувствовали, что за ними кто-то следит.

— Лес как будто наблюдает за нами... Как только мы вошли в него, он оттолкнул нас и послал по нашим следам своих духов, но мы выдержали это испытание. А теперь он изучает нас, и эта чаща полна существ, которые перекликаются между собой, — заметил Лонерин.

— Ты говоришь как поэт, — улыбнувшись, сказала Дубэ.

Он покраснел и ответил:

— Магия — это изучение природы, живущих в ней существ и ее законов. Может быть, поэтому я смотрю на природу, как ты сказала, «поэтически».

Дубэ подумала, что ей бы хотелось смотреть на мир так же. В ее мире все было уж слишком конкретно, в нем имело значение только выживание, а слово «жизнь» означало только способность есть, пить и дышать.

А Лонерин показал ей, что существует что-то помимо и выше этого.

Однажды Лонерин проснулся на рассвете и обнаружил, что Дубэ нет рядом. Он встревожился: нехорошо, если человек в их нынешнем положении отходит далеко от стоянки, к тому же Дубэ в этот день должна была выпить глоток своего лекарства.

Он позвал ее, но не услышал ответа и тогда стал искать ее вокруг стоянки.

Только отойдя далеко в лес, он смог найти Дубэ. Она была полностью погружена в себя. Он нашел ее среди стволов деревьев, и она была одета в черное, точно так же, как при их первой встрече. Дубэ двигалась изящно и быстро и держала в руке что-то, что блестело и чертило дуги в чистом утреннем воздухе.

Лонерин никогда не видел убийцу в деле. Он знал, что Дубэ убивала для Гильдии, убивала и до этого, но одно дело знать и совсем другое — самому увидеть и понять, что она сильна, что она — наемный убийца.

Было что-то притягательное в ее кошачьих движениях, в закрытых глазах, в танце ее кинжала. Это была смерть в таком обличье, которого Лонерин не знал, — не та, что он еще ребенком видел в общей могиле, куда люди из Гильдии бросили его мать, принеся ее в жертву Тенаару, а чарующая, сладостная смерть.

Он стоял и смотрел на Дубэ, не беспокоя ее. И поймал себя на том, что думает: «Вот так движется победитель. Так двигался тот, кто убил мою мать».

Ненависть снова вспыхнула в нем, обожгла его душу и привела за собой мучительные воспоминания о том прошлом, которое он скрывал. Ненависть к Гильдии, убившей его мать, не давала ему покоя, с этим чувством он непрерывно боролся. Именно ради этого он занялся магией. У него было его собственное задание, которое он должен был выполнить.

Он подумал: Дубэ попала в Гильдию по принуждению, но навсегда осталась одной из них.

И эта мысль показалась ему до тошноты отвратительной. Ему стало стыдно и неловко, и он поспешил позвать девушку, притворяясь, что подошел к ней только в эту минуту.

— Я не знал, что с тобой.

Дубэ удивилась.

— Мне нужно иногда упражняться, я чувствую себя лучше, если даю работу своему

телу. Это старая привычка, — объяснила она и метнула кинжал в дерево, которое росло на расстоянии нескольких локтей от них.

— Я не знала, что ты встаешь так рано, — добавила она и пошла вынимать кинжал из ствола. Ее рука немного дрожала.

Эта дрожь — из-за проклятия, вдруг подумал Лонерин.

— Таким упражнениям не обучают воров. Ты и теперь тренируешься как убийца?

Она смутилась:

— Я же тебе сказала, это необходимо. Этому меня научил мой Учитель.

— Так, значит, он был в Гильдии, я прав?

Дубэ кивнула. Лонерин хотел сказать еще что-то, но промолчал. Одно короткое, странное мгновение они молча смотрели друг на друга, потом вместе вернулись туда, где ночевали, поели и стали собираться в дорогу.

— Ты ненавидишь убийц из Гильдии, а все-таки тренируешься как они...

Сказав это, Лонерин сразу же раскаялся, но он был рассержен, сам не зная почему.

Дубэ притворилась, что ничего не слышала, и продолжала пить из фляжки, сидя на земле. Потом она взглянула на Лонерина:

— Это уроки моего Учителя.

— Уроки победителя!

— Он ушел из Гильдии.

— Но навсегда остался победителем. Примерно так же, как ты.

На этот раз Дубэ замерла. Когда Лонерин увидел, что ее ладонь едва заметно вздрагивает, он был почти доволен.

«Наконец я ее ранил, задел ее».

Но потом он испугался себя самого и вдруг сказал:

— Извини. Я... запутался. Я сердился потому, что не нашел тебя на месте, когда проснулся. В любом случае здесь жуткое место. И подумай еще о духах, которые появлялись прошлой ночью.

— Я не победительница.

— Конечно нет, — ответил он, опустив глаза.

Дубэ придвинулась ближе, ее лицо оказалось совсем рядом с лицом Лонерина.

— Я никогда не была победительницей и никогда не буду; когда мы сбежали из Гильдии и я закрыла за собой ворота, я сделала это навсегда.

Лонерин почувствовал, как его гнев исчезает от ее глубокого взгляда.

Внезапно он понял, что не знает, как держать себя с этой девушкой. До сих пор все было легко: она была его спутницей в походе, они ободряли друг друга, но теперь... Он понял, что его тревожит: ее судьба, судьба убийцы. Тревожит потому, что она делает Дубэ жертвой и палачом, а это привлекает и отталкивает его одновременно.

— Извини меня, — искренне произнес он. — Я понимаю, что тебе трудно. Просто там я неожиданно увидел тебя под другим углом зрения: ты мне показалась другой, чем ты есть, напомнила мне тех убийц, с которыми я имел дело в Гильдии. А я ненавижу Гильдию, понимаешь? Гильдия — одна из тех вещей в этом мире, которые я хотел бы уничтожить своими руками.

Дубэ опустила глаза.

— Может быть, ты не очень сильно ошибся. В конечном счете я дитя смерти.

В ее голосе была горечь, а во взгляде — холодное отчаяние, которое словно пронзило душу Лонерина. Теперь смутился он.

— Это глупые суеверия! — с жаром воскликнул он.

— Ну да, — ответила Дубэ и улыбнулась для вида. — Ты, наверное, в первый раз так близко увидел убийцу, да?

— Это не важно.

— А для меня важно, — горячо ответила она.

— Такие, как ты и я, обычные люди, могут быть только жертвами Гильдии, и никогда

не бывают ее сообщниками. И я это знаю очень хорошо, — добавил Лонерин. Какое-то время он не отрываясь смотрел на Дубэ, а потом отвел взгляд, чтобы она не смогла прочесть в его глазах его трагическое прошлое.

Была еще и другая правда — та правда, которую он сейчас был не в силах ей открыть.

Резко оборвав беседу, они продолжили путь. Папоротники хрустели под их ногами, казалось, лес продолжает их изучать.

Потом они услышали какой-то шорох и сразу насторожились. Оба остановились, Дубэ положила руку на лук.

Снова наступила давящая тишина, рождая ощущение опасности. Лучи солнца рисовали светлые пятна на листве подлеска.

Прямо над головами мага и девушки закричала птица, и оба вздрогнули. Потом мелькнула тень, непонятно какого цвета, и ударила — быстро и точно.

Животное!

Дубэ упала на землю, что-то укололо ее в живот. Лук отлетел на несколько шагов.

Она услышала какой-то странный крик, очень похожий на детский плач, и голос Лонерина, он кричал что-то непонятное.

Девушка приподнялась, крепко сжимая в руке кинжал. Его она никогда не теряла. Это был первый урок, который ей преподавал Учитель.

Не обращая внимания на боль, Дубэ перевернулась и встала на колени. Она верно рассчитала это движение, потому что оказалась сбоку от животного. На одно мгновение она замерла, не зная, что делать дальше. Перед ней было очень странное существо. Его туловище немного напоминало тело очень крупной козы, но лапы были несомненно как у зверя кошачьей породы и имели острые когти. Глаза были козьи, с таким же зрачком, горизонтальным и как будто жидким. Но зубы — крупные и широкие, слишком большие для узкой пасти. Два его рога угрожали Лонерину, стоящему напротив.

Дубэ подумала, что, должно быть, эти рога и ударили ее в живот.

Но раньше, чем она успела что-нибудь сделать, животное бросилось в атаку. Его рога быстро вращались.

То, что было сейчас у Дубэ перед глазами, было слишком нелепо, слишком невероятно, чтобы быть правдой.

Лонерин закричал: животное ударило и его.

— Дубэ, где ты там?!

Она очнулась, крепче стиснула пальцами кинжал, затем ослабила хватку: ей не надо было ничего делать, чтобы стать собой — убийцей, охотницей. Ее внутренний зверь и так издавна наполнял силой каждое ее движение.

Она попыталась застать животное врасплох, зайдя со спины, но оно повернулось в ее сторону с такой быстротой, которой Дубэ от него не ждала.

Она приготовилась защищаться и уклонилась от его удара, но один из рогов задел ее щиколотку, проведя по коже красную черту.

Она попыталась применить пару приемов, но ни один из них не завершился так, как она надеялась. Потом животное снова бросилось вперед. Теперь оно замахивалось на нее передними лапами, и когти блестели в полумраке. Дубэ не знала, что делать: рога и лапы двигались независимо друг от друга, и атаки животного были совершенно непредсказуемыми.

Она сумела, отпрыгивая в сторону, уклониться от двух его налетов, но потом споткнулась о корень и упала, успев, однако, упереться ладонями в землю. Тут она увидела, что животное приближается к ней, полностью выпустив когти. Его козья голова оказалась у нее перед глазами, и сводящее с ума несоответствие смертоносных когтей и кроткой морды вызвало у нее такой ужас, что Дубэ инстинктивно закрыла глаза.

Но Лонерин прокричал какое-то слово — всего одно, — и она открыла глаза.

Животное неподвижно стояло перед ней. Правая лапа застыла в воздухе, рога

остановились на середине поворота. Дубэ всего одно мгновение спрашивала себя, как произошло это чудо, потом инстинкт взял верх, ее тело сдвинулось с места, лезвие вонзилось в грудь животного, и оно, даже не вскрикнув, упало мертвым на землю.

Позади него Дубэ увидела Лонерина, который стоял, вытянув одну руку вперед, и тяжело дышал.

— Это пустяк, которому мы учимся еще в детстве: если крикнешь слово «литое», это парализует врага.

Дубэ, тоже задышавшаяся от усталости, попыталась встать на ноги. Значит, это сделал он.

Она подняла с земли свой лук и повернулась к животному. Его глаза были открыты, и даже теперь, мертвое, оно смотрело на нее враждебно.

— Какого черта оно напало на нас? — пробормотала девушка.

Лонерин пожал плечами:

— Еще одно доказательство того, что эта страна — место, где нет ни смысла, ни правил. Ты слышишь? — Он поднял палец, призывая ее прислушаться.

Лес молчал.

— Они все время рассматривают нас. Они изучают нас, Дубэ; все происходит так, как я тебе говорил. Ты в порядке? — спросил он, указывая протянутой рукой на ее поврежденную ногу.

Дубэ взглянула на свою лодыжку. Там была только царапина, и удар в живот тоже причинил лишь легкий ушиб. Она ответила «да» и ухватила за руку Лонерина, чтобы встать.

— А ты как?

— Я не пострадал. Ты все-таки успела вовремя.

Он озорно улыбнулся, и Дубэ тоже позволила себе улыбнуться, чтобы снять напряжение.

— Что ж, по крайней мере, мы не будем голодать. Нам же как раз нужно было пополнить запасы еды, верно? — добавил Лонерин.

Они вместе начали разделять тушу животного.

Позже Лонерин снова улыбнулся.

— «Козерог» — как по-твоему, подходит?

— Что? — вздрогнула Дубэ.

— Название этого нового вида.

— Может быть, козлоконь? — робко предложила она.

— Подойдет, но рога важнее, разве не так? И потом, мы забыли про когти.

— Тогда — конекозерог кошачий.

Лонерин рассмеялся, но Дубэ снова позволила себе только легкую улыбку. Нельзя было сказать, что она всерьез участвовала в этой игре. Было похоже, что она полностью поглощена разделкой туши.

— Ты умеешь это делать, — отметил Лонерин.

— Это — один из бесконечного множества уроков моего Учителя, — ответила Дубэ, не поднимая взгляд.

Лонерин ничего не ответил. Но позже он внезапно произнес:

— Он очень много значил для тебя, верно?

Дубэ на мгновение замерла на месте.

— Он спас мне жизнь. После того как люди моей родной деревни изгнали меня за смерть моего товарища по играм, я бродила без цели и случайно попала в страну, где шла война. Один солдат напал на меня. Учитель убил его и спас меня.

Ее взгляд снова потемнел, словно тень опустилась ей на глаза.

«Однажды я навсегда сниму эту завесу», — подумал Лонерин и сам удивился этой своей мысли.

— Я прожила с ним семь лет, и в эти годы он был для меня всем. Сначала он не хотел,

чтобы я осталась у него, — боялся, что стану обузой. Поэтому я попросилась к нему в ученицы: если он будет должен обучать меня, он не сможет меня прогнать. И он начал меня тренировать, но не слишком охотно. Он научил меня не только убивать: он объяснил мне, что такое жизнь; я всем обязана ему. И он же сам однажды сказал мне, что больше я никогда не должна убивать.

Лонерин слушал ее с интересом, но заметил, что она, рассказывая, была далеко от того, о чем говорила, словно ставила преграду между собой и прошлым.

— Ты сказала мне раньше, что убила его.

Дубэ не попыталась защититься от его слов. Бывали минуты, когда она оказывалась открытой для любого удара.

— В последние годы Гильдия искала его уже из-за меня и в конце концов нашла, — заговорила она. — Учитель убил человека, который хотел меня забрать. Убил ради меня. — Она проглотила комок в горле и продолжила: — А сам был при этом ранен. Мы бежали оттуда.

Вдруг ее слова как будто отяжелели, словно каждое падало как камень.

— Я его лечила: я хорошо знаю травы. А он однажды положил яд на лечебный компресс.

Душа Лонерина наполнилась печалью.

— Дубэ, я не...

— Он оставил мне записку, написал, что устал жить и что сделал это, чтобы спасти меня, — продолжала рассказывать девушка. — Учитель хотел внушить мне ужас перед убийством и этим вырвать меня из рук посланцев Гильдии. Но правда в том, что он умер по моей вине. Все-таки я положила компресс на его рану. Это я убила его.

Лонерин внезапно обнял ее, прижал ее лицо к своей груди. Дубэ не пошевелинулась и, кажется, даже не почувствовала этого объятия.

— Не говори больше, — шепнул ей молодой маг.

Он почувствовал, что понимает свою спутницу. Жалость, которую он испытывал к ней в пустыне, и тайная злоба против Гильдии, казалось бы, объединяли их. Но в этот момент, который вдруг соединил их новой связью, он растерялся.

Заканчивать разговор пришлось Дубэ. Она опустила взгляд и снова принялась за работу. Лонерин пришел в себя:

— Мне... мне жаль.

Дубэ снова была далеко и продолжала быстрыми точными движениями разделять тушу.

— Это жизнь. История моей жизни.

В этот момент удар грома отвлек обоих от разговора, и минута единения закончилась. Они посмотрели на небо и увидели, что свет быстро гаснет, а в просветах между вершинами деревьев разглядели серые дождевые облака.

— Погода меняется, — заметил Лонерин. — Нам нужно найти укрытие, иначе мясо испортится.

Они взвалили все мясо себе на плечи и стали со всей возможной быстротой искать себе убежище.

Еще два раската грома, затем полил дождь. Маг и девушка побежали. В конце концов они нашли что-то вроде пещеры — возможно, нору еще какого-нибудь странного животного. Лонерин, промокший с головы до ног, решил вначале войти туда один для проверки.

Свет, зажженный его заклинанием, осветил каменные стены, с которых свисали толстые корни, уходившие в землю. Очевидно, над этой норой росло дерево.

— Путь свободен, — сказал он, и оба вошли внутрь.

С помощью магии они зажгли огонь и съели немного поджаренного мяса. Оно было не таким уж плохим, к тому же оба были голодны.

Снаружи, видимо, стало совсем темно. Проливной дождь закрыл все вокруг похожей на

дым пеленой. Видны были только ближайшие ко входу листья, а дальше — непроницаемый занавес мрачного серого цвета.

И все же здесь им было спокойнее, чем раньше. Возможно, дело было просто в том, что они были одни в этом так удобно расположенном укрытии, и отдыхали, и ели. А возможно — в том, что лес и его странности, как им казалось, остались снаружи, за стенами норы. Как бы то ни было, Дубэ почувствовала, что напряжение слабеет, и позволила себе рассмеяться, увидев, как Лонерин говорит с полным ртом. Она забыла недавнее пылкое объятие, которое напугало ее и одновременно обожгло.

Дождь лил всю вторую половину дня. Дубэ и Лонерин все это время просидели у костра, пытаясь просохнуть. Лонерин использовал это время, чтобы нанести их путь на карту Идо. Они были в пути уже больше десяти дней и все время двигались примерно в том направлении, где должен был находиться дом Сеннара.

Пока молодой маг чертил карандашом знаки и читал на оборотной стороне листа указания гнома, Дубэ наблюдала за ним. Он напомнил ей Учителя — заботу, с которой тот точил свое оружие, сосредоточенность, с которой тот делал свою работу. Она почувствовала под курткой письмо, которое хранила на своем теле, — то, которое Учитель написал ей перед тем, как дать себя убить. Она подумала, не повредила ли вода это письмо, и почувствовала искушение достать его.

Но она не сделала этого. Ее смущал Лонерин: пришлось бы объяснять, что это такое, а она и так уже слишком много ему рассказала.

Наконец наступила ночь. Шум дождя стал сильнее.

— В любом случае завтра мы должны продолжить путь, — заметила Дубэ, широко раскрытыми глазами вглядываясь в густую тьму за стенами пещеры.

— При таком дожде трудно идти.

— Нехорошо оставаться на одном месте дольше, чем надо. Я уверена, что убийцы из Гильдии идут за нами.

— Ты слышала их?

Она покачала головой:

— Не нужно слышать. Я знаю это, можешь мне поверить. Они идут за нами.

На этот раз Лонерин не стал спорить.

— Перед ними будут те же препятствия, что были перед нами, и, если нам немного повезет, мы сможем ускользнуть от них.

Дубэ хотела бы быть такой же оптимисткой, как ее спутник. Но вместо этого она посмотрела на символ-печать на своей руке, знак своей связи с Гильдией. Он слегка пульсировал.

— Как ты себя чувствуешь? Мой напиток лучше того, который давала тебе Рекла?

Дубэ инстинктивно накрыла символ ладонью. Она не любила, когда кто-нибудь задавал ей такие вопросы.

— Да, можно сказать, он отличный.

— Может быть, лучше я взгляну на это.

Лонерин уже начал подниматься с места, но Дубэ его остановила:

— Я чувствую себя хорошо.

— А это позволь решать мне.

Он насильно отодвинул ладонь и взглядом лекаря осмотрел печать на руке. Дубэ терпеть не могла, когда ее обследовали. С тех пор как в ней поселился зверь, так было всегда. В какой-то момент появлялся маг или жрец, и ее тело переставало принадлежать ей, становилось чем-то вроде книги, в которой каждый читал что-то свое.

— Похоже, что все в порядке, но, может быть, тебе стоит принять еще один глоток, если ты чувствуешь себя не совсем хорошо.

Дубэ высвободила руку из его пальцев.

— Пузырьков с напитком не так много, а я уже сказала, что чувствую себя хорошо.

— Я только хотел помочь тебе.

Хотя Лонерин был, похоже, очень огорчен, но Дубэ была не в силах принять его сострадание.

— Послушай, ты просил меня, чтобы я попыталась верить в это поручение, и я буду верить. Но теперь уже я прошу тебя: пожалуйста, не смотри на меня с такой жалостью всякий раз, когда заходит речь о моем здоровье. Меня от этого тошнит.

Ее взгляд при этих словах был, может быть, даже слишком суровым.

— Это не жалость, и потом, я только стараюсь быть рядом с тобой.

— Тогда будь рядом, и только, — отрезала она.

Дубэ терпеть не могла, когда ей тыкали в нос ее слабость — ей, которая ценой больших страданий научилась быть сильной.

— Нет ничего плохого в том, чтобы иногда быть слабым, и еще меньше плохого — в том, чтобы доверять другим.

Дубэ его слова задела за живое. Не это ли на самом деле ей противно — необходимость доверять кому-то, в то время как она давно отвыкла от этого?

Она ничего не ответила, только опустила голову на скрещенные руки и стала смотреть на огонь. Для нее разговор был окончен.

— Твоя гордость мешает мне помогать тебе, — заявил Лонерин.

Это ее родная деревня Сельва. Вдали — ее отец и мать и еще Матон — мальчик, который очень нравился ей тогда. До них так далеко, что она едва слышит их голоса. С ними и Горнар, ее товарищ по играм.

Дубэ смотрит, как они живут без нее, словно она никогда не появлялась на свет. С ними ее Учитель, и он чувствует себя своим среди них. А он не должен быть здесь: он никогда не был в Сельве, он — из другой жизни.

Учитель разговаривает с матерью, смеется вместе с ней.

«Сколько раз я видела, как Учитель смеялся? И было ли это?»

И все-таки он смеется и его лицо выражает счастье. Он ухаживает за ее матерью, это совершенно ясно. Дубэ приходит от этого в ярость, она хочет присоединиться к ним, потому что сгорает от ревности. Но ей это не удастся: ее руки и ноги тяжелые, словно сделаны из камня, и, хотя она напрягает все силы, ей не удастся пошевелить ни одним мускулом. Поэтому она остается на месте и неподвижно смотрит на происходящее. Учитель качает на руках сына ее матери — мальчика, которого та родила, когда отец Дубэ — уже после ее изгнания из деревни — умер, и мать начала жизнь снова, с другим мужчиной в Макрате. Учитель целует мать в щеку, лукаво смеется, а Дубэ чувствует себя так, словно ее режут на части.

Она пытается закричать, но не может.

Лонерин подходит к Учителю, начинает с ним говорить. Его руки светятся, как это бывает под действием магии.

В этом соседстве есть какая-то ошибка — в неудачном сочетании живых и мертвых людей, у которых нет ничего общего, и Дубэ хотела бы одним своим присутствием уничтожить это неестественное положение дел.

Но вдруг над ними нависает огромная тень — это зверь. Дубэ знает, что это он и что он убьет всех, проглотит их и они исчезнут навсегда. От них не останется даже воспоминания. Она вздрагивает от страха. Никто не видит эту опасность, все зависит только от нее. Только она сама может уничтожить этого злого духа и спасти их от смерти.

Дубэ пытается шевельнуть ногами, но они скованы. Она пытается закричать, но ее горло онемело, и не издает ни звука. Она чувствует, что слезы подступают к ее глазам, но даже заплакать не в состоянии.

У нее больше нет тела, есть только душа, неразличимая и неосязаемая, и эта душа куда-то плывет. Девушку охватывает ужас. Только чей-то голос вдали кричит:

— Дубэ! Дубэ!

Лонерин сильно встряхнул Дубэ, чтобы разбудить ее, но не смог этого сделать.

Все случилось совершенно неожиданно.

Она заснула, а он не спал и думал. Ее слова причинили ему боль, но и заставили его задуматься. Состраданием ли было то чувство в глубине тела, под грудью, два дня назад? Сострадание или нет — это жгучее желание спасти ее?

Он смотрел на огонь, а его пальцы в это время играли с маленьким бархатным мешочком, в котором лежала прядь волос Теаны — девушки, которая вместе с ним изучала магию и тоже была ученицей советника Фольвара. Перед тем как отправиться на задание в Гильдию, Лонерин поцеловал Теану; тогда он верил, что между ними есть что-то вроде любви. Тогда она и дала Лонерину эти волосы.

Но потом появилась Дубэ, и все изменилось. Теперь Теана была только далеким воспоминанием.

Молодой маг повернул голову в сторону Дубэ и посмотрел, как она спит. Он сразу понял, что с ней что-то не так. Дыхание девушки было прерывистым и учащенным.

Он вскочил с места и сразу же почувствовал странный опьяняющий запах, от которого его тело внезапно начало цепенеть, а глаза — закрываться.

Лонерин одним прыжком оказался возле Дубэ. Теперь он старался не дышать, посмотрел на девушку — вокруг нее вился тонкий фиолетовый дымок, который, видимо, шел из корней, к которым девушка прислонилась, чтобы уснуть.

Лонерин сразу догадался, что странный запах издавали именно эти корни.

Тогда он оторвал кусок ткани от куртки и завязал им рот, чувствуя при этом, как его мышцы теряют подвижность.

Разумеется, дерево содержало в себе какое-то необычное вещество, и Дубэ отравилась этим ядом.

Лонерин потянул ее за ноги, не прикасаясь к корням. На ее волосах была странная смола, и Лонерин следил за тем, чтобы не коснуться этой смолы даже своей одеждой.

Он вытащил Дубэ наружу, под дождь, который был по-прежнему сильным, и всеми возможными способами стал будить ее: «Дубэ! Дубэ!»

Никакого ответа. Он попробовал снова — стал бить ее по щекам. Но и это не помогло.

Сердце бешено стучало у него в груди. В отчаянии он снова встряхнул ее и тут заметил, что дыхание девушки стало ровным. Грудь поднималась и опускалась слабо, но ритмично, но она все еще не пришла в сознание.

Он перебрал в памяти все заклинания, которые приходили ему на ум, но о растениях он знал мало, а вернее, ничего. Он тысячу раз проклял себя за это, но старался сохранять спокойствие.

Вдруг он услышал чей-то голос и резко повернулся в сторону чащи.

Какое-то время Лонерин стоял неподвижно, стараясь на шуметь: может быть, это паника сыграла с ним злую шутку.

Лес был как большой барабан, на котором с жаром выбивал свою мелодию дождь. Как слышать что-нибудь в этом грохоте?

В следующий момент он убедился, что был прав: из леса до него донесся шум шагов, и листва зашевелилась.

«Будь они прокляты!»

Он заставил себя приободриться, схватил Дубэ за плечи и с трудом взвалил ее себе на спину. Размокшая земля превратилась в скользкую грязь, а дождь мешал ему видеть. Вокруг была только темнота — и ничего больше.

Лонерин направился к тому малому участку леса, который был немного виден в темноте: там он с трудом разглядел что-то похожее на тростники или камыши. Он спрятался за ними вместе с Дубэ, опустился на колени и стал ждать.

Молодой маг надеялся, что все ему просто показалось, что у него была галлюцинация. Может быть, рядом никого нет. Но все-таки лучше соблюдать осторожность.

Он чувствовал, как колотится в груди его сердце и как течет по его телу дождевая вода. Дождь уже промочил его до костей.

Долгое время были слышны только kloкочущий шум ливня и гром, несколько разрядов которого прозвучали вдали. А потом появились они.

Лонерин на мгновение увидел за стеблями три пары черных сапог, которые ступали по грязи, впечатывая в нее глубокие следы. Он разглядел блеск кинжалов и длинные плащи, намокшие от дождя. Он сразу понял, кто это.

Вот они, убийцы-победители, посланцы Гильдии, в конце концов нашли его и Дубэ!

— Они прошли здесь, — сказала Рекла.

Лонерин стиснул зубы.

— И вошли внутрь.

Рекла, нагнувшись, вошла в пещеру, и ее два спутника, один за другим, молча сделали то же.

Долго ли они там пробудут? И как быть, когда они выйдут? Дубэ не двигалась, а он не мог им противостоять.

И молодой маг, даже не думая, сделал то, что было нужно: вскочил на ноги, выпрыгнул из зарослей и прокричал заклинание. Водоворот земли ринулся во вход пещеры. За несколько секунд земля заполнила ее всю так, что ее не стало видно.

Лонерин едва успел увидеть лицо Реклы. Она повернулась к нему, обожгла его полным ненависти взглядом и тут же исчезла под землей.

Дождь снова наполнил своим шумом все вокруг. Лонерину стало трудно дышать. Внутри обязательно должен еще быть газ, а если его и нет, достаточно кому-нибудь из тех троих прислониться к корням, чтобы он появился снова. Но они конечно же быстро поймут, в чем дело, и найдут решение.

Он повернулся к Дубэ, по-прежнему лежавшей пластом на земле.

Ему и ей срочно надо было бежать отсюда.

7

В ТЕНИ СЕРЕБРЯНЫХ ЛИСТЬЕВ

Лонерин взвалил Дубэ на плечи и побежал что есть силы.

У него не было времени придумывать план действий. Сейчас самым главным было скорее оказаться как можно дальше от пещеры: те трое из Гильдии очень скоро сумеют освободиться.

Дождь по-прежнему лил без остановки, создавая занавес из тумана. Лонерин споткнулся о корень, упал, прополз несколько локтей, скользя по грязи, потом снова свалился лицом в ил под тяжестью своей ноши. Когда он поднялся на колени, он дрожал так, что зубы стучали.

Тяжело дыша, молодой маг тревожно огляделся вокруг. Все казалось ему одинаковым — листья, деревья, безжалостное небо над головой. Не было никакого смысла двигаться дальше, пока он не выяснит, в каком направлении надо идти.

Спокойно, спокойно...

Он достал свободной рукой иглу и произнес заклинание. Слабый синий луч указал назад. Лонерин ошибся.

«Черт возьми!»

Он опять уложил себе на спину Дубэ, которая все еще была без сознания, и снова побежал.

— Дубэ, Дубэ, ты проснулась?

Удар грома заглушил все остальные звуки.

— Я несу тебя в сухое место! Не волнуйся.

На самом деле он совершенно не представлял себе, куда бежит. Путь ему указывал

только этот узкий луч, который освещал мясистые цветы и огромные листья. Молодой маг шел наугад, но не мог поступить иначе.

Вскоре лес стал еще гуще, и Лонерин почувствовал, что его руки слабеют от усталости. Бежать с девушкой на плечах было трудно, но луч из иглы продолжал указывать прямо вперед. Лонерин не мог остановиться: он должен был отнести Дубэ туда, где она будет в безопасности.

Ветви хлестали его по лицу, и дальше ему пришлось идти нагнувшись. Он вошел в проход между деревьями, который растения превратили в узкий темный туннель, и здесь на мгновение остановился, не в силах понять ни где находится, ни как попал сюда. Луч света в конце концов изогнулся вправо. Такого еще никогда не бывало, и это на мгновение встревожило Лонерина.

Во всем этом была и хорошая сторона: здесь, по крайней мере, не лил дождь, и странное покалывание в ладонях заставило Лонерина предположить, что луч отклонило в сторону какое-то заклинание. Лонерин чувствовал, что это не опасно, и решил продолжить путь. Он позволил Дубэ соскользнуть с его плеч и уложил ее на землю, потом взял девушку за руку и потащил волоком.

Он прополз на четвереньках довольно большой отрезок пути. Проход сделался еще уже, и повернуть назад теперь невозможно: другого пути не было. Лонерина охватил панический страх: он чувствовал себя как в ловушке, а дождь оглушительно шумел у него над головой. Молодой маг в отчаянии закричал, и кричал, пока у него не заболело горло. Потом неожиданно вспыхнул ослепительный свет. Он шел из глубины туннеля, и Лонерин прикрыл глаза рукой, чтобы не ослепнуть. А когда его глаза привыкли к свету, то, что он увидел, привело его в восторг.

Перед ним была поляна, со всех сторон окруженная переплетением деревьев и кустов. В ее центре возвышалось огромное дерево с серебристой листвой, от которого шел яркий оранжевый свет. Лонерин никогда не видел такого громадного растения. С высоты оно, должно быть, выглядело прекрасным белым пятном среди блестящей зелени леса. От ствола, с множеством прожилок, тянулись сотни побегов, которые пускали корни в жирную черную землю. Изменчивые блики этого света на листьях освещали все вокруг, и листва слегка дрожала, хотя в воздухе не было ни малейшего ветерка. Это выглядело так, словно дерево было живым и поток энергии непрерывно лился по нему в землю.

Это был Отец Леса. Такие деревья существовали и во Всплывшем Мире, одно такое было в каждом лесу. Это были особенные деревья: в них жили духи, дававшие сок и жизнь лесам, которые они охраняли.

Наконец Лонерин понял: это дерево своей магической силой направило луч его заклинания в туннель. Молодой маг восхищенно улыбнулся: он знал, что здесь их никто не найдет и никто не посмеет причинить им зло.

И тут кто-то дотронулся до его ноги.

Лонерин увидел Дубэ. Девушка смотрела на него тусклым взглядом, и на ее лице отражалось страдание. Но глаза были открыты, и она доползла до него.

— Мы спаслись, — сказал ей Лонерин.

Дубэ еще не могла идти сама, но ее ум немного прояснился. Уже засыпая, она почти поняла, что это не был нормальный сон. Она смогла удержаться на границе сна настолько, чтобы противостоять отключавшему ее сознание действию яда, но оказалась не в состоянии бежать, а теперь чувствовала, что ее мысли путаются. Страдая от тошноты, она чувствовала, что все ее тело вздрагивает и качается и что-то твердое давит ей на желудок, но больше ничего не могла вспомнить. Почему они убежали? Как они добрались сюда?

Лонерин прислонил ее к огромному дереву. Дубэ с трудом сумела разглядеть, что они находятся на какой-то поляне. Свет здесь был странный, и ее глаза еще не привыкли к нему. Ей показалось, что ее спутник на пределе сил: у него осунулось лицо и дрожали руки. Она не могла понять, что случилось. Конечно, яд еще оставался в ее организме и мешал ей мыслить

связно. Девушка закрыла глаза и постаралась сосредоточиться, спрашивая свое тело, какое противоядие ему нужно.

«Трудно контролировать конечности и речь. Зрение затуманено. Помутнение сознания».

Она мысленно видела перед собой симптомы отравления один за другим, но так же действовали очень многие яды, известные во Всплывшем Мире, и это усложняло задачу. Она должна еще больше напрячь силы, должна попытаться вспомнить.

— Не бойся, я знаю, что нам нужно.

Дубэ открыла глаза и смутно разглядела Лонерина, который вынул из ножен кинжал и вонзил его в дерево, которое было у нее за спиной.

Потом она почувствовала, как по стволу пробежала дрожь, почти болезненная судорога. Чуть позже Лонерин наклонился над ней и протянул к ней сложенные ковшом ладони.

— Пей.

Она не стала спорить и жадно выпила ту похожую на молоко жидкость, которая была у него в ладонях. Напиток влился в нее, свежий и спасительный. Амброзия, средство от любой болезни. Дубэ никогда ее не пила, потому что это было редкое лекарство. Отцы Леса были священными, и их можно было тревожить только в самых тяжелых случаях, к тому же амброзия находилась в исключительной собственности фоллетов, и только они решали, кому ее дать. Конечно, здесь это право не действовало.

Дубэ, чувствуя себя уже лучше, прижала голову к стволу. Лонерин накрыл девушку той частью плаща, которая была сухой, и сел рядом. Это было последнее, что увидела Дубэ. Потом ее накрыли темнота и беспамятство.

Дубэ не знала, сколько времени она проспала, но, когда проснулась, почувствовала, что все ее тело онемело, а губы как будто склеились.

— Доброе утро, — улыбнулся ей Лонерин и чихнул.

Дубэ нахмурилась.

— Тебе плохо? — спросила она его хриплым, как будто не своим голосом.

Он покачал головой, но потянул носом и, ничего не ответив, подал ей новую порцию амброзии.

Дубэ посмотрела на него. Ей самой еще было плохо, приступы тошноты сжимали ей желудок, и голова кружилась так, что девушка не могла ходить. Но она не привыкла, чтобы вокруг нее так хлопотали, не привыкла, чтобы кто-то другой заботился о ней больше, чем о собственном благе. Сколько времени прошло с тех пор, когда это было? Дубэ вспомнила, как ее мать приносила ей в постель горячий суп и шупала рукой ее лоб и как Учитель лечил ее — смазывал рану тем бальзамом, который через много лет его убил. Вспомнился ей и Дженна, ее дорогой друг из Макрата, его чистые простыни и то, как он касался ее позвоночника, когда лечил.

— Выпей это сам, у тебя явно начинается простуда, — сказала она Лонерину.

Молодой маг беспечно махнул рукой, а потом изобразил на лице суровость и строго поглядел на нее.

— Если не выпьешь, я вылью ее на землю.

Дубэ поворчала немного, но выпила глоток.

— Но теперь уже твоя очередь, а потом расскажи мне все.

Лонерин сделал, как она сказала: выпил остаток амброзии и рассказал своей спутнице о Рекле, яде и о беге по лесу.

Дубэ внимательно слушала его, не упуская ни слова.

— Рекла и ее люди вернутся, — сказала она, когда он закончил.

— Я бы не был так уверен в этом. Посмотри, что яд сделал с тобой.

— Рекла — страж ядов Гильдии. Нет такого растения, которого бы она не знала.

— Но этого растения нет во Всплывшем Мире.

Дубэ позволила себе усмехнуться.

— Яд вызывает галлюцинации и функциональные нарушения в нервной системе, иногда также приводит к остановке дыхания. Не важно, какое это растение, потому что эти симптомы всегда вызывает одна определенная группа веществ. И я уже могу тебе сказать, что их можно излечить с помощью настойки из синих листьев и влажных компрессов из кервеля.

Лонерина это, похоже, удивило.

— Ты разбираешься в ботанике!

Дубэ покраснела.

— Ну да. Когда я помогала Учителю, он иногда давал мне деньги, и я покупала на них книги по ботанике, если мне не было нужно что-нибудь другое.

Она вдруг раскаялась в том, что сделала это признание. Дубэ хорошо представляла себе, как Лонерину трудно освоиться с тем, что она — убийца. Она и сама почти за десять лет не сумела к этому привыкнуть.

— Ты не создана быть ни воровкой, ни убийцей, — серьезно сказал он.

И во взгляде Лонерина была такая убежденность, что Дубэ отвела в сторону глаза. Те же самые слова когда-то давно сказал ей ее Учитель. Подумав об этом, она нахмурилась и хотела сказать что-нибудь дерзкое в ответ, но, когда повернулась к Лонерину, обнаружила, что его уже нет рядом.

Поблизости от нее еще шевелились папоротники. Было совершенно ясно: Лонерин ушел глубоко в чащу искать растения для противоядия.

Дубэ захотела пойти вслед за ним, но у нее не хватило сил даже для того, чтобы встать, и она осталась лежать возле дерева.

Ее спутник вернулся быстро. Он нашел кервель и теперь сделал Дубэ компресс.

— Ты не должен был этого делать.

— Если я не буду его накладывать, ты не поправишься, а если ты не поправишься, мое дело не продвинется вперед. Я делаю это для себя, как ты всегда любишь говорить.

— Ты мог бы бросить меня там.

— А ты бы так поступила?

Дубэ не ответила. Ей действительно было странно зависеть от кого-то другого, но что плохого в том, что она на минуту сделала вид, будто она не одна. Зверь, Гильдия, Рекла — все мысли о них она хотела оставить на краю этой поляны. Хотя бы ненадолго.

Да, кстати, Рекла. Теперь, когда Лонерин перехитрил ее, Рекла не успокоится. А она сама сможет ли с ней бороться? Тех было трое, по крайней мере, так сказал Лонерин. Может быть, Дубэ смогла бы справиться с двумя другими убийцами, но с Реклой? С ней — нет, это явно было выше ее возможностей.

Дубэ сжала в пальцах рукоять кинжала. Ее сердце сильно билось.

Ей надо выздороветь как можно скорее: даже здесь она и Лонерин не в безопасности.

Это были торопливые похороны. Рекла и Филла выкопали яму ровно такой глубины, которой было достаточно, и бросили в нее безжизненное тело своего товарища Керава.

Там, под землей, им пришлось очень плохо. Они все могли умереть от удушья. Проклятый маг оказался хитрым и быстрым. И пещера была еще полна газа, а этот идиот Керав прислонился к корням, когда уже кашлял.

Рекла сразу поняла, что надо делать, но у нее закружилась голова и мысли стали путаться. Она тоже почувствовала на себе действие яда. Только сила отчаяния и сознание важности порученного ей задания помогли ей разрыть землю голыми руками и найти выход. Ее тело извивалось от судорог, когда она искала под дождем составные части для противоядия и смешивала их с теми, которые несла с собой в мешке. В конце концов старания Реклы были вознаграждены: она спасла себя и Филлу. Но спасти Керава она не успела.

По крайней мере, его конец был быстрым и безболезненным. Рекла сама позаботилась

об этом: она умела убить, не заставляя страдать. И она набрала немного его крови в пробирку, чтобы принести ее в Дом.

Рекла не испытывала никаких чувств по поводу этой смерти. Керав для нее был только победителем, и ничем более. Она относилась к нему с почтением, как к товарищу, но оплакивала смерть победителя. Так ее научили.

Товарищи по оружию уважают один другого, но любить следует одного Тенаара.

Любовь ко всем, кроме него, не существует, а телесная близость между полами нужна лишь для того, чтобы рождались новые победители. Дружба — иллюзия, братство товарищей — единственное, что ценно.

Кем был Керав сам по себе? Ждет ли его кто-то напрасно в Доме?

Это было не важно. Рекла завидовала своему собрату только в одном: Керав теперь был под землей, в кровавом царстве Тенаара, и мог видеть этого бога.

— Мой повелитель, поговори со мной.

Ей ответило только эхо ее собственных мыслей.

Рекла вспомнила о маге, который прокрался к ним, и ее охватила бешеная ярость. Дубэ она убьет спокойно, выпустит ее кровь в священный бассейн, но этот мальчишка будет для нее лакомым куском: его она уничтожит здесь, в Неведомых Землях. Рекла сжала кулаки с такой силой, что ногти вонзились ей в ладони.

Лонерин и Дубэ остановились на ночь возле маленького водоема — точнее, великолепного озера. Оно было полно прозрачной воды и сбоку украшено крошечным водопадом. Уже много дней маг и девушка шли почти без остановки, стараясь оказаться как можно дальше от своих преследователей из Гильдии, но в этот вечер они устали, страдали от жажды и потому решили устроить привал.

Лонерин прыгнул в воду первым и втащил за собой не ожидавшую этого Дубэ.

Играть после всего, что произошло, было так неожиданно и естественно, что даже у нее на этот раз появилась на губах искренняя улыбка.

Лонерин смотрел на то, как Дубэ вынырнула и легла на воду. Ему хотелось бы чаще видеть ее улыбку. Молодой маг снова почувствовал огромное желание любой ценой спасти эту девушку.

Выйдя из воды, Дубэ почти сразу же уснула. Может быть, причиной было купание или усталость, но Лонерину показалось, что в этот раз она спала спокойно.

Сам же он не лег спать, а остался сидеть у костра и разложил на земле карту. Рядом с записями, написанными мелким почерком, — указаниям Идо — стояли теперь его собственные. Лонерин не отказывал себе в удовольствии быть немного исследователем. В глубине души он мечтал вернуться назад как исследователь с красивой новой картой.

Только почувствовав, что совсем лишился сил, он решил отдохнуть, лег на землю и повернулся лицом к озеру.

На неподвижной поверхности воды, в нескольких метрах от водопада отражался идеально круглый диск луны. Лонерин хотел пить, и ему пришло на ум напиться из ручья. У них с Дубэ был большой запас воды в заплечных мешках, но сколько времени он уже не наклонялся к ручью или чему-то вроде ручья?

Лонерин с жадностью взглянул на гладкую поверхность озера. Было почти кощунством уродовать ее при питье.

Он был как-то странно не уверен в том, как ему поступить. А потом из воды стало что-то подниматься.

«Может быть, я не заметил, как уснул», — подумал Лонерин. Действительно, все вокруг казалось ему совершенно нереальным. Но он чувствовал, что не спит.

Из воды медленно всплывало какое-то существо. Его темный профиль был обведен по краю тонкой полоской света. Над поверхностью показалась плоская голова, потом тонкая шея, опиравшаяся на хрупкие, как у ребенка, плечи.

Стояла полнейшая тишина, даже водопад не шумел.

Лонерин был словно загипнотизирован. Он слышал только дыхание загадочного существа, смотревшего на него из центра озера. Лонерину захотелось подойти ближе и дотронуться до этого создания. Он знал, что должен это сделать.

Он встал и пошел вперед. Пока ноги Лонерина осторожно ступали, странное существо бесшумно приближалось к берегу, даже не поднимая волну на озере. Вода оставалась совершенно неподвижной, и даже отражение луны не было искажено, а по-прежнему имело вид светящегося диска.

Приближаясь к озерному существу, Лонерин постепенно начал различать новые особенности его облика. Рот существа был на самом деле довольно плоским и кривым клювом, а глаза были маленькими и светились; они были похожи на глаза пресмыкающихся. Существо казалось безобидным: у него была такая смешная плоская голова, окруженная по бокам венчиком из жесткой, торчащей во все стороны щетины.

Лонерин был уже так близко, что мог бы коснуться существа, но не сделал этого, а только смотрел ему в глаза. А потом вдруг все исчезло: ночь, лес, озеро. Остались только пустота, он сам и это странное существо.

Лонерин ничего не заметил, а когда укол холода и прикосновение четырех лап заставили его вернуться к действительности, было уже поздно, он попытался закричать, но рот наполнился водой. Перед собой, на расстоянии ладони от лица, он видел морду озерного существа. Оно зло усмехалось, у него были безжалостные лукавые глаза и два плотных ряда острых зубов.

Дурак из дураков — вот кем он оказался. Теперь оно уносит его на дно. Оно его обмануло, а он ведь читал целые тома о том, как надо остерегаться тех уловок, которые применяют водяные создания.

Лонерин начал задыхаться. От нехватки воздуха и уверенности, что спастись невозможно, он потерял способность думать и только пытался в паническом ужасе вырваться из этих лап, но все было бесполезно. Зверь вытянул шею, собираясь его укусить. Лонерину казалось, что его желудок вот-вот расплавится от страха.

Потом он услышал странное бульканье, стон, и затем чья-то рука вытащила его из озера.

Он упал ничком на берег, разбрызгивая воду и наполняя легкие воздухом.

— Все хорошо?

Это был голос Дубэ, и он звучал печально. Лонерину он показался самым прекрасным звуком в мире.

Он перевернулся на спину и стал жадно дышать, а отдышавшись, кивнул. В одной руке у Дубэ был лук, и она еще держала его прямо. Лонерину было невыносимо оказаться перед ней таким дураком: он позволил обмануть себя, как новичок.

— Не знаю, кто это был, но ты стреляешь очень точно, — произнес он.

Дубэ с облегчением улыбнулась.

— Мы все время спасаем жизнь друг другу, — пошутила она и протянула ему свободную руку, помогая встать.

Лонерин пристально посмотрел на нее, и на мгновение его сердцу стало тепло.

8

ВСТРЕЧА ПРИ ЛУННОМ СВЕТЕ

Когда Шерва решил сделать остановку, был уже вечер. Он сошел с коня и всеми легкими вдохнул свежий воздух, который своей прохладой предвещал безлунную ночь. В жилах Шервы текла кровь нимфы, и ему хотелось быть среди природы, а жизнь в Доме очень редко позволяла ему удовлетворить это желание. Он долго смотрел на ту мрачную и разоренную землю, где сейчас находился. Поваленные деревья, обглоданные огнем пни и мертвые растения. Это было все, что осталось от Чащи после Великой Войны и безумств

Дохора. Как все-таки мало нужно, чтобы уничтожить жизнь, существовавшую много столетий...

Шерва повернулся к своему собрату по оружию, Леуке, еще сидевшему в седле вместе с мальчиком, которому они заткнули рот кляпом, и дал Леуке знак спускаться. Но тот запротестовал:

— Мы на открытом месте, здесь нас может найти кто угодно.

— Здесь защищенное место, и это приказ.

Леука, не задавая лишних вопросов, сошел с коня и снял с него мальчика. Помимо всего прочего, Шерва был стражем, то есть носил одно из высших званий в Гильдии, а сам Леука был обычным победителем. Он был обязан повиноваться.

Шерва повернулся к черному величавому стволу, рядом с которым стоял. Кора на этом дереве позеленела, его сухие ветви изгибались в пустоте, словно согнутые последней судорогой. Ковер из зловонных листьев шуршал у Шервы под ногами. Значит, вот он — Отец Леса Ниял, могучее дерево, воспетое в «Хрониках Всплывшего Мира». Посередине ствола было дупло — то самое, в которое Ниял опустила руки, чтобы вынуть сердце, которое должно было спасти страны Всплывшего Мира от Тиранно.

Шерва прикоснулся к нему и опустился на колени. «Защити мой путь, охраняй меня ночью, окутай мое ложе».

Его мать и культура нимф научили его чтить великие растения, и потому он прочел эту молитву. В его жизни, посвященной искусству смерти, не было места ни для Тенаара, ни для других глупых богов. Для него существовали только высокие чистые духи, которым поклонялся его народ.

Пока Леука привязывал к соседнему стволу веревку, которая связала пленника, Шерва с любопытством рассматривал этого мальчишку. У того был завязан рот, глаза были красными, веки опухли, на щеках грязь и следы слез. Теперь маленький пленник тоже смотрел на Шерву, и в этом взгляде страж разглядел глубокую ненависть, которая ему понравилась. Шерва заметил и то, что во внешности мальчика была заметна примесь крови эльфов: цвет волос был средний между синим и черным, а верхушки ушей высокие, со странно заостренными концами. Ничего общего с отцом, бессильным получеловеком, которого он, Шерва, дал себе труд убить собственноручно. Может быть, этот мальчик действительно подходил для планов Иешоля, но Шерве это было не интересно и потому не важно.

— Сними с него повязку, — сказал он наконец Леуке.

Тот взглянул на Шерву неуверенно. Мальчишка был для Леуки неудобен, он бы предпочел быть осторожнее. В глубине души Леука тоже был прежде всего убийцей, и для него было важно выполнить задание без всяких неожиданностей. Привал на этой поляне уже сам по себе был рискованной случайностью, а теперь еще велят освободить этого сопляка...

— Но, мой господин...

— Он нужен нам живым, верно? А чтобы он был живым, он должен есть и пить. Сними повязку, я сказал.

Леука не мог идти против старшего и развязал мальчику рот. А маленький пленник, как только у него освободились зубы, изо всех сил укусил его ладонь. Раздался крик, и Шерва мысленно улыбнулся.

— Проклятый ублюдок! — И Леука так ударил мальчика, что рассек ему губу.

Шерва действовал с быстротой молнии: одним прыжком оказался рядом с ними и ухватил Леуку за руку раньше, чем тот смог снова ударить мальчика.

— Иешоль желает получить его целым, ты меня понял? — сказал он своему помощнику, выворачивая эту руку в запястье.

Леука, у которого на теле выступил холодный пот, кивнул.

«Тебе, значит, легко брать верх над слабыми — такими, как Леука; но возьмешь ли ты верх над Иешолем?»

Шерва на мгновение задумался, потом с отвращением отпустил своего товарища и

наклонился к мальчику. У того текла кровь из рассеченной губы, и он шмыгал носом. Мальчик плакал, но не жаловался. Он по-прежнему смотрел на Шерву гневно, и убийца снова улыбнулся — на этот раз иронически.

— Взглядом ты меня не убьешь.

Шерва вынул кусок сыра и вложил его в ладонь мальчику.

— Это на сегодня. Если будешь послушным, завтра получишь в два раза больше.

Мальчик бросил кусок на землю, крикнул:

— Я ничего не хочу от тебя, убийца! — и плюнул в Шерву.

Шерва, искривив рот в злобной гримасе, наклонился к его лицу:

— Я бы мог в любой момент свернуть тебе шею, и ты бы ничего не смог сделать, чтобы мне помешать. Так же, как ничего не смогли сделать твои родители. Помни это.

Мальчик укусил себе губы так, что они побелели.

Шерва схватил его за волосы и сделал это так, чтобы мальчик хорошо усвоил его слова.

— Меня нисколько не трогают ни твоё презрение, ни то, что ты говоришь.

Помолчав, он добавил:

— А теперь ты будешь есть, потому что ты мне нужен живым.

Он поднял с земли брошенный сыр и одной рукой засунул его в рот мальчику, а другой сжимал этот рот, пока мальчик не откусил и не проглотил немного. После этого Шерва уже с удовлетворением посмотрел на мальчика, затем передал сыр Леуке и оставил его продолжать кормление.

Все время до конца ужина Шерва смотрел на них. Ему втайне было приятно видеть, как грубо Леука ломает упрямство мальчишки. Страж знал, что это — наслаждение трусов, но не хотел отказывать себе в таком удовольствии. С тех пор как Дубэ сбежала, вся его жизнь как будто стала ничтожной и убогой. Почему он не использовал эту возможность и не убил Иешоля?

«Может быть, ты думаешь, что день, когда ты сможешь дотянуться до Иешоля, не настанет никогда».

Эти слова преследовали его и вызывали бешеную ярость: они показывали ему, чего он стоит: провел всю жизнь убивая, но так и не смог достичь вершины в этом искусстве. И ведь он на самом деле чувствовал себя недостаточно сильным, потому и взялся добровольно за это поручение. Он старался сломить мальчика только для того, чтобы не думать о собственной слабости.

— Хватит уже, заткни ему рот, — сказал он Леуке.

Тот поспешно выполнил приказание.

Потом, когда Шерва ужинал вместе со своим товарищем, все время слышал стоны мальчишки. Оба за едой молчали, но это молчание было наполнено смыслом.

— А гном? — спросил Леука, когда ужин закончился.

Шерва сразу же мысленно увидел перед собой гнома.

Он совершенно не представлял себе, кто это мог быть, но это был необычный противник. То, как легко он освободился из его рук, было поразительно. Но в коридоре было темно, и Шерва не смог его разглядеть.

— Может быть, это какой-то житель Салазара, а может быть, он проезжал там по своим делам.

— Мне не удалось его разглядеть, и я думаю, что он тоже не разглядел нас.

— Мой господин, эта часть башни почти необитаема, и я боюсь, что...

Страж поднял руку, давая Леуке знак молчать.

— Мы займемся гномом потом, если он станет для нас помехой.

Леука притих, но Шерва знал, что было сейчас на уме у его товарища: та же мысль, которая мелькнула и у него самого. Гном, необыкновенно хорошо владеющий боевыми искусствами. Существовал только один такой гном — Идо.

Шерва отогнал от себя эту мысль. Пока они продолжают идти намеченным путем. Он хотел закончить свое поручение, привести мальчика в Дом и снова склонять голову до тех

пор, пока кровь Иешоля не прольется от удара его кинжала.

Мысль, которая столько раз приводила его в восторг долгими ночами под землей, сейчас не вызвала у него обычного удовольствия и не помогла уснуть. Вместо этого здесь, под Отцом Леса, Шерве вспомнился мир нимф, на который он так долго смотрел издали и для которого всегда был чужим. Он был полукровка, плод нечистой запретной любви. Так же как этот мальчик. Шерва услышал, как маленький пленник глотает слезы и всхлипывает недалеко от него, привязанный к дереву.

Мальчик не спал, и Шерва не спал тоже.

Идо дождался жреца, который пришел позаботиться о безжизненном теле Тарика, а потом начал искать какие-нибудь признаки похитителей. Ему не оставалось ничего другого, он должен был начать погоню, пока след был еще свежим. В коридорах отпечатки ног двух наемных убийц затерялись среди следов, оставленных купцами и другими прохожими, но у Идо было одно преимущество: он знал, что эти двое направляются в Землю Ночи и выберут для этого самый короткий путь.

Он сел на коня, пустил его галопом и помчался обратно в степь.

В душе Идо бушевала слепая ярость. Тридцать лет он боролся, тридцать лет вел войну, за эти годы видел, как лилась кровь тех, кто был ему дороже всего, — а теперь, если он потерпит неудачу, окажется, что все было бесполезно. Идо стиснул зубы. Он любой ценой должен спасти этого ребенка. Он знал, что его враги быстры и ловки. Гильдия хорошо обучает своих бойцов, и будет нелегко найти их. Несмотря на это, он внимательно осматривал местность: за годы подпольной борьбы в Земле Огня и его чутье охотника стало острее.

Он отыскал следы двух лошадей, направлявшихся в сторону леса. Лошади шли шагом. Эти двое явно считали, что их никто не будет преследовать. Идо зло усмехнулся этому в душе.

«Вот как низко вы меня цените?»

Разумеется, эти двое не узнали его или по меньшей мере недооценили.

Раньше он всегда был желанной добычей. Много лет он делал только одно — прятался в недрах Земли Огня; он поднимался тогда на поверхность только для боя и участвовал во всех операциях партизан. А теперь неожиданно роли поменялись и он стал хищником. Это непривычное положение дел волновало Идо.

В лес он вошел вечером, когда закат, погасая на прозрачном небе, завершал один из чудесных первых дней лета. Идо на мгновение остановился у края леса — там, где степь, в которой он сражался, обрывалась среди первых деревьев.

Он спустился с коня и вошел под деревья пешком. Теперь задача стала труднее. Лес — это целый лабиринт следов для любого, и для него тоже, и поэтому он должен сохранять свой ум ясным. Он не может думать ни о Тарике, ни о его жене, лежавшей в луже крови. Ни одна мысль не должна отвлекать его от дела, даже воспоминания о днях войны и мира, которые вызывало у него это место.

Лишь глубокой ночью он нашел то, что искал: с трудом разглядел на маленькой поляне след ночного привала — пепел, прикрытый землей, а на дереве поблизости от нее обнаружил остатки веревки — не было сомнения: те двое останавливались здесь; и они прятали свои следы аккуратно, но не очень старательно, а значит, еще даже не подозревали, что кто-то гонится за ними.

Он встал, огляделся вокруг — и вдруг узнал это место. Сеннар писал о нем в той книге, где рассказал о своем путешествии вместе с Ниал. Идо нашел Отца Леса и ласково провел ладонями по его черной морщинистой коре. Гном-военачальник никогда не любил природу. Иногда ему нравился красивый вид какой-то местности, но было похоже, что природа говорила на непонятном ему языке. Однако теперь он сумел почувствовать, каким могучим был прежде Отец Леса. Идо представил себе, как Ниал вынимала из дупла этого ствола последний, восьмой камень — тот, который должен был привести в действие талисман

могущества и позволил уничтожить Тиранно. Кто знает, может быть, она тогда чувствовала, что погибает, — так же как он сам сейчас. Во всем этом была какая-то странная насмешка судьбы: внук Ниал был привязан именно там, где сорок лет назад его бабка спасла Всплывший Мир. Идо отвел руки от ствола и продолжил путь.

Пока он ехал через лес, он не мог набрать ту скорость, с которой надеялся двигаться. Конь шел с трудом, следы были нечеткими, и сам он начал уставать. Тело старого гнома требовало отдыха, и на минуту Идо подумал о том, как было бы хорошо вернуться назад во времени и снова почувствовать в жилах молодую силу. От таких мыслей гном-военачальник помрачнел: он ненавидел в себе тоску о прошлом, а полные воспоминаний места, по которым он сейчас проезжал, уж точно не помогали ему справиться с ней.

На второй день он ехал вдоль границы Земли Скал — своей страны. Воспоминания о детстве охватили Идо с такой силой, что он почувствовал искушение ненадолго свернуть с пути в ту сторону. Но он заставил себя думать только о Сане, и гнев вернул ему разум. Убийцы все время были на один день впереди него, как будто время, которое он провел возле Тарика, невозможно было наверстать. Но Идо в любом случае не собирался сдаваться. Он поторопил коня и продолжил путь по прямой дороге. Будет еще время вернуться в родные края и насладиться воспоминаниями. Он сделает это в другой раз, не теперь.

И вскоре его упорство было вознаграждено. У входа в пустыню Большой Земли он обнаружил свежие следы. Расстояние стало меньше. Радость, которую испытал Идо, наполнила его тело новой силой. Он не стал ждать ни минуты и пустил коня в галоп. Те, за кем он гнался, были уже близко.

Шерва был встревожен. Ему неприятно было находиться в Большой Земле: его кровь отзывалась на жалобу мертвых деревьев. И к тому же здесь они действительно были на открытом месте. Другого пути не было, и не было никаких особых причин для страха, но Шерве было как-то не по себе. Кто-то шел за ними. Гном, вот кто.

— Если он придет сюда, кто будет с ним драться? — неожиданно спросил Леука у Шервы в этот вечер.

Они не зажгли костер: Шерва опасался погони и предпочел этого не делать. К тому же луна стояла высоко и отбрасывала на утоптанную землю прозрачные тени. Мальчик совершенно обессилел. Они снова заткнули ему рот, он плакал, сопротивлялся, но проиграл. Теперь он спал, а Леука держал конец веревки, которой мальчик был связан.

— Ты, — ответил Шерва, который мгновенно понял, кого имеет в виду его товарищ, — я буду охранять ребенка.

Леука едва заметно вздрогнул, и Шерва не смог упрекнуть его за это. Он тоже после той короткой схватки в башне сделал вывод, что их противник должен быть по мастерству выше обычных воинов. Может быть, правильнее будет выйти против гнома ему самому? Все же Шерва был истинным стражем из Гильдии и хотел бы испытать свою силу. Но он передумал. Даже если тем гномом действительно был Идо, Шерва не чувствовал никакого желания сражаться с тем, кто когда-то давно был первоклассным воином, но теперь — просто старик, остаток другой эпохи. Нет, ему поручено следить за ребенком, и он будет это делать, чего бы это ему ни стоило.

На Большую Землю спустилась ночь. Идо осмотрел следы и понял, что убийцы действительно близко. Он сошел с коня и хотел привязать животное, но сделать это было невозможно: вокруг была пустыня.

— Был бы ты таким, как Веза, я бы просто приказал тебе ждать меня здесь, — сказал Идо коню, глядя ему в глаза. — Но ты не дракон. И все-таки если я не найду тебя здесь, когда вернусь, то клянусь, я пойду искать тебя, найду и сделаю из тебя колбасу, ясно?

Конь смотрел на него ничего не выражающим взглядом. Идо подумал о глубоких желтых глазах Везы в тот последний раз, когда смотрел в них. А потом он бросил поводья и положил руку на рукоять меча.

Ему понадобилось немного времени, чтобы увидеть двух коней и рядом на земле — три силуэта. Его сердце забилося сильнее. После всей этой нелепой скачки вдогонку он наконец добрался до них. Один из этих троих — маленький Сан, единственное, что осталось от Ниял во Всплывшем Мире.

Идо подполз к ним. Взглянул на луну: она стояла низко над горизонтом.

Уже поздняя ночь. Они там крепко спят — по крайней мере, Идо на это надеялся.

Когда до тех троих оставалось всего несколько шагов, Идо узнал по очертаниям фигуры сидящего к нему спиной человека, того, кто недавно напал на него. Это, должно быть, он: ловкий и тонкий, с длинными худыми руками, напротив него лежал другой, очевидно второй наемный убийца, он спал, Идо он показался обыкновенным человеком. Никаких особых физических примет, совершенно ничего. Этот второй держал в руке веревку — ту самую, которой был связан мальчик.

Идо подумал, что ему было бы хорошо иметь при себе кинжал: противников было двое, а у него был только меч. Все же он положил руку на рукоять этого меча и осторожно стал подкрадываться к Сану. Гному казалось, что сердце хочет выскочить у него из груди, но его ум был ясен и спокоен, и руки не дрожали.

Он уже начал перерезать веревку, когда вдруг чья-то рука сильно сжала его сзади и подняла над землей. Быстрота, с которой двигались те двое, была изумительна. Пока один из них не давал Идо пошевелиться, второй одним движением встал на ноги, взял мальчика и исчез в темноте. Идо услышал ржание коня и стук копыт, ударявших по земле в ритме галопа.

— Проклятье!

Но у Идо не было времени на размышления: перед ним сверкнул нож, летевший ему в лицо. Гном ударил нападавшего врага локтем, уперся ногами в землю так, что ступни глубоко погрузились в черную почву, и, имея эту опору, опрокинул врага. Освободившись, Идо сразу же попытался броситься в погоню за вторым врагом, но первый противник снова оказался перед ним с кинжалом в руке.

Идо скрипнул зубами и вынул из ножен меч.

— Убирайся отсюда, ты мне не нужен.

Враг криво улыбнулся и попытался схватить его за горло. Идо отклонился в сторону и нанес рубящий удар, от которого противник увернулся достаточно ловко, целясь Идо в плечи.

Гном еще раз повернулся, пытаясь его ударить, но враг подпрыгнул — и в темноте блеснула яркая вспышка света. Идо прыгнул — и лезвие кинжала снова мелькнуло перед самым его лицом.

Враг был храбрым и умелым. И прежде всего — проворным. Идо привык в бою работать только запястьем и двигаться мало. Плавные непредсказуемые движения этого человека сбивали Идо с толку.

Казалось, что с самого начала ничто не изменилось: они по-прежнему стояли лицом один к другому, противник в наклонной позе, с кинжалом в руке, а Идо — с мечом. Гном бросил взгляд на перевязь с метательными ножами. Их осталось еще четыре, он должен был помешать врагу применить их. На этот раз он первым отважился пойти в бой — нанес рубящий удар сверху вниз. Противник отклонился в сторону и снова поднес руки к груди, но Идо быстро изменил траекторию удара. Перевязь с ножами упала на землю, и убийца выругался сквозь зубы.

Потом он вынул свободной рукой второй кинжал и стал наступать с невероятной быстротой, нанося удары обеими руками поочередно. Но гном не дал ему застать себя врасплох. Удовольствие, которое он испытывал от боя, стало острым и мощным наслаждением, каждая жилка его тела дрожала от возбуждения.

Его чувства обострились, время стало бесконечным. Идо мог сделать все, что хотел. Он чувствовал, что противник у него в руках.

Наконец враг сделал грубейшую ошибку — нанес удар сбоку, со стороны слепого

глаза. Идо опустил меч и ранил врага в ладонь.

Тот закричал от боли, а гном воспользовался тем, что внимание противника ослабло, сбил его с ног и приставил меч к его горлу. Идо заметил, что враг молод, еще моложе, чем Тарик. Может быть, он и убил Тарика... Идо переполнила ненависть.

«Держи себя в руках, старый дурак», — приказал он себе и крикнул врагу:

— По какой дороге вы собирались ехать?

Тот упрямо молчал. Гном понял, что перед ним фанатик, а он хорошо знал, что сила идеи превращает даже самого трусливого из людей в героя.

— Я знаю о вас все, — угрожающе произнес он.

— Идо... — пробормотал враг и улыбнулся в зловещем свете ущербной луны.

— Да, именно Идо...

— Другой — не такой, как я, — слабым голосом произнес убийца. — Если ты и догонишь его, ни за что не победишь.

— Посмотрим.

Сказав это, Идо вонзил меч в грудь врага и надавил на рукоять всем весом своего тела.

Сейчас ему никого не было бы жаль.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

3 декабря

Я нашел девочку, которую искал. Она была одна в лесу и почти без сил. Она довольно хрупкого телосложения, но уже проявляет выдающиеся способности в охоте. И главное — она так жадно слушала мои слова. Когда я заговорил с ней о Тенааре и о ее судьбе, ее глаза заблестели. Я чувствую в ней что-то особенное — силу и необыкновенную решимость. Я уверен: она станет усердной победительницей. Ее зовут Рекла.

Из дневника победителя Миры

9

КОНЕЦ ЗАДАНИЯ

«Никогда не доверяй тому, что идет тебе навстречу. Никогда не ослабляй свою защиту. В любом случае настанет день, когда ты ошибешься, этого нельзя избежать».

Дубэ пересказывала Лонерину наставления своего Учителя, но молодой маг продолжал гневаться из-за того, что дал себя обмануть, как новичок.

Он продолжал сидеть на краю озера и делал вид, будто смотрит на что-то, что находится впереди; щеки у него были красными от стыда.

А Дубэ была встревожена. Воздух вокруг как-то странно дрожал. Она почувствовала, как зверь зашевелился в ней, и ее охватило предчувствие беды.

Они не могли долго оставаться здесь. Нужно было уйти отсюда и продолжать свой путь.

Очень скоро равнина стала превращаться в склон, и он становился все круче. Это означало, что горы уже близко. Значит, они шли в верном направлении, и Дубэ немного разволновалась. Слишком много испытаний выпало на ее долю, она уже не знала, что такое надежда.

Лонерин опустил на землю и еще раз достал карту. Дубэ села рядом и стала тайком подсматривать за ним, отмечая на его лице любопытство и неутомимость человека, имеющего цель. Она видела, как Лонерин отмечал карандашом на карте пройденный ими путь.

Лонерин окинул взглядом тонкую черту, которую провел.

— Мы уже и самом деле немало прошли. А как по-твоему?

Дубэ согласилась с ним. Пройдено было действительно много, но она чувствовала себя так, словно путь еще не начинался. Теперь им было нужно найти каньон и вход в пещеры, а у нее не было никакого желания возвращаться под землю: она уже достаточно нажилась там в Гильдии. Выражение лица девушки стало серьезным.

Они продолжали идти под палящими лучами солнца, пока на исходе утра не вышли на открытое место, где не было деревьев, но дул легкий ветерок. Почти за месяц, прошедший с начала пути, их взгляды впервые проникали вперед дальше чем на два или три локтя. Перед ними расстился луг, полный роскошных цветов.

Дубэ медленно шагала по нему, словно околдованная такой красотой. Она шла, наклонившись к земле, а Лонерин изучал взглядом открывшийся перед ними простор.

— Похоже, что вон там дальше — пустота, — сказал он, указывая на плохо различимую точку справа. — Там пропасть, и я боюсь, что нам придется искать другую дорогу.

Дубэ не услышала его: запах цветов напомнил ей родную деревню Сельву. Воспоминание о местах, где она жила в детстве, открыло путь другим воспоминаниям. Все, и в первую очередь ее жизнь, могло быть иным. Дубэ впервые подумала о том, что ее жизнь могла сложиться по-разному: до сих пор она всегда считала, что ее судьба может быть только такой, какая есть, — жестокой и изменить ее невозможно. Наверное, тут сказалось влияние Лонерина и эти его порывы, его открытый и живой ум были причиной тому, что Дубэ стала думать иначе.

Эти мысли на одно мгновение заставили ее ослабить защиту.

А когда что-то крепкое, как сталь, сдавило ей рот, было уже поздно. Дубэ попыталась закричать, но из-под пальцев, сжимавших ее лицо, вырвался только слабый звук, который не мог долететь до Лонерина.

Она повернула шею так, как учил Шерва, — до предела своих возможностей, и сумела всего на одно мгновение освободить рот.

— Лонерин!

Она увидела, как он повернулся, потом в лучах палящего солнца сверкнул метательный нож, и Лонерин присел на корточки.

— Нет!

Зверь внутри Дубэ взревел. Она полностью осознала, что происходит, и кровь застыла у нее в жилах: пришли посланцы Гильдии, и с ними Рекла. Она должна убить Реклу, иначе им с Лонерином не спастись. Дубэ сумела выскользнуть из державших ее рук и побежала к Лонерину, но удар ногой в лицо ослепил ее болью и заставил упасть. На несколько мгновений тошнота вытеснила из ее сознания все.

Когда Дубэ пришла в себя, Рекла стояла над ней — совсем как раньше, когда Дубэ отказывалась пить ее лекарство и страж ядов оставляла ее биться в судорогах на полу Дома во время припадков, которые вызывал зверь. Дубэ ненавидела Реклу, и теперь — сильнее, чем прежде. Кудряшки, россыпь бледных веснушек, детская улыбка — все в ней было невыносимо. Дубэ попыталась протянуть руку к кинжалам, но Рекла надавила ей сапогом на грудь, не давая дышать, и приказала:

— Без шуток!

Дубэ не закричала. Она не хотела своей паникой доставить удовольствие Рекле.

Она попыталась приемом рычага сбить Реклу с ног, но та резанула ее по плечу кинжалом, и боль ослепила девушку.

— Хочешь шутить, Дубэ? Ладно, я уж постараюсь тебя развлечь.

Рекла ухватила Дубэ за жилет и рывком подняла с земли, а потом одним быстрым гибким движением сумела привязать ей руки к бедрам.

— Любуйся моим представлением. Ты нужна нам живая, но он — нет.

Дубэ задрожала. Лонерин был, как и она, на коленях, на правом боку у него была рана, и спутник Реклы стоял над ним, готовый пресечь любую попытку к бегству. Не было

похоже, чтобы он страдал от боли, но Дубэ едва узнала его: ее спутник был совершенно не похож на себя, и в его глазах горела ненависть, которой она никогда в нем не видела.

Дубэ попыталась освободиться, но только повалилась на землю.

Рекла была способна на что угодно, чтобы увидеть чужое страдание. Она увидела его в глазах Дубэ, а теперь не откажется от удовольствия проделать то же и с Лонерином. Но Дубэ этого не хотела — ни для себя, ни для своего спутника, единственного человека, который до сих пор защищал ее, заботился о ней, даже жизнью своей рисковал, чтобы спасти ее.

Дубэ поползла к Лонерину, хотя боль туманом застилала ей глаза. Она хотела быть рядом, сделать что-нибудь. Рекле оставался уже всего один шаг до Лонерина. Дубэ видела ее со спины, но хорошо представляла себе злобную и лукавую улыбку, которая играла сейчас на губах стража ядов. Девушка знала, как жадно Рекла предвкушала это мгновение. Теперь Рекла не остановится ни перед чем.

Внезапно в знойном воздухе поляны раздался крик: «Литое!» Дубэ сразу узнала заклинание, произнесенное Лонерином, и увидела, как второй убийца неподвижно замер за его спиной. Маг воспользовался этим и вскочил на ноги, освободившись при этом из рук врага. Может быть, есть какая-то надежда: у него нет оружия, но он может справиться. Лонерин начал произносить другое заклинание, но тут Рекла бросилась на него и ударила кулаком в челюсть. Удар был мощный, и Лонерин со слабым стоном упал на землю. Дубэ вздрогнула.

— Дурак! Ты что, и правда думаешь, что на меня действуют эти глупые игрушки? — забавляясь, спросила Рекла, глядевшая на Лонерина сверху. — Я была знакома с великим Астером, моим учителем был Иешоль; ты ничто рядом с ними!

Лонерин внезапно повернулся и дал ей подножку; Рекла упала. Он встал и попытался бежать налево от пропасти, к густому лесу, но на каждом шагу спотыкался. Потом в воздухе просвистело лезвие, и он рухнул на землю, всего в нескольких сантиметрах от пропасти.

Рекла повернулась к Дубэ и, довольная, искривила губы в злой усмешке. Девушка отвернулась от нее, но этим еще сильнее натянула веревки, вдавив запястья в мышцы ног. Дубэ хотела, чтобы в ней проснулся зверь. Сейчас ей были нужны его уничтожающая сила и жажда крови; она хотела, чтобы он вышел на свободу. Но лечебное питье еще удерживало зверя. Все было бесполезно, она и в этот раз потерпела неудачу.

— Для того, кто пытается меня убить, путь к могиле бывает долгим, — сказала Рекла Лонерину.

Он дышал тяжело: раны давали себя знать; но в его глазах и теперь светилась яркая искра.

— Ты не возьмешь еще и меня, — произнес он сквозь зубы, и в его голосе звучала ярость.

А потом он схватил Реклу за бедро, дернул ее на себя и упал в пропасть вместе с ней.

— Неет! — крикнула Дубэ во всю силу своих легких.

Она не могла поверить, что все закончилось так: Лонерин и пропасть...

Целый месяц они вместе были в пути. Целый месяц делили еду и ночлег, целый месяц боролись с опасностями и шли вперед по незнакомой стране. Сколько раз она за это время жалела, что она не одна, как раньше? При этой мысли она разозлилась на себя и тут увидела ухватившуюся за край пропасти руку — вернее, только ладонь, и ее сердце наполнилось надеждой.

«Ох, неужели Лонерин...»

Но над скалой показались светлые кудряшки, и теперь ничто уже не имело значения. Филла сразу же бросился на помощь Рекле: заклинание больше не действовало на него. Он вытащил стража ядов из пропасти за руку. Никаких следов Лонерина не было видно.

«Я одна», — подумала Дубэ.

Она снова была одна. Ей показалось, что в ее душе разверзлась такая же бездонная пропасть. Девушка закрыла глаза.

Удары кулаком, удары ногой, толчки, пинки. Снова, и снова, и снова.

Избить девчонку, уничтожить ее, стереть свое унижение.

— Хватит!

Скорее звук голоса Филлы, чем его рука, опущенная Рекле на плечо, заставил стража ядов остановиться. Никто никогда не кричал на нее, кроме Иешоля, и уж тем более ее подчиненный. Рекла, разгневанная, рывком повернулась к Филле.

— Его превосходительство велел нам доставить ее живой, — сказал Филла, опуская взгляд.

Дубэ неподвижно лежала на земле. Ее лицо распухло, руки были сложены на животе. Из-за жажды крови и мести Рекла едва не нарушила приказ Иешоля и, что еще хуже, едва не воспротивилась повелению своего бога. Она упала на колени.

«Прости меня, мой повелитель, прости!»

Но и теперь ей не стало хорошо и спокойно от молитвы, как бывало раньше, и теперь она не слышала голос своего бога, который раньше ласково говорил с ней, успокаивал и ободрял.

— Все идет хорошо, я уверен, что Тенаар понимает вас.

Это сказал Филла; он наклонился к ней и смотрел с сочувствием, почти с жалостью. От этого взгляда Рекла почувствовала отвращение к себе.

Она вскочила на ноги и оттолкнула Филлу.

— Не тебе это решать!

Наконец Рекла попыталась успокоиться: ее ум должен быть ясным. Никогда, никогда не показывать свою слабость подчиненному!

— Мы должны как можно скорее отправиться в путь.

— Но пленную придется полечить, иначе мы можем не донести ее до Дома живой, — возразил Филла.

— Полечим вечером! — заорала на него Рекла. — Мы должны убраться отсюда сейчас же. Один раз она уже сбежала от нас, мы не можем допустить, чтобы ей это снова удалось.

Они тут же отправились в путь, шли почти без передышки и остановились только на закате солнца.

На остановке настоял Филла:

— В рану может попасть инфекция, и тогда дело будет очень плохо.

Рекла была в бешенстве, но согласилась. Она знала, что в глубине души хочет, чтобы девчонка умерла, и со стыдом признавалась себе в этом желании. Ее бог просит ее пройти испытание, чтобы она снова стала хорошей его почитательницей и искупила свои грехи, а она не может уступить и дать ему то, чего он желает.

Они сидели на земле в бледном свете луны. В лесу было тихо.

Рекла достала из сумки еду. Филла с сомнением посмотрел на свою наставницу.

— Сначала мы, потом она. Ты хоть понимаешь, что произошло? Из-за нее умер Керав, она сбежала из Дома, чтобы готовить нам гибель, — помни об этом! Будет справедливо, если она потерпит еще немного.

Лишь после того, как они оба закончили есть, Рекла стала готовить лекарство для Дубэ.

Она выложила на землю содержимое своих сумок. Рекла не носила с собой готовые лекарства, а держала при себе только пузырьки с самыми полезными веществами — основами и главными добавками, из которых составляла свои лекарственные смеси.

Ей хватило всего нескольких движений. Первый раз она готовила лекарство для врага, и это вызывало у нее странное чувство. Достаточно положить на одну каплю больше мандрагоры, и Дубэ умрет, страшно мучаясь от боли. Рука Реклы дрожала, когда она отмеряла дозу, но страж ядов не ошиблась.

Филла озабоченно смотрел на нее: может быть, боялся ее или просто не мог понять. Никто не понимал ее, кроме Иешоля и Тенаара. Она совершенно особенная, не такая, как все другие, и это обрекает ее на одиночество.

Рекла неловко подала лекарство Филле:

— Делай это сам.

Филла не сразу решился взять у нее лечебную смесь.

Рекла не стала смотреть на то, что он делал потом. Она ушла далеко в лесную чащу, отыскивала уединенное место, куда не проникал ни один звук, и встала на колени.

— Я совершила ошибку и знаю об этом, мой повелитель. Но я много лет шла твоими путями и всегда была тебе верна. Не молчи больше, твое молчание убивает меня. Я заплачу за то, что сделала, я уже расплачиваюсь, но говори со мной, рассеяй тьму, которая душит меня.

Она замолчала и замерла, плотно закрыв глаза, прижав сжатые в кулак ладони к груди. Лес по-прежнему молчал. Может быть, для нее все кончено — может быть, ее грех невозможно искупить ничем.

Скорее!

Это было только слабое ощущение, смутное предчувствие — шепот.

Рекла открыла глаза и стала ждать, глядя в темноту леса.

— Еще, прошу тебя! Поговори со мной еще!

Но никто ей не ответил.

Это было всего одно мгновение, но Рекле было достаточно его. Мост переброшен, все будет как раньше. Когда она прольет кровь Дубэ в бассейн, Тенаар снова станет обнимать и утешать ее.

Рекла громко засмеялась сквозь слезы.

Сначала были только темнота и боль. И путаница в мыслях.

Руки быстро скользили по ее телу, два голоса произносили слова, которых она не понимала, прохладная мазь на плече, тошнота.

Потом начались сны. Она видела Учителя, который говорил ей:

— Ты никогда не должна ослаблять свою защиту, должна быть всегда бдительной.

Снова эта фраза, которую он повторял ей без конца.

— Да, Учитель.

— Тогда почему ты отвлеклась?

А затем — цветы, тысячи цветов всюду, насколько может видеть взгляд, Лонерин летит над ними, на его лице странная улыбка, и его глаза полны ненависти.

Когда Дубэ проснулась, едва начало рассветать.

— Как ты себя чувствуешь?

Голос Лонерина! Кто знает, что случилось на этот раз и как он сумел ее спасти. Она уже готова была улыбнуться, но, повернувшись на голос, увидела лицо незнакомого мужчины.

Она не могла понять, сколько ему лет, но он был одет во все черное, а тело его, кажется, было молодое и тренированное.

— Кто ты?

Ее голос звучал хрипло, горло невыносимо болело.

— Твой спаситель, — ответил женский голос, который Дубэ сразу узнала. Она вспомнила, что произошло, и возвращение к действительности было как удар кулака. Лонерин... Лонерин умер.

Тошнота стала невыносимой, началась рвота, и ее желудок выбросил из себя то небольшое, что в нем еще оставалось. Руки и ноги Дубэ были связаны, и потому она не смогла приподняться, когда это случилось. Ее поднял тот мужчина, чтобы она не задохнулась в собственной рвоте, и Рекла оказалась у нее перед глазами.

— Кажется, вам будет со мной тяжело, — сказала Дубэ с легкой улыбкой.

Страж ядов сунула ей под нос маленькую чашку с жидкостью, о которой Дубэ знала, что ее делают из гвоздики, и сжала рот.

— Пей, или я волью это в тебя силой.

У Дубэ в глазах стояли слезы, и она прекрасно понимала, что выглядит совсем не угрожающе, но выдержала взгляд Реклы. Она не хотела опускать глаза перед женщиной,

которая убила Лонерина.

— Как хочешь.

Мужчина подошел к ней сзади и усадил ее, а Рекла влила ей в горло питье, которое приготовила.

У Дубэ не было сил сопротивляться: тело ее не слушалось.

Часть жидкости пролилась ей на спину, но остальное питье попало в горло и обожгло его.

Мужчина тут же выпустил ее из рук, так же сделала Рекла. Дубэ снова упала на землю и увидела над собой красное небо. Это было необыкновенное, бесподобное зрелище. Если бы здесь был Лонерин, он лежал бы на земле рядом с ней и непременно сказал бы какую-нибудь шутку. Дубэ закрыла глаза, и две больших слезы потекли по ее щекам.

— Ты ведь не о своем друге плачешь? — спросила Рекла.

Дубэ открыла глаза, взглянула на нее со свирепым гневом и хрипло пробормотала:

— Не смей произносить его имя...

Рекла подняла руку, словно желая дать ей пощечину, но не ударила, а только насмешливо улыбнулась.

— Ну, значит, ты никогда не была одной из нас. Иначе бы ты поняла, что погибающий — это только кусок мяса. Единственный, кто что-то значит для нас, — это Тенаар.

В этот день они, по крайней мере, оставили ее в покое. От лекарства, которое ей дали, у нее путались мысли и было какое-то странное отупение. Эти двое, конечно, чем-то ее одурманили. Они знали, что она не позволит им никуда себя вести и будет бороться.

Зверь внутри нее молчал: Рекла, разумеется, влила в то, чем напоила ее, несколько капель напитка, усыпляющего зверя. Страж ядов прекрасно понимала, что если он проснется, то ей и ее спутнику придется с ним очень трудно. Дубэ попала в западню.

Странно, что раньше ей было так тяжело переносить присутствие Лонерина рядом. Каждое утро она старалась остаться одна, не могла привыкнуть к тому, что он был возле нее вечерами. Теперь она так тосковала без своего спутника, что ей хотелось умереть. Лонерина больше не было, а раз так, ее задание завершено. Это он вел ее к спасению: вот в чем настоящая правда. Она поклялась себе... что больше никому себя не отдаст, а закончилось это так же, как с Дженной. Он тоже был с ней рядом и защищал ее после смерти Учителя. Однако в конце концов Дубэ должна была велеть ему уйти, чтобы спасти его от смерти, когда люди из Гильдии потребовали от нее его голову. Но этому своему давнему другу она смогла спасти жизнь, а Лонерину — нет.

Теперь ей остается одно: убить Реклу. Потом она проживет остаток своих дней в лесной чаще, дожидаясь, пока ее поглотит зверь. Так наконец придет к концу ее бесполезная, губительная для других жизнь.

Она никогда по-настоящему не хотела спастись. Это Лонерин хотел, чтобы они спаслись оба, а его желание исчезло вместе с ним.

Дубэ спрятала свое лицо от взглядов Реклы и ее спутника и беззвучно заплакала, зная, что они не увидят этого.

10

ДАР РЕКЛЫ

Рекла не спала. Она в темноте думала о том, как несколько часов назад потеряла голову и избивала Дубэ ногами. Она едва не сорвала задание, и все же в этом воспоминании было что-то приятное. И это же сладостное чувство сейчас не давало ей уснуть. Она прислушивалась к дыханию девушки, угадывая по нему, как она страдает: она ведь должна была страдать, и Рекла знала об этом. Она с удовольствием дожидалась ее стонов.

Рекла не могла даже вспомнить, когда она в первый раз испытала наслаждение от чужих страданий. Это чувство так глубоко укоренилось в ее душе, что она почти забыла, как

оно возникло.

Может быть, это началось из-за игры. В Земле Моря, в деревне, откуда она была родом, ей иногда случалось в детстве идти следом за детьми постарше. Они ее не слишком любили, и поэтому Рекла в конце концов стала следить за ними издалека, никогда к ним не присоединяясь. И видела, как иногда — когда они начинали скучать — они расправлялись с каким-нибудь живым существом. Рекла наблюдала за тем, как они отрезали лапы сверчкам или отрывали крылья бабочкам, и слышала их смех.

В этих расправах было что-то, что всегда словно околдовывало ее. Отчаянные попытки жертв убежать, их беспомощность и та живучесть, которую они всегда проявляли, — их упрямое нежелание покорно терпеть пытку, то, как крепко они цеплялись за жизнь, — вот что ее влекло.

Тогда она стала делать то же самое, но одна. И поняла, что для других дело обстояло иначе. Були, Гранда и их друзья забавлялись этой игрой, только когда были вместе; это был групповой обряд. Они смеялись все вместе, все чувствовали себя сильными. Но она не могла быть с ними. По какой-то странной причине она не могла завязать дружбу ни с кем. Рекла была слишком застенчивой для того, чтобы знакомиться с другими, и ее всегда сковывала боязнь оказаться хуже других, сказать или сделать что-то неверно. Но прежде всего это остальной мир не желал иметь с ней дело. Поэтому она всегда молчала, но все каким-то образом узнавали о том, что происходило у нее дома. Ее семью в деревне недолго любили, и их история была всем известна. Только она, Рекла, еще отказывалась признать правду.

Смотреть на то, как умирают маленькие живые существа, которых она ловила, стало для нее острым наслаждением в одиночестве. Это было ее развлечение. Своей матери она говорила, что идет играть с друзьями. Но это были другие игры, без друзей. Она уходила из дома в те же часы, что остальные дети, но не шла с ними, а пряталась за какую-нибудь разрушающуюся стену или в самый дальний угол лесных зарослей. И там предавалась своим играм.

— Мне сказали, что ты не ходишь с остальными, — однажды сказала ей мать.

Рекла покраснела.

— Мне это сказала мать Були. Когда твой отец узнает, что ты ему врешь, он разозлится на тебя и побьет меня, понимаешь? Веди себя как все девочки твоего возраста и больше никогда мне не лги.

Рекла ничего не ответила. Она никогда не говорила много со своей матерью, Рекла не знала, что ей сказать. Мать для нее была более чужой, чем любая посторонняя женщина. Насколько она помнила, мать ни разу не обняла ее, даже заботилась о ней как-то холодно и отстраненно, словно это был долг, который мать выполняла против своей воли, и если обращалась к ней со словами, то лишь когда советовала не злить отца. А отец был еще хуже. Он был намного старше ее матери, изо рта у него всегда воняло пивом. Он нередко поднимал на Реклу руку, то есть бил ее за какую-нибудь ее выдумку. И как правило, устав чинить расправу над дочерью, он под конец начинал ссориться с женой. Тогда Рекла пряталась в своей комнате и затыкала себе уши, чтобы не слышать криков, которые долетали до нее из-за стены. Потом все внезапно прекращалось. Ее мать, сжавшись в комок, пряталась в каком-нибудь углу, пока отец в очередной раз уходил, чтобы напиться. Дом затихал до следующей ссоры.

Рекла долго не могла объяснить себе поведение своих родителей. Но вот однажды она случайно услышала, как один мальчик говорил о ней другому:

— Все знают, что родители не хотели ее. Много лет назад однажды вечером ее отец изнасиловал ее мать. Та его презирала и отказывала ему, потому что он был старый и пьяница, но вышло так, что она забеременела, и ее семья заставила ее выйти замуж, чтобы скрыть позор.

Когда Рекла услышала, как эти мальчишки вместе засмеялись, она не смогла стоять в тени и ничего не сделать в ответ. Она вышла на открытое место, сжимая кулаки и задыхаясь от гнева, решительно сказала:

— Это неправда!

— А почему тогда они с тобой так обращаются? — спросил в ответ тот мальчик, который говорил о ней. — Ты родилась по ошибке, твои родители не хотели тебя и теперь тоже не хотят. Это знает вся деревня.

Это было уже слишком. Они подрались, и после побоев того мальчишки ей пришлось еще вытерпеть наказание от отца. Слезы затуманивали ее взгляд, но она увидела, как вела себя ее мать: стояла в углу, уперев руки в бока, и смотрела на нее без капли жалости.

И все-таки Рекла не хотела верить тем двоим. Для нее их слова были только ложью.

Ей было нужно немного, но насекомых ей было уже мало. Рекла устала изучать их умирание: эту агонию она уже знала наизусть. Ей было нужно что-то другое.

Она научилась охотиться в одиночку. Охотников в деревне было мало: ее жители были в первую очередь земледельцами и рыбаками, но время от времени то один, то другой из них в праздничные дни для развлечения ходил по соседним зарослям и ловил птиц и мелких зверьков.

Рекла издали наблюдала за ними. Подойти к охотникам она не осмеливалась, да и не хотела. В людях для нее не было ничего интересного, она предпочитала, притаившись, наблюдать за тем, что они делали.

Рекла оказалась способной охотницей. Она двигалась без шума, когда кралась среди травы, и у нее был талант мастерить оружие и ловушки. Вначале ей было достаточно удовольствия от самой охоты. Рекла развлекалась тем, что ловила животных, но, как только видела, что они умирали, теряла к ним всякий интерес. Приносить их домой и есть она не могла: ее отец уж точно не одобрил бы то, что она занимается таким малоподходящим для девочки делом. В конце концов она стала хоронить их с почестями.

Потом она начала ставить ловушки. Теперь она ловила свою добычу живой, иногда наблюдала за тем, как животное пытается убежать из ее умело устроенной западни. А после этого играла с ним.

Это было странное и жуткое удовольствие. С одной стороны, Рекла ясно чувствовала, что делает что-то не то, и даже приходила от этого в ужас. Вид крови был для нее отвратительным, а страдания ее жертв даже вызывали у нее сочувствие. Но именно в этом и была главная сладость: в боли, которую она ощущала в глубине желудка, в отвращении, которое чувствовала к себе, когда пыталась для забавы своих пленников, — чувствовать себя сильной и ужасающе злой. Вот что ей нравилось в мучениях этих зверей: она наконец нашла подтверждение тому, что люди шептались о ней в тени. Она плохая, она проклята.

Но однажды ее все же застали за этим занятием, когда игра продолжалась уже достаточно долго.

Рекла всегда заботилась о том, чтобы не оставлять следов. Когда она мыла в ручье грязные руки, то с облегчением улыбалась. Кровь уплывала прочь, унесенная течением, а она становилась чистой.

«Больше я не буду так делать, это был последний раз», — говорила она себе.

Но через несколько дней это вдруг случилось снова. Она притворялась, что присоединилась к играм своих спутников, а потом, опустив голову, уходила в лесную чащу. И была такой пугающе молчаливой, что другие начинали ее бояться.

Но мать Реклы не боялась ее. Однажды она пошла за дочерью и спряталась за ветвями, чтобы узнать, чем развлекается ее дочь. А когда увидела, вышла из своего укрытия с ужасом во взгляде.

— Какого черта ты здесь делаешь?

В первый раз за всю жизнь Реклы ее побила мать, а не отец, и, пока била, повторяла, что Рекла — чудовище и то, что она делает, недостойно человека.

Все же мать не рассказала об этом своему мужу. Но сделала это лишь для того, чтобы муж не задал головоломку ей самой. Она заперла Реклу в одной из комнат дома и несколько дней продержала ее там без еды.

Рекла чувствовала, что заслужила это, и не могла ни в чем упрекнуть свою мать. Уже поздно: то, что началось как глупая игра глупых детей, стало безумной одержимостью. Но все равно она может с этим справиться. Лежа в темноте на своей постели, она поклялась, что изменится, — она не знала как, но изменится и никогда больше не сделает этого.

И Рекла попыталась стать нормальной. Постаралась жить как все другие дети, с их мелкими проблемами, с их смехом без причины. Но не смогла. Для нее было невозможно смешаться с ними. Она была плохой, она совершила ужасные дела — так сказала ей мать, и поэтому для нее нет места в деревне. А если это действительно так, почему не продолжить? Почему не начать снова играть в эту глупую игру, которая к тому же одна приносила ей облегчение?

Это случилось снова. И снова ее застали. И опять это была ее мать, которая, вероятно, испытывала удовольствие оттого, что наконец нашла достаточно весомую причину, чтобы бить дочь и обращаться с ней так, как она заслуживала.

Именно тогда Рекла начала в одиночестве наказывать себя. Она держала ладони в ледяной воде, пока они не теряли чувствительность и не становились красными. В своей комнате, в темноте она долго стояла на коленях, пока не начинала плакать от боли. И она всегда повторяла себе одно и то же: «Больше я не сделаю этого никогда, никогда!»

Слова не действовали. И чем чаще она видела, как ее родители ненавидели друг друга и ее, тем меньше находила в себе сил, чтобы прервать это движение по спирали, которое как будто держало ее в своей власти.

Однажды вечером Рекла вошла в лучшую комнату родительского дома после того, как родители закончили ссориться. Раньше она никогда так не делала, только слушала, как ее мать, всхлипывая, собирает и выбрасывает черепки разбитой посуды, и ждала, пока все станет обычным, пока исчезнут все следы, оставленные приступом гнева. Если бы она могла сделать то же со своими жестокими и безобразными воспоминаниями! Собрать бы их вместе одно за другим и навсегда выбросить прочь, отменить, как будто они никогда не существовали. Но в тот вечер она не спала и вышла из своей комнаты, словно ее толкнуло что-то непонятное для нее.

На полу был неописуемый беспорядок: опрокинутый стул, печной горшок, перевернутый вверх дном. А еще — капли крови и несколько кусков стекла от разбитой бутылки. Рекла наклонилась и подняла один из них. Луч луны, падавший из окна, осветил этот осколок и зажег в нем тысячу голубоватых бликов. Рекла подумала, что это очень красиво. Она повернула стекло в пальцах и почувствовала острую боль. Ее ладонь стала окрашиваться в ярчайший красный цвет, Рекла смотрела на это словно зачарованная. Она еще сильнее сжала осколок и почувствовала, как горячая кровь омыла ее кулак и потекла вниз по руке. Она заслужила эту боль. И это ей нравилось.

Вероятно, она специально устроила так, чтобы отец застал ее за игрой. Она хотела положить всему этому конец, найти хоть немного покоя. Однажды она неосторожно позволила себе играть возле своего дома, и отец увидел ее еще с кровью на руках.

Красный от гнева и раздувшийся от пива, он притащил Реклу в дом за волосы и поставил перед матерью.

— Вот что вытворяет твоя дочь-чудовище, которую я согласился воспитать! Выслеживает кроликов в лесу и вон как забавляется! Что еще я мог ждать от такой ни на что не годной женщины, как ты? Только такую дочь!

Может быть, тогда все было не хуже, чем в другие разы. Мать убегала от отца и кричала, он гонялся за ней, деревянные стулья трещали, разбиваясь о пол.

А она стояла в углу, зажав руками уши, но все равно слышала каждое слово, все слова до единого. Они проникали в уши сквозь ее ладони и вонзались в ее мозг.

— Я спас тебя от позора, когда согласился жениться на тебе! Никто бы не взял тебя, а я это сделал, хотя мне совершенно не были нужны ни ты, ни эта глупая девчонка!

Неправда, неправда!

Рекла сильнее прижала ладони к ушам, но слова родителей смешивались с теми, которые произнес когда-то тот мальчишка.

— Я никогда ее не хотела! И тебя не хотела тоже! — закричала ее мать. — Это ты бросился мне на шею. — Ее голос прерывали всхлипывания. — Думаешь, я не пыталась устроить выкидыш раньше, чем стало поздно? Я хотела избавить себя от всего этого, но мне не удалось! Будь проклят тот день! Будьте вы прокляты, ты и она!

Неправда, неправда!

Рекла открыла глаза. Они были полны слез, и единственное, что она смогла увидеть, был блеск чего-то, лежавшего на столе. Он околдовал ее так же, как когда-то вечером сверкающий осколок стекла. Это был нож, которым ее мать резала зелень.

И тогда Рекла ударила. Два удара — и ее отец упал на пол вниз лицом. Мать смотрела на нее с такой ненавистью, что Рекла потом никогда не могла забыть этот взгляд. На мать хватило одного удара. Тогда крики прекратились, и в доме стало тихо. Эта странная тишина несла в себе покой, и Рекла беззвучно заплакала.

Она убежала. Она перешла все границы. После того, что она сделала, для нее не было пути назад. Она использовала свои знания об охоте и жила, бродя по лесам. Ее лицо появилось на стенах домов, нарисованное на объявлениях, в которых обещали награду за поимку преступников. Люди смотрели на объявления и качали головами. Теперь все знали, кто она и что способна сделать.

«Я плохая».

Если бы тот человек пришел на день позже, она бы умерла. Она бы перестала бороться, прекратила охотиться и дала бы себе умереть. Ей было двенадцать лет, и уже — ни малейшего желания жить. Ее разрывала на части огромная тяжесть того, что она сделала.

Тот человек бесшумно возник у нее за спиной, и, когда Рекла в ужасе повернулась к нему, он улыбнулся.

— Спокойно, я здесь не для того, чтобы тебя выдать.

Впервые с тех пор, как Рекла родилась, кто-то не желал ей зла. Волнение было слишком сильным, и вся боль последних лет выплеснулась в ее отчаянном плаче, а тот человек, пока она плакала, прижимал ее к себе.

Он был одет во все черное и двигался быстро и изящно. Он сказал, что он — победитель, и он носил с собой черный кинжал с гардой и эфесом в форме змеи, и у него было еще множество разного оружия.

— Я знаю, кто ты, Рекла, и знаю все о тебе. Знаю, что ты убила своих родителей, и знаю, что тебе нравится запах крови.

Она покраснела и виновато опустила глаза.

Тот человек взял ее пальцами за подбородок и поднял ей голову.

— У тебя нет никакой причины стыдиться себя. Смотри мне в глаза.

Рекла неуверенно сделала это.

— У тебя есть дар, Рекла, и то, что ты совершила, — необыкновенно.

Она проглотила слюну.

— Я плохая... Это знают все в нашей деревне.

Тот человек потряс головой.

— Ты особенная. Те, кто глуп, называют это злом, но мудрецы называют это справедливостью. Мой бог Тенаар действовал через тебя, чтобы явить свою славу, хотя ты не знала об этом.

Рекле было достаточно этих слов. Ее руками двигал бог! А ее проклятие — дар! Ее глаза заблестели.

Так она узнала Тенаара и узнала о том, что она — дитя смерти. Она поняла, что все эти годы ошибалась, считая себя проклятой. Какое ужасное недоразумение и сколько напрасных страданий! Она просто была заранее избрана Тенааром, который создал победителей.

Назначение победителей — убивать всех других, которые не верят в Тенаара, которых он не избрал, и приносить их кровь в дар этому богу до того дня, пока он не вернется.

И таких, как Рекла, было мало. Даже среди победителей и убийц редко встречались такие, кто, убивая, испытывал бы от этого столько удовольствия. Она словно открыла для себя новый мир. Больше не от чего было чувствовать себя виноватой, незачем было терзать себя бесполезными наказаниями. Наоборот, здесь нужно было быть довольной, радоваться тому, что ты избрана. Вся тоска прошлых лет исчезла в один миг, и Рекла почувствовала в своей душе безмятежный покой, которого никогда не знала. Своих родителей она теперь видела такими, какими они были, — убогими, ничтожными существами; убить их было справедливо.

Тенаар стал для нее всем. Этот бог избрал ее, и она поклялась, что отдаст ему всю себя без остатка. Он станет смыслом ее жизни, она посвятит ему каждый свой вздох и умрет не раньше, чем увидит его славу во Всплывшем Море.

И очень скоро Тенаар отблагодарил ее. Это произошло в один из первых разов, когда Рекла молилась на коленях перед его статуей. Это был всего лишь шепот, слабый и быстрый, но она услышала в своей мирной и спокойной душе какие-то слова. Бог говорил с ней. Она заплакала от волнения, мгновенно поняла, каково ее настоящее призвание, попросила его никогда не покидать ее и пообещала, что за это отдаст ему всю себя.

Шли годы, Рекла занимала в Гильдии все более высокие должности, и наконец стала одной из старейшин.

Она научилась обращению с ядами, освоила ботанику, изучив для этого даже книги, которые написал сам Астер. Ее наивысшим достижением стал напиток, который сделал ее вечно молодой. Она синтезировала его сама и особенно гордилась этим. Этот напиток было очень трудно изготовить, Рекла пользовалась им только сама и ревниво его оберегала. Она делала это не из женского тщеславия, ее не интересовало, красива она или нет. Ее тело было машиной, кинжалом в руках Тенаара. Она делала это для него, своего бога. Рекла хотела до последнего мгновения, до последнего вздоха служить ему всей полнотой своих сил. Смерть все же придет за ней, но заберет ее молодой и быстрой как время, еще способной к действию, еще смертоносной.

Да, это была счастливая жизнь — счастливая потому, что эта жизнь имела цель. В детстве она была лишена всего, блуждала в темноте, стараясь отыскать невозможное облегчение. Но с тех пор, как она узнала Тенаара, ее существование озарилось светом, и ей стал виден ее путь — прямой и надежный. Рекла знала, что в глубине каждого страдания пребывает и всегда будет он, ее бог.

Потом появилась Дубэ. Дело было не в ее присутствии: Рекла без труда согласилась стать ее руководительницей. Она радовалась при мысли, что есть кто-то, кто находится в полном ее распоряжении и полностью подчиняется ей. Этот побег девушки испортил все.

Этот побег Рекла посчитала своей личной провинностью. Дубэ была доверена ей — и убежала у нее из-под носа. Но если бы речь шла только о чувстве вины, она бы знала, как от него избавиться. К несчастью, тут было нечто совсем другое.

В тот самый день, когда обнаружили, что Дубэ исчезла, Рекла в отчаянии прибежала в храм и бросилась на землю, подняв руки к небу. «Прости меня, Тенаар, молю тебя, прости свою неумелую и бессильную служанку! Говори со мной, скажи мне, что я должна сделать, и я буду твоей рукой!»

Но с вышины не раздалось ни одного слова, не пришло утешение. Только тишина.

Она провела много часов в покаянии, еще много часов в молитве, но все было бесполезно. Тенаар презрительно молчал, и Рекла была в отчаянии. Она решила, что сама отправится искать Дубэ, потому что считала это единственным способом умиловить своего разгневанного бога. Когда кровь этой предательницы будет вылита в бассейн, Тенаар снова станет разговаривать с Реклой. Рекла не могла дождаться этого часа, она отчаянно хотела еще раз услышать голос бога. Она надеялась убить того юношу, который был вместе с

Дубэ, и принести его в жертву, пока девушка еще не может умереть, но и он сумел убежать, и он разрушил ее планы.

Гнев Реклы не знал меры. Часть его она смогла выплеснуть на Дубэ, когда избивала ее ногами, но этого было недостаточно.

И в этот вечер она добавила в лечебное питье две лишние капли. Теперь она ждала, когда Дубэ начнет стонать из-за этого яда. Девушка от него не умрет, но будет страдать, и сильно.

Когда до Реклы долетел первый стон, она улыбнулась.

11 В ПЛЕНУ

В середине ночи Дубэ почувствовала, что Рекла стоит рядом с ней. Девушка устало посмотрела на нее и увидела блеск в глядящих на нее чужих глазах. Она вспомнила, как много раз в пути ей и Лонерину случалось видеть в чаще светящиеся глаза. То же самое она видела теперь. У Реклы были глаза дикого зверя.

— Я слышала, как ты стонешь, — сказала страж ядов.

Ее голос звучал спокойно, но от этого спокойствия было жутко.

Дубэ почувствовала омерзение к этой женщине — прежде всего потому, что в ее собственной груди зарождалась просьба. Девушка сжала зубы, чтобы слова этой просьбы не достигли губ, но Рекла все равно догадалась.

— Я знаю, чего ты хочешь.

Сказав это, она улыбнулась. Это был первый раз, когда Дубэ увидела ее улыбающейся.

Рекла достала из своей сумки маленький пузырек и покачала им перед лицом Дубэ. Девушка знала, что в нем находится, и ощутила внутри себя, где-то в глубине желудка, своего зверя. Он был силен и дерзок, но девушка сдержалась.

— Хочешь это получить? — сладким как мед голосом спросила Рекла. — Такая предательница, как ты, этого не заслуживает. Ты заслуживаешь только того, чтобы страдать. — И она зажала пузырек в кулаке.

Страж ядов была довольна: ее напиток подействовал.

— В питье, которое я тебе дала, было кое-что, чего там не должно быть, поэтому тебе так плохо. Я должна доставить тебя в храм живой, но никто не запрещал немного помучить тебя.

Дубэ скрипнула зубами. Вот откуда эти странные боль и оцепенение. Она почувствовала, что вот-вот не выдержит.

— Я не хочу этого, — сказала она, но ее голос дрожал. Это была жалкая ложь.

— Если бы ты могла двигаться, ты бы вырвала его у меня из рук!

Дубэ застонала. Она больше не могла терпеть это, не могла унижаться до такой степени только ради того, чтобы выжить. Теперь она побывала за стенами своей тюрьмы, видела другой мир, и не важно, что этот новый мир для нее закрыт. Все равно он существует.

— Тогда я оставлю тебя мучиться до завтра, а может быть, и дольше.

— Если мне будет плохо, мы не сможем идти дальше.

Рекла пожала плечами:

— Мой бог просит меня не убивать тебя сейчас, и я повинуюсь ему. Но не думаю, что он разгневается из-за того, что я доставляю себе это маленькое удовольствие. Ты знаешь, как мне приятно видеть твои страдания.

Дубэ пошевелила связанными за спиной руками, но попытка освободиться была бесполезной.

— Почему ты делаешь это со мной?

Рекла удивилась и, видимо, без притворства ответила:

— Ради моего бога.

— Я не чужая для него! — крикнула Дубэ. — Я только хочу спасти себя.

— Даже если это правда, ты пыталась обмануть Тенаара, а за это нет прощения.

Рекла подошла к ней ближе, слегка коснулась раны на ее плече, и Дубэ застонала. Страж ядов закрыла ей рот ладонью.

— Тсс! Если будешь так шуметь и дальше, разбудишь Филлу, а эта минута — только для меня и тебя.

Дубэ закрыла глаза: она не желала, чтобы Рекла получила удовольствие оттого, что у них есть общая тайна. Она Рекле не сообщница.

— Для тебя нет спасения, Дубэ, и никогда не было. Иешоль поверил, что ты дитя смерти, и ты была такой. Ты отреклась от своей природы, но от Тенаара нельзя убежать, и он превратил тебя в машину смерти, полезную для нашего дела.

— Я никогда не была одной из вас и никогда не буду! — ответила Дубэ.

— Зверь — наш. Зверь — это Тенаар! Это я приготовила иглу, через укол которой в тебя вошло проклятие. Я держала ее в руках, и я дала ее тому мальчику. Он знал, что должен умереть, но все же пошел, потому что это была его судьба.

Дубэ вонзила в нее взгляд, полный ярости.

— А твоя судьба — стать жертвенным ягненком. Тенаар использовал тебя, пока мог, поэтому ты пролила кровь ради него — много крови.

Правда, которая была в этих словах, была для Дубэ как пощечина.

Рекла подошла еще ближе, и Дубэ с отвращением и ужасом почувствовала ее дыхание на своей шее.

— Я убью тебя своими руками. Бассейн наполнится твоей кровью, а зверь в это время будет пожирать тебя изнутри. Больше не будет никакого напитка, чтобы спасти тебя, Дубэ. — Рекла лукаво улыбнулась девушке. — Ты и Тенаар — одно. И я буду служить ему до конца, хочешь ты этого или нет.

Ужас от этих слов был для Дубэ сильнее боли, она почувствовала спазм в висках — укус страха. Но было и другое — то, чего она не знала раньше.

— Нет! — закричала она снова. — Я не принадлежу Тенаару! И я не умру в этом проклятом бассейне от твоей руки! Я вам не принадлежу!

Ее горло раздувалось и сжималось, и ее хриплый от страдания голос разорвал темноту ночи. Какая-то птица взлетела, разбуженная им.

Через несколько секунд появился Филла с кинжалом в руке: очевидно, весь этот шум в конце концов разбудил его.

— Она бредит, — сказала Рекла.

— Что с ней?

— Только раны, больше ничего. Завтра маленькая доза питья все залечит. Возвращайся назад и спи.

Он неуверенно взглянул на Реклу.

— Я сказала — иди спать! — прошипела страж ядов.

Филла медленно ушел.

А Рекла стояла неподвижно и пристально смотрела на Дубэ.

— Посмотрим, принадлежишь ты Тенаару или нет.

Сказав это, страж ядов сжала кулаки и направилась к своей постели.

Дубэ не уснула. У нее болело все тело, но ей казалось, что тяжесть, которая давила ей на сердце, стала немного меньше. Она наконец приняла решение. Оно пришло неожиданно и было подсказано болью и горем из-за обманутых надежд.

Почти десять лет она шла вперед, ничего не ожидая для себя, даже не пытаясь прервать ход событий, потому что сопротивляться было бессмысленно и потому, что, может быть, все это просто было правильно и справедливо.

Но разве остаться здесь и дать зверю сожрать себя — тоже правильно? Разве справедливо позволить, чтобы ее жизнь закончилась столь бесполезно? А что будет со Всплывшим Миром? Разве тысячи его жителей заслужили это?

Нет! Она покинула Дом навсегда и больше никогда в него не вернется.

Она убежит, как бы трудно это ни было, и продолжит выполнять задание одна. Почему она должна считать, что всему пришел конец? Только потому, что сама потеряла надежду?

В то мгновение, когда она в последний раз видела Лонерина, он оставил ей в наследство не только свою ненависть. Под конец он улыбнулся. Он был уверен, что она пойдет вперед, продолжит путь и ради него тоже. И она сделает это. Она должна это сделать! Наконец у нее есть ее собственная цель.

Небо стало темно-розовым: начался новый день. И удар ноги вернул Дубэ к действительности. Рекла стояла над ней и гневно смотрела на нее. Страж сменила ей повязки, и сделала это грубо, нарочно стараясь причинить боль, а потом смешала в чашке какие-то травы и заставила ее проглотить напиток из этой смеси. У лекарства был не такой вкус, как накануне, и это значило, что Рекла не положила в него посторонних добавок. Затем она немного сильнее затянула веревки на запястьях и бедрах девушки и взвалила ее на плечи Филле.

— Смотри, не шути! — пригрозила Рекла пленнице и с силой дернула ее за волосы. — Иначе ты знаешь, что тебя ждет.

Дубэ чувствовала себя так плохо, что должна была подождать несколько дней, прежде чем попытаться бежать. В лекарственном питье, несомненно, было то дурмнящее средство, которым Рекла пользовалась, чтобы не дать ей сопротивляться. Дубэ подумала, что должна найти способ сохранить свой ум ясным и в следующий раз выплюнет лекарство. Кроме того, перед побегом она непременно должна утащить несколько пузырьков с лекарством против зверя. Рекла забрала мешок Лонерина и переложила его содержимое в свою сумку. Эту сумку она всегда носила на ремне через плечо и по вечерам сжимала ее в руках.

Они провели в пути весь день, и Дубэ притворялась, что лекарство одурманило ее сильнее, чем было на самом деле. Она хотела изучить своих противников, найти их слабые места. Когда они сделали остановку, чтобы полечить ее, девушка заметила, что Филла обращается с ней мягко. Он был не таким, как Рекла, и, может быть, жалел ее. Его прикосновения к ране были почти нежными. Она должна воспользоваться его поддержкой. Эти двое не очень похожи друг на друга. Странно, что Иешоль объединил их. Может быть, эту их несхожесть она и должна использовать, чтобы найти способ убежать.

Эту ночь она снова провела без сна. У нее совсем не осталось сил, но было необходимо изучить обстановку. Каждый раз, когда ее начинал одолевать сон, она немного поворачивалась так, чтобы нажать на раненое плечо. Это не слишком помогало ему заживать, но боль не давала ей уснуть.

Дубэ присмотрелась к тому, как спят оба ее тюремщика. И заметила, что примерно через два часа дыхание Филлы стало тяжелее, а Рекла через одинаковые промежутки времени оглядывалась вокруг. Кажется, она просыпалась не полностью, но Дубэ не могла бы поклясться, что это так. Рекла слышала любой шум, даже самый слабый, и, если какой-то шорох хотя бы на самую малость отличался от обычных шумов, ее рука оказывалась на рукоятке кинжала, а глаза широко раскрывались.

Она никогда не выпускала из рук сумку, держала ее в руках, а ручку сжимала в ладони.

Однажды Рекла проснулась полностью и встала. И она дрожала. Дубэ, увидев это, полузакрыла глаза, чтобы страж ядов не раскрыла ее тайну. Рекла лихорадочно искала что-то в своей сумке. Ее плечи вздрагивали и как будто усохли, словно постарели. Лицо Реклы тоже было не таким, как обычно, при свете луны Дубэ разглядела, что кожа на лице стража ядов сжалась и покрылась множеством морщин. И тут девушка вспомнила. Тоф, напарник, которого Иешоль дал ей для первой работы на Гильдию, говорил ей: «Я видел ее издали... но она была сутулая, и ее кожа... была такой, как будто она вдруг стала как все в ее возрасте».

Рекла принимает это питье, чтобы омолаживать себя! Если она не пьет его через одинаковые промежутки времени, то мгновенно стареет! И сейчас наступил один из таких моментов.

Дубэ открыла глаза, напрягла внимание. Она не боялась, что Рекла обнаружит ее: страж ядов явно была слишком занята своими делами, чтобы сторожить свою пленницу.

Рекла вынула из сумки какой-то пузырек. Дубэ постаралась запомнить, как он выглядит, хотя цвет невозможно было определить. Рекла поднесла его ко рту и, откинув назад голову, выпила содержимое. Ее тело вздрогнуло в последний раз, а потом плечи распрямились, лоб снова стал гладким, тогда она спокойно улеглась обратно на свою постель и заснула.

Дубэ улыбнулась в темноте. Поговорка «ночь подает совет» оказалась верной.

На рассвете Рекла, как обычно, ударила ее ногой в бок. Дубэ не спала, но сделала вид, что только что проснулась и, не жалуясь на боль, взглянула на стража ядов так вызывающе, что та снова ударила ее — в наказание.

Филла остановил Реклу — схватил за плечи.

— Оставьте ее, я сам ей займусь.

Рекла грубо вырвалась из его рук.

— Не касайся меня!

— Простите... простите меня, но успокойтесь.

В движениях Филлы была странная услужливость. Рекла отвечала на его заботу отвращением, но в то же время относилась к ней как к чему-то обычному. Должно быть, они не в первый раз работали вместе.

— Она нарочно злит меня. Но когда я вонжу ей в сердце свой кинжал, она больше не станет смотреть на меня так! — с ненавистью сказала Рекла и ушла.

Филла подождал какое-то время, потом приподнял Дубэ и спросил ее сквозь зубы:

— Почему ты так упрямо злишь ее?

Дубэ не сумела ему ответить. У него во взгляде была печаль. Было похоже, что Филла искренне беспокоится о своей спутнице.

Он помогал Дубэ, пока она приводила себя в порядок, потом взглянул ей в лицо:

— Здесь рядом есть река. Хочешь выкупаться?

Дубэ удивленно посмотрела на него, а Рекла, которая услышала слова Филлы, возмутилась:

— Ты что, с ума сошел?

— В рану может попасть инфекция, а это опасно, — ответил Филла. Его голос слегка дрожал от страха.

— Берегись, как бы она тебя не обманула, — прошипела его спутница. — Когда она окажется в Доме, она должна дышать, и не более того.

— Так она может вообще не попасть туда.

Рекла стала ходить вперед-назад, как дикий зверь в клетке. Филла прав: она не хочет ничем облегчить страдания Дубэ. Но у стража ядов не было выбора, и в конце концов она кивнула в знак согласия.

Филла помог девушке подняться и при этом дергал ее за руки, словно показывая этим, что делает это не из жалости. Дубэ знала, что Рекла найдет способ отомстить ей за эту уступку. Значит, сегодня вечером ей надо быть осторожной и не пить лекарство.

Когда она оказалась в состоянии держаться на ногах, у нее сильно закружилась голова.

— Обопрись на меня, — сказал ей Филла.

Было странно слышать, как человек из Дома говорит такое. Члены Гильдии редко проявляли внимание к своим ближним.

— Моя госпожа просто нервничает, — шепнул он в ухо девушке необычно грустным голосом. — Не делай ничего, что может ее раздражать, и тебе будет лучше.

Они прошли всего несколько шагов — и Дубэ увидела поблизости водоем с прозрачной водой.

— Поторопись! — велел ей Филла. — Я увел тебя оттуда, только чтобы успокоить ее. Если бы она что-нибудь сделала с тобой до возвращения в Дом, она бы потом горько

раскаивалась в этом.

Дубэ подумала: теперь все ясно. Она спрашивала себя, почему Иешоль объединил этих двоих в такую странную на первый взгляд пару. Филла обожал Реклу и каким-то образом присматривал за ней, обуздывая ее вспыльчивость и склонность к насилию.

Нагибаясь, Дубэ едва не упала. Она была невероятно слаба, и это уж точно не помогло бы ей бежать. Подняв голову, она увидела в воде отражение своего лица — и не узнала себя. Она была вся в синяках и кровоподтеках, часть лица опухла. Рекла была права: она действительно хорошо поработала.

Дубэ опустила голову в воду и почувствовала себя легче от холода, который стал щипать ей лицо. Ей захотелось погрузиться полностью, это было совершенно необходимо. Но чужая рука схватила ее за волосы и вытащила из воды.

— Ты что, сошла с ума? Хочешь умереть?

С помощью Филлы она промыла себе рану, потом он сменил ей повязку и смазал рану мазью, которую приготовила Рекла.

— Не надейся напрасно, — сказал он, сурово глядя на девушку. — Я делаю это только для того, чтобы моя госпожа смогла совершить свою месть в Доме, поэтому ты нужна мне живая.

Дубэ заметила, что маленькая чашка, в которой лежала мазь, была из стекла. Этот случай она не могла упустить. Когда Филла закончил ее лечить, она сделала всего одно незаметное движение — чашка выскользнула из его пальцев и упала на землю. Дубэ быстро накрыла ее ладонью и услышала треск лопнувшего стекла, но притворилась, что ничего не заметила.

Филла с досадой вздохнул, но сказал:

— Это не важно: все равно я уже закончил.

Он заставил Дубэ встать, и она, поднимаясь на ноги, поднесла руку к карману. В этой руке был зажат осколок стекла.

Когда они вернулись назад, ее заставили пить лекарство. Горечь наполнила рот: Рекла снова добавила туда что-то. Дубэ сумела пролить часть этой смеси, когда пила, но того, что попало ей в горло, все же оказалось достаточно, чтобы вызвать у нее вялость и заставить ее провести еще одну адскую ночь в судорогах. Рекла перед тем, как улечься спать, снова какое-то время пробыла рядом с Дубэ, наблюдая за ней и наслаждаясь стонами. Девушка пообещала себе, что будет терпеть это только еще один день. Больше она уже не могла вынести такое.

На следующее утро питье ей снова давал Филла. Его рука была не такой твердой, а желание заставить девушку страдать — не таким сильным, как у Реклы. Дубэ было достаточно притвориться более слабой и заторможенной, чем она была на самом деле. Часть жидкости она расплескала, когда пила, другую часть выплюнула, когда Филла отошел от нее, чтобы вернуть Рекле пузырек. Сейчас, при таком малом количестве лекарства в теле, для нее было самое подходящее время бежать, и Дубэ решила, что делает это вечером.

«Еще один день, всего один», — повторяла она себе.

Судьба благоприятствовала ей.

После очередного дня пути они остановились на ночлег позже, чем обычно, и скоро стемнело. Облака время от времени закрывали луну. Когда Дубэ по слуху определила, что сон Реклы и Филлы стал глубже, она достала свой маленький осколок стекла и стала перерезать им веревки, которые связывали ей запястья и бедра. Шерва был прекрасным учителем: ей понадобилось довольно много времени, но в конце концов она освободилась и встала на ноги, стараясь не шуметь.

У нее кружилась голова. Дубэ прислонилась к дереву и заставила себя сосредоточиться. Она должна была снова привыкнуть держаться на ногах. Девушка почувствовала, что еще не совсем окрепла, но сможет справиться со своей задачей.

Она подобрала с земли несколько камней и попыталась подойти ближе к Рекле и Филле.

Стоило ей сделать первый шаг, как Рекла приподнялась на постели. Дубэ замерла на месте. Сон Реклы был как тонкая ткань, достаточно было легкого шума, чтобы она проснулась. Дубэ действовала на пределе своих способностей. Она постаралась работать лучше, чем когда-либо раньше, — лучше, чем тогда, когда крала мешочки с драгоценностями из рук у спящих людей, чем тогда, когда училась у Шервы двигаться бесшумно как призрак.

Тише, медленнее!

Ей понадобилась еще не одна минута, но в конце концов Дубэ оказалась лицом к лицу с Реклой. Девушка могла бы пересчитать по одной все веснушки стража ядов, видела ее слегка приоткрытые губы и розовые, как у девочки, щеки. Дубэ чувствовала только отвращение к Рекле и желала убить ее сильнее, чем когда-либо раньше. Вонзить ей нож в сердце, прикончить ее... Но Дубэ не могла этого сделать: она была в силах убить одного из двоих, но не обоих. В своем теперешнем состоянии она не смогла бы справиться с Филлой. Нет, она должна просто бежать.

Дубэ опустила на колени. Мешок был здесь, в руках у Реклы, но Дубэ не могла взять его. Она стала вытаскивать из него пузырьки один за другим и подкладывать вместо них камень.

Эта работа тянулась бесконечно долго, на лбу у девушки выступил пот. Ее движения должны были быть плавными, точными, бережными. У нее начали дрожать ладони. Рекла спала беспокойно, было ясно, что она вот-вот проснется. Если это случится, все пропало, а Дубэ не могла допустить этого. И она без остановки продолжала свое дело, терпя боль в руках, пока не взяла из мешка все, что ей было нужно. И сразу отошла, сделала медленный вдох, затем выдох и стала подсчитывать свою добычу. Два пузырька питья против зверя — очень мало — и три таких же пузырька, как тот, из которого Рекла пила предыдущей ночью. Сначала Дубэ занялась этими тремя: открыла их и вылила содержимое на землю.

Она не могла убить Реклу, но могла заставить ее умереть от старости.

Затем перед девушкой оказался кинжал — ее кинжал, кинжал Учителя. Она вернула его себе! Дубэ быстро опоясалась кожаным ремнем, на котором он висел, и, когда ремень сомкнулся у нее на талии, девушка почувствовала, что у нее прибавилось сил.

В последнюю очередь она осмотрела травы. Все они были ей знакомы, и среди них была одна, как раз подходившая для ее задачи. Жаль, что не было ядов: очевидно, Рекла посчитала, что они не нужны.

Дубэ понадобилось немного времени, чтобы приготовить все необходимое в одном из опорожненных пузырьков.

Она услышала, что Рекла стонет и ворочается на постели, и быстро отбежала в сторону, не забывая двигаться по возможности бесшумно. Затем прикрыла лицо ладонью и добавила в свою смесь последний компонент.

Из пузырька поднялся легкий пар, и от него у Дубэ слегка закружилась голова.

Она осторожно вылила немного своего состава на траву возле рта и носа Филлы, а потом оставила пузырек с половиной содержимого рядом с лицом Реклы и медленно поднялась на ноги. Эта жидкость подействует не сразу, но одурманит их на такое время, которого ей хватит, чтобы пройти несколько километров.

Дубэ стала уходить — осторожно пятясь. Когда она перестала видеть Реклу и Филлу, то повернулась и побежала.

Она была свободна.

12

ГНОМ И МАЛЬЧИК

Идо не стал медлить. Он завладел конем заколотого им врага, свежим после целого вечера отдыха, полученного от убийц, и бросился в погоню. Кровь бурлила у него в жилах.

Он поблагодарил судьбу за то, что находится в Большой Земле. Следы второго коня

были хорошо видны и отпечатались четко. Расстояние между ним и убийцей было минимальное, и он был легче. Было похоже, что убийца все время ехал к развалинам Башни. Когда-то на том месте стояло гигантское жилище Астера — огромная башня, состоявшая полностью из черного хрусталя. Она была видна хотя бы с одного места в каждой из Восьми Земель, и по направлению к этим землям от нее вели, словно липкие щупальца, длинные здания. Башня была уничтожена во время Великой Зимней Битвы, и на ее месте долгое время была только безлюдная равнина, покрытая остатками каменных стен и обломками черного хрусталя.

Когда Дохор стал достаточно могущественным, решил привести эту местность в порядок. Было ясно, что он желал построить там для себя большой дворец и жить в нем, когда станет господином всего Всплывшего Мира. И теперь эта территория была полна рабов — фамминов, гномов и людей, которые очищали землю от остатков Башни.

Если убийца действительно направлялся туда, то получалось что-то интересное: это значило, что он вез мальчика не Гильдии убийц, а самому Дохору. Идо еще сильнее пришпорил коня, но, как быстро он ни скакал, ему не удавалось догнать тех, кто был впереди. Он рассчитал, что при том расстоянии, которое их разделяло, и разнице в весе увидит их еще до рассвета. Но цепочка следов тянулась, не прерываясь, до самого горизонта.

В конце концов он заметил черную точку и напряг свой единственный глаз, чтобы лучше ее разглядеть. Идо устал, и его мысли путались. Он не спал уже много дней, и эта бессонница начала на нем сказываться. Поэтому он подумал, что точка была галлюцинацией. Но это было не так: она продолжала двигаться впереди него.

— Ну, мой хороший, сделай последний рывок, — сказал Идо, пришпорил своего скакуна, и тот побежал быстрее.

По мере того как черная точка приближалась, она все больше становилась похожа на коня. Идо почувствовал укол в сердце: это были они. Еще одна ночь бешеной гонки, и дело будет сделано. Предвкушая месть, он опустил руку на рукоять меча.

Но потом он заметил, что этот конь двигался как-то странно: не бежал рысью, а просто шел, опустив голову.

Ну разумеется, с двумя людьми на спине и после целой ночи такого бега он должен быть совсем без сил.

Расстояние между ними быстро сокращалось, и тогда Идо понял, в чем дело.

— Проклятый ублюдок, — выругался он сквозь стиснутые зубы. Остановил коня и закричал, жалуясь небу.

Они ускользнули у него из-под носа. Он дал себя провести, как самый глупый новичок. Конь был один, без людей. Всю ночь он гнался за проклятым конем, который один бродил по пустыне.

Он закричал еще раз, и его конь споткнулся. Идо натянул поводья. Он должен сохранять спокойствие. Он всегда думал, что старость сделает его мудрее, а стал с годами только раздражительней и вспыльчивей. Сохранять ясность ума в подобных случаях ему становилось все сложнее, а он хорошо знал, что в такой момент это было единственное, что ему оставалось. Идо постепенно заставил свое сердце биться медленней, а мускулы — расслабиться.

«Подумай... теперь у них нет коня. И ты знаешь, куда они направлялись. Их двое, они в пустыне, идут пешком. Они не могли уйти очень далеко от того места, где ты столкнулся с ними вчера ночью».

Он развернул коня кругом и снова пустил его в галоп.

Только когда взошло солнце, Шерва позволил себе посмотреть назад через плечо. Он совсем не был уверен, что его хитрость подействует. Если бы тогда не была ночь и гном не так волновался, Шерва точно не добился бы успеха. А теперь дело, кажется, шло к счастливому концу.

Мальчик неподвижно лежал у него на плече. Главные трудности создавал как раз он.

Совсем недавно он попытался вырваться, и тогда Шерва применил сильное средство: ударил его кулаком так, что мальчишка тут же притих. Но убийца знал, что этого мало. Если он хотел доставить мальчика Иешолу и довести задание до конца, он должен был обезвредить его на весь день. Но он был очень зол на мальчишку. В какой-то момент Шерва даже подумал, не бросить ли его здесь, в пустыне. А сам он стал бы свободен. Больше не было бы Гильдии, не было бы темниц. Или он мог бы встать перед Иешолем и показать ему голову мальчишки. Наконец он перестал бы сгибать колени перед богом, которого ненавидел. Но и это была смутная невыполнимая мечта. Всю свою жизнь Шерва умел верно оценивать обстановку и собственные силы и ждать подходящего момента для удара. Сейчас был неподходящий момент.

Поэтому он вынул из кармана пузырек, который дала ему Рекла перед уходом.

«Все мы знаем, какой чертовкой была эта Ниал, — сказала ему страж ядов. — Если внук унаследовал хотя бы маленькую долю ее буйного нрава, тебе будет нелегко везти его. Я приготовила напиток, который ты сможешь применить при необходимости. Это питье одурманит его на целый день».

Шерва покачал головой, но у него не было выбора. Он перевернул мальчика и открыл ему рот. Оттуда вытекла струя крови: вероятно, Шерва выбил ему зуб. Но для Шервы эта подробность была не важна. Главным было то, что питье пролилось в горло.

Но теперь Шерва устал и должен был остановиться, чтобы набраться сил. Он положил мальчика на землю и взял флягу с водой, чтобы напиться. Сан наблюдал за ним. Глаза мальчика были полузакрыты, но он, хотя и полусонный от дурмана, смотрел на Шерву с ненавистью.

Шерва взглянул на него с высоты своего роста:

— Сейчас твой спаситель уже мертв. Тебе не на что смотреть.

Мальчик ничего не ответил: он упорно боролся с действием напитка, чтобы сохранить контроль над собой. Ничего не скажешь — у него сильный характер.

Шерва оставил это без внимания, вылил немного воды себе на спину, помедлил одно мгновение и снова взвалил мальчика на плечо. Он должен был идти вперед: гном мог уже напасть на их след.

Только рано утром Идо сумел разыскать то место, где убийца расстался со своим конем. Враг был очень умелым: он, по сути дела, спрыгнул с коня на ходу, вот почему следы не прерывались. Должно быть, он был необыкновенно ловким и подвижным, но об этом Идо догадывался и раньше. Два тела, падающие с лошади, должны были бы оставить на такой земле более глубокий след. Но этот человек приземлился на ноги и сразу же побежал. Идо на какое-то время задумался над этим случаем с конем. Уловка была глупая, но действовала хорошо, и убийца рассчитал все до мельчайших подробностей: вычислил, сколько времени Идо потратит, чтобы найти верную дорогу, и подсчитал, что к этому времени ветер уже занесет часть следов его и мальчика.

«Вот как идет победитель», — подумал Идо и почувствовал, что искренне восхищается этим убийцей. Это — настоящий враг, воин, равный ему самому.

«Если тебя научили не оставлять следов, то я выучился находить даже самые слабые следы».

Подумав это, Идо окинул взглядом цепочку следов.

Его противник, несомненно, имел преимущество, но и у него была козырная карта: Идо прекрасно знал, куда тот направляется.

Он начинал чувствовать, что больше не может обходиться без сна, и конь тоже устал. Идо еще одну ночь провел в погоне и мчался на пределе своих возможностей. Теперь он начал терять силы.

Но следы теперь были свежие, и он сумел разглядеть, что шаги врага были короткими, и тот волочил ноги. Убийца устал так же сильно, как он сам, притом еще нес на плечах

мальчика, и эта тяжесть должна была отнять у него все силы.

«Сколько весит двенадцатилетний мальчик?»

Идо не знал этого. У него никогда не было детей, и иногда его это печалило. Однажды кто-то сказал ему, что без детей жизнь не имеет смысла, и только боги знали, как Идо хотел бы иметь ребенка от Соаны. Но судьба свела их вместе лишь тогда, когда они были уже старыми.

— Если бы ты больше занимался мной, а не думал всегда о войне... — Рядом с ним была Соана, и на ее лице было то сердитое выражение, которое ему так нравилось. Она не злилась на самом деле, только притворялась. Это была игра, в которую они часто играли.

— Ты права, — пробормотал он.

Она ласково улыбнулась:

— Я тоже уже слишком старая.

— Тогда я должен был начать любить тебя раньше. Я ведь влюбился в тебя намного раньше, чем ты меня захотела.

— Я это знаю.

Идо вытянул руку, чтобы погладить щеку Соаны, но почувствовал, что падает, и увидел, как земля летит ему навстречу. Он едва успел удержаться, схватившись за поводья.

Это был сон. Он заснул и не заметил, как это случилось.

«Старый идиот!..» — сказал он себе и попытался ударить себя по щеке, чтобы проснуться.

Он слишком устал. В таком состоянии он не сможет сражаться. Идо прищипорил коня: ему нельзя спать. Скачка продолжалась недолго: вскоре он обнаружил очень свежие следы, это означало, что те двое очень близко.

Как только он сошел с коня, у него возникло сильное ощущение, будто он снова играет старую роль. Все было как накануне вечером, только теперь он был гораздо слабее.

Идо оставил коня там, где спешился, а сам пополз по земле и полз до тех пор, пока не разглядел ясно в ночной темноте тех двоих. Мужчина не спал. Он сидел к Идо спиной, и его лысая голова блестела в слабом свете ночи.

Идо на мгновение поднял взгляд. Ночь была чудесная — светлая и ясная. Звезды обращали свое таинственное сияние на безмолвную землю.

Мальчик был рядом с ним, лежал на земле, был, видимо, совсем без сил и смотрел на него. Идо остановил на нем взгляд и прижал палец к своим губам. Мальчик не должен двигаться, Идо все сделает сам. Гном снова пополз на четвереньках по песку, а Сан смотрел на него широко открытыми глазами.

Теперь Идо был на расстоянии всего одного шага от убийцы и чувствовал запах его пота. Было похоже, что тот ничего не замечает. Идо опустил руку на рукоять меча. И в это время враг одним рывком повернулся к нему, уже с кинжалом в руке, готовый перерезать горло нападавшему. Идо едва успел вскочить на ноги и вынуть меч из ножен.

Противники скрестили оружие и на один миг замерли неподвижно, изучая один другого.

— Ты быстрый, — заметил убийца.

«До чего он похож на змею с этим своим кривым носом и маленьким ртом», — подумал Идо.

— Ты тоже быстрый, я бы сказал.

И тут убийца направил кинжал в грудь противнику, который ослабил свою защиту. Идо уклонился и почувствовал, как лезвие пронзает ему бок. Боль заставила сжаться все его мышцы.

«Проклятье, защищайся, старик!»

Он взмахнул мечом перед собой, но враг отпрыгнул, а потом внезапно бросился на Идо и схватил его руками за голову.

Идо не справлялся с ним. Рана была глубока, он чувствовал мурашки в ладонях, сжатые в кулак пальцы уже устали держать оружие.

«Почему он не устал так, как я?»

Свободной рукой убийца набросил шнур ему на шею. Идо понял: враг хочет его задушить. Он крепче уперся ногами в землю и попытался освободиться, но только сумел сделать еще один короткий вздох. Собрав последние силы, гном ударил врага рукоятью меча, и тот на мгновение ослабил хватку. Идо воспользовался этим и ударил снова. Но лишь слегка задел убийцу, а тот снова направил на него кинжал.

Хотя Идо почти утратил прежнюю быстроту реакции, ему все же удавалось отбивать удары врага с достаточным успехом, но он начал слабеть. В этой темноте он видел только блестящее лезвие кинжала, словно рядом ничего больше не было.

Тогда он сжал меч обеими руками и огромным усилием воли заставил себя не обращать внимание на боль в ране. На этот раз его удар достиг врага, и Идо почувствовал, как его меч вонзается в тело. Убийца глухо вскрикнул, на мгновение согнулся, и кинжал выпал у него из руки.

«Может быть, я справлюсь», — подумал Идо.

Он выпрямился, но противник посмотрел на него, улыбнулся, повернулся вокруг своей оси и снова оказался позади Идо, мощным толчком сбил его с ног, и гном почувствовал, как колено врага надавило ему на лопатку. Боль в груди была ужасной.

«Быть убитым, когда ты устал и стар, — какая глупая смерть!»

Враг охватил ладонями шею Идо. Руки у него немного дрожали: значит, рана, которую Идо ему нанес, была глубокой. У гнома почти не осталось сил, но все же он продолжал сопротивляться. И тут он вдруг почувствовал, что сжимавшие его руки ослабли, а потом услышал глухой стук падающего тела. Идо не мог поверить, что это возможно. Но его горло было свободно, и он, тяжело дыша, пытался набраться сил.

— Ты в порядке? — Это спросил детский голос. Перед глазами Идо появились испачканное грязью лицо и два блестящих глаза — Сан. Сан нанес удар убийце, а теперь стоял перед Идо. Мальчик дрожал, лицо у него было бледное и искаженное.

— Спокойно, спокойно, — прошептал Идо больше для себя самого, чем для него.

— Я нанес ему удар в плечо, но не знаю, умер он или нет.

Идо не мог проверить, убит ли враг, и решил считать, что тот только ранен. В таком случае им нужно как можно скорее уходить отсюда: убийце нужно немного времени, чтобы прийти в себя.

— Помоги мне!

Мальчик ухватил Идо за руки и помог ему подняться. Гном почувствовал боль в ране, края которой растянулись. Но другая боль, в груди была сильнее. Должно быть, у него была трещина в ребре. Идо подсчитал, сколько времени он еще останется в сознании; получалось, что недолго.

— Сними куртку, разорви ее и сделай из обрывков длинную ленту. Ты должен остановить мне кровь.

Сан всхлипывал и уже начинал поддаваться панике. Но, несмотря на это, он выполнил просьбу безупречно. Идо заметил, что не чувствует боли даже тогда, когда мальчик касается раны.

Он не стал спрашивать себя ни почему так происходит, ни как мальчик сумел освободиться от веревок. Они должны были сесть на коня: нельзя было терять время.

Сан был просто молодец: повязки были хорошо натянуты; но садиться в седло все равно было ужасно. Идо постоянно терял сознание.

— Садись позади меня, ты поведешь.

Мальчик не понял, но все равно сел.

— Следуй за той красной звездой, которая блестит на горизонте. Она указывает запад. Там находится Земля Огня. Когда станет светло, ты увидишь гору Тал, большой вулкан... Ты должен все время ехать в этом направлении.

Сан заплакал, его тело судорожно вздрагивало: страх отнял у него последние силы.

— Не бросай меня...

— Сан, сейчас нет времени. Гони! — слабым голосом сказал Идо.

Конь не сдвинулся с места. Сан оцепенел и не шевелился.

— Ты справишься. Что тут особенного — ехать в сторону обычной красной звезды? Завтра я проснусь и тогда сам поведу коня. Я должен поспать, Сан, должен набраться сил, иначе я не выдержу.

Мальчик посмотрел на него, немного помолчал, потом согласился. Он тронул коня с места, и наконец они отправились в путь.

Сан продолжал плакать, но крепко держал поводья. Это по-настоящему мужественный мальчик. И перед тем как лишиться чувств, Идо улыбнулся.

Он мгновенно проснулся оттого, что солнце обожгло ему лицо. Вокруг был только свет, и больше ничего — невыносимо яркий мощный свет.

«Может быть, это и есть тот хваленый загробный мир, о котором говорят жрецы, и скоро придет Соана и заберет меня к себе».

Острый укол боли в груди заставил Идо понять, что он не умер, и его зрение постепенно прояснилось.

Еще полузакрытыми глазами он увидел хорошо знакомую ему картину: огромную дымящуюся гору Тал прямо перед собой и выжженную пустыню — свою землю. Он опустил взгляд: Сан согнулся так, что почти касался головой живота, его куртка была грязной и рваной, одна щека распухла и посинела. Идо почувствовал странное тепло в боку. Мальчик держал руку над его раной, и его ладонь была окружена едва заметным светящимся ореолом.

— Добрый день, — пробормотал он.

Сана словно укусил тарантул: мальчик внезапно отпрыгнул назад, разрывая контакт.

— Клянусь, я ничего не делал.

Идо не понял его.

— Все в порядке, я только сказал «добрый день».

Сан, кажется, растерялся.

— Есть хороший обычай отвечать на такие приветствия.

— Добрый... добрый день, — неуверенно пробормотал мальчик.

У Идо в мыслях был такой туман, что он был совершенно не способен думать обо всех тайнах, окружавших этого мальчика.

— Поздравляю тебя, ты справился, — сказал он.

Сан слегка покраснел.

Гном провел рукой по повязке. Она была сухой: кровь перестала течь. Но боль рванула ему грудь, напомнив о сломанном ребре. На один миг зрение у Идо помутилось, но он должен был подняться: теперь наступила его очередь управлять конем.

Сан сошел с коня и снова сел на него уже позади Идо.

Он был довольно высоким для своего возраста, его волосы только слегка отливали синим цветом. Но глаза, хотя сейчас они опухли от сна и слез, были такими же, как у его отца, то есть такими же, как и у Ниал. Идо ошеломила мысль, что Сан не может этого знать, внук ведь никогда не видел свою бабу.

Какое-то время они ехали молча под безжалостным солнцем Земли Огня. Идо не был здесь три года, но ему казалось, что с тех пор прошло много сотен лет. Вот его настоящая родина, где он жил так мало, земля обетованная, за которую он пролил свою кровь. Для Идо эти места были слишком переполнены воспоминаниями, и он был благодарен Сану, когда тот нарушил это ужасное молчание, спросив:

— Куда мы едем?

Идо почувствовал, как мальчик отрицательно качнул головой.

— Я никогда не выезжал из Земли Ветра. Мой отец не хочет, — он на мгновение замолчал от ужаса и смущения, потом поправился: — Не хотел.

— Мы в Земле Огня.

Неизвестно, был ли Сан ошеломлен его ответом: Идо не мог видеть его лицо.

— Мы едем в надежное место, которое знаю только я один. Там я приведу себя в порядок, и ты тоже, тебе, насколько я могу видеть, тоже это нужно. — Идо немного помедлил. — Это был кулак?

— Когда я остался один с тем человеком, я попытался освободиться. Он опустил меня на землю и сильно ударил. Он выбил мне зуб.

Идо не знал, что сказать. В его уме возникали один за другим все случаи, когда ему приходилось утешать кого-то. Он вспомнил молодых жен, матерей, сыновей, просто друзей и товарищей по оружию. Ни разу ему не удалось никого утешить.

— Мы подумаем, как тебя полечить.

Это была самая глупая фраза среди всех, которые он мог выдать из себя. Но он устал и страдал от боли.

— В любом случае мы сейчас едем к акведуку.

— К акведуку? К тому, куда спускалась Ниал? — В голосе Сана было слышно любопытство.

Имя Ниал звучало у него так же, как его произносили все другие, — это было имя героини из легенды, и только.

— Да, тот самый.

Сан опустил голову на грудь. Теперь щеки мальчика были мокрыми от слез.

— Я никогда не думал, что окажусь там. Папа часто говорил мне о нем.

Сан снова замолчал. Идо почувствовал, что с его губ готовы слететь слова, которые ему страшно не хотелось произносить.

— Сан, я сделал для него все, я пытался спасти его, но все было бесполезно. Я опоздал. Мальчик выпрямился.

— Ты его видел?

— Я оставался с ним, пока он не умер.

— А мама?

— Она была уже мертва, когда я пришел.

Сан снова опустил голову на грудь, уткнулся лицом в куртку и заплакал, громко всхлипывая. Идо хотел бы остановиться, обнять его и сказать, как хорошо его понимает, но не мог этого сделать. Не сейчас, здесь еще слишком открытое место, сначала они должны оказаться в безопасности.

Поэтому он только положил Сану руку на плечо, не обращая внимания на боль, которую это причинило ему самому, и крепко пожал. На самом деле Идо тоже хотел бы заплакать.

13

ПУТЬ В ОДИНОЧЕСТВЕ

Дубэ мчалась по чаще не чуя под собой ног. Снотворное, которое она приготовила, будет действовать до рассвета, а до тех пор она должна оставить своих тюремщиков как можно дальше за своей спиной.

Она и теперь чувствовала себя не совсем в форме: ноги были слабыми, дыхание коротким. И все же ее переполняла радость. Она уже не помнила, когда в последний раз ей было так радостно. Кажется, выбор, который она сделала под влиянием гнева и разочарования, изменил все. Она чувствовала себя свободной — может быть, в первый раз в своей жизни. Мысли о звере, собственной судьбе и смерти были далеко. До того, как все закончится, она хотела попытаться сделать большое дело — что-то, что дало бы смысл всему, и ее побегу в том числе.

Она остановилась лишь на исходе утра. Жадно напилась из фляги, потом опустила руки, прижав ладони к коленям, чтобы отдышаться. И вдруг заметила, что лес вокруг нее больше не молчал враждебно. Может быть, его духи помогут ей найти правильную дорогу.

Вдруг Дубэ почувствовала тяжесть в желудке. Это зверь напомнил о себе. Ей нужен

лекарственный напиток, хотя она уже давно не пила ни глотка его. Девушка достала и открыла один из пузырьков Лонерина. Держа его в руке, она испытала странное чувство. Это все, что осталось от Лонерина. Драгоценное, но в то же время слишком маленькое наследство.

Она невыносимо тосковала по Лонерину, но, представляя его себе, смогла лишь с печалью вспомнить, каким он был, падая с обрыва, словно эта последняя картина стерла все остальное. Ненависть, которую она на мгновение увидела в его глазах, была глубокой и неизмеримой. Дубэ почувствовала, что никогда не знала его по-настоящему, хотя они вместе провели в пути целый месяц. Он всегда оставался для нее загадкой. Она бы хотела лучше понять Лонерина и доверить ему свою собственную боль, но смерть пришла слишком рано. Как всегда.

Она поймала себя на том, что думает: «Это как с Учителем».

Дубэ встряхнулась. Она не знала, хватит ли ей этого крошечного запаса лекарства для того, чтобы добраться до дома Сеннара, но она должна справиться, а как — не важно.

Слова, которые Лонерин сказал ей в начале похода, звучали в ее уме твердо, как приказ.

«У меня есть задание, от которого зависит судьба многих, я посвятил этому всю свою жизнь. Я не думаю о том, что дела могут пойти плохо, что возможна неудача, — в том числе и потому, что это бесплодное занятие».

Дубэ встала на ноги и продолжила путь.

Наконец она подошла к обрыву, с которого упал Лонерин. Она вернулась обратно по прежнему пути и теперь лихорадочно искала какой-нибудь след Лонерина — обрывок одежды, знак, что угодно, что возродило бы в ней надежду. Но не нашла ничего, словно земля уже забыла Лонерина.

Дубэ встала на краю обрыва, нерешительно наклонилась вперед, заглядывая в пропасть, и перед ее глазами возникла уверенная улыбка Лонерина. Было что-то героическое в том, как он встретил смерть.

Под ней неудержимо мчалась река, но никаких следов своего товарища она не увидела — только на одном из камней осталась кровь, которую вода не смыла, словно из жалости.

Теперь Дубэ была одна. Она не знала, куда идти, у нее не было даже карты Идо. Карта осталась у Лонерина, в его куртке, и он унес ее с собой. Дубэ смутно помнила рисунок, только и всего. Куда они шли? По какой дороге надо двигаться? Девушка, тяжело дыша, огляделась вокруг. Она знала, что Рекла уже идет по ее следу, и почувствовала себя в западне. Эта женщина будет мчаться без остановки, чтобы поймать ее и отомстить за свое поражение.

Дубэ похолодела. Она слишком рано обрадовалась, и вот теперь оказалась совсем одна — без помощи, без своего товарища.

Она продолжала стоять на краю пропасти, потому что была не в состоянии сдвинуться с места. Все было точно так же, как после смерти Учителя. Без него она была ничем. Одна она могла только выживать и ползти по тому пути, который начертила ей судьба.

Она вспомнила последние минуты, проведенные вместе с Лонерином, — его лицо, склоненное над картой, шуршание его шагов по траве. Когда он пошел осмотреть ту пропасть, в которую ему суждено было упасть.

«Там пропасть, боюсь, нам придется найти другую дорогу».

Эти слова Лонерина прозвучали в ее уме с такой силой, словно молодой маг сам стоял у нее за спиной и повторил их ей.

Другая дорога... Какая? Где?

Горы. Они шли к горам. Равнина стала превращаться во все более крутые склоны, а потом появился этот обрыв.

Дубэ ясно помнила, что Лонерин намного раньше говорил ей о подземных путях — узких проходах, по которым можно пройти через горы, не делая обход на поворотах и не

взбираясь вверх. Если ей удастся найти вход в такое место, будет хорошо, а если нет, она станет карабкаться по скалам. Она не даст себя остановить. Она не может остановиться.

Дубэ яростно стерла с лица слезы и поднялась на ноги. Это был путь без надежды, но иногда приходится отправляться и в такой путь.

Когда Рекла обнаружила камни в своей сумке, голова у нее еще кружилась. Она увидела невдалеке разбросанные по земле куски разрезанных веревок, а рядом с ними осколок стекла, блестевший в траве, и внезапно поняла, что произошло. Девчонка опять сбежала, и Тенаар больше никогда не заговорит с ней. Она снова будет одна, как в детстве.

Она ногой отшвырнула прочь пузырек со снотворным, который положила возле нее Дубэ, и вскочила на ноги. Это средство она знала хорошо, такое снотворное могли изготовить даже самые неумелые из убийц. Содержимое пузырька выливают на землю, и пары снотворного распространяются в воздухе.

Филла лежал, прислонившись к стволу, и его дыхание было тяжелым. Снотворное подействовало на помощника Реклы очень сильно, и он приходил в себя медленно. Однако, когда он поднял взгляд на Реклу, она прочла в его глазах чувство вины, от которого пришла в бешенство.

— Это все из-за тебя, — пробормотала она сквозь зубы.

Филла не опустил взгляд, а продолжал смотреть на нее, не защищаясь, словно ждал наказания и не заслуживал ничего другого.

— Ты не заметил этот кусок стекла, а когда давал ей питье, даже не проследил, чтобы она его действительно выпила.

— Да, — ответил Филла просто и, судя по его виду, почти с облегчением.

Рекла с дикой злобой бросилась на него и стала бить без остановки. Именно это было ей сейчас нужно — почувствовать пьянящий запах крови в своих ноздрях.

Филла принимал удары ее кулаков и ног без сопротивления. Рекла права, в случившемся виноват он, и он заслужил это наказание. Но дело было не только в желании искупить вину. Ей был нужен кто-то, на ком она могла бы выместить досаду и горе от разрушенной надежды, и Филла был доволен, что может служить орудием для того, чтобы его начальница вернула себе спокойствие.

Когда Рекла наконец села на землю, вид распухшего лица Филлы вызвал у нее жгучую радость.

— Вставай, — приказала она ему.

Он подчинился. Качаясь от слабости, он все же держался на ногах и смотрел на Реклу с любовью и жалостью.

— Теперь мы отправимся за ней и не остановимся, пока не найдем ее. Мы не будем ни есть, ни пить, будем бежать — и только бежать.

Филла согласился.

— Если ты станешь для меня помехой, я брошу тебя.

— Я знаю, задание важнее, — дрожащим голосом ответил Филла. Он был уверен, что Рекла не шутила, и боялся ее.

Она еще одно мгновение смотрела на своего подчиненного, потом бросила взгляд на свой мешок.

Напиток вечной молодости пропал. Уже через несколько дней морщины разрушат ее лицо, а мышцы сохнут. Она сжала кулаки: еще одно оскорбление от этой девчонки! Но в конечном счете это не важно. Вера поддержит ее до конца, и она победит.

Три дня Дубэ брела наугад, не зная, куда идет. Она останавливалась всего на несколько часов по ночам, но даже в эти часы оставалась бдительной и все время сжимала в руке кинжал.

Она пыталась идти в том направлении, куда двигалось солнце, стоявшее высоко у нее над головой, но ей удавалось видеть только пятна света, которые оно рисовало лучами на

земле, пробивая густую листву на вершинах деревьев.

Ей нужно было идти на запад: горы были на западе. Она следовала за течением реки, пока не увидела в первый раз очертания гор.

Однако день за днем ее надежда постепенно улетучивалась. Дубэ не имела ни малейшего представления о том, где она находится. Видно, судьбе было угодно, чтобы ее замыслы и желания никогда не исполнялись.

А лес за ее спиной молчал. Было похоже, что его нисколько не интересует ее боль и он спокойно ждет, когда ее путь закончится. Мясистые цветы раскрывались, когда она проходила мимо, и делались похожи на маски с раскрытым в крике ртом. Скрюченные деревья загораживали ей путь, но Дубэ упрямо шла вперед. Она спросила себя, не могут ли эти растения быть душами мертвых, — она, которая не верила ни в бога, ни в потусторонний мир. Для нее религия имела только одно лицо — свирепое лицо Тенаара, а гнуть спину перед этим кровожадным богом она не хотела. Девушка подумала о том, как было бы хорошо, если бы Лонерин превратился в пар и всего одно мгновение смог побыть с ней рядом, — и снова почувствовала в горле соленый вкус слез.

«Где все те, кого я любила? Где Учитель и Лонерин?»

Еще два бесконечных дня она искала вход в ущелья: проверяя каждую щель, каждое углубление в скалах, и пришла в отчаяние. Первый раз в жизни она пыталась сделать важное, большое дело, и вот все напрасно, похоже, что эта задача ей не по силам.

Как она была рада, когда наконец увидела каменную стену, с узкой щелью! Дубэ не была уверена в том, что это вход, который она искала, щель могла закончиться тупиком, но ей нужно было верить. И она, не задавая себе лишних вопросов, с глупой улыбкой на лице вошла внутрь.

Таких ущелий она никогда не видела даже в Земле Скал. Это было что-то ошеломляющее: стены высотой не меньше чем сто локтей, а ширина такая, что между ними едва мог пройти один человек. Иногда Дубэ должна была сворачивать в сторону, иногда ей приходилось спускаться в узкие и темные проходы, не зная, увидит ли она снова солнце. Ей удавалось увидеть солнце только на самых широких участках ущелья и только в полдень. Все остальное время дня в ущелье стоял полумрак, и Дубэ устала напрягать зрение, чтобы увидеть, куда надо ставить ногу.

Меньше чем за два дня она совершенно потеряла ориентировку. Ущелье разветвлялось, гроты, в которые она входила, открывали новые извилистые ходы. У первой развилки она на какое-то время остановилась, чтобы подумать, и попыталась, насколько могла, сориентироваться, но не было ничего, что могло бы ей помочь: на земле — только камни, вокруг — скалы. И тишина.

И все же Дубэ шла вперед, не обращая внимания на усталость и на то, что ноги отказывались ей служить. На каждом углу, в котором от ущелья отходил еще один проход, она выбирала путь наугад, а с того момента, как перестала помнить указания Идо, руководствовалась инстинктом.

Скалы рядом с ней стали холоднее и мрачнее. На них рос мох, и это означало, что зимой по этому ущелью течет река. Тишина была сверхъестественная: кроме дыхания самой девушки, единственным звуком был стук каменных обломков, которые время от времени падали с вершины и катились вниз, пока не попадали в извилину ущелья.

Используя некоторые из трав Реклы и огниво, Дубэ делала простейшие факелы и освещала ими самые трудные проходы. Она отрывала кусок ткани от своего плаща, обматывала этим лоскутом конец стрелы и зажигала его. Каждый раз, когда девушка входила в какую-нибудь пещеру, ей казалось, что она вернулась в Дом. Зверь шевелился у нее в желудке, и ей почти казалось, что она чувствует руку Тенаара на своей голове.

Однажды один из проходов оказался длиннее, чем рассчитывала Дубэ, и девушка двенадцать часов подряд шла под землей. Если ответвления, по которым она шла,

оказывались тупиками, она, задыхаясь от спешки, возвращалась назад, надеясь, что найдет главный проход. Так она оказалась в огромной пещере, повсюду в ней были известняковые наросты, со свода свисали многочисленные сталактиты: одни — толстые, как колонны, другие тонкие, как стрелы. Некоторые из них соприкасались со сталагмитами, и, когда Дубэ проходила мимо со своим факелом, все блестело. Это место словно излучало магическую силу.

Дубэ посмотрела вокруг себя и почувствовала, что ее конец близок. Здесь не было солнечного света, не было ни травы, которой можно питаться, ни животных. А она может бродить здесь целую вечность и не найти выхода.

«Видно, мне суждено всю жизнь искать дорогу к выходу и не находить ее», — сказала себе девушка и непонятно почему рассмеялась. Этот нервный, полный отчаяния смех, отдаваясь от стен, превратился в плач.

«Лонерин, где ты?..»

От этих мыслей ее оторвал какой-то глухой и низкий дрожащий звук. Она напрягла слух, но не смогла понять, что это такое.

Он был похож на приглушенное бормотание голоса под землей. Дубэ повернула голову направо, потом налево, пытаясь что-нибудь разглядеть в темноте за границей того участка, который был слабо освещен ее тусклым самодельным факелом. Никого. Возможно ли, чтобы Рекла уже догнала ее? Звук не был похож на шаги, но Дубэ в паническом страхе вскочила на ноги и поспешила прочь, не выбирая дорогу. Она шла наугад туда, куда падал свет ее факела, отыскивая путь на ощупь в глубокой тьме пещеры. Потом она заметила вдалеке слабый свет.

«Выход!»

Она побежала, чувствуя, как земля дрожит у нее под ногами. Если ей удастся вернуться в ущелье, то при солнечном свете у нее еще может быть какая-то надежда добраться до дома Сеннара. Свет стал таким сильным, что Дубэ прикрыла глаза. Она ожидала, что сейчас почувствует на коже тепло солнечных лучей, но вместо этого вздрогнула от сырости и холода. Тогда она открыла глаза.

То, что она увидела, изумило ее и привело в восторг. Перед ней был прозрачный водопад. Его струи падали вдоль одной из стен в маленькое, но глубокое озеро, занимавшее нижнюю часть пещеры. Повсюду были огромные прозрачные кристаллы, желтые и синие: они отражали свет факела, и переливавшиеся в них блики освещали весь огромный подземный зал. Эта красота никого не оставила бы равнодушным. Но прекрасное место было еще и тупиком: Дубэ нигде не видела выхода.

Это был действительно конец, финал ее похода. Она умрет одна, всеми забытая, в этом ослепительно прекрасном месте. Дубэ уронила факел, сжала кулаки и отчаянно заплакала.

— Но я никогда не буду твоей, ты меня понял? — крикнула она, подняв голову к своду пещеры, и эхо усилило ее голос. — Я никогда не буду твоей, Тенаар, и, когда умру, не спущусь в твое проклятое царство!

Вдруг она почувствовала желание искупаться. Она неподвижно сидела на корточках в углу грота, не в силах что-нибудь предпринять. Время от времени снова раздавался тот глухой шум. Дубэ снова подумала, что это пришла Рекла, и решила, что в таком случае даст волю зверю и сразится с ней. Она успокоилась и решила выкупаться — очиститься, омыться в воде, как она делала в Темном ручье, когда жила в Земле Солнца. Она приходила туда после каждой кражи, холодная вода омывала ее, и она снова чувствовала себя чистой.

Теперь, когда Дубэ видела впереди только смерть, она почувствовала неудержимое желание выкупаться в последний раз.

Она медленно встала на ноги; ступни осторожно опирались о камень. Водопад как будто звал ее к себе.

Девушка подошла к берегу озера и оглядела его, вода была черная, совершенно такая же, как в Темном ручье. На несколько локтей в глубину она могла видеть, что эта вода чистая и прозрачная, потом взгляд терялся в темноте, и этот почти непроницаемый мрак словно околдовал Дубэ.

Она наклонилась, точно так же, как несколько дней назад, над водоемом, к которому Филла привел ее, чтобы промыть ей рану. Потом окунула голову в воду, открыла глаза, чернота внизу манила ее.

И Дубэ просто дала себе упасть. Ее тело тихо скользнуло в воду, подняв всего несколько маленьких волн. Дубэ стала опускаться в темноту. Она ударила ногами, чтобы погрузиться еще на несколько локтей, потом остановилась: вода была ледяная, и ужасный холод обжег девушку словно удар плети. Но для нее это было не важно: она чувствовала, что находится в мире с самой собой. Темнота манила ее все больше, и Дубэ знала: ей достаточно начать думать об этом, и зверь вырвется на свободу. Она чувствовала неудержимое инстинктивное желание шевелить руками и ногами, чтобы спасти себя. Зверь не позволял ее телу медленно скользить навстречу смерти. Огромным усилием воли она справилась с ним. Она опускалась все глубже, вес оружия, которое было у нее на спине, и одежды, тянул ее на дно. Потом она почувствовала, что ее обнимают чьи-то надежные холодные руки. У Дубэ не хватило мужества отвергнуть это объятие, и она не стала вырываться, а отдалась на волю этих рук, прикосновение которых по какой-то причине казалось ей невероятно знакомым.

«Это Учитель пришел забрать меня», — подумала она.

Но ее падение прекратилось. Потом она стала подниматься, чувствуя, что давление на ее уши постепенно уменьшается, а вода становится все холоднее. Она поднялась еще выше — и оказалась на поверхности. Дубэ сделала глубокий вдох; когда воздух наполнял ее легкие, ей было больно, но было так хорошо еще раз насладиться этим воздухом. Она почувствовала, что кто-то вытаскивает ее на берег. А потом, когда она была совершенно не готова к этому, услышала голос:

— Ты в порядке?

Его звук был ей знаком. Этот ласковый голос она хорошо знала, и сердце замерло у нее в груди. Когда Дубэ открыла глаза, она увидела, что не ошиблась.

14 ВСТРЕЧИ

— Госпожа моя, мы должны остановиться.

Рекла шла впереди Филлы и не стала обращать внимания на его слова и продолжала отважно шагать дальше по ущелью, хотя ее плечи согнулись, а шаги иногда были нетвердыми. С тех пор как они вошли сюда, она уже два раза споткнулась и во второй раз разбила себе нижнюю губу.

— Моя госпожа!

Филла схватил ее за руку, чтобы остановить, почувствовал под пальцами хрупкие кости запястья, сморщенную кожу и едва смог справиться с охватившей его печалью.

— Не касайся меня! — крикнула Рекла и вырвала руку из его пальцев.

Старость овладевала Реклой постепенно, двигаясь снизу вверх. Теперь страж ядов выглядела как женщина в семьдесят лет, столько ей и было на самом деле, и еще молодая голова на разрушающемся старом теле выглядела одновременно нелепо, смешно и трагично. Ее лицо только казалось моложе: шея уже покрылась морщинами так, что стала похожа на увядший плод, кожа лица потеряла весь прежний блеск. Щеки ввалились, глаза помутнели, волосы поседели.

Филла прижал ее к себе, словно обеими руками удерживал среди живых.

— Вы должны отдохнуть, иначе слишком устанете и у вас не хватит сил, чтобы сражаться, когда окажетесь на месте.

Время было безжалостно к Рекле, но для него она оставалась такой же очаровательной, как раньше, а страдания делали ее еще желаннее. Рекла была его наставницей, он вырос рядом с ней, но никогда не видел, как она стареет, и восхищение Реклой, которое он чувствовал еще в детстве, переросло у него в обожание. За нее он отдал бы свою жизнь охотнее, чем за Тенаара.

— Мне всегда хватит сил, чтобы служить моему богу! — гневно воскликнула Рекла и попыталась освободиться, но Филла ее удержал. Она оказалась неожиданно сильной для старой женщины — конечно, благодаря тренировке.

— Если вы не остановитесь, то погубите себя, не успев ее найти, а тогда к чему все эти испытания?

— Ты не можешь понять, никто не может это понять, — прошипела Рекла, и глаза ее лихорадочно блеснули. — Я не такая, как все. Меня знает только Тенаар. Это ради него я должна идти вперед, и, если я умру, стараясь угодить ему, это будет хорошая смерть.

— Я понимаю ваше желание и знаю, что это оглушительное молчание Тенаара разрушает вас, — произнес Филла, глядя ей прямо в глаза.

На одно мгновение Рекла застыла на месте от неожиданности: никто никогда не угадал истинную причину ее боли.

— Не смей равнять себя со мной, никогда! — возмущенно воскликнула она и дала Филле пощечину.

Он не отступил ни на шаг и продолжал смотреть на свою наставницу.

— Тенаар желает от вас служения ему, а не вашей смерти. Тем, что вы лишитесь жизни, идя по следу этой девушки, вы не вернете его благосклонность. Вы должны жить, чтобы служить ему.

Рекла сжала кулаки и опустила взгляд. Ее дыхание стало тяжелее, и Филла понял, что она хотела бы заплакать, но не может это сделать при нем.

— Позвольте, я понесу вас, — предложил он так пылко, что Рекла посмотрела на него с изумлением.

— Я буду вашими ногами и, клянусь вам, буду бежать быстрее, чем вы сами до сих пор. Но теперь отдохните, прошу вас.

В голубых глазах женщины на одно короткое мгновение отразилась благодарность. Потом ее лицо снова стало суровым, и на нем появилась злая усмешка.

— Ты считаешь меня такой слабой? Старушонка, у которой больше нет сил, тощий скелет, неспособный служить своему богу? — злобно крикнула Рекла, и эхо ее слов отдалось от каменных стен ущелья. На скале, которая поднималась над ними, откололся от вершины камень и скатился вниз, прямо к их ногам. Ни Филла, ни Рекла не пошевелились.

— Я лишь хочу помочь вам, и только. Вас предали, довели до такого состояния с помощью обмана. Своим телом я могу помочь вам вернуть то, что было у вас отнято, и я это сделаю.

Филле показалось, что сердце у него внутри сорвалось со своего места и летит вниз, пробивая грудь. Рекла не отвечала, словно его слова совершенно ее не тронули, и время, пока она молчала, показалось ее ученику бесконечным. Наконец на ее лице мелькнула улыбка, почти выражавшая понимание.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Но не проси меня остановиться, не проси бросить все. Этого я не могу.

Филла не показал, как велика его радость. Он лишь кивнул и низко склонился перед Реклой.

— Я знаю это, моя госпожа, знаю.

Дубэ моргнула раз, потом другой. Вокруг было темно, и ей не было спокойно в этой жуткой тьме.

— Я могу узнать, какого черта ты пыталась сделать?

Вопрос был задан шепотом, но этот голос она действительно могла бы узнать среди тысячи других. Это был он. На куртке была дыра там, где его ранил нож Реклы; его лицо, только, может быть, оно похудело и побледнело, но это были его полные жизни зеленые глаза с их внимательным взглядом.

— Теперь тебе хорошо? — Лонерин придвинулся ближе к ее лицу, чтобы лучше ее рассмотреть, и лишь тогда Дубэ бросилась ему на шею, позабыв о холоде, от которого

окоченели ее руки и ноги, и о тоске, которая недавно заставила ее броситься в воду.

Она не могла поверить собственным глазам. Лонерин выжил, он здесь, рядом с ней. Муки одиночества, от которых она так страдала все эти дни, прекратились в один миг. Никогда еще она не была так счастлива.

— Тише, — пробормотал молодой маг, но она даже не услышала этого и еще сильнее сжала его в объятиях. Лишь теперь Дубэ поняла, как приятно пахло его тело. Она с наслаждением вдохнула этот знакомый запах.

Лонерин крепко прижал ее к себе, и в этом было почти отчаяние. Он так давно хотел обнять Дубэ, потому что и сам тосковал по ней, потому что теперь, наконец, все встало на свое место.

Они вместе свалились на твердый камень скалы, окружавшей озеро, изнемогая от восторга и радости.

Дубэ подняла голову и сияющими глазами стала рассматривать лицо своего товарища, еще не веря в то, что это счастье возможно: Лонерин жив, и она обнимает его, словно ничего не случилось. Молодой маг взглянул ей в глаза, а потом вдруг горячо поцеловал ее, прижавшись губами к ее губам.

У девушки от неожиданности перехватило дыхание, но она была не в силах отодвинуться.

Поцелуй застал ее врасплох, и вдруг в ее памяти возник образ Учителя, такой яркий, словно с той ночи прошло меньше одного дня, а не около пяти лет. Ее мысли стали путаться, она уже не могла понять, где она и чьи руки нежно ласкают ее лицо. Но она не была против: в конце концов, она сама желает именно этого. И она ответила поцелуем на этот быстрый неожиданный поцелуй. Она не думала, что способна на такое, и удивилась тому, что ее движения были такими уверенными. Дубэ чувствовала печаль и счастье сразу, никогда раньше она не замирала так неподвижно на границе между прошлым и настоящим. Лонерин что-то шептал ей на ухо. Она не могла понять слова, но они как будто нежно скользили вниз по ее шее. Дубэ не двигалась, подставляя свое тело этому теплу. Это было как в том сне, который она всегда видела, когда Учитель был еще жив, это было то, что она и после его смерти надеялась почувствовать когда-нибудь.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Дубэ открыла глаза: она не была уверена, что слышала эти слова. В полумраке пещеры лицо Лонерина и в самом деле было похоже на лицо Учителя. Его дыхание пахло морем, и Дубэ вспомнила дом на берегу океана и сильный ветер, от которого скрипели доски крыши. Его голос словно вернул ее в прошлое, и воспоминания начали проходить перед ее глазами.

«Учитель...»

Только в этот момент Дубэ спросила себя, нет ли ошибки в том, что они сейчас делают, но теперь она уже не могла отступить, потому что превращение завершилось и все стало таким, как должно быть.

По ее щеке скатилась слеза, которую Лонерин бережно стер ладонью.

— Не плачь...

Дубэ тряхнула головой. В ушах у нее звучал шум моря, а перед глазами был образ Учителя.

Потом мир долго казался ей словно обернутым в вату: так тихо было вокруг. Значит, это и есть та любовь, которой она никогда не знала? Это и есть то, что происходит, когда женщина и мужчина встречаются друг друга? Все это казалось сном, от которого ей бы хотелось никогда не проснуться. Дубэ знала, что возвращение к действительности будет тяжелым и что, проснувшись, она найдет на свои вопросы ответы, которые ей не понравятся. Но теперь она больше не была одна, она кому-то принадлежала, и поцелуи Лонерина были знаком этого обладания, такого сладкого и успокоительного. Разве это не то самое, чего она желала?

Дубэ села и нежно дотронулась до повязок, которые Лонерин наложил на свои раны.

Одна повязка, на которой расплывались красные пятна, была на плече, другая на животе.

— Они еще не зарубцевались, надо их зашить, — пробормотала она, повернулась к Лонерину и заметила на его лице совершенно новое, незнакомое ей выражение удовольствия и покоя.

— Они легче, чем кажутся, — сказал Лонерин.

Девушка не стала спорить, встала, взяла из своей сумки то, что ей могло подойти из вещей, похищенных у Реклы, повернулась к нему и замерла на месте: Лонерин улыбался ей.

— Что с тобой? — смущенно спросила она.

— Ты... такая красивая.

Дубэ покраснела, в этой сцене было что-то смущавшее ее и неуместное.

Эта мысль заставила ее быстро начать выполнять то, что она должна была сделать.

Она вынула иглу и несколько маленьких баночек с травами.

— Не надо меня лечить! — воскликнул Лонерин, впиваясь в нее сердитым взглядом.

— Тебе это нужно.

— Не думаю, что действительно нужно. — Он вынул из своих штанов маленький пузырек и поднес его к глазам девушки. — Узнаешь, что это? — спросил он, улыбаясь.

— Амброзия...

— Это благодаря ей я смог уцелеть. Без нее я бы умер.

Дубэ не позволила себя уговорить. Несмотря на протесты Лонерина, она стала осторожно снимать повязки, пока не открыла обе раны. Учитывая все, что произошло, они были хорошо залечены, но во многих местах были еще открытыми.

— Видишь? Я был хорошим жрецом.

— Не в этом месте, — ответила она, касаясь еще незарубцевавшейся раны, и тут же почувствовала, как напряглись мышцы его живота.

— Мне повезло, что внизу была река. Поверь мне, когда Рекла шла ко мне, мне было так плохо, что я думал — не выдержу. Я действительно думал, что умираю. Я еще никогда не бывал ранен, понимаешь?

Лонерин посмотрел на Дубэ, ища понимания, но девушка продолжала шить и слушать его, сосредоточившись на своем деле.

— Не знаю, как Рекла сумела вырваться из моего захвата. Я только помню, что, когда она вцепилась руками в край пропасти, ее щиколотка выскользнула из моей ладони, и я упал. Лететь до дна реки пришлось недолго. Когда я в него врезался, удар был ужасный, я на мгновение потерял сознание, а когда пришел в себя, не мог ничего понять: видел только что-то темно-синее, со всех сторон — и вокруг, и над собой, и под собой, то есть воду. Я даже не знал, где поверхность реки, и раны страшно болели. Каким-то образом я сумел вынырнуть, ухватился за большой камень и держался за него с той силой, которую дает отчаяние, а потом выбрался на берег. Там было что-то вроде маленького каменистого пляжа. Не помню, сколько времени я там пробыл, потому что снова потерял сознание. У меня совсем не осталось сил.

Дубэ перегрызла зубами нить, потом провела пальцем по последнему зашитому участку, где были всего один или два шва. Лонерин вздрогнул.

— Не очень гордись своей работой: я почти все сделал сам.

Дубэ застенчиво улыбнулась. Ее волосы отросли настолько, что падали на лоб маленькими прядями и почти скрывали его. Она стала работать с травами, а Лонерин смотрел на ее бледное сосредоточенное лицо, на котором еще были слабо видны следы ударов, полученных в плену: несколько лиловых синяков, красный след от пореза. Лонерин подумал о том, что Рекла, должно быть, делала с ней, как это нежное лицо корчилося от неизвестно каких мучительных пыток, и почувствовал бешеный гнев.

— Рассказывай дальше, — попросила Дубэ, поднимая голову.

— Я думаю, что боги захотели спасти меня по какой-то неизвестной мне причине. Целый день и всю следующую ночь я пролежал там, под открытым небом, на холоде. Я не мог лечить себя магией, потому что был слишком слаб. Меня спасла только амброзия. С ее

помощью я залечил раны, а потом попытался отдохнуть, и примерно два дня только это и делал. И все это время я думал только о том: что Рекла с тобой сделала, жива ли ты еще... Это было ужасно.

Дубэ так впиалась в него взглядом, что он опустил глаза. Потом она начала смазывать его раны бальзамом, который только что приготовила. Лонерин наслаждался прохладным прикосновением мази и нежными, полными любви касаниями ее рук. Он вдруг подумал, что это не может быть правдой.

— Потом я пошел искать тебя.

— А как ты сумел узнать, где я нахожусь и что я жива?

Лонерин перевел взгляд на ее руку — на то место, где яркими красками было отмечено ее проклятие. Сердце сжалось у него в груди, и ему невероятно сильно захотелось прижать девушку к себе.

— По печати.

Дубэ тоже посмотрела на печать взглядом, выражавшим вопрос.

— Я чувствую магические силы, это могут все маги. Печать — не обычное заклинание, каких есть много, она гораздо сильнее. Существуют специальные формулы для того, чтобы улавливать магический след, который она оставляет за собой, их я и применил, чтобы найти тебя. При этом расходуется мало энергии.

Дубэ отняла ладони от его ран и собралась идти мыть руки в ручье, который тек рядом.

— Что ты думала сделать перед тем, как я пришел?

Она замерла на месте, но ничего не ответила.

— Ты опускалась на дно, и было похоже, что не хотела возвращаться наверх.

Она встала, подошла к Лонерину и спросила:

— А откуда та ненависть, которая была у тебя в глазах, когда Рекла и Филла напали на нас?

Лонерин застыл на месте от изумления.

— Какое тебе дело до этого?

— Есть дело. Ты просто уклоняешься от ответа на мой вопрос.

— И ты делаешь то же. — Лонерин долго смотрел на нее, потом вздохнул и спросил: — Что случилось после того, как я упал?

Дубэ села скрестив ноги и начала рассказывать. По своему обыкновению, она говорила мало, и рассказ получился коротким, но Лонерин смог прочесть в нем между слов все о страданиях, которые ей пришлось вынести, — о пытке, которую устроила ей Рекла, о плене и о том, что было после побега, об одиночестве и пути вперед без цели.

— Ты держалась великолепно, — наконец сказал он. — Я был уверен, что ты продолжишь идти туда одна.

Она сдержанно улыбнулась:

— Я никуда не шла, ты это тоже видел, и уже сдавалась.

Лонерин покачал головой:

— Я следил за направлением, ты была не очень далека от верной дороги. Я чувствую, что мы рядом.

Дубэ улыбнулась, но была не очень убеждена в этом. Тогда Лонерин прижал ее к себе и поцеловал. Девушка не стала сопротивляться и ответила ему тем же, но в ее поцелуе еще был привкус холода и боли.

«Скоро я избавлю ее от всех страданий, вырву зверя из ее груди, освобожу ее от преследователей Гильдии. Я спасу ее, и она будет только моей».

15

НЕДРА ЗЕМЛИ ОГНЯ

Идо остановил коня, и незаметно задремавший Сан проснулся. С тех пор как гном стал хозяином положения, они не останавливались даже на мгновение, и теперь оба совершенно

выбились из сил.

Он почувствовал, что мальчик за его спиной протирает глаза и оглядывается вокруг. Идо прекрасно представлял себе растерянность и беспокойство на его лице при виде открывшейся перед ним картины. Вокруг была только пустыня, на ней несколько сухих кустов, а впереди грозно возвышалась огромная гора Тал.

— Спускайся, — сказал он. — Без твоей помощи я не могу сойти с этого животного.

Сан подчинился, не задавая лишних вопросов. Он слепо доверился своему спасителю.

Идо слез с коня, произнеся при этом много разных ругательств, а потом несколько секунд стоял согнувшись, чтобы отдышаться. После этого, почувствовав себя лучше, он стал осматривать землю вокруг.

— Что ты ищешь? — спросил Сан.

— Знак, я поставил его здесь три года назад, и он должен еще быть на месте.

Идо стал ощупывать землю пальцами, наконец нашел то, что искал, и улыбнулся.

— Помоги мне.

Он показал Сану лоскут странной ткани, который был едва замечен среди песка. Этой тканью Идо пользовался в основном во время повстанческой войны: она была идеальной маскировкой для тайных входов в акведук Земли Огня. Ее делали из особого волокна, которое Соана когда-то обработала магическим отваром из трав, он делал эту материю еще менее заметной для глаз.

— Берись за другой конец и, когда я скажу «три», — тяни, — велел он.

Маскировочное покрывало достаточно легко сдвинулось с места, и среди запахов поднявшейся пыли Идо узнал запах Соаны. На одно мгновение он словно оказался далеко отсюда, в стране, где воспоминания еще плотны и материальны, как действительность.

— Что это?

Идо вздрогнул и очнулся.

Под покрывалом из ткани оказалась лестница, спускавшаяся в глубь земли. Мальчик смотрел на нее разинув рот, и гном не мог не почувствовать удовольствия. Во время войны против Дохора у всех новичков было такое лицо, когда он в первый раз приводил их сюда. При первом соприкосновении с жизнью повстанцев они все теряли дар речи.

— Сейчас увидишь, — ответил Идо и первым стал спускаться вниз.

Вода текла по руслу, ширина которого была около двух локтей, а глубина — примерно такая же; сводчатый потолок акведука возвышался над стенами боковых проходов, где два человека с трудом могли пройти рядом. Идо и Сан шли быстрым шагом по одному из них, вдоль канала, который слабо освещал их факел. Время от времени от прохода отходили вспомогательные ответвления, по которым вода текла в другие места — в глубину гор, в какой-нибудь крупный город или в Землю Скал, в реку Пассэл, из которой в Землю Огня поступала вода. Здесь было невыносимо жарко и сыро, но Идо чувствовал себя дома.

Он прекрасно помнил все. Каждый подземный ход казался ему старым другом, и он уверенно входил в этот ход, ощупывая стены кончиками пальцев. Все было совершенно таким же, как три года назад, когда сопротивление было подавлено и акведук Земли Огня, который был его опорным пунктом, опустел. Дохор для надежности приказал затопить некоторые проходы, но эта сеть каналов была так велика, что ее невозможно было уничтожить полностью. Правду говоря, почти никто не знал точно, на какое расстояние этот лабиринт тянется под землей. А Идо это знал, здесь была его родина, и он хорошо знал еще доступные и безопасные проходы.

После не очень долгого пути гном остановился: он и мальчик были на месте. Перед ними открылся огромный зал, местами освещенный светом, который проникал сюда из большого плафона в своде. Таких плафонов в акведук было много, и снаружи они все были замаскированы кучками камней и густым кустарником. Этот зал раньше был резервуаром для воды, и в стенах были проделаны маленькие извилистые углубления и столько же проходов — в дома повстанцев.

Теперь, когда в них не было жильцов, это место было больше похоже на склеп, чем на

место исторического сражения. Но память Идо быстро населяла зал его товарищами по борьбе, друзьями, женщинами и детьми. Для него эти маленькие черные воронки осветились бледным светом и как призраки перенесли его в прошлое, воскресив в памяти полное жизни и движения пестрое сообщество, среди которого жила и Соана. Идо хорошо помнил ее, свою женщину, — как она, с каплями пота на лбу и всегда с ласковой улыбкой на губах, вела в школу детей повстанцев или увеличивала силу оружия бойцов с помощью своей магии. С тех пор как Соана умерла, он не нашел в мире ничего, что могло бы соперничать с ее красотой.

— Здесь чудесно...

Идо повернулся и увидел, что Сан любуется залом, поворачиваясь на месте и запрокинув голову.

— Это акведук, да? — спросил мальчик, и его глаза ярко блестели.

Идо кивнул.

— Папа часто говорил мне о нем. В книгах сказано, что здесь побывала моя бабушка, когда искала седьмой камень талисмана, это легендарное место! Отец рассказывал мне, что он, когда был молодым, тоже хотел побывать здесь. И я чувствую себя как-то странно оттого, что стою здесь.

Идо грустно улыбнулся:

— Ты должен знать, что еще три года назад это место было полно людей, нимф и гномов, которые объединились, чтобы сражаться против Дохора. Потом все кончилось, и от этой борьбы осталось только то, что ты видишь.

Он вздохнул, потом сказал мальчику «Идем!» и повел Сана к жилым помещениям.

Обстановка в них была суровая: очень мало мебели, никаких отверстий, выходящих наружу, только ниши для факелов на стенах, низкие потолки, которых человек нормального роста стоя почти касался головой. Кровати были устроены в стенах и накрыты соломенными матрасами. Для личных вещей имелось несколько тумбочек и скамеек с ящиками.

Все осталось точно так, как в тот вечер, когда повстанцы потерпели поражение. В углу по-прежнему валялся перевернутый стул, а на столе недалеко от него лежали несколько открытых книг. Буфет был полон гнилых продуктов, но сухие фрукты и сушеное мясо оставались вполне съедобными.

Идо улыбнулся: здесь, внутри, они были в безопасности.

— Хорошо. Теперь нам нужно кое-что сделать.

Сан смотрел на него, не понимая.

Гном привел его в комнату, которая больше подходила для жилья, и лег на кровать. Ему показалось, что он попал в рай: за все время этой проклятой погони он не отдыхал ни минуты. Теперь он застонал от удовольствия и вытянулся во весь рост.

— Ты должен сменить мне повязку. Вон в той тумбочке должны быть какие-нибудь бинты: здесь жил жрец нашего лагеря.

Сан открыл эту тумбочку, подняв облачко пыли, которая разлетелась по комнате и заставила его несколько раз кашлянуть; потом залез в нее так глубоко, что половина туловища оказалась внутри, и скоро вылез обратно с довольным выражением лица.

— Прекрасно. Не хватает только воды, верно?

Мальчик был только рад, что может помочь, и помчался к резервуару с ведром, которое успел найти.

Перевязку он сделал очень умело. Было видно, что он никогда не занимался ничем подобным, но он внимательно выслушивал указания Идо.

Когда рана обнажилась, гном посмотрел на нее взглядом врача. Она была резаная и довольно глубокая. Гном выругался и сказал Сану:

— Боюсь, что тебе придется заняться шитьем; если только мы отыщем иглу и нитку.

Сан побледнел, опустил голову и украдкой посмотрел на него.

— Это в самом деле необходимо?

— Другого способа нет, Сан, и это не так ужасно, как ты считаешь. Ты прекрасно сумеешь с этим справиться.

— Может быть, есть другой способ...

— И какой же? — озадаченно спросил гном.

Сан молчал, опустив глаза; его щеки покраснели.

— Мой отец не хотел бы...

Идо почесал голову.

— Я ничего не понимаю. Постарайся говорить яснее, и начнем с самого начала. У тебя есть какое-то решение?

Сан кивнул, но за этим утвердительным жестом не последовало никакого объяснения.

— Тогда делай то, что должен!

Мальчик сделал глубокий вдох, потом ополоснул себе руки водой и осторожно положил их на рану гнома. Идо инстинктивно отодвинул от него раненый бок, но чуть позже ему неожиданно стало очень хорошо. Идо молчал, чувствуя, как это приятное ощущение охватывает его тело. Глаза Сана были закрыты, его ладонь слабо светилась.

— Ты маг...

При этом слове Сан широко раскрыл глаза и мгновенно отодвинулся от Идо.

— Что случилось?

— Я не маг! — Мальчик был испуган.

— Сан, у тебя есть дар лечить руками! Такие вещи, в общем, такое делают маги.

— Вот как раз поэтому папа и не хотел, иначе потом люди стали бы говорить об этом плохо.

Идо попытался собрать в одно целое куски этой головоломки. Тарик поссорился с Сеннаром. Может быть, отсюда эта реакция отторжения на способности сына.

— Хорошо, поступай как хочешь. Но сейчас мне необходимо, чтобы ты меня полечил. Пожалуйста, Сан...

И он улыбнулся мальчику.

Гнома-военачальника часто лечили маги, и он научился определять, велика ли мощь целителя, по тому, насколько приятными были ощущения в ранах. Это был довольно грубый способ измерения магической силы, но самого Идо он вполне удовлетворял. По этой шкале измерений Сан был достаточно сильным. Было очевидно, что он никогда не учился никакой магии, а значит, это был природный дар. Идо все время смотрел на мальчика, пока тот работал. От усиленной сосредоточенности лицо мальчика напряглось, и стало заметно, как много взрослых черт уже появилось на этом детском лице. Гном увидел это и почувствовал прилив нежности к нему.

— Ты Идо, верно? — вдруг вполголоса спросил Сан.

Гном растерялся — так неожиданно прозвучал этот вопрос, но в конце концов кивнул.

Глаза мальчика заблестели.

— Я был уверен в этом.

— Как ты это понял?

— По всему. По тому, как ты сражался с тем типом в черной одежде, и по тому, что ты привез меня сюда... — Сан помолчал, потом заговорил снова: — Я внук Ниал, — произнес он, гордо расправляя грудь.

— Я это знаю. Как ты думаешь, почему я знаю твоё имя?

С мальчика сразу слетела вся его спесь: этого он не ожидал.

— Правда, я и не подумал об этом... — ответил он и снова стал лечить рану.

На его лбу выступили маленькие капли пота. Теперь он устал: усилия, которые он прилагал, были, должно быть, огромными. Но он все же продолжал лечить Идо. Какое-то время они молчали, и Идо заметил, что лицо мальчика помрачнело.

— Мой отец, — снова заговорил Сан, и его голос слегка дрожал, — не хотел, чтобы я пользовался этой странной силой.

Его плечи сгорбились, глаза смотрели вперед, ничего не выражая.

Идо догадался, что для Сана должно быть невероятно тяжело говорить об этом сейчас, когда Тарика больше нет в живых.

— Держись бодрей. Вперед, или совсем выбьешься из сил, — сказал он мальчику.

Сан подчинился, а потом, отойдя от него, посмотрел на свои ладони глазами полными слез. Было очевидно, что он чувствовал себя виноватым в том, что произошло. Идо, не раздумывая, прижал его к себе. Не важно, что кровь толчками билась в ране, что треснувшее ребро мучительно болело. Этому мальчику было нужно излить душу, он больше не мог держать все свои чувства в себе.

Сан не сразу ответил объятием на объятие, но ему понадобилось не много времени, чтобы дать волю чувствам. В конце концов он положил голову на плечо Идо, и тот почувствовал, как на это плечо капнула слеза. Вскоре Сан уже плакал не сдерживаясь. Идо, не говоря ни слова, гладил его по темным волосам, выражая сочувствие к его горю только своим спокойным дыханием.

— Папа все время рассказывал мне о моей бабушке. Он знал про все ее приключения — про те, о которых написано в книгах, и про те, о которых только рассказывают люди. Он говорил мне, что она путешествовала по странам, которые находятся за Сааром, и говорил мне о том, какая она была, когда была девочкой. Он рассказывал мне эти истории по вечерам — у очага, если это было зимой, и во дворе под звездами, когда было лето. Мне это очень нравилось.

Сан сидел скрестив ноги и слегка покачивался: его тело еще не успокоилось. Он смотрел вниз и время от времени шмыгал носом. Он пролил, пожалуй, слишком много слез, но это, должно быть, пошло ему на пользу. Теперь он хотел говорить.

Идо внимательно слушал его, сидя на своей кровати со свежей повязкой, от которой ему было необыкновенно хорошо, хотя все его суставы болели от напряжения предыдущих дней.

— Я думаю, что знаю, почему мой отец не хотел, чтобы я говорил о бабушке и о своих светящихся руках, — говорил Сан. — Он не хотел неприятностей, понимаешь? В Салазаре он всегда занимался только своими делами, а мама и я помогали ему. Мы были обычными людьми. Я иногда думал о своей бабушке, обо всем, что она сделала, и говорил себе, что если бы люди знали, то, может быть, меня сразу же приняли бы в Академию или оказали бы мне какие-нибудь другие почести.

— А про твоего деда отец тебе говорил?

Сан покачал головой:

— Нет, никогда. О нем я знаю только то, что написано. Но мне был интересен Сеннар. Он написал целую кучу знаменитых книг, я их все прочел. И оттуда я взял некоторые из моих игр.

Идо стал слушать внимательней.

— Какие, например?

— Например, как заставлять животных делать то, что ты хочешь. Скажешь всего два слова — и они останавливаются, стоят неподвижно и смотрят на тебя. Здорово, правда? Только папа один раз отругал меня за это. Я сделал это с курицей при нескольких моих друзьях. Моя мать наконец разозлилась. И, как будто этого мало, отец мне сказал, чтобы я больше никогда этого не делал, что магия — опасное дело и еще много всего в том же роде.

«Ты так ненавидел своего отца, Тарик? Так сильно, что вычеркнул его из своей жизни и из жизни своего сына?»

Идо вздрогнул при этой мысли.

— А вот когда я сражался на мечях, это ему нравилось. Это было ему приятно. Знаешь, я хотел поступить в Академию. И он был этим доволен и недавно начал искать кого-нибудь, кто бы мне помогал. Хотя мама не соглашалась.

«Ты лепил своего сына согласно своему желанию: подавлял в нем магические способности и усиливал его любовь к боям. Ниал осталась у тебя в сердце, верно, Тарик?»

Между Идо и мальчиком словно стояла неощутимая для пальцев тень отца Сана.

— Ты ведь знал ее, мою бабушку! Ты бы мог мне рассказать столько историй...

Идо спросил себя, сколько еще живет в мире тех, кто знал Ниал. И совершенно ясно,

что никто из них не знал ее так хорошо, как он.

— Какая она была? — спрашивал Сан. — Я всегда старался представить себе ее. Она была похожа на ее статуи?

— Она была тоньше и стройней, и уж точно у нее не было этого свирепого выражения лица, с которым ее всегда изображают.

— Я тоже так думал, — сказал Сан и усмехнулся. — Это зверское лицо... Я читал «Хроники Всплывшего Мира», я их знаю почти наизусть, и я представлял ее себе иначе. Хорошо, что даже она боялась, как мы, правда?

— Правда. Это был первый урок, который я ей преподавал.

На лице Сана появилось вопросительное выражение, и тут Идо заметил, насколько внук был похож на бабу. Как будто она сама сидела сейчас у его постели. Сан был таким же беспокойным, как Ниал, в нем была та же глубинная неудовлетворенность и та же порывистая жизненная сила.

— Она была для меня как дочь, — сказал он наконец. — Я научил ее всему, и в том числе тому, что такое быть на поле боя и насколько нужно уважать тот страх, который чувствует каждый, кто сражается на войне.

Сан буквально смотрел ему в рот, и глаза Идо окутались туманом воспоминаний.

— Расскажи мне что-нибудь из твоих историй, ты же легенда! Я прочел кучу всего о тебе. Папа никогда не верил, что ты предал Королевский совет, он мне это говорил, когда мы были одни, и я тоже не верил, но, разумеется, держал свои мысли при себе. У нас все на стороне Дохора, и я не хотел, чтобы случилась беда.

Несмотря на усталость и урчание своего голодного желудка, Идо почувствовал желание говорить о прошлом. В конце концов, это было все, что у него осталось.

— Возьми из моего мешка немного сыра и несколько яблок. Пока мы будем есть, я тебе кое-что расскажу.

Сан улыбнулся и вскочил на ноги.

Всю ночь Идо рассказывал одну историю за другой. Правду говоря, у него был почти неистощимый запас приключений. Рассказы о войне, о страхе, о любви... Его жизнь была поистине богата интересными событиями и еще продолжала наполняться делами и воспоминаниями, а его тело было словно карта, на которой каждое приключение было отмечено раной. Сан слушал его с таким увлечением, что даже забывал есть, смеялся, когда было над чем смеяться, и плакал, когда обстоятельства складывались печально. Лишь очень поздно ночью он начал бороться с первыми признаками усталости. Его веки отяжелели, и Идо стал говорить более ласковым голосом, чтобы убаюкать его. Потом Идо отнес Сана на его постель и оставался с ним, пока тот не заснул. Глаза мальчика были еще опухшими от слез, которых он так много выплакал, но лицо стало, наконец, спокойным.

Идо молча смотрел на него и клялся, что теперь, когда он нашел Сана, он больше никогда не даст ему уйти. Никто не тронет даже волосок на голове этого мальчика, по крайней мере, пока жив сам Идо.

В те дни, которые последовали за этим, Сан был первоклассным братом милосердия. Он два раза в день менял Идо повязки, готовил еду и непрерывно лечил Идо своей магической силой, хотя было очевидно, что ему и теперь было немного не по себе, когда он пользовался этими своими способностями. Идо словно перенесся в прошлое: рядом с Саном он как будто вернулся в то время, когда преподавал в Академии, а Ниал уже отправилась выполнять свое задание. Однажды вечером Сан старался, как мог, приготовить суп из нескольких корней, которые нашел в тумбочке Идо. Он больше часа провел, согнувшись над очагом, и его куртка промокла от пота из-за тепла, которое давал огонь, и подземного жара, который излучала гора Тал: они находились поблизости от нее. Когда кушанье было готово, Сан принес его Идо в постель и стал ждать, чтобы тот попробовал суп первым.

Идо поднес ложку ко рту и немного помедлил, наслаждаясь происходящим: понюхал

суп, потом сдул с него пар, изображая на лице нерешительность и недоумение. Сан в тревоге ждал, что будет дальше. Идо хотел бы еще немного помучить его неизвестностью: это было забавно; но в конце концов сделал первый глоток. Суп было неплохой — может быть, немного жидковатый, но вкусный. Сан справился с этим делом прекрасно.

— Суп отличный, — сказал Идо.

Мальчик глубоко и с облегчением вздохнул, а потом тоже начал есть. Ужиная, они все время украдкой молча смотрели друг на друга, и только в конце ужина Идо решил, что настало время поговорить с мальчиком серьезно.

— Ты спрашивал себя, кто такие были люди, которые тебя похитили? — внезапно спросил он.

Сан слегка вздрогнул. Он прислонился к кровати и, очевидно, готовился выслушать новый рассказ о приключениях Идо, и не ждал этого вопроса. В ответ он только покачал головой.

— Они из Гильдии убийц. Ты знаешь, кто такие члены Гильдии, верно?

Идо прочитал в глазах мальчика ответ «да» еще до того, как его услышал. Страх, который внушало название Гильдии, был всеобщим.

— Чего они хотят от меня? — испуганно спросил Сан.

— Твое тело.

Мальчик по-прежнему не понимал, в чем дело.

— В Гильдии верят, что Тиранно был кем-то вроде пророка, он должен дать толчок, с которого начнется конец света. Чтобы воскресить Тиранно, им нужно тело. Они уже разбудили его душу, теперь им не хватает только избранника, которого можно принести в жертву.

Сан довольно долго молчал, потом спросил:

— Но почему меня?

— Потому, что ты — полуэльф, — сухо ответил Идо.

Сан инстинктивно протянул руки к своим остроконечным ушам, скрытым под волосами.

— На самом деле ты не совсем полуэльф, потому что полуэльфийкой была твоя бабушка, но им достаточно и этого. И тебе как раз двенадцать лет...

— Столько, сколько было Тиранно, когда он умер, — закончил Сан. Он действительно был понятливым мальчиком.

Идо кивнул:

— Меня специально послали разыскать тебя. Правду говоря, я не знал, что ты существуешь на свете. Я знал только про Тарика, потому что твой дед писал мне о нем, и я был уверен, что Гильдия хочет получить его.

— Но как ты узнал, что они хотят именно этого?

— Совет Воды внедрил в Гильдию своего агента, мага. Он сумел взять себе в помощницы девушку, принадлежавшую к секте убийц, и она выяснила для нас все это.

Лицо Сана исказилось от волнения. Идо хорошо понимал мальчика: еще неделю назад Сан жил в башне и мирился со своей приятной, но скучной жизнью, а кончил тем, что его втянули в интригу, которая может разрушить весь Всплывший Мир.

— Ты знаешь, что такое Совет Воды?

Сан покачал головой:

— Нет.

— Он состоит из магов, военачальников и правителей Пограничной Области Болот, Пограничной Области Лесов и Земли Моря, которые объединились во что-то вроде федерации, чтобы попытаться остановить продвижение Дохора.

Во время этой речи было видно, что Сан явно старается следить за его мыслью, но ему это не удается.

— Это похоже на Совет Магов, в котором участвовал твой дед, — продолжал Идо, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее. — Только в этот Совет входят не

одни маги. Я, например, тоже в нем участвую.

Сан кивнул. «Хроники Всплывшего Мира» он знал прекрасно.

— Лонерин, тот маг, о котором я тебе рассказал, был послан в Гильдию убийц самим Советом. Мы хотели узнать их планы оттого, что стали подозревать о существовании союза между этой сектой и Дохором.

Было похоже, что Сан потрясен и возмущен.

— В это тяжело поверить по крайней мере тому, кто не знает Дохора так хорошо, как я, но это правда. — Идо сделал передышку и заговорил снова: — Я думаю, ты знаешь, что произошло с полуэльфами?

— Мой отец рассказывал мне об этом. Их преследовал Тиранно, моя бабушка была последней, кто остался жив... ты про это говоришь, да?

Идо кивнул:

— Было пророчество о том, что Тиранно погубит полуэльф или полуэльфийка. Поэтому он истребил их всех. В живых остались только двое из них — Ниал и Астер. Теперь Ниал умерла, твой отец погиб, теперь ты последний, в ком течет кровь полуэльфов. Это сложно объяснить, но душу можно вселить только в тело, как можно больше похожее на тело, которое она имела при жизни. Я рассказываю это тебе так, как мне объяснили маги, понял?

Внимательно слушавший Сан кивнул.

— Ты, в ком есть кровь полуэльфов и кому столько же лет, сколько было телу Тиранно, когда он умер, идеально подходишь для того, чтобы статьместищем для его души.

Идо вспомнил о странных способностях Сана и спросил себя, знает ли Иешоль и о них, или же это просто тревожное совпадение.

Мальчик молчал. Видимо, ему было нужно время, чтобы освоиться с тем, что он узнал... Он побледнел.

— Значит, они продолжают искать меня, — сказал он в конце концов.

Идо кивнул:

— Но ты не волнуйся. Прежде всего, я здесь именно из-за этого, и, хотя тебе, может быть, кажется, что я не в лучшей форме, я тебя уверяю: как только я поправлюсь, буду сражаться как лев.

И он попытался улыбнуться, но Сан не последовал его примеру.

— А кроме того, у нас есть другие планы. Тот маг и девушка из секты сейчас идут к твоему деду.

На этот раз Сан изумленно раскрыл глаза и воскликнул:

— Но дед же умер!

Идо похолодел: этого он не предвидел.

Мальчик украдкой проследил за тем, как в его взгляде отразились смятение и растерянность, а потом быстро заговорил:

— Папа мне рассказал, что бабушка умерла молодой, а дед немного позже ее... Он никогда не говорил мне, как это случилось, — вроде бы в сражении или от горя, не знаю... Когда мой отец уходил из дома, деда там уже не было! Если эти двое, о которых ты говоришь, пошли туда, они ничего не найдут.

У Идо мелькнул в уме вопрос, что теперь делать, но выбора не было: он мог только одно — рассказать правду.

— Я получил письмо от твоего деда спустя несколько месяцев после того, как твой отец убежал из дома, и еще пару писем позже, — тихо проговорил он.

Сан покраснел от возмущения.

— Твой дед жив, Сан, или, по крайней мере, был жив еще несколько лет назад. Твой отец ушел потому, что решил уйти.

— Это невозможно. Тебе писал кто-то другой, может быть мой отец, чтобы тебе не было больно.

— Он писал мне о том, что мог знать только он.

Идо увидел, как сжатые в кулаки ладони мальчика побелели от напряжения.

— Я тебе говорю, это невозможно. Мой отец рассказал мне правду и не имел причины, чтобы лгать.

Идо вздохнул:

— Сан... твой отец и твой дед... они не очень ладили друг с другом. Может быть, как раз поэтому...

Сан вскочил на ноги, весь красный от гнева и боли.

— Мой отец никогда бы мне не солгал!

— У него были уважительные причины, — не смущаясь, ответил Идо. Он чувствовал, что теперь, когда мальчик выплеснул свой гнев, сможет легче спорить с ним, чем если бы тот продолжал сидеть на кровати с этим растерянным выражением лица.

— Не обращай со мной как с ребенком, — прошипел Сан.

— Тогда ты сам не веди себя как ребенок.

Сан стиснул зубы: Идо больно задел его гордость, — а потом посмотрел на него безжалостным взглядом.

— Да что ты знаешь о моем отце и о моей матери?! Ты даже не смог прийти вовремя, чтобы спасти их! Меня тоже уносили прочь, а ты стоял там и смотрел, и, если бы не я, тот человек бы тебя убил!

Сан сказал это злобно, явно желая причинить боль. Идо увидел, что мальчик почти сразу же раскаялся в этом, но Сан все же продолжал стоять на своем месте, стиснув челюсти, с решимостью во взгляде.

Гном не проявил слабость, не опустил свой взгляд. То, что он услышал, он знал хорошо, и думал об этом в одиночестве, и с того вечера в Салазаре повторял это себе тысячи раз. Услышать это от Сана было еще хуже, но Идо не хотел, чтобы эти мысли оказались сильнее его.

— Я — дрянной старикашка, и, может быть, ты прав, — заговорил он через несколько минут спокойным голосом. — Я ошибся, и два человека умерли. Ты не представляешь, как мне это неприятно, Сан. Но что я теперь должен делать? Бросить все? Я буду и дальше делать свое дело и продолжу исполнять свой долг, а мой долг — защищать тебя. Клянусь тебе, что в этот раз неудачи не будет. Я стар, это верно, но я умею воевать.

Сан заплакал, глотая слезы. Он опустил голову, чтобы не встретиться глазами со взглядом Идо, и пробормотал что-то, но гном не сумел понять, что именно. Идо устал видеть повсюду столько боли.

Он прислонился к свернутым одеялам и вспомнил, как увидел Дола на троне своего отца, тон, которым Дола сообщил ему, что отец умер, и улыбку, которой Дола дал ему понять, что убил отца. Потом подумал о дне своего наказания, о смерти Соаны, а потом — о смерти Везы.

— Я собственными руками уничтожу эту Гильдию, и все станет как раньше! — выпалил Сан, и в его голосе звучала свирепая ярость.

— Да, а потом будешь стоять один посреди кучи обломков и спрашивать себя, какая от этого польза.

— Но я должен что-то сделать! — крикнул мальчик, плача от подавленного гнева.

Было невероятно, что все так повторяется: его страдания были так похожи на страдания его бабки. Идо стало почти страшно.

Он выпрямился и крепко сжал руками плечи мальчика.

— Сан, это неверный путь. Поверь мне, все пройдет, но ты должен в это верить.

Мальчик отвернулся, показывая этим, что не желает слушать.

— Я видел, как умерли все, — продолжал Идо. — Друзья, враги, союзники, женщина, которую я любил, вся моя семья и даже мой дракон. Я один, Сан. Нет никого, кому бы я смог рассказать, как Ниал напилась пьяной в день своего посвящения, когда стала Всадником Дракона, никого, кто бы улыбнулся вместе со мной при этом воспоминании. Никого, у кого бы текла в жилах моя кровь, никого, кто боролся бы рядом со мной. Мы остались одни, я и

мое прошлое, понимаешь, что я говорю? И все-таки я здесь, Сан, потому что в конце концов со временем все проходит. Ты молод, и научишься видеть то будущее, о котором мечтали для тебя твои родители. А они точно не хотели, чтобы ты стал избранником, которого принесут в жертву, или, что еще хуже — пошел в бой против Гильдии, вооруженный только своими руками. Все пройдет, Сан, потому что ты позволишь вещам изменять форму и помогать тебе расти. В конце концов ты сделаешь выбор, и все для тебя станет яснее. Но для всего есть свое время. Если ты бросишь все сейчас, другой возможности у тебя не будет.

Сан смотрел на него глазами полными света и той врожденной свежести, которую еще сохраняют только мальчики его возраста. Он ничего не ответил, просто бросился в объятия Идо и, уже успокоившись, сказал:

— Я не хотел говорить тебе это...

— Я знаю, — улыбнулся Идо.

— Когда на тебя как будто давит что-то тяжелое — без перерыва, и твой желудок сжимается, — это невыносимо, иногда я думаю, что не выдержу этого.

— Я и это знаю. Но ты должен держаться.

Мальчик кивнул в знак согласия, положил голову на плечо Идо, и тот еще нежнее прижал его к себе.

В этот вечер Сан спал вместе с Идо в его постели.

16

ХОЗЯЕВА НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЕЛЬ

Дубэ при свете свечи рассматривала пузырек. Лонерин спал крепким сном поблизости от нее и, похоже, ничего не заметил. Она проснулась рано, так же как накануне утром.

Уже несколько дней зверь не давал ей покоя, но в этот раз его низкий рычащий голос, такой мощный, что все ее тело вздрагивало, был сильнее, чем раньше. Ей нужно принять лекарство, и срочно.

Девушка взглянула на беловатую жидкость, которой осталось уже мало, и вздохнула. Этого количества уже точно не хватит на оставшийся путь. А второй пузырек, который она выкрала у Реклы, утонул в озере, когда она нырнула в воду.

Эту потерю Дубэ заметила вскоре после новой встречи с Лонерином, но еще не говорила о ней своему спутнику, потому что боялась снова вызвать в нем ту жалость, которая всегда была для нее отвратительна. Дубэ не хотела, чтобы кто-то ее утешал, она хотела остаться одна со своим гневом, обвинять себя за то, что из-за своего безрассудного поступка допустила такую потерю. Было глупо думать о том, чтобы покончить со всем. Кроме того, ее отношения с Лонерином изменились, и в первый раз она чувствовала себя как-то странно, точнее, ощущала себя иной, чем прежде.

Все это казалось совершенно нелепым. Когда она снова увидела Лонерина — была на седьмом небе от счастья и нашла в нем не только спутника, но и возлюбленного. А теперь снова чувствовала себя слабой и одинокой. Она считала, что вернула себе силу, а ни капли этой силы не появилось. Были только она сама, зверь и напиток.

Дубэ открыла пузырек и выпила глоток лекарства. Жидкость легко полилась в горло, словно просила выпить ее, и Дубэ почувствовала желание принять еще глоток. Может быть, вторая доза поможет ей лучше чувствовать себя. Зверь бы вернулся в свое логово в глубине ее тела, и она смогла бы взглянуть на мир — и может быть, даже на Лонерина — с точки зрения собственных интересов? Жаль, что нельзя позволить себе этого. Дубэ быстро закрыла пузырек. Он был полон чуть больше, чем наполовину. Две недели — или, самое большее, три, и зверь окажется на свободе.

Она почувствовала, как внутри нее нарастает тоска. Что теперь делать? Дубэ прищурила глаза, словно для того, чтобы забыть о ней, а потом повернулась к Лонерину, чтобы немного успокоиться. Его профиль был едва виден в полумраке пещеры, но и этого оказалось достаточно, чтобы напомнить ей о Матоне. Когда в детстве она была влюблена в

того мальчика, ей стоило посмотреть на него, и что-то сжималось у нее под сердцем, словно при пустом желудке. Дубэ перевела взгляд на ладони Лонерина и стала смотреть пристально. Ничего. Он не почувствовал совершенно ничего. Дубэ видела, как его грудь ритмично поднимается и опускается с каждым вздохом, но его как будто здесь не было. Ей стало больно и горько: она снова почувствовала себя далеко от него.

— Тебе не пора пить лекарство?

Лонерин остановился и повернулся к Дубэ. Шар из света, шедшего от его ладони, частично позволял видеть его лицо. Маг и девушка шли по низкому и узкому подземному проходу, Лонерин впереди, Дубэ за ним.

Она отвернулась от его взгляда.

— Я его уже выпила.

Лонерина, кажется, очень удивили ее слова.

— А я этого не знал.

— Я это сделала вчера утром, когда ты спал.

— Сколько его еще осталось?

Именно этого вопроса Дубэ и боялась.

— Достаточно.

— Это не ответ, — придиричиво заявил он. — А второй пузырек? Ты его потеряла?

Невероятно, как он мгновенно замечал все, что касалось ее проклятия. Он понимал, когда она лгала, всегда знал, как она себя чувствует, насколько сильно ощущает в себе зверя и когда должна принять напиток. Было похоже, что она ему нужна только для этого.

— Я же сказала тебе, что лекарства хватит.

Лонерин сурово посмотрел на девушку:

— Это позволю решать мне. Я кроме всего прочего еще и маг.

Дубэ не смогла ничего возразить. Она очень желала, чтобы все прошло хорошо, ей было нужно, чтобы Лонерин ее понял и помог ей. Но казалось, что он на это не способен.

— Я думаю, что потеряла один пузырек в озере, — виновато сказала она наконец. — Вчера утром я приняла глоток, осталось еще на пару недель.

Выражение лица Лонерина стало мягче. Какое-то время оба молчали. Дубэ стояла опустив глаза, чтобы не встретиться взглядом со взглядом Лонерина, но он обнял ее.

— Мы что-нибудь придумаем, не волнуйся. Я тебе это обещаю...

Дубэ чувствовала его горячее дыхание на своей шее. Объятие было сильным и искренним, но она осталась холодной и почувствовала огромное презрение к себе за это. Она не смогла снова почувствовать то, что ощутила в тот вечер, когда они любили друг друга.

— Да, — пробормотала она, уткнувшись лицом в ямку у него под ключицей.

— Все это закончится, и тогда мы с тобой будем жить так, как заслуживаем, верно?

Лонерин нежно посмотрел на нее и поцеловал ее в губы. Дубэ не уклонилась, но поцелуй не вызвал у нее никаких чувств. Потом, уже отодвинувшись от него, она взяла его за руки, и это почти было отчаянной просьбой о помощи. Но Лонерин только улыбнулся, отвернулся от нее, снова зажег между пальцами светящуюся иглу, указывавшую на запад, и зашагал дальше.

Они уже немало времени шли по этим проходам, когда почувствовали колебания, от которых вздрагивала земля, — низкий приглушенный звук, который как будто исходил из недр этой земли.

На мгновение оба остановились и молча замерли, пытаясь понять, что происходит. Прошло несколько минут, но девушке это время показалось бесконечным. Темнота в пещере стала еще плотнее, так что казалось, будто слабый свет их факела раздвигал ее, словно вещество. Зверь внутри Дубэ явно напряг все свои чувства — зрение, слух, силу, которой наполнял ее мышцы. Дубэ была готова дать этому напряжению разрядиться в броске, но что-то подсказывало ей: еще не время. Да, рядом что-то есть, и она это заметила; но ее инстинкт

хищника не проснулся. В этот момент земля снова вздрогнула, и теперь было похоже, что шум раздается над самыми их головами.

— Будем надеяться, что это не окажется еще какая-нибудь нечистая сила этих проклятых земель, — сказал Лонерин.

— Не думаю, что это она: я не чувствую никакой опасности, — ответила Дубэ, пожимая плечами.

— Позволь мне заметить, что ты не чувствовала опасности, даже когда на нас напали призраки. — И Лонерин улыбнулся своей спутнице так лукаво, что она покраснела.

— Но потом я, кажется, заметила их, — отразила она удар и нахмурилась, делая вид, что сердится.

— Я вручу тебе за это похвальную грамоту, — согласился он тоном старого мудреца.

Было странно так шутить с ним, словно ставить опыты над их новой близостью. В этом было что-то неестественное, отчего Дубэ стало не по себе.

«Мне надо перестать сомневаться; буду пытаться жить тем, что дала мне судьба. Не важно, что я чувствую, что отдалилась от Лонерина; он — все, что у меня есть».

В этот вечер они уснули обнявшись, и Дубэ в конце концов успокоилась, прислушиваясь к его дыханию. Утром Лонерин приветствовал ее поцелуем в губы, и она не была против. Дубэ подумала, что однажды все снова будет как в тот первый раз. Лонерин станет для нее тем, чем прежде был Учитель, — руководителем, спутником, который станет направлять ее на жизненном пути.

Колебания по-прежнему заставляли дрожать каменные стены, но становились немного слабее с каждой минутой, как будто то, что их порождало, отодвигалось все дальше. Дубэ и Лонерин решили идти дальше, но двигались осторожно. До конца прохода было еще далеко, и они не могли остановиться сейчас.

Еще через четыре дня они с трудом разглядели светлую точку в конце туннеля. Они дошли: это был выход из пещеры. У Дубэ сердце словно оборвалось в груди.

Она уже не могла выносить эту тьму, хотела света и одновременно боялась его. К тому же за время пути колебания стали чаще и сильнее. Зверь внутри Дубэ стал беспокойно царапать ее когтями, и девушка встревожилась. Если этот свет действительно шел снаружи, то они смогут установить причину странных шумов. Но выяснять ее было рискованно.

Лонерин вынул карту, теперь измятую и наполовину уничтоженную водой, и проверил путь.

Это мог быть только противоположный выход. Они были по другую сторону гор.

— Ты знаешь, что это значит?

Дубэ не ответила: она ждала, что Лонерин сам скажет ей это.

— Мы уже не очень далеко от дома Сеннара.

Воодушевленные этой надеждой, они продолжили путь, не обращая внимания на звуки и собственный страх. Чем ближе они подходили к выходу, тем свежее становился воздух, и их шаги стали быстрее. Оба уже почти бежали, когда Дубэ вдруг остановилась.

— В чем дело?

— Там что-то есть.

Дубэ чувствовала это под ногами, в воздухе, со всех сторон вокруг себя.

Она подняла палец.

— Слушай.

Лонерин наклонил голову, внимательно прислушался, но безуспешно.

Дубэ закрыла глаза.

— Это далеко. Как будто глухое бормотание... нет, вернее, рычание. Одно, два, много... Снаружи что-то есть, Лонерин, — сказала она и открыла глаза.

— Возможно, но оно не обязательно окажется у нас на пути.

— Я не прошу тебя остановиться. Мы только должны быть внимательными.

— Хорошо, — сказал Лонерин успокаивающим голосом и повернулся, чтобы идти

дальше.

Дубэ удержала его за руку:

— Первой пойду я.

Он изумленно посмотрел на нее:

— Об этом не может быть и речи, проводник — я.

— Нам больше не нужно твое заклинание, чтобы найти выход.

— Да, но...

— Роли не изменились: ты нас ведешь, я защищаю, — серьезно подтвердила Дубэ.

Она увидела, что в его взгляде на мгновение отразилось недовольство. Потом Лонерин просто сделал ей знак рукой.

Она сняла со спины лук, вынула стрелу и, обойдя Лонерина, встала впереди.

— Во всяком случае, я буду прикрывать тебе спину, — прошептал Лонерин ей в ухо, когда она проходила мимо него.

Дубэ улыбнулась, крепче сжала в руках лук и пошла вперед.

По мере того как они продвигались вперед, на скалах появился мох — сперва белый и больной, потом зеленый и пышный. Наконец стены стали блестеть под лучами солнца. Белый свет, проникавший снаружи, ослепил Дубэ и Лонерина: они пробыли под землей больше недели.

Дубэ, хотя ее глаза ничего не видели, очень ясно ощущала пространство снаружи рядом с выходом. Чувство, что там кто-то их ждет, стало сильнее, а под ногами она по-прежнему чувствовала те ритмичные колебания, и ощущала их все четче. Это были шаги — шаги гигантских животных.

Девушка положила стрелу на тетиву. Она и Лонерин были совсем рядом с выходом, — так близко, что Лонерин погасил свой светящийся шар. В бледном свете, проникавшем снаружи, Дубэ рассмотрела свою куртку, цвет которой невозможно стало определить, и удивилась тому, какой она стала грязной и потрепанной. Краем глаза она увидела лицо Лонерина, и оно показалось ей невероятно бледным и очень усталым.

В этот момент воздух задрожал от могучего рева. Дубэ и Лонерин замерли на своих местах. Девушка, которая раньше инстинктивно подняла лук, теперь держала его перед собой.

— Возьми мой кинжал, так мне будет спокойнее, — сказала она Лонерину, и ей не пришлось повторять это дважды.

Свистящий звук, с которым лезвие выскользнуло из ножен, разорвал полную тишину, которая наступила после недавнего оглушительного шума.

Дубэ осторожно пошла вперед и остановилась на краю пещеры, опираясь плечами о холодный камень скалы. Внезапно эта скала задрожала от новых шагов, девушка сделала глубокий вдох и резко повернулась.

Свет охватил ее со всех сторон, солнечное тепло ошеломило, тысячи запахов опьянили. Дубэ бросилась на землю. Глаза, которые медленно привыкали к такому сильному освещению, она держала полужакрытыми.

Ничего.

Она держала лук наготове и так крепко, что мышцы устали от напряжения. Все было как всегда, как в те разы, когда она ходила на охоту вместе с Учителем, как в тех случаях, когда она помогала ему в его работе. Воспоминание о нем было таким мучительным, что у нее перехватило дыхание, оно было тяжелее, чем когда-либо. Дубэ почувствовала, что кто-то дотронулся до ее плеча, и вздрогнула: на мгновение ей показалось, что это Учитель.

Она взглянула и увидела то, что придало ей уверенность, — лицо Лонерина. Он тоже лежал на земле и держал в вытянутой руке кинжал. Его спокойный взгляд должен был бы вселить в нее мужество, но она почувствовала только странное разочарование. Тогда она сосредоточилась на том, что было вокруг, но лишь через какое-то время по-настоящему поняла, куда они пришли.

Они находились на вершине крутой скалы, один склон которой прижимался к

каменной стене, а другой, отвесный, обрывался над глубокой долиной, которая полностью заросла деревьями. Теперь Дубэ и Лонерин видели ее с высоты. Это было похоже на узкую трещину, заросшую густым зеленым мхом. Проем, через который они выбрались из пещеры, выходил на проход, имевший слишком правильную форму, чтобы быть естественным, и тянувшийся вдоль всей долины по ее краю. В нескольких местах этот проход был завален обломками, но везде был более или менее проходимым.

Тогда Дубэ подползла к краю пропасти, чтобы видеть большой участок лежавшей внизу долины. Она осторожно передвигала локти и держала лук перед собой. Лонерин двигался рядом с ней.

Она увидела только деревья — переплетающиеся кроны и широкие мясистые листья. И тут внезапно произошло это: скала под ней качнулась так, что это было похоже на землетрясение, и чье-то горячее дыхание обдало ей лицо.

Кто-то огромный тяжело дышал перед самым носом у Дубэ. Сердце замерло у нее в груди. Вдруг животное повернуло в сторону Лонерина голову размером самое меньшее в локоть, с вытянутой мордой с большим костяным гребнем, идущим от затылка. Заостренная на концах чешуя блестела и переливалась темно-коричневым цветом, который у основания переходил в черный. Красный с белыми прожилками гребень венчал голову. Из его ноздрей, когда он поворачивался к Лонерину, с шумом, похожим на фыркание, вырвался воздух, словно из огромных кузнечных мехов, если их сжать. Дубэ не могла пошевелиться, со страхом, от которого у нее похолодели ноги, она увидела полный жизни, блестящий ярко-красный глаз дракона. Он казался огромным водоворотом, в котором можно утонуть, бездонной пропастью глубиной в те тысячи лет, в течение которых это животное с возвышенной отрешенностью созерцало свой мир.

Зверь молчал. Дубэ осознавала, что находится на волосок от смерти. Внутри этой пасти скрывались могучие зубы, готовые перекусить что угодно. На мгновение она вспомнила о странных существах, которых она и Лонерин встретили на своем пути, и подумала, что теперь лес сумеет отплатить им за недавнее поражение и убьет их.

Она рассматривала изумительные глаза дракона, в которых светились золотистые искорки, и была уверена, что в мире не может быть ничего такого же древнего и великолепного, как они. Дубэ была испугана и очарована одновременно.

Дракон пристально смотрел на нее, как будто изучал. Дышал он незаметно, ничто не трепетало от его дыхания.

Потом Дубэ почувствовала прикосновение Лонерина, повернулась к нему и увидела, как он ползет на коленях к дракону. На лице молодого мага было то выражение непоколебимой убежденности, которое ей так нравилось.

В это мгновение она с уверенностью поняла, что именно это выражение заставило ее уступить Лонерину в первый раз, в пещере. Уступила потому, что он умел принимать решения и никогда не боялся делать выбор.

Как во сне, она увидела, что маг протянул руку в сторону дракона, а тот немного отодвинул от нее морду.

Лонерин остановился, по-прежнему протягивая руку дракону, и вид у него был спокойный. Он нисколько не боялся и показывал это. Было похоже, что это позабавило дракона, и в глазах огромного животного мелькнул странный свет — искра понимания. Дракон коснулся мордой ладони мага, и в этом движении не было ничего враждебного, скорее оно было ироничным и презрительным. Тогда Лонерин убрал руку и просто поклонился — согнувшись так, что его голова коснулась камня скалы.

Дубэ поняла, что должна сделать то же самое. Она не понимала смысла этих движений, но была уверена, что должна выполнить их.

Она поклонилась так же и почувствовала себя уязвимой и беззащитной. Если дракон решит напасть на них, она его даже не увидит.

Она почувствовала снова ставшее мощным дыхание животного и краем глаза увидела, как дракон медленно приблизился к Лонерину и коснулся его головы концом своей морды.

Потом дракон проделал то же с ней, так же спокойно и бережно. Это прикосновение почему-то тронуло ее душу. Девушка подняла голову и еще на одно, последнее мгновение увидела огромную морду и красные глаза, которые смотрели на нее словно издалека. Потом дракон исчез за отвесным краем пропасти.

Лонерин рядом с ней вздохнул и прислонился спиной к скале, чтобы отдохнуть.

Дубэ, потрясенная хладнокровием мага, разглядывала его как незнакомого человека.

— Все прошло хорошо, и не смотри на меня с таким видом. Я твердо уверен, что теперь Неведомые Земли наконец решили оставить нас в покое.

— Значит, это мы и сделали сейчас? Сделали так, что он нас принял? — слабым голосом спросила Дубэ.

Лонерин кивнул и объяснил:

— Драконы — самые древние существа во Всплывшем Море, они — его хозяева и покровители. А этот дракон — хозяин этой страны, она принадлежит ему по праву, а мы нарушили ее границы. Можно сказать, что, простершись на земле у его ног, мы заслужили этим право находиться в этой долине.

После этой встречи Дубэ и Лонерин пошли по проделанной в скалах тропе. Долина была невероятно прекрасной, а из-за множества драконов, которых они видели повсюду, она казалась диким затерянным раем. Это были необычные драконы — по размеру они были меньше тех, которые жили во Всплывшем Море, а очертаниями тела немного напоминали синих драконов, отличаясь от них цветом и прежде всего крыльями. У здешних драконов крылья были крошечные. Эти обрубки крыльев, конечно, не могли выдержать в полете вес огромных драконьих тел. Но они были по-своему изящными — красные с белыми прожилками, почти прозрачные — и выглядели такими хрупкими.

Самым удивительным было то, что эти драконы карабкались по каменным стенам скал как ящерицы. Дубэ и Лонерин видели, как они поднимаются и спускаются по отвесной стене пропасти, входят в лес, укрывавший долину словно плащ, и выходят оттуда. Эти животные могли держаться на отвесных скалах благодаря мощным когтям, которыми были снабжены три пальца на каждой их лапе. Эти когти длиной в локоть, острые и крепкие, вонзались в камень и цеплялись за него. И каждый раз, когда они вцеплялись в скалу, она дрожала. Вот чьи загадочные шаги Дубэ и Лонерин слышали в конце своего пути под землей.

Дубэ заметила, что каменная стена рядом с ней была вся усеяна глубокими черными дырами — следами этих когтей.

Девушка и маг должны были привыкнуть двигаться, когда эти животные рядом. Из-за колебаний, которые создавали драконы, двум путешественникам трудно было поддерживать равновесие на этой узкой тропе, и присутствие драконов все-таки тревожило их. После первой встречи они больше не проявляли никакого интереса к двум людям — крошечным существам, которые шли по их земле. Но Дубэ все же продолжала чувствовать себя незваной гостьей, за которой каким-то образом следят.

Выше и ниже их дороги на небольшом расстоянии от нее тянулись еще две маленьких тропы. Они то исчезали, то появлялись, иногда соединяясь с их маршрутом, иногда взлетая вверх, к самому краю пропасти, а иногда опускаясь в зелень леса.

— Их мог кто-то проложить, — заметила Дубэ.

— Да, очень похожи на искусственные, — подтвердил Лонерин.

— Сеннар никогда не писал о них Идо?

— По правде говоря, он не писал даже об этом ущелье. С этого места указания становятся неясными. Но все же я уверен, что направление — верное.

Дубэ тоже не сомневалась в этом. После того как она увидела Лонерина перед драконом, она снова слепо верила ему.

В этот момент воздух неожиданно затрепетал от рева, земля под их ногами задрожала, и Лонерин должен был опереться руками о каменные стены. Потом он подался вперед, чтобы увидеть, что происходит внизу.

Воздух наполнился новыми ревущими голосами: драконы отчего-то задвигались быстрее. Потом один из них, который был сильнее остальных, устроил настоящее землетрясение. Он проходил всего на несколько локтей ниже Дубэ и Лонерина, и девушка чувствовала его шаги. Они были быстрее, чем обычно, и заставляли скалу трястись так сильно, что целый кусок каменного ребра обвалился.

Словно в кошмаре, Дубэ увидела, как ее спутник исчез под дождем каменных обломков.

— Лонерин! — крикнула она.

Он повернулся, протянул ей руку, открыл рот, чтобы ее позвать, — а потом ничего. Перед Дубэ была только гора камней и щебня.

Девушка уже собиралась бежать к этой куче камня, но ее остановил новый звук.

— Я не стану заниматься им, — произнес голос, от которого она застыла на месте.

«Проклятье!»

Она мгновенно вспомнила, как выходила из пещеры вместе с Лонерином.

«У меня нет моего кинжала».

17 ДЕМОН НЕНАВИСТИ

Вон они!

Рекла кивком приказала Филле остановиться.

Сделав это, он осторожно спустил ее на землю. Теперь она была лишь тенью себя прежней, но ее тело упрямо не желало сдаваться времени. Страж ядов и ее ученик, стоявшие на гребне горы, вместе наклонились вниз и увидели своих врагов.

Дубэ и Лонерин шли внизу по узкой дороге, проложенной в скале. Рекла и Филла были немного позади молодых людей — очень выгодная позиция для преследователей.

— На этот раз ты был молодцом, — сказала Рекла, поворачиваясь к своему спутнику.

Предложение Филлы нести ее на плечах помогло им победить. Он выложил все свои силы и старался быть быстрее, чем мог. Теперь он совершенно обессилел, но все же преодолел расстояние, отделявшее их от Дубэ.

Рекла очень быстро перестала упрячиться и позволила, чтобы ученик помогал ей, поскольку понимала, что стала слишком слабой, чтобы продолжать путь одна.

— Их двое: маг опять вместе с девушкой, — заметил Филла. — Это невозможно.

Рекла догадалась об этом сразу, как только они отыскиали следы своих врагов, но догадываться — одно, а действительно обнаружить, что он выжил, — совсем другое дело.

— В конце концов, мы тогда ведь так и не нашли его тело, — язвительно прошипела она.

Филла вздохнул. Его силы были на исходе, а она ослабла без своего напитка. Конечно, Рекла и теперь не была обычной старухой, но вряд ли сможет справиться с двумя врагами сразу.

— Я займусь мальчишкой, а вам оставляю Дубэ.

— Даже не говори об этом: ты не можешь, ты слишком устал в дороге.

— Все равно он только маг, а не воин. Он мне по силам, госпожа. А Дубэ — ваша. Это награда, которую вы заслужили как месть за свои страдания. Чтобы полностью насладиться ею, вам нужно сразиться с Дубэ в одиночку.

При этих словах глаза Реклы заблестели. Она долго глядела на Филлу, и у него было достаточно времени, чтобы хорошо рассмотреть ее разрушенное старостью лицо — густую сеть морщин и тусклые глаза. Но он все равно любил Реклу, и даже больше, чем раньше.

— Спасибо, — сказала Рекла, почти застенчиво уклоняясь от его взгляда, и Филла почувствовал, что его сердце раскрывается ей навстречу. — Никогда ни один ученик не служил мне так преданно, — добавила она.

Филла склонил голову. Он чувствовал безумную, неудержимую радость. Она рвалась

прочь из груди, и Филла, почти не осознавая, что делает, обнял Реклу за плечи и раньше, чем она успела сказать еще что-нибудь или воспротивиться, прижал свои губы к ее сухим губам. Поцелуй продолжался всего одно мгновение, потом Филла отнял губы, увидел изумленные глаза своей наставницы и раньше, чем она успела разгневаться на него за то, что он посмел сделать, прошептал:

— Одержите победу и за меня тоже, — а потом отошел от нее.

Лонерин едва успел отскочить, когда огромный кусок скалы начал скользить вниз. На несколько мгновений его ослепила пыль, и он, чтобы не упасть, должен был прислониться к стене, которая была у него за спиной. Потом грохот прекратился, замолкли даже крики драконов, и стало слишком тихо. Но в его ушах еще звучали гул и гром падающих камней, и он был оглушен этим шумом.

— Дубэ! — позвал он, преодолевая кашель.

Лонерин не успел договорить это имя: чья-то рука с железной силой сдавила ему горло, и что-то, тускло блеснув, скользнуло в его сторону. Только инстинкт спас ему жизнь.

Слова заклинания прозвучали хрипло, но все равно подействовали, и лезвие ударилось о легкий серебряный шар, возникший вокруг его тела. Лонерин увидел вытянутую руку, управлявшую оружием, и разглядел черный клинок с рукоятью в форме змеи, который невозможно было спутать ни с чем.

Нажим на его горло ослаб — всего на секунду, но Лонерин не упустил этот случай — вырвался на свободу и повернулся к нападавшему. Он знал, что увидит.

Это было не имевшее определенных черт лицо убийцы. С тех пор как Лонерин побывал в Доме Гильдии, его ненависть к победителям стала безграничной, а после боя с Реклой уже ничто не могло встать между ним и этим чувством.

Он не чувствовал ни страха, ни вины. Он думал о Дубэ, которая ждала его помощи по другую сторону каменной стены, вспомнил ту ночь, которую они провели вместе, о том, как с ней обращались, когда она была в плену. И вспомнил свою мать — ее тело среди других трупов, брошенное в общую могилу. И понял, что теперь хочет лишь одного — сражаться.

«Наконец я сведу с ними счеты. Я буду свободен, и Дубэ — свободна вместе со мной».

Он вынул из ножен кинжал, который она же и дала ему незадолго до того, как они вышли из пещеры, и приготовился защищаться. Когда-то давно он взял несколько уроков боя на мечах, но теперь, конечно, утратил это умение. К тому же у него в руке был кинжал, а не меч. Лонерин сказал себе, что разница между ними не так уж велика, нужно только дать волю своему инстинкту.

Думая об этом, он ослабил внимание — и вдруг ужасная боль обожгла ему левое ухо. Убийца сумел ранить его, используя момент, когда он отвлекся. Лонерин машинально сжал кинжал и направил его на врага. Теперь он был готов обороняться, больше он никогда не ослабит свою защиту.

Противник насмешливо улыбнулся, увидев этот ответ на удар.

— Что такое? Ты решил поиграть в убийцу?

Он поднял вооруженную руку словно для удара, но это было обманное движение, и в горло Лонерину полетел метательный нож. Маг выставил руку перед собой, решительным тоном произнес всего одно слово — серебристый щит на долю секунды снова возник перед ним, и нож отскочил от его поверхности. Теперь убийце самому пришлось уклоняться от своего оружия, но он сделал это без труда. Он был ловким как кошка — как Дубэ, как победитель.

Лонерин приготовился к удару и бросился на врага, крича во всю силу своих легких, но его движения оказались недостаточно плавными, и он не достиг своей цели.

Убийца быстро подпрыгнул и наклонился вбок. Второй нож. Новый удар. Лонерин сумел отбить его, скользнув в сторону.

— Какие мы быстрые! — с ядовитой насмешкой произнес Филла.

Несколько мгновений оба стояли неподвижно, изучая один другого. Лонерин дышал

тяжело и судорожно сжимал в руках кинжал. Его противник, видимо, чувствовал себя не лучше: он тоже дышал устало, и на лбу у него выступил пот.

«Он выдыхается. С ним можно справиться», — позволил себе подумать Лонерин.

Должно быть, эта новая решимость каким-то образом блеснула в его взгляде, потому что враг в ответ позволил себе свирепо усмехнуться.

— Думаешь, что убьешь меня?

Лонерин промолчал, но что-то внутри него ответило: да.

— Напрасно стараешься, я все равно не позволю тебе пройти на ту сторону! — крикнул Филла. — Моей госпоже нужно быть одной: у нее назначена встреча с твоей подружкой.

У Лонерина внезапно закружилась голова. Как же он не связал один с другим эти факты? Если перед ним — этот человек, значит, с другой стороны оползня находится Рекла. Дубэ в опасности... и должна скорее уйти оттуда. В этот момент убийца пошел на него, нанося удары ножом, который только что вынул. Лонерин успешно отбивал эти атаки, но при каждом движении делал шаг назад.

Потом был неожиданный удар, который Лонерин едва успел увидеть краем глаза, — черная молния, нацеленная на его бок. Слова заклинания мгновенно сорвались у него с губ. И Филла взвыл от боли. Лонерин оттеснил его на безопасное расстояние.

Он сделал это! Молодой маг не мог поверить в то, что случилось. Он сделал это не раздумывая, как будто ничего не может быть естественней.

«Я произнес запрещенную формулу».

Он ошеломленно смотрел на человека с искривившимся от боли лицом, стоящего перед ним на одном колене, вытянув перед собой правую руку, которая раньше управляла кинжалом. Она обуглилась, и раненый скрипел зубами, чтобы не закричать.

Лонерин не почувствовал ужас перед самим собой, он только поразился тому, как легко он поступил вопреки одному из самых главных предупреждений своего учителя Фольвара.

«Ты можешь думать, что иногда запрещенные формулы — самый короткий путь и даже — единственный путь, но все они — обманны. В обмен на такую магию ты всегда отдаешь часть своей души».

Но Лонерин был доволен. Он наконец ранил победителя, он такой же сильный, как они. Как будто все эти годы он учился и умерщвлял свою плоть, в стремлении стать лучшим магом, лишь для того, чтобы прийти к этой минуте высшего освобождения.

На искаженном страданием лице убийцы появилась злобная улыбка.

Лонерин инстинктивно среагировал на нее — закричал и бросился в бой. Его противник даже теперь, раненный, двигался с опасной быстротой и несколькими прыжками снова загнал его в угол. Тогда маг во второй раз произнес слова заклинания. Филла покатился по земле, докатился почти до пропасти, но последним усилием сумел остановиться прежде, чем стало поздно, и устало поднялся, опираясь всей тяжестью своего тела на одну ногу. Лонерин воспользовался этим, чтобы выкрикнуть еще одно заклинание. Рука убийцы быстро стала твердеть и бледнеть и скоро до локтя стала каменной. Губы Лонерина начали раскрываться для торжествующей улыбки, но тут он понял, что ошибся. Конечно, враг не мог пользоваться раненой рукой, но теперь, когда она стала каменной, она не чувствовала боли.

Убийца дико рассмеялся.

— Спасибо за подарок!

Его бросок был неслыханно сильным. Лонерин, отступая перед этим контрударом, шагнул назад, споткнулся и упал, ударившись спиной о камень. Противник нанес удар, маг едва успел повернуть голову, и лезвие на целый локоть вошло в камень рядом с ним. Далеко от них, в долине раздался рев. Враг пальцами сжал горло Лонерина и, сдавив его железной хваткой, приподнял мага над землей.

— Пора кончать, — прошептал он прямо в лицо Лонерину.

Лонерин чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он не привык сражаться, борьба с кинжалом в руке и две запрещенные формулы отняли у него все силы. Но надо было

спасаться. Пришло время продать душу, сейчас он не мог остановиться.

Он медленно дотянулся ладонью до своего плеча и коснулся раны на нем. Она была только чуть больше обычного пореза, но этого хватило, чтобы подушечки пальцев намокли и покраснели. Потом он поднял ладонь, брызнул кровью в лицо победителя и одновременно слабым голосом произнес нужную формулу. Капли превратились в длинные узкие нити вроде шнуров, которые обвились вокруг убийцы, удушая его, и заставили его разжать руку. Освободившийся Лонерин соскользнул на землю, опираясь о каменную стену и царапая себе кожу об нее. Он был полумертв от удушья и, пытаясь дышать, кашлял раз за разом. Маг дал себе несколько секунд на восстановление сил, а потом поднялся на ноги, полный неуправляемого гнева.

Убийца лежал на земле со связанными руками, пытался освободиться и кричал: «Проклятый!»

Лонерин подумал: какая прекрасная картина! Он победил одного из убийц своей матери, и теперь этот враг бьется, как насекомое в паутине.

«Он мой, и я могу сделать с ним что хочу. Он пытался убить меня, но я его одолел. Теперь я могу прикончить его, у меня есть для этого причины, никто не сможет упрекнуть меня за это».

Он взял кинжал дрожащей от волнения рукой. Ладонь была липкой от крови, но это было не важно. Убийца плюнул в него и попытался что-то сказать, но Лонерин поставил ему ногу на грудь, сильно надавил и приказал:

— Молчать!

Он никогда никого не убивал, но в этот момент чувствовал сильнейшую жажду сделать это здесь и сейчас, без всякого раскаяния. Всю свою жизнь он подавлял в себе ненависть к Гильдии. Чтобы победить ее, он решил использовать вместо оружия магию, для этого следовал наставлениям Фольвара, и они позволили ему восстановить контроль над собой. И вот теперь он снова во власти ненависти и жгучего желания истребить секту, убившую его мать.

«Я имею право совершить правосудие. Я имею право отомстить за страдание. Я не смог спасти свою мать, но у меня есть еще время спасти Дубэ. Я должен это сделать!»

Лонерин поднял кинжал. Враг у него под ногами не проявил страха, скорее у него был взгляд человека, который наконец будет свободен. Но Лонерин не решился нанести удар: что-то запрещало ему это сделать.

— Что такое? Не получается? — улыбнулся Филла.

«Делай это, сейчас же, быстро!»

Лезвие блесло в воздухе на середине своего пути, маг дрожал всем телом.

«Делай!»

Он закричал и вонзил клинок в землю всего на волосок от головы врага.

— Ты не сделаешь со мной это! Не заставишь меня стать тем, против чего я боролся всю жизнь!

Лонерин выкрикнул это с такой силой, что у него заболело горло. Потом повалился на землю и закрыл лицо руками. Он был в отчаянии. Но он не убьет этого человека. У него огромное желание сделать это, но он не убьет. Он не может этого, иначе окажется, что все эти годы прошли напрасно.

Он услышал рядом смех врага — горький, полный отчаяния смех.

— Трус, — пробормотал враг.

Лонерин не поднимал взгляд от земли.

— Ты не можешь понять. Это как раз и есть глубинная разница между мной и тобой. Ты не можешь и никогда не сможешь это понять, — проворчал он.

— Это ты не можешь понять, — возразил тот, глядя в небо над ними.

Лонерин повернулся и недоверчиво взглянул на него. Потом нечеловеческий вопль заставил вздрогнуть обоих.

ПОТОНУВШИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Идо проснулся рано. Сан лежал в постели рядом с ним и безмятежно спал.

Гном чувствовал себя достаточно здоровым. Лечебные процедуры мальчика оказались необыкновенно эффективными, а крепкое здоровье, характерное для гномов, завершило дело. Еще пара дней, и они смогут продолжить путь. А сейчас Идо захотел зайти один в подземное гнездо сопротивления.

С того момента, как он спустился сюда, вниз, Идо чувствовал, что ему необходимо сделать это. Его мучили воспоминания, и ему казалось, что побывать в этом памятном месте будет правильно и справедливо. Быть столетним стариком и пережить все и всех — такое трудно выносить. Идо чувствовал себя усталым и раздавленным этой тяжелой ношей. Смерть начинала казаться ему не противницей, а подругой. Но у него было еще много дел, а он не хотел уйти из жизни, оставив после себя что-то незаконченное.

Встреча с теми местами, где он сражался и страдал, радовался и ликовал, поможет ему почувствовать себя лучше.

Он вошел в свою прежнюю комнату — нишу, выкопанную в стене. Здесь по-прежнему стояла сдвинутая вбок кровать, в которой он много лет спал вместе с Соаной. А чуть дальше был зал, где он выстраивал своих людей и отдавал им приказы, где он и они вместе планировали свои партизанские операции. А вот арсенал с мечами, которые уже наполовину покрылись ржавчиной, пиками, отдельными частями доспехов.

Везде было пусто и тихо, но Идо хорошо помнил лица своих товарищей и даже то, как умер каждый из них... Бесконечная череда похорон, тел, разрубленных мечами, умирающих, рядом с которыми он был во время их агонии.

Он зашагал дальше; этот путь привел его на большую арену. Это была пустая цистерна, повстанцы переделали ее так, что крыша открывалась с помощью механизма, который приводили в действие три человека. Вокруг были горы, и эти места находились достаточно далеко от всех дорог, поэтому никто не мог заметить, как это происходит.

Идо вошел внутрь, глубоко вздохнул, наполняя легкие воздухом этого места, и почувствовал еще сохранившийся запах огромного тела Везы, который жил здесь внизу, в долгие перерывы между боями. Он вспомнил, как Веа вздрагивал, когда он садился в седло и говорил своему дракону, что они отправляются в бой. Это отсюда они вылетели в последний раз в тот день, когда повстанцы были разгромлены, а акведук захвачен.

Шум его собственных шагов отдается у него в ушах. Идо уже отдал своим бойцам приказ спастись бегством, но солдаты Дохора продолжают искать их по всему акведуку. Ему удастся добраться до арены, но он задыхается от бега, сил совсем не осталось, в ране на руке начала пульсировать боль. Он замирает на месте: перед ним — целое кладбище обугленных человеческих останков, а посередине над ними возвышается его дракон Веа, который ждет его, и взгляд у Везы гордый.

Едва увидев его, Веа звонко ревет, а Идо, тронутый этим, улыбается ему: его скакун одолел врагов, еще раз они сражались вместе.

Идо бежит навстречу Везе: они должны спастись, и времени оставалось мало. Оказавшись рядом с драконом, он замечает, что тот ранен. Несколько копий смогли задеть твердую кожу и правое крыло, но тревогу у Идо вызывают не эти царапины, а очень глубокий порез на лапе.

— Что они с тобой сделали, Веа...

Дракон наклоняет морду вниз, к нему, и тихо фыркает.

Идо нежно гладит его.

— Теперь мы улетим отсюда вместе. Вот увидишь, я позову лучшего мага в мире лечить тебя. Мы спрячемся в Пограничной Области Лесов и оттуда оплатим им всем за это.

Он бежит в ту часть акведука, где находятся, в трех нишах под движущейся каменной стеной, устройства, открывающие выход. Чтобы привести этот механизм в движение, нужны три человека, но, может быть, ему одному хватит сил открыть выход наполовину, а остальное сделает Веза тяжестью своего тела.

Идо не без труда карабкается вверх. Он потерял много крови из-за раны, и теперь видит все как в тумане. Все же он добирается до одной из ниш. В ее центре находится огромный деревянный рычаг, соединенный с довольно крупным зубчатым колесом. Гном, присматривавший за этим механизмом, лежит на земле, пронзенный насквозь копьем. Идо просто отодвигает труп в сторону: сейчас не было времени для скорби.

Он обеими руками берется за рычаг и тянет его изо всех сил. Боль в плече невыносима, но в конце концов рычаг сдвигается с места и скала с ужасным грохотом отъезжает вбок.

Идо падает вниз и мягко приземляется на спину Везы. Дракон уже пытается отодвинуть скалу. Его огромные мускулы напряглись от усилия, лапы согнулись дугой, их когти вонзились в камень. Рана на крыле сильно кровоточит, и запах крови наполняет зал.

— Еще раз — и готово. Давай, Веза, держись.

Скала со скрипом сдвигается еще на несколько ладоней вбок, а потом дракон падает на передние лапы, совершенно обессиленный.

Вокруг них все громче звучат крики бойцов и стук мечей.

— Готово, готово! Вперед!

Идо видит, что его дракон смертельно устал. Он сам чувствует себя точно так же. Они больше не могут, у них обеих силы на исходе.

— Лети! — командует он.

И дракон разворачивает крылья и с трудом взлетает в воздух.

Солнечный свет почти ослепляет их, впереди гора Тал извергает огонь и дым. Но небо, кажется, было свободно.

В первый раз за свою жизнь гном чувствует, что эта страна принадлежит ему. Он боролся за нее, прятался в ее недрах, жил с ее народом, и теперь эта земля огня и скал действительно стала его домом.

«Я вырву ее у тебя, Дохор, вырву и верну ей прежнее величие», — обещает он себе.

Он уже начинает расслабляться, направив взгляд в сторону их с Везой далекой цели, — и вдруг чувствует, что мускулы Везы под его бедрами стали жесткими. А потом раздается пронзительный, полный боли рев.

Они начинают стремительно опускаться: одно из крыльев дракона перестало двигаться.

Идо хватается за чешую на спине Везы. Ему достаточно одного взгляда, чтобы понять, что случилось.

Это был укус, который разорвал раненое крыло Везы.

Идо вне себя от гнева.

На границе своего поля зрения он замечает проклятого маленького дракона, который быстро двигается, извиваясь в воздухе, и на нем всадника — почти мальчишку.

— Вперед, вперед! — приказывает он Везе, но это бесполезно.

У дракона больше нет сил. Он пытается уловить здоровым крылом попутное воздушное течение, но тщетно. Тогда он вытягивает раненое крыло, чтобы замедлить падение. Его рев переходит в глухой стон боли. Идо чувствует себя так, словно что-то постороннее попало в его внутренности и мешает ему видеть.

Он поворачивается и видит, что всадник мчится к нему. Дракон у противника молодой и такой же — если не более — неопытный, как его хозяин. Всадник держит копьё прямо перед собой, и Идо прекрасно угадывает, что он собирается сделать. На лице всадника уже видна улыбка победителя; совершенно ясно, что враг думает о том, как вернется на свою базу с его головой в руках — с головой ужасного Идо.

Гном вскакивает на ноги, удерживая равновесие на крупе Везы. Мальчишка поднимает руку и наносит удар, в точности как показано в учебнике.

Идо достаточно нагнуться, а потом он просто хватается здоровой рукой за сбрую вражеского дракона, когда тот пролетает рядом. Мальчик только смотрит на врага, бледный от ужаса, а Идо, ловкий как хорек, подтягивается вверх на руке и оказывается в седле у него за спиной.

— Нет! — только и успевает тот пробормотать.

Идо проводит лезвием по его горлу, враг бьется в предсмертных судорогах, а потом затихает в его руках мертвый. Идо ударом ноги сбрасывает его вниз и остается один на драконе, а тот уже вцепился в хвост Везы и сильно дергает его. Идо кричит от ярости и вонзает ему меч в бок по самую рукоять, вложив в удар все свои силы. Дракон ревет и выпускает добычу, но при этом мечет в Везу язык пламени.

— Проклятый!

Идо в бешенстве. Борясь с тошнотой, он хватается за шею дракона, который от боли крутится и мечется из стороны в сторону. Потом он соскальзывает вниз — туда, где меч легче пробьет себе путь, и с криком наносит удар — раз, два, и потом еще. Он держится только на раненой руке, и порез вызывает у него приступы пронзительной боли. Но это не важно: зверь, который ранил Везу, должен за это заплатить.

Почти потерявший сознание Идо вдруг чувствует, что стремительно падает вниз: дракон, должно быть, был убит. Он ждет: больше ничего нельзя сделать. Может быть, он тоже умрет, но умрет сражаясь, и этого достаточно. И к тому же умрет, мстя за Везу. Он улыбается, падая в пустоту.

Потом — рывок, и падение прекращается. Куртка затягивается у него на горле так, что начинает его душить. Его окутывает что-то вроде горячего дыхания. Идо сразу понимает, что это значит.

— Веза... — бормочет он.

Веза поймал его зубами и спас — не дал разбиться.

Дракон бережно кладет его на землю. Потом Идо слышит глухой удар, поворачивается и видит, что его дракон лежит на скалах, прислонив голову к поверхности камня. Веза дышит с трудом, его живот поднимается и опускается неравномерно. Красный цвет его крови смешивается с красным цветом его чешуйчатой кожи.

Идо не хочет верить, не может поверить. Он вскакивает на ноги, не обращая внимания на боль в ранах, обходит вокруг своего дракона, осматривает его.

Правое крыло изувечено, и перепонка между костями разорвана в клочья. Хвост изранен, от обожженного живота пахнет горелым мясом.

Идо понимает все. Он уже понял, но не может это принять. Он гладит Везу по голове, наклоняясь вперед.

— Все хорошо, Веза, все хорошо. Конечно, тебе пришлось плохо, но мы справимся с этим, верно? Справимся, как всегда. Ты видел, как я отомстил за тебя?

Он лихорадочно гладит маленький гребень на морде Везы и чувствует, как ладони наполняются кровью.

— Все хорошо. Мы немного отдохнем, а потом отправимся дальше, верно?

А слезы уже подступают к его глазам.

Веза смотрит на него тусклым взглядом. В первый раз Идо видит в его глазах что-то похожее на страх и покорность. Веза прекращает борьбу.

— Нет, Веза, нет, будь оно все проклято! Ты мне нужен, понимаешь? Ты не должен сдаваться!

Но эти глаза не отвечают ему быстрым движением, как бывало всегда, когда он окликал Везу по имени. Веза бывал ранен и прежде, и каждый раз, каждый проклятый раз, когда Идо говорил ему, что все идет хорошо, Веза словно отвечал ему глазами, успокаивая его. Да, все пройдет гладко, потому что они принадлежат друг другу целую вечность, потому что они все повидали, потому что они — это они.

Идо наклоняется над головой Везы. У него кружится голова и сердце бешено колотится в груди. Он стоит совсем рядом с глазами Везы и поэтому может видеть

каждую чешую на великолепной красной коже дракона.

— Веза, умоляю тебя, сопротивляйся. Я не остановился, мне пришлось плохо, но сегодня ночью я сражался хорошо, как и ты. Ты — все, что у меня осталось, не покидай меня...

Дракон пристально смотрит ему в глаза. Идо кажется, что перед ним человек, а не животное, и что Веза говорит ему:

— Я должен уйти.

— Ты не можешь меня бросить! — кричит Идо с такой силой, что чувствует жжение в горле. — Не делай со мной это!

— Для всего есть свое время. И мое время наступило сегодня.

— Это неправда, я не согласен! Помнишь, как после каждой схватки я приходил к тебе и говорил, что повешу меч на стену, помнишь? Я же этого не сделал! И ты тоже не можешь, не можешь покинуть меня!

Глаза Везы становятся спокойными. Его дыхание, когда-то такое могучее, делается слабым, как у ребенка. Его грудь поднимается едва заметно и рывками.

— Дай мне уйти.

И тогда Идо заплакал как мальчик.

Величавое дыхание Везы всегда отсчитывало для него время боя. Идо вслушивался в него перед боем, чтобы успокоиться, а потом с тревогой прислушивался к нему, когда борьба кончалась, и это был звук победы. Когда они перелетали из одного военного лагеря в другой, Идо засыпал под этот шум. И вот теперь дыхание его друга стало едва слышимым и скоро затихнет навсегда.

Это больше, чем он может выдержать. Всадник без дракона не существует, всадник без дракона должен умереть, чтобы сохранить свою честь.

Идо поднимает голову и впицается взглядом в глаза Везы. Он видит, как они медленно гаснут и как в конце концов веки дракона окончательно перестают вздрагивать и его дыхание останавливается. Идо еще пытается звать его, трясет, ударяет, но прекрасно знает, что это конец. Сжав кулаки так, что пальцы сводит судорога, Идо безудержно плачет, проливая последние слезы воина, которые у него оставались.

Идо вздохнул. Память. Воспоминания, которые отпечатались в его сознании даже слишком ярко. Образ распластавшегося на земле Везы долго стоял у него перед глазами и мучил его каждый раз, когда он видел дракона. Всадник Дракона, живший в его душе, умер в тот день.

Он повернулся. Теперь он был готов пройти последний отрезок пути и нанести последний визит, чтобы проститься со своим славным и трагическим прошлым, — самый важный визит.

Он уверенно шел по акведуку. Прошло три года, но он узнавал каждый камень. Невозможно сосчитать, сколько раз он здесь проходил, и боль глубоко врезала ему в память этот путь.

Это место было затоплено при захвате акведука, и вскоре Идо оказался почти по пояс в воде. Но он шел дальше, побуждаемый желанием, которое не мог укротить.

Наконец Идо увидел его. Нижняя часть затоплена, но наверху по-прежнему лежали цветы, которые он принес сюда в прошлый раз; они засохли, но не утратили форму. Это был прислоненный к скальной стене круглый камень, примерно локоть в диаметре, украшенный изображениями листьев и стилизованных цветов. Одно из древних украшений, которые часто можно было обнаружить в акведуке, произведение искусства его предков.

Гном медленно, словно загипнотизированный, подошел к камню. Уже три года он не давал воли своему горю. Сколько времени он не плакал? Сколько времени не позволял себе сладкую роскошь быть слабым?

Он положил руку на этот камень — памятник на могиле Соаны, провел рукой по орнаменту до того места, где они оказались под водой, погладил их и почувствовал, как боль

заполняет его душу, словно вода разлившейся реки, и отдался во власть своего горя. Оно было старым другом, которому он давно не открывал дверь, и был почти рад, когда почувствовал, что плачет.

Идо в тишине спускается в свою комнату. Он знает, что конец близится...

Перед входом он видит Кхала — жреца, который находился при Соане в последние месяцы ее болезни. По его лицу Идо понимает все.

Он останавливается, руки повисли вдоль тела. Он уверен, что не готов к этому. Он с трудом слышит слова жреца, как будто они долетают из неизмеримой дали.

— Идо, я думаю, что больше ничего нельзя сделать. Мне жаль. Болезнь полностью захватила легкие, а на этой стадии наша магия бессильна.

— Сколько времени осталось? — шепотом спрашивает он.

Кхал опускает глаза.

— Скажи мне сколько — и кончим с этим! — гневно требует Идо.

— Может быть, до завтра, не дольше.

Конец. Больше нет времени для отчаянных надежд, для бесполезных мечтаний. Завтра или даже раньше закончатся годы, которые подарила им судьба.

Идо входит в комнату на цыпочках, опустив глаза.

— Не нужно идти так тихо: я не сплю.

Голос Соаны звучит жалобно, прерывается от одышки. Идо находит в себе мужество поднять глаза и посмотреть на нее. Он любит в ней даже признаки болезни — смертельную бледность, прозрачность кожи, которая стала такой от жара, трещинки на коже тонких губ.

— Подойди сюда, и закончим это.

В ее голосе нет тревоги. Она уходит из жизни спокойно, как будто отправляется в одну из поездок, которых было так много в ее жизни, оставляет его одного, и он не в состоянии примириться с этим.

Идо подходит ближе, садится рядом с Соаной и находит в себе силы посмотреть на нее. Он долго всматривается в каждую черту ее лица, останавливает взгляд на ее ввалившихся глазах и темных кругах вокруг них, на тонкой шее, на сморщенной коже.

«Значит, такой я буду помнить ее всю оставшуюся жизнь? Больное тело в глубине кровати?» — спрашивает он себя и не может сдержать слезы.

Соана закрывает глаза, дышит тяжело.

— Прошу тебя, не делай так.

— А что, по-твоему, я должен делать?

Она молчит.

Идо берет ее за руку, сжимает ее ладонь. Сколько раз в его жизни повторялась эта сцена прощания? Столько, что его уже тошнило от нее, но за все эти годы войны он никогда не думал, что однажды будет так прощаться с Соаной. Он предпочитал верить, что стрела, кинжал, меч или яд убьют его раньше, и это ей выпадет на долю оплакивать его мертвое тело. Судьба не была настолько милостива к нему.

— Не грусти, — устало заговорила Соана. — Мы прожили столько лет, и они были прекрасным подарком, разве не так? И я сделала все, что должна была выполнить, мне не о чем жалеть.

— Если бы я не взял тебя с собой под землю, в этот акведук, если бы не продолжал как дурак жить только одной войной...

Она словно смахивает его слова небрежным движением руки.

— Идо, я сама сделала этот выбор.

Идо качает головой: он не может сдаться.

— Если бы я раньше сказал тебе, что люблю тебя, у нас было бы гораздо больше лет.

Соана улыбается.

— Но у нас были эти годы, и их было немало.

Для него они были как одно мгновение. Он целует ладонь Соаны, сжимает эту ладонь в руке.

— Идо... — Но совершенно ясно, что даже Соана не знает, что сказать.

Идо думает: смерть любимого человека никогда не бывает естественной, она всегда — убийство и самая настоящая кража. Это все равно что потерять руку или ногу, с этим нельзя смириться. Может быть, в самом деле это только закон жизни, но если жизнь так устроена, значит, жизнь несправедлива и, может быть, жить не стоит.

— Не заставляй меня уходить в тоске из-за того, что я оставляю тебя.

Идо чувствует, что ему больше нечего сказать.

— Если ты захочешь, пройдет даже это. Но ты должен хотеть этого, понимаешь?

Слезы начинают тихо литься у гнома из глаз и каплют на ладонь Соаны. Сейчас Идо кажется невозможным, что однажды он сможет увидеть свет, и в любом случае он этого не хочет. Если она умирает, то будет справедливо, чтобы он провел в темноте все время, которое ему осталось жить.

— Прошу тебя, поговорим о чем-нибудь другом.

Соана делает усилие, чтобы улыбнуться, и старается, чтобы ее голос звучал нормально.

— Ты помнишь тот вечер, когда я попросила, чтобы ты позволил мне побыть у тебя дома?

Идо закрывает глаза и видит Соану, какой она была тогда, в точности такой, какой она сидела тогда перед ним, словно не было прошедших лет. Теперь он больше не сомневается, теперь он знает, что будет видеть ее такой каждый раз, когда вспомнит о ней.

— Я не могу его забыть.

— А свадьбу Дохора и Суланы, когда тебе было стыдно стоять рядом со мной?

— Мне не было стыдно! — возмущается Идо.

— Нет, было, ты стыдился себя самого.

Идо краснеет и улыбается.

Так продолжается долго. Они думают о том, что было раньше, перебирают бесконечные воспоминания, которые эти двадцать лет принесли им в дар. А когда она слишком устает, чтобы говорить, и ее дыхание становится легким хрипом, он один продолжает говорить за двоих. Потом свеча медленно догорает, и в комнате воцаряются тишина и мрак.

— Соана... — пробормотал Идо в полумраке и увидел ее перед уходом, великолепную, улыбающуюся. Горечь улетучилась, и у него осталось ослепительно прекрасное воспоминание о ней.

— Ты вернулся...

— И снова уйду.

— Я это знаю.

— Я не мог уйти, не вернувшись перед этим сюда.

Соана улыбнулась ему в его воспоминаниях.

— Я горжусь тобой, Идо.

Слезы медленно стекали по щекам его старого, заросшего бородой лица.

— Защищай и спасай его. Всегда.

Идо открыл глаза. Перед ним был только холодный камень. Но он чувствовал, что Соана здесь, с ним, навсегда.

19 ЗВЕРЬ

Дубэ замерла неподвижно, струя холодного как лед пота текла у нее по спине. Но это

продолжалось лишь одно мгновение. Она сделала несколько вдохов, потом рывком повернулась, держа у груди кисти рук, готовые метнуть ножи.

Она метнула два из них, но, как она предполагала, это было бесполезно. Рекла стремительно шагнула в сторону, ножи пролетели мимо, а потом замерла на месте, сжимая обеими ладонями черный кинжал. На лице Реклы уже была свирепая усмешка победительницы.

Дубэ с трудом узнала ее. Это была Рекла — и в то же время не Рекла. Страж ядов уже больше десяти дней не принимала свой напиток, и старость взяла свое. Кожа лица висела складками и стала морщинистой, как кусок мокрого холста. Теперь этой кожи было слишком много для того, чтобы покрыть маленький узкий череп Реклы. Спутанные сухие волосы, потерявшие прежнюю упругость, висели по сторонам лица, как пакля. От блестящих кудрей не осталось и следа. Но глаза, хотя и помутнели, сверкали от гнева и жажды мести. Кости всюду выступали из-под прозрачной кожи, но реакция мускулов была такой же быстрой, как всегда. Слепая вера в ее бога давала Рекле силы продолжать борьбу.

— Наверно, мой вид тебя напугал? — насмешливо спросила она и сделала два шага вперед.

Дубэ инстинктивно отступила перед ней. Девушке некуда было бежать. Сзади нее была только каменная стена, лишь едва заметно пострадавшая от обвала, слева — отвесная скала. Дубэ не могла воспользоваться луком: здесь было слишком тесно. Она подсчитала оставшиеся ножи — только три, этого слишком мало.

— Хорошо посмотри на это лицо, смотри внимательно, — говорила Рекла, продолжая идти вперед.

Дубэ оказалась прижата спиной к стене.

«Что мне делать, что делать?»

— Вот какая я на самом деле. Если бы не мои напитки, мои драгоценные напитки, которые ты вылила на землю, я всегда была бы такой. Что ты надеялась выиграть своим поступком? Думала, что так победишь меня? Думала, что остановишь меня? Теперь моя воля сильнее и тверже, чем раньше, потому что мой бог не покинул меня, знай это.

Дубэ услышала крик за грудой осыпавшихся после обвала камней. Лонерин был в опасности, а она не могла ему помочь. Ее вдруг охватил панический ужас, и это мгновение растерянности дорого ей стоило. Рекла бросилась на нее и сдавила ей горло ладонью. Хватка у нее была железная, Дубэ стала задыхаться, а Рекла медленно подняла ее над землей, и ее лицо исказилось от напряжения.

— Филла не пожалеет твоего друга, напрасно ты беспокоишься о нем!

При этих словах сердце девушки на мгновение замерло, ей стало нечем дышать. Она судорожно стала нащупывать пальцами ножи на груди, но Рекла мгновенно остановила ее движением руки.

— Никаких уловок! — пробормотала она в ухо Дубэ, и девушка снова почувствовала омерзительное тепло дыхания Реклы. Ненависть поднималась из глубины ее души, что-то внутри нее шевельнулось.

Рекла мгновенно разжала пальцы, и Дубэ почувствовала, что ее не держат ноги. Когда она падала на колени, Рекла взмахнула кинжалом и нанесла удар по ее груди. На жилете девушки возник длинный красный разрез, и перевязь с метательными ножами упала на землю. Ножи со звоном вылетели из ее карманов.

Дубэ выдержала боль и потянулась к кинжалам, пытаясь схватить хотя бы один из них. Она едва смогла заметить блеск лезвия, а потом ее руку пронзила боль. Дубэ закричала, и этот крик слился с другим, — с криком мужчины по другую сторону стены.

— Лонерин...

Она открыла глаза и увидела, что из ее ладони торчит кинжал Реклы. Он вонзился в тыльную сторону, пробил ладонь насквозь, и теперь его лезвие пригвоздило Дубэ к земле. Она не могла даже пошевелиться: при каждой попытке красное пятно на земле становилось больше. Рекла стояла рядом на коленях и смотрела на нее с восторгом на лице.

«Я погибла. Даже в таком состоянии она сильнее меня. Это конец».

Дубэ задрожала от страха и боли. Рекла окунула подушечки пальцев в кровь, стекавшую на землю, потом стала подчеркнуто, словно играя в спектакле, любоваться цветом этой крови при солнечном свете.

— Я уверена, что Тенаар оценит этот мой дар, — сказала она с улыбкой.

Она сильным движением вырвала кинжал, и Дубэ на мгновение почувствовала, что теряет сознание. Но сразу же после этого она отреагировала: подняла здоровой рукой один из упавших на землю ножей и метнула его в сторону Реклы, вложив в удар все силы, которые еще оставались в ее теле. Она видела все как в тумане, но все же сумела ранить Реклу в плечо. Она была такой быстрой, что ее мучительница не успела вовремя уклониться от удара. Дубэ приподняла голову и увидела, что Рекла держит плечо слишком прямо, и в этот момент на жилет полилась кровь, черная и вязкая, как чернила.

— Как ты посмела... — зарычала Рекла.

Она с быстротой молнии бросилась на Дубэ, сбила ее с ног и, оказавшись наверху, вонзила ей кинжал в плечо. Дубэ снова закричала от отчаяния. Но теперь в этом крике был еще и другой звук — знакомая ей страшная нота.

Теперь Рекла лежала на ней, и это разрушающееся тело всем своим весом давило Дубэ на живот.

— Я принесу тебя в бассейн Тенаара, даже если это будет моим последним делом. Но в этот раз я позабочусь о том, чтобы ты не создавала мне проблем в пути. Мне все равно, в каком состоянии ты попадешь туда, я и так уже была слишком добра. Больше я не намерена ошибаться.

До Дубэ ее голос доходил искаженным и словно издалека. Ее оглушал другой звук. Она хорошо знала его — этот вопль, который сейчас набирал силу внутри нее и которого она всегда боялась, но сейчас он был ее единственным спасением.

Рекла выпрямилась и ударила ее кулаком в живот. Мышцы девушки сжались от боли, но уже мгновением позже она осознала, что ее тело медленно теряет чувствительность.

Тогда Дубэ поняла, что происходит. Началось покалывание в пальцах, странное онемение постепенно охватило руки и дошло до груди. Зверь давил под грудиной, желая вырваться наружу.

— Это ты — причина того, что Тенаар перестал разговаривать со мной! Он ненавидит меня за то, что я потерпела неудачу с тобой, за то, что я не держала тебя до этой минуты на цепи, как зверя! Было ошибкой позволить тебе разгуливать свободно и совать свой нос в дела его превосходительства Иешоля, я должна была поймать тебя сразу, как только ты сбежала с этим просителем! Теперь ты заплатишь за свои дела!

Рекла взывала от ярости, и ее пронзительный крик слился с криком одного из драконов. Эти звери беспокойно зашевелились вокруг. И зверь в теле Дубэ зашевелился тоже. Девушка чувствовала, как он пульсирует внутри нее, отыскивая путь, чтобы выйти, но напиток Лонерина мешал зверю выбраться наружу. Она должна немедленно найти решение, должна разрушить эту стену, иначе она умрет.

Рекла ударила ее ногой, потом сдавила ей руками горло. Страж ядов не хотела убить, она хотела только мучить девушку.

— Вот чего заслуживает такая предательница, как ты! — в экстазе крикнула она. — Ты в западне, надежды нет, и боль будет сопровождать тебя до конца твоих дней!

Дубэ попыталась сосредоточиться. Она подумала о той страшной резне, которую она учинила в лесу, о полных ужаса глазах своих жертв, о звуке, с которым лезвие резало их плоть. Часть ее страдала от этих воспоминаний и с ужасом представляла ту пропасть, в которой она окажется, если зверь вырвется на волю и завладеет ее телом. Но другая часть радовалась и жадно вдыхала запах ее собственной крови, безумно желая проглотить врага, который посмел бросить ей вызов.

Рекла взяла в руку кинжал и снова ранила ее в грудь. Дубэ почти не почувствовала боли. Ее ладони судорожно сжимались и разжимались, а ум уже начинал терять связь с

действительностью.

— Как только я поднесу твою жизнь в дар Тенаару, все станет как раньше, понимаешь? Моя молодость и красота — цена, которую я добровольно плачу за это!

Дубэ ясно почувствовала, как ее воля опрокинула последнюю преграду. Ее разум добровольно отступил в сторону с тем отчаянием, с которым самоубийца делает последнее движение, после которого нельзя вернуться назад.

Звуки внешнего мира исчезли, и ее окружила тишина. Она падала в пропасть, в черную яму, которая была у нее внутри. А на дне этой ямы горели как угли два глаза, освещавшие это пустынное и безрадостное место. Дубэ могла бы подняться обратно, могла бы сопротивляться: напиток давал ей эту возможность. Но теперь она сделала выбор. Она всеми легкими вдохнула терпкий запах тела Реклы и отступила в сторону. Ее обжог мучительный жар, два красных глаза светили из черноты ее гибели, и она почувствовала, что зверь занял свое место.

Ей вдруг показалось, что Рекла движется медленно, как под водой. Перед ней была всего лишь жалкая старая фанатичка, которую пожирала ненависть. Дубэ прыгнула вперед, и зверь зарычал.

Она увидела, что ее собственное тело невероятно стремительно движется. В один миг она оказалась на ногах, словно не была обессиленной и готовой сдаться. Рекла потеряла равновесие и оказалась на земле. Все это произошло за долю секунды.

— Даже зверь не может убить меня, напрасно надеешься, — пробормотала страж ядов с уверенной и жестокой усмешкой.

Дубэ с невероятной быстротой бросилась на нее и почувствовала, что ее ладони согнулись, как лапы хищника. Ее голос невозможно было узнать: он был хриплым и непохожим на человеческий. Увидев одну из своих рук, она похолодела от ужаса: это была не ее рука, проклятие превратило ее в идеальную машину для убийства. Мускулы сокращались с бешеной скоростью. Ее жажда смерти была огромной, ничто не могло ее утолить. Ее разум, вытесненный из тела этим звериным инстинктом, уже никогда не сможет вернуться назад.

Она несколько раз ударила Реклу, потом схватила ее за шею и швырнула на каменную стену. Треск ломающихся костей доставил ей удовольствие.

Она хотела бы сейчас же прекратить все это, но было уже слишком поздно.

Ее врагиня ответила на полученный удар, хотя его сила была ужасной: сжала в одной руке кинжал, а второй схватила метательный нож.

— Моя вера больше твоего проклятия. Тенаар сумеет дать мне силу!

Она стала наносить удары наугад, ее руки двигались поразительно быстро и ловко. Она нанесла Дубэ несколько порезов, и тонкие красные дуги прочертили воздух; стойкий запах бойни наполнил поляну. Драконы снова стали бешено реветь. Дубэ слышала их словно издалека. Она не чувствовала ничего, кроме безумного возбуждения.

Она подняла Реклу высоко над землей, как соломинку, и стала бить ее свободной рукой. А ее кулаки при ударе врезались в тело как два лезвия.

Ее разум был в ужасе. Она словно разделась на две части. Она не хотела причинять эти мучения и совершенно ясно чувствовала, что прошла точку возврата, зашла слишком далеко и зверь теперь никогда не остановится. Она попыталась закричать, но не смогла: ее горло больше ей не принадлежало. Она могла только слушать крики Реклы, с каждым разом все более отчаянные по мере того, как тело стража ядов слабело под ударами.

Дубэ чувствовала, что теряет рассудок, и понимала, что больше не может выдержать это состояние, что это уже слишком. Ее тело больше ей не принадлежало, поэтому ей не удавалось закрыть глаза и не смотреть на то, что она делала, не удавалось ни остановиться, ни хотя бы перестать наслаждаться этими криками.

Наконец она схватила Реклу и швырнула ее на землю. Та была уже почти мертва, но зверю этого было мало. Дубэ сжала руками ее шею и давила, давила, чувствуя, как судорожно бьются ноги ее жертвы.

«Хватит!»

Кости шеи сломались под ее нажимом. Дубэ надеялась, что сможет умереть, сможет погибнуть, чтобы ей не нужно было дальше смотреть на этот ужас.

Наконец она разжала руки. Чей-то громкий крик привлек ее внимание, и она повернулась в ту сторону. В том месте, где был обвал, сразу много камней сдвинулись со своих мест, и в открывшемся отверстии она разглядела ошеломленного Лонерина и кричавшего от боли и горя Филлу.

Зверь зло усмехнулся.

Маг начал отодвигать руками каменные глыбы, упавшие во время обвала. Его силы были на исходе, но он несколько раз слышал крик Дубэ.

— Ты не успеешь попасть туда вовремя. Моя госпожа умеет быть смертоносной, когда чувствует руку бога на своей голове, — сказал Филла.

— Молчи!

Лонерин решил применить магию. У него было достаточно энергии для заклинания, которое поднимает предметы в воздух. Но он должен спешить: Дубэ явно необходима его помощь. Он сложил вместе ладони и властно выкрикнул нужную формулу. Один за другим обломки скалы начали отделяться от кучи, загораживавшей обзор, и отодвигаться в сторону. Они взлетали вверх и катились по откосу под рев драконов.

Потом раздался вопль, от которого задрожал воздух. Это был нечеловеческий, хриплый, дикий рев. Лонерин мгновенно замер на месте: он слишком хорошо помнил этот рев.

«Нет, Дубэ, нет!»

Он сосредоточился на своей работе, чтобы делать ее быстрее, камни стали быстро отрываться от земли, энергия текла с его соединенных ладоней, как река во время разлива. Ему было достаточно, чтобы камни сделали всего один виток, и все стало понятно. По ту сторону обвала были двое — Дубэ и фигура в черной одежде, которую ни с чем нельзя было спутать, — одежде победителей. Но Дубэ была не в себе: ее лицо уже исказилось, ее мышцы пульсировали под кожей ритмично и неестественно.

До сих пор каждый раз, когда зверь вырывался наружу, Дубэ всегда сохраняла свой обычный внешний вид. Только ее лицо искажалось выражением бешеной ярости. Но сейчас все ее тело налилось той сверхъестественной силой, которую может дать только проклятие. Вид у нее был дикий, она была похожа на животное, а это значило, что зверь вырвался на свободу, несмотря на напиток.

Лонерин окаменел так же, как в тот раз, когда впервые увидел ее в деле. Он даже прекратил двигать камни и, словно прикованный к месту, наблюдал за тем, что происходило, не в силах пошевелиться.

Лицо Дубэ искажала ужасная гримаса, она стояла наклонившись над телом Реклы и судорожно сжимала ладонями ее горло. Ноги стража ядов били наугад, но с каждым разом движения становились все слабее и медленнее. Рот Реклы был широко раскрыт: она пыталась глотнуть воздух и беззвучно произносила слова, которые больше никто не услышит.

— Остановись!

Лонерин вздрогнул от вопля, раздавшегося сзади. Филла отчаянно пытался освободиться от магических пут, которыми был связан. Он с отчаянием смотрел на то, что происходило, и в его глазах была безумная тревога.

Ноги Реклы перестали двигаться, и ужасный звук — треск ломающихся костей — нарушил неестественную тишину, которая установилась после крика Филлы. Дубэ не разжала руки, только повернулась к ним, и огонь, горевший в ее глазах, был ужасен. Лонерин похолодел. Это была не она, не могла быть она — этот взгляд, эта усмешка на губах, эти пятна крови на лице.

— Моя госпожа! — крикнул Филла, который был совершенно вне себя.

Нечеловеческим усилием он освободил одну руку и теперь в отчаянии пытался добраться до отверстия в обвале. — Спротивляйтесь, моя госпожа, сопротивляйтесь!

«Проклятие поглотило ее», — подумал Лонерин с нарастающим ужасом.

Он еще не успел додумать до конца эту мысль, как Дубэ одним нечеловеческим прыжком влетела в проход, который открыл он сам, и бросилась на Филлу.

Маг видел, как она терзала Филлу своими руками, которые теперь были настоящим оружием, — теми руками, которые он сам ласкал несколько дней назад. Лонерин оцепенел от ужаса. Он мог только стоять и смотреть. На одно мгновение он встретился глазами со взглядом Филлы. Тот не был испуган и не корчился от боли. Филла только смотрел с бесконечной печалью на черную куклу, лежавшую на земле.

— Отпусти его!

Эти слова внезапно сорвались у Лонерина с губ, хотя он и понимал всю их бесполезность.

«Я должен ее освободить, должен!»

Он бросился на Дубэ и повис на ее плечах, которые вдруг стали такими мускулистыми.

Она была сейчас необыкновенно сильной, ей достаточно было встряхнуть плечами — и он отлетел к каменной стене. Удар о стену был таким, что у Лонерина перехватило дыхание. Когда он смог поднять взгляд, Дубэ стояла перед ним и жаждала крови — это было видно по ее глазам.

— Приди в себя, прошу тебя!

Она, не двигаясь, смотрела на него свирепо, но не нападала и едва ли не смутилась.

Лонерин нашел единственное возможное решение: выкрикнул слово «литое», вложив в него весь остаток своих сил. Дубэ мгновенно окаменела. Он дал себе всего одно мгновение, чтобы отдышаться, а потом стал лихорадочно рыться в своем мешке, который был сброшен на землю во время боя и теперь лежал в углу. Когда его пальцы нащупали холодное стекло, он почувствовал, что не все пропало, что они еще могут спастись.

Она существует, она внизу, один глоток напитка — и все станет как раньше. Это был ужасный несчастный случай, и только. Дубэ не погибла, не погибла!

Он подбежал к ней. Филла, которого едва можно было разглядеть, лежал на земле и горько плакал.

— Моя госпожа... моя госпожа... Рекла, — прошептал верный ученик, по-прежнему глядя за обвал, на безжизненное тело. Потом наступила тишина.

Лонерин открыл рот Дубэ и влил ей в горло все лекарство из пузырька. Он увидел, как ее тело медленно освобождалось от заклинания, потом почувствовал, как она, усталая и слабая, обмякла у него в руках. Он с тревогой вгляделся в ее лицо, но не увидел ту Дубэ, которую знал. Глаза еще были налиты кровью, выражение лица оставалось свирепым.

«Она жива, проклятие не поглотило ее».

Лонерин положил ее на землю, поддерживая ей голову. Она закрыла глаза, лицо было смертельно бледным. Прошло совсем немного времени, и он заметил движение под веками. Когда она пришла в себя, ее зрачки снова стали теми черными колодцами, которые он так любил. Мышцы лица расслабились, и оно сморщилось, выражая только боль. Проклятие снова было под контролем.

— Спасибо, спасибо... — пробормотал Лонерин, не веря, что судьба подарила ему это счастье. Он прижал Дубэ к себе, стал баюкать, покачивая в своих объятиях. — Все хорошо, Дубэ, все хорошо. Я дал тебе напиток, теперь тебе станет лучше.

Она посмотрела на него, прошептала его имя и потеряла сознание.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Я видел, как они оба сели на Оарфа — сначала Ниал, потом Сеннар. Там были только я и Соана: так они захотели. Это их

выбор, который я понимаю и с которым, как я думаю, мы должны примириться. Мы обменялись короткими приветствиями — только объятие и несколько слов. Все, что мы должны были сказать друг другу, уже было сказано в предыдущие вечера. Потом Оарф раскрыл свои большие крылья, пару раз взмахнул ими на месте в нежном утреннем воздухе, а потом просто оторвался от земли; я и Соана видели, как он становится все меньше, улетая в сторону Саара.

Они улетели, это факт. И они не вернутся. Они улетели в Неведомые Земли.

**Из доклада Идо Совету на пленарном заседании,
посвященном исчезновению Всадника Дракона Ниял
и советника Сеннара**

20 СПАСЕНИЕ

Лонерин остался один, он сидел на земле, поддерживая голову Дубэ. После всего этого грохота тишина, воцарившаяся на равнине, его оглушала. Он ошеломленно огляделся вокруг. По ту сторону обвала лежало тело Реклы — похожее на кучку черного тряпья, залитого кровью. С другой стороны, почти точно напротив стража ядов, лежал Филла. Он тоже уродливо скорчился на земле.

Лонерин на мгновение задержал взгляд на его лице. Глаза Филлы были открыты и полны боли. Они были повернуты в сторону женщины, которую он любил. Она — последнее, что он видел, о ней была его последняя мысль. Ненависть, которую Лонерин чувствовал к этому человеку, исчезла без следа, превратившись в мучительную жалость. Зачем столько боли? Ради кого? Ради Тенаара?

Он опустил взгляд на Дубэ, лежавшую у него на руках. Даже теперь он не спас ее. Несмотря на его любовь и преданность, проклятие поглощало ее навсегда. Лонерин устал, у него не было сил продолжать борьбу. Это было уже слишком. Он прижал Дубэ к себе и почувствовал, как слабо бьется ее сердце. Он был готов заплакать.

«Ей нужна твоя помощь; берись за дело, идиот!»

И пришел в себя, попытался проанализировать обстановку и оценить состояние Дубэ. Ему было трудно: тоска и тревога рвали на части его душу, и он лишь с огромным усилием сохранял ясность ума.

У Дубэ была большая резаная рана на груди, и лезвие кинжала Реклы насквозь пробило ей ладонь. Почти все ее тело было покрыто порезами и синяками. Дыхание девушки было слабым, а ее бледность тревожила молодого мага. Если он не примет решение сейчас же, на этот раз он может действительно ее потерять.

«Спокойно, Лонерин, сохраняй ум ясным!»

Тошнота. Он почувствовал спазм в горле, как при рвоте, и соленый вкус слез во рту. Ему хотелось кричать, пока не кончатся силы, умоляя небо о помощи. На свою беду он был совершенно один.

Дрожащей рукой он ощупал раны Дубэ. Они были не очень тяжелыми, но она потеряла слишком много крови. Нужно было остановить кровотечение, а ему еще не приходилось лечить так сильно израненного человека.

Его сердце бешено стучало, кровь шумела в ушах. Ему хотелось кричать от ужаса.

Лонерин медленно опустил голову Дубэ на землю. Потом обхватил свою голову руками и сидел так, дрожа всем телом. Его мысли сплетались в запутанный клубок вокруг образов смерти и одиночества, и одна картина заслоняла собой все остальные — белое тело, завернутое в длинную белоснежную рубаху, большое красное пятно на груди и черные волосы на лбу и плечах. Его мать в общей могиле.

Дубэ была как она. Одна — женщина, которую он не сумел защитить, другая — та, которую он любой ценой хотел спасти. Как будто у них была одна общая судьба и они

занимали одинаково важное место в его сердце. Лонерин отчаянно закричал.

«Спокойно, спокойно!» — тут же приказал он себе и попытался сосредоточиться.

Он оторвал кусок ткани от своей рубахи, смочил этот лоскут водой из фляги и начал промывать раны — одну за другой. Их было очень много, и кровь, покрывавшая кожу, не давала видеть, насколько они серьезны. Лонерин не мог понять, какие движения ему надо делать. И израсходовал всю воду раньше, чем успел промыть их все.

«Мы погибли... мы не выберемся».

Он попытался оттеснить эти мысли в дальние углы сознания, но не смог.

Он разорвал оставшуюся часть рубахи на бинты, но их было слишком мало, тогда он разорвал плащ, и это было непросто, он слишком устал. От напряжения и гнева он снова начал кричать.

Маг не стал обращать внимания на поверхностные порезы и занялся только самыми глубокими ранами, начиная с пробитой ладони. Он сжал ее, вложив в это весь остаток своих сил. Его пальцы стали липкими от крови, молодой маг снова почувствовал приступ тошноты, но смог его подавить. Он выкрикнул исцеляющую формулу, но понял, что она не подействовала: струя энергии, стекавшая с его ладоней, была тонкой и прерывистой. Этого слишком мало.

«Так уже было. Это то же, что в пустыне, — ну давай, сосредоточься».

Нет, сейчас было не так, как в тот раз. Его силы были на исходе, а состояние Дубэ было еще хуже. И не было никого, кто мог бы им помочь. Они были одни, затерянные в незнакомой стране.

Лонерин как можно сильнее затянул повязки и стал заниматься другими порезами. Каждый из них он несколько секунд пытался лечить магией, но усталость лишила его силы. Постепенно туман встал у него перед глазами, руки начали дрожать. А его ум все время продолжало мучить воспоминание о той общей могиле.

«На этот раз будет иначе! Я не дам Гильдии забрать и ее тоже!»

К тому времени, как Лонерин закончил лечить, он совсем обессилел. Теперь надо было взять Дубэ на руки и идти искать помощь. Он попытался поднять девушку, но не удержал тяжелую ношу. Все же с третьей попытки он сумел взвалить Дубэ себе на плечи, но и теперь держался на ногах нетвердо.

Он совершенно не представлял себе, куда идти, и решил идти вперед. Лонерин думал о Сеннаре. Он надеялся, что сможет его найти, а если нет?

Он потерпел поражение. Гильдия взяла верх над ним. Бесполезно было подавлять в себе ненависть и пытаться стать сильнее, вступать в ряды сопротивления и воевать. Черный Бог сильнее и пожирает все, что любит он, Лонерин.

Молодой маг упал на одно колено. Ему захотелось сдаться, бросить все и забыть.

Слезы застилали ему глаза, мешали видеть. В его душе все перепуталось и потеряло ясные очертания.

И в это мгновение Лонерин вдруг понял, что он не один, те, чьи округлые силуэты он заметил раньше по сторонам дороги, теперь вышли из-за скал и направлялись к нему. Они прибежали сюда на крик Бога-Дракона и присутствовали при сражении, но не осмелились вмешаться. Теперь, увидев перед собой плачущего человека, они перестали бояться и вышли на открытое место.

Лонерин, сделав всего несколько шагов, упал на землю, а бесчувственное тело Дубэ свалилось ему на спину. Он поднял взгляд вверх и хорошо рассмотрел одно из подошедших к нему существ. Это было самое странное создание из всех, которые ему приходилось встречать, но в этот момент Лонерину было не до того, чтобы спрашивать подошедшего, кто он такой и чего хочет. Он думал лишь о том, что он не один и, может быть, кто-то здесь ему поможет.

Подошедший был ростом с гнома, но более худощавый, с быстрыми и резкими движениями. У него были длинные волосы и длинная борода. В волосах и бороде маг заметил украшения, которых никто никогда не видел во Всплывшем Мире. Из копны густых

лохматых волос выглядывала пара остроконечных ушей.

— Ей плохо! Помогите нам! — крикнул Лонерин.

Гном держал в руке копье, а на поясе у него висел длинный меч. Он был без куртки, в одних кожаных штанах. Он стоял неподвижно и смотрел на Лонерина.

Лонерин указал на Дубэ:

— Плохо! Помогите нам!

Вокруг появились еще несколько таких же гномов, на этот раз с копьями, острия которых были направлены на Лонерина. Но выражение лиц у них не было враждебным. Их было четверо или пятеро, и одеты они были так же, как первый.

Лонерин попытался подняться на ноги, но мог только с трудом ползти на коленях.

— Прошу вас, помогите нам! — крикнул он, и гномы остановились в нескольких шагах от него.

Они стали переглядываться друг с другом и разговаривать между собой, и при этом раз за разом показывали то на Лонерина, то на Дубэ, лежавшую у него на руках.

Потом один подошел ближе и спросил:

— Арактар мел широва?

Лонерин ответил не сразу. Это странное бормотание напомнило ему что-то — но что именно, он не мог понять. Сейчас он был слишком взволнован и слишком устал, чтобы думать. Его голос ослаб и перешел в шепот.

— Помощь.

Гном сочувственно посмотрел на него, потом кивнул своим соплеменникам. Двое из них побежали куда-то и исчезли из вида, а остальные помогли Лонерину осторожно опустить Дубэ на землю. Молодой маг смутился.

— Помощь, — пробормотал тот, кто подходил к нему.

Лонерин облегченно вздохнул.

— Да, да, помощь, помощь... — произнес он и истерически рассмеялся. Они спасены!

Он бросился к Дубэ, стал гладить ее волосы.

— Мы спасены... Теперь тебя вылечат, я уверен... Мы спасены.

Он не мог оторвать взгляд от нее и крепко сжимал ее руку в своей руке. Он чувствовал себя так невероятно легко, был так чертовски счастлив и... У него больше не было энергии, и его глаза закрывались сами собой.

Пока Лонерин наклонялся над Дубэ, гном стоял неподвижно и смотрел на него. По выражению его лица нельзя было понять, что чувствовал неожиданный спаситель. Увидев, что молодой маг стал спокойнее, гном спросил его: «Оттуда?» — и показал пальцем в сторону ущелья, откуда пришли Лонерин и Дубэ.

— Не понимаю, — ответил Лонерин, и это была правда, Гном надолго задумался; было похоже, что он старается вспомнить что-то важное.

— Эракhtar Юро, — земли за рекой.

Лонерину пришлось немного напрячь свой ум, но в конце концов он понял и изо всех сил закивал.

— Да, да, мы из Всплывшего Мира — и я, и девушка.

Гном улыбнулся и кивнул в ответ.

— Гхар, гхар... Всплывший Мир... Эракhtar Юро.

Лонерин вспомнил, что когда-то учил этот язык. Как же он мог не узнать его? Это язык эльфов или другой очень похожий на него!

Станный собеседник смотрел на него и улыбался.

— Я мало говорю на языке варваров, мало.

Лонерин не стал гадать о том, как оказалось возможным это чудо. Не важно, кто такие эти существа и откуда они пришли. Они спасают его и Дубэ, и этого достаточно.

В это время двое, посланные за помощью, вернулись и привели целый отряд сородичей. Все они были одеты примерно так же. С собой они вели на цепи животное,

похожее по телосложению на дракона-детеныша, но без крыльев. Надетая на зверя сбруя начиналась во рту, шла по спине и была прикреплена к носилкам. В эти носилки они уложили Дубэ — правда, это транспортное средство оказалось коротковато, ноги девушки свешивались с повозки. Оно было рассчитано на гномов, таких, как эти, а не на людей.

Существо, стоявшее перед Лонерином, кивком велело ему садиться на зверя.

Молодой маг кое-как сумел подняться на ноги, они с трудом держали его, но он подошел к Дубэ, снова взял ее за руку, которую не хотел отпустить, и устало пошел за своими спасителями.

Учитель был с ней. Он держал ее за руку, гладил ее лоб, шептал ей утешающие слова.

— Я довольна, что ты вернулся... — сказала Дубэ, глядя ему в лицо.

Теперь, когда она снова видела очертания этого лица, она поняла, как отчаянно тосковала по нему.

— Я здесь не для того, чтобы остаться, и ты это знаешь.

— Тогда останусь я.

Учитель вздохнул и посмотрел на нее ласковым, но твердым взглядом.

— Ты не думаешь, что для тебя настало время забыть прошлое и начать все сначала?

Она крепко сжала его руку.

— Я ничего не желаю, кроме тебя.

— Но я ушел, и тебе нет смысла продолжать искать меня. — Учитель посмотрел на нее тем пристальным взглядом, который она так любила, и добавил: — Он — не я.

Дубэ была готова заплакать.

— Я это знаю, — прошептала она.

Потом темнота, в которой они находились, растворилась в облаке ослепительного света и унесла Учителя с собой.

«Не покидай меня!» — хотела крикнуть Дубэ, но что-то страшно обожгло ей горло, и она не смогла.

Она открыла глаза и замерла от изумления: перед ней была ослепительная белизна. Дубэ почувствовала, что лежит в мягкой постели и ноющую боль во всем теле, которая в нескольких местах сгущалась в пронзительные уколы. Ее ноги на целых две ладони длины высывались за край тюфяка.

Она несколько раз моргнула, и свет стал делаться прозрачнее, а в некоторых местах сгустился и принял более четкие очертания. Окно, зеленоватая крыша, тумбочка. И наконец, знакомое лицо.

— Все в порядке? — спросил Лонерин, наклонившись к ней.

Дубэ долго смотрела на него и молчала. Он был худым, бледным и усталым. Она почувствовала глубокую нежность к этому лицу, но ничего больше. Девушке стало больно от этого, и она закрыла глаза.

— У тебя много ран, поэтому ты чувствуешь себя так плохо.

Дубэ снова открыла глаза и заставила себя улыбнуться. Но перед ней мелькали одно за другим воспоминания, вызывавшие невыносимую боль. Она хотела бы прогнать их, но картины прошлого и на этот раз отпечатались в ее сознании так, что невозможно стереть. И последняя из них — Филла, который отчаянно бьется у нее в руках и упорно повторяет с такой любовью и отчаянием одно имя: Рекла.

— Как видишь, мы спасены, — сказал Лонерин, прерывая поток ее мыслей.

Дубэ очнулась, вздрогнула и посмотрела на него. За его спиной увидела часть помещения, где они находились. Это была хижина, стены и крыша которой были сделаны из сухих листьев и дерева. Комната была странная, с необычайно низким потолком; от самого пола начиналось большое окно, за которым виднелись на фоне безоблачного неба переплетающиеся ветви деревьев, словно придавленные к земле красным закатом. Рядом с кроватью стояли стул и тумбочка, украшенная изящным узором из линий, которые показались Дубэ знакомыми.

— Я думаю, ты спрашиваешь себя, где мы находимся, — улыбнулся Лонерин.

Дубэ кивнула.

— Наши спасители — гномы. Но это необычные гномы, с острыми концами ушей и синими волосами.

На его лице отражались удовольствие и воодушевление. В отличие от нее Лонерин был спокоен. Это потому, что он действительно находился в безопасности. А она все еще была во власти собственных кошмаров, попала в силки, которые расставил ей зверь. Вот еще одно различие между ним и ней, всего одно из множества различий.

— Они — смешанной крови, потомки одновременно гномов и эльфов, которые, насколько я понял, живут в нескольких милях отсюда, на побережье.

На этот раз сердце Дубэ не дрогнуло, когда она услышала от него слово «эльфы» — название пропавшего загадочного народа, которое окрашивало в яркие цвета ее детские мечты.

— Они говорят на языке эльфов и называются «хюэ»; это презрительное имя, я думаю, что так их называли эльфы, а значит оно «малыши» или «карлики».

— Значит, это они нас спасли? — усталым голосом спросила Дубэ.

Ей было не так уж интересно узнать, как это произошло, но разговор помогал ей прогнать образы смерти, которыми была полна ее голова.

— Они вышли из укрытий как раз в тот момент, когда я решил, что нам конец. Ты была вся в крови, а я истратил все силы на магию... Я думал, что мы умрем — что ты умрешь, и это было хуже всего.

Дубэ хотела, чтобы ее душе стало тепло от такого объяснения в любви, но этого не произошло. Теперь она уже перестала верить, что ее будущее связано с Лонерином. Ей вспомнился сон, который она видела перед тем, как проснуться, — как Учитель разговаривал с ней. Это была правда. Лонерин — не Сарнек и никогда не будет Сарнеком. А она искала в нем только своего бывшего Учителя.

Лонерин в это время подробно рассказывал ей о коротком разговоре, который был у него с хюэ на языке эльфов, а затем — о том, как они пришли в эту деревню и о том, сколько времени она пробыла без сознания. Он был доволен и в восторге от встречи с новым, незнакомым народом. Его душа исследователя ликовала. А Дубэ была далека от всего этого, словно то, о чем говорил Лонерин, находилось в другом мире, куда ей вход был запрещен. Она понемногу переставала слушать Лонерина, его голос все реже доходил до ее золей. Она погружалась в свой собственный ад.

— Ты слушаешь меня?

Дубэ посмотрела на Лонерина и ответила:

— Да...

— Я говорил тебе о ранах. Среди них нет ни одной по-настоящему тяжелой, а этот народ очень хорошо владеет искусством целительства. Ты быстро поправишься.

Дубэ изобразила на лице улыбку.

Лонерин долго и молча смотрел на нее, а потом вдруг сказал:

— Ты не должна мучить себя. Ты была не в себе.

«Ему легко это говорить», — подумала Дубэ. Как объяснить ему, что это не важно? Как сказать ему, что каждый раз, когда она прикасается к зверю, что-то в ней ломается? Как заставить его понять, что это проклятие — часть ее самой?

— Я выпустила его на свободу, — пробормотала она, отводя взгляд в сторону.

— Другого выхода не было, — убежденно отозвался на это он.

— Но я снова устроила резню.

Дубэ вонзила взгляд своих глаз в глаза Лонерина — и увидела, что он не смог понять. Кто никогда не убивал, тот не может понять; словно какой-то занавес навсегда повис между ней и миром нормальных людей, которые никогда не пробовали на вкус кровь.

Лонерин вздохнул.

— Не ты одна сделала ужасное дело.

Дубэ изумленно замерла на месте. Она ясно помнила, что убила Филлу собственными руками.

— Я сам едва не убил его — того убийцу.

Она продолжала озадаченно смотреть на Лонерина.

— Он же пытался убить тебя, в этом не было бы ничего плохого...

— Я применил запрещенную формулу. — Лонерин замолчал, ему почти было стыдно. Но, увидев, что Дубэ не понимает его, продолжил объяснять: — Магия основана на равновесии и на использовании сил природы. Маг никогда ничего не делает против природы, он только подчиняет ее законы своей воле так, чтобы они ему помогали. Поэтому существуют вещи, которые делать нельзя. Например, нельзя ранить или убивать с помощью магии. Такие действия извращают природу, искажают ее. Это и есть запрещенная магия — та, которой так прекрасно владел Тиранно. Тот, кто применяет запретное заклинание, рискует своей душой, продает ее злу, чтобы получить силу, необходимую для выполнения того заклинания, которое он желает применить. Такую магию нельзя применять безнаказанно: она разъедает тебя изнутри, толкает тебя к злодеяниям, уничтожает тебя.

Дубэ сразу же узнала в этом описании свойства своего проклятия. Ее печать, несомненно, была действием такой магии.

— Я применил одно такое заклинание против того человека, который был с Реклой. И сделал это не потому, что он напал на меня или хотел меня убить. Я знаю, как обезвредить врага, при этом не лишая его жизни. — Он проглотил комок в горле. — Я это сделал потому, что он убийца. Другой причины не было.

Дубэ вспомнила, как несколько дней назад Лонерин бросился в пропасть, и о ненависти, которую она тогда прочла во взгляде его глаз, — такой необычной для него и такой жгучей ненависти.

— Почему ты их ненавидишь? — спросила она.

— Когда мне было восемь лет, я заболел красной лихорадкой.

Дубэ знала, что это за болезнь, и неудивительно — красная лихорадка была одним из бедствий Всплывшего Мира уже много столетий. Она поражала в основном детей и проявлялась в виде озноба и кровотечения, которое было невозможно остановить. Все во Всплывшем Мире испытывали ужас перед ней.

— Моя мать была одна: мой отец покинул ее еще до того, как я родился. У нее никого не было, кроме меня. Поэтому она пошла к Черному Богу Тенаару и предложила ему себя как просительницу.

Лонерин провел ладонью по лбу, потом заговорил снова:

— Я выздоровел, но моя мать больше не вернулась. Мы даже ходили искать ее в храм, я и соседка, которой она меня доверила, но там не было никаких ее следов. Только через несколько месяцев я узнал, что с ней стало. Рядом с тем местом, где я играл, было поле... полное костей... мы обнаружили ее — я и мои друзья... пошли туда... и она... была там.

Дубэ представила себе, как это было, и вздрогнула от ужаса. Она молчала, потому что знала: нет таких слов, которые она могла бы сейчас сказать.

— Мы унесли ее оттуда и похоронили. Меня отдали моему дяде. Несколько лет я мечтал отомстить всеми возможными способами. Думал о том, как уничтожу Гильдию, как убью всех этих уродов ценой собственной жизни. Потом я познакомился с учителем Фольваром, и он сказал мне, что существует другой путь. Обида и злоба не приведут меня никуда, я должен заставить их цвести и плодоносить, то есть превратить их в силу. Ради этого я начал изучать магию — чтобы дать выход своей боли и ненависти. Ради этого я добился, чтобы меня послали в Дом как разведчика, ради этого я продолжал выполнять задание.

Дубэ опустила глаза. Теперь она видела Лонерина по-новому: таким она его еще не знала.

— Я сжег ему руку. И радовался, что сделал это. А если бы я понял, что он сражался потому, что любил Реклу, я пожелал бы, чтобы он умер. Но от этого я удержался.

Вот она, разница между ним и ней. Он еще мог выбирать, еще мог остановиться перед пропастью. А она — нет. Она каждый раз переступала черту.

— Я тоже ошибся. Я тоже уступил. Ты не должна чувствовать себя виноватой.

Дубэ горько улыбнулась.

— Ты в самом деле хочешь уравнивать свой момент слабости с той бойней, которую я устроила возле скалы?

— Ты была не в себе, и у тебя не было выбора. Ты что, в самом деле думаешь, что было бы лучше, если бы ты дала Рекле убить тебя? Что бы ты от этого выиграла?

Дубэ опустила взгляд. Она не знала, что ответить, но все, что угодно, было бы лучше, чем та боль и тот ужас перед самой собой, которые она чувствовала сейчас.

— Это проклятие, проклятая печать. Это оно гложет тебя и заставляет чувствовать себя так. Это была не ты, понимаешь?

Лонерин схватил ее за руку, крепко сжал ее ладонь и долго смотрел Дубэ в глаза пристальным взглядом.

— Ты никогда не убивал, ты не можешь понять. Дело не в том, почему ты это делаешь, Лонерин. Не важно, был ты прав или нет, когда отнимал у кого-то жизнь, не важно, был это несчастный случай или еще что-то. Важно, что ты это сделал. И после этого все становится другим, чем было раньше. Смерть входит в твою кровь и отравляет тебя. Мой Учитель... он умер именно из-за этого. И зверь... он не вне меня, он внутри меня.

— Нет. — Лонерин энергично качнул головой. — Ты ошибаешься. Ты не убийца и никогда не была убийцей. Это обстоятельства, а теперь проклятие, делали тебя такой. Но ты — ты сама не имеешь ничего общего со смертью.

Его взгляд был настойчивым и искренним. Лонерин верил — или, по меньшей мере, хотел верить — в то, что говорил. Дубэ стало больно.

«Если бы он действительно меня любил, он бы понял. А если бы я действительно любила его, мне хватило бы этого взгляда».

Но ей не было достаточно этого взгляда. Она была одна. Одна со своим ужасом. А он, хотя и видел, не понял. Он не любил все, что была она, не любил ее руки, запачканные кровью. Он любил ее образ, любил в ней хрупкость и слабость. А она? Она любила в нем то, что напоминало ей Учителя, любила его мир, в котором было можно принимать решения, его уверенность.

— Я поклялся тебе, что спасу тебя, и я это сделаю. Я освобожу тебя от проклятия, я не остановлюсь для этого ни перед чем, и тебе больше никогда не придется совершать такие ужасные дела. С моей матерью я потерпел неудачу, но с тобой будет по-другому. Знаешь, когда я сниму с тебя проклятие, ты наконец будешь свободна.

Как фальшиво это звучало! Даже если он сумеет освободить ее от проклятия, он не сможет ее спасти, потому что ее клетка — не только печать. Ее тюрьма шире, а он никогда не видел эту тюрьму.

И все же Дубэ улыбнулась и сжала ему руку. Что бы ни было, ее тронула эта попытка Лонерина любить ее.

— Спасибо, — пробормотала она, зная, что в ее голосе слышны слезы.

Он нашел ее губы и прижал к ним свои в долгом поцелуе. Дубэ знала, что этот поцелуй — последний.

21 СТАРЫЙ ДОЛГ

Доход вошел в храм твердым шагом воина. Иешоль уже ждал его там, стоя на коленях перед статуей Тенаара. Доход еще у двери услышал его голос, нараспев произносящий слова молитвы, и поморщился. Сам король никогда не был набожным. Его жена часто искала опоры в вере, особенно незадолго до смерти, но тогда болезнь все-таки пожрала ее. А сам он — нет, не искал. Для него религия была всего лишь орудием власти, и поэтому он

чувствовал почтение к тем, кто, в отличие от него, действительно веровал.

«Боги существуют, Дохор, и в конце концов ты должен будешь дать им отчет», — сказала ему однажды его жена. Он в ответ только рассмеялся ей в лицо: с его точки зрения, это были всего лишь нелепые суеверия.

— Ну? — оглушительным голосом произнес он, когда оказался за спиной Иешоля.

Он увидел, что плечи старика на мгновение выпрямились, потом снова услышал молитву. Король никогда не переставал изумляться тому, как дерзко вел себя с ним этот человек. Впрочем, именно за эту независимость он так высоко ценил Иешоля.

Закончив молитву, Иешоль встал на ноги и склонился перед королем, опустив голову.

— Я молился.

Это оправдание удивило Дохора своей простотой и наглостью, но он решил, что из-за этого не стоит напоминать Иешолю, как нужно уважать его власть.

— Значит, ты повинешься повелителю, который выше меня, верно? — с деланой шутливостью спросил он.

Иешоль лишь загадочно улыбнулся, а потом стал серьезным и сказал:

— Я велел позвать вас потому, что имею для вас важнейшее сообщение.

Это предисловие не очень встревожило Дохора: для Иешоля все сообщения, которые тот ему передавал, были сверхважными.

— В чем дело? — уже теряя терпение, поторопил он Иешоля.

— Враг вырвал из рук одного из наших лучших победителей мальчика, который нам нужен.

«Как я и подозревал, ничего важного», — подумал король.

— Это твои трудности. Ты знаешь: с такими делами ты должен справляться сам. Я уже и так слишком много помогал тебе, и напоминаю, что по твоей вине я потерял дракона и всадника.

— Этот враг — Идо.

От этих слов в храме наступила тяжелая тишина. У Дохора замерло в груди сердце. Уже три года или даже дольше он не слышал это имя и искренне надеялся, что больше не услышит его никогда.

— Это невозможно, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал естественно. — Три года назад в Земле Солнца были найдены обгоревшие останки, и это, несомненно, был его дракон. Идо мертв.

— Гном без одного глаза, с длинным белым шрамом через всю левую половину лица. Он убил одного из моих победителей, а другого оставил лежать без сознания на границе Большой Земли и Земли Огня. Этот второй и описал мне его такими словами и добавил, что гном уже не молод, но очень хорошо владеет искусством боя.

Руки Дохора дрожали так, что ему не удавалось скрыть эту дрожь.

— Где он? — В голосе короля прозвучал сдержанный гнев.

Иешоль покачал головой:

— Точно мы этого не знаем. Вероятно, все еще где-нибудь в Земле Огня, зализывает раны. Ему тоже плохо пришлось, как сказал мне мой человек.

Эти слова пробудили в Дохоре давние и тяжелые для него воспоминания. Повстанцы в акведуке Земли Огня, постоянные нападения Идо на его людей, долгая война и последнее сражение в подземных каналах. Там, внизу, он потерял тысячу людей — и лишь для того, чтобы выкурить из норы сотню мятежников.

— Акведук, — тихо произнес он.

— Так думаем и мы. Похоже, что он не полностью затоплен.

Этого Дохор не знал. Когда он попросил открыть шлюзы, он лишь надеялся на силу воды. Но ее не хватило.

— Я позабочусь об этом, — быстро произнес он, вставая.

— В этом я не сомневался, — улыбнулся Иешоль. — С того момента, как Шерва назвал мне имя врага, я был уверен, что вы пожелаете решить этот вопрос силами своих людей.

Дохор сухо кивнул:

— Я считал его мертвым. Скоро я привезу тебе мальчика.

Иешоль поклонился королю:

— Я полагаюсь на вас. Мое будущее — в ваших руках.

Когда Леарко вошел в комнату, то увидел, что его отец Дохор уже сидит на троне, ожидая его. Вернувшись во дворец, король сразу же вызвал к себе сына. Еще раньше, когда отец проходил мимо него, Леарко увидел, что на нем был черный плащ, который Дохор надевал только для самых важных поездок. Принц не знал, что собирается делать его отец, но был уверен, что речь пойдет о серьезном деле. Узнав, что отец зовет его к себе, он остановился перед зеркалом и несколько минут рассматривал в нем свое лицо.

Ничего не поделаешь: он похож на отца — и очень похож. Такие же волосы, настолько светлые, что кажутся белыми, и тот же самый взгляд. Только зеленый цвет глаз он унаследовал от матери, Суланы. Этого слишком мало, чтобы стала заметна разница между ним и его родителем. Через несколько лет он унаследует королевство и должен будет продолжить борьбу ради чужой мечты.

Сам бы он, если бы на то была его воля, отказался бы от этих кровавых убийств, но он не мог. Это была его судьба, которой он не мог избежать.

Твердым шагом воина он подошел к трону. По сути дела, он был всего лишь подчиненным, несущим смерть посланцем отца. Подойдя к трону, он опустился на колени. Отношения между ним и отцом всегда были холодными и формальными. Ни ласковых слов, ни объятий. Сейчас принц вспомнил, что он и отец не прикасались друг к другу с тех пор, как он был ребенком, в последний раз это случилось в Макрате, на празднике, перед толпой, когда король взял маленького сына на руки и, ликуя, показал его народу. После этого — никогда.

— Встань.

Леарко подчинился, но продолжал глядеть вниз. Он не любил смотреть на отца.

— У меня есть для тебя задание. И смотри на меня, когда я с тобой говорю: ты наследник престола, а не какой-нибудь простолюдин.

Леарко неохотно выполнил этот приказ: с недавних пор ему было невыносимо видеть лицо отца. Смотреть на него было все равно, что смотреть на себя в зеркало, а для принца было невыносимо, что он так похож на отца. Эта маска завоевателя, под которой скрывался виновник множества горестей и войн, вызывала у него раздражение.

Король холодно выдержал взгляд сына.

— Ты по-прежнему выглядишь как побитый пес. Такой вид тебе не подходит.

— Я только устал, отец, — солгал юноша.

Дохор не поверил его словам. Но в любом случае принца не интересовало, верит ему отец или нет. Что бы он ни сделал, отец никогда не бывал им доволен. Леарко всегда был ниже его ожиданий, всегда только разочаровывал его.

— Идо не умер. Он выжил и теперь старается разрушить наши планы.

Леарко похолодел.

— С ним сейчас находится мальчик, который стоит столько золота, сколько весит. Идо везет его в Землю Воды, а оттуда, видимо, найдет способ переправить его туда, где его никто не найдет. Задание, которое я тебе поручаю, очень простое: найди и убей проклятого гнома, заberi мальчика и привези его ко мне.

Леарко сжал кулаки. Это задание он не хотел выполнять — в отличие от всех других поручений отца. Несколько лет он был доволен тем, что служит отцу, и надеялся, что рано или поздно сумеет произвести на него впечатление своими подвигами и воинскими способностями. Потом он понял, на чем основано могущество отца, и тогда же осознал, что совершенно не способен соответствовать требованиям. С тех пор каждое задание было для принца только очередным поводом для унижения и горя. Но в этот раз было по-другому. И Дохор это заметил.

— Ты что-то хочешь мне сказать, сын?

— Только то, что повиноваться вашим приказам для меня — удовольствие, отец.

И Леарко снова стал смотреть себе под ноги.

— Ты понял, почему я посылаю именно тебя?

Юноша поднял взгляд на отца. Дохор приподнялся на троне и словно нависал над ним своим крупным телом.

— Думаю, что понял.

— То, что ты дал Идо уйти в Земле Огня, — позор, несмываемое пятно, которое будущий король ни в коем случае не может терпеть. Я ожидаю, что ты поступишь с моим злейшим врагом так, как он заслуживает, ты понял? Я хочу, чтобы ты подал мне его голову на серебряном блюде. Это самое меньшее, чего я ожидаю от тебя.

Леарко опустил голову в знак одобрения. Обсуждать приказы отца было невозможно, хотя в большинстве случаев он не был согласен с ними.

— Разведчики знают, где он сейчас?

— Он едва не убил одного человека в Большой Земле, недалеко от границы с Землей Огня. Похоже, что он и сам ранен. Вероятно, он направится в Землю Воды по самому короткому и прямому пути. Самое удобное время, чтобы его схватить, — переезд через пустыню. Там открытая местность, и у него не будет никакой возможности найти укрытие и спрятаться.

— Разумеется, — ответил Леарко ничего не выражающим голосом.

— Вылетай на Ксароне.

Леарко кивнул. По крайней мере, он полетает.

— Если это все...

— И не подведи меня. — Взгляд короля стал пронзительным и злым. — До сих пор ты давал мне множество причин отречься от тебя, но, к сожалению, ты мой единственный наследник. Не вынуждай меня делать то, чего я не хочу.

Леарко низко поклонился. Сердце бешено колотилось у него в груди. Потом он распрямился и вышел из зала.

Принцу было стыдно: слова отца были предупреждением. Поэтому, выйдя из дворца, он не пошел к стойлу своего дракона, а свернул на дорожку, которая вела к балкону, и зашагал по ней — чем дальше, тем быстрее. Как только он оказался там — на балконе, за стенами дворца, перед его глазами развернулся опьяняющий своей красотой сложный узор улиц Макрата. Солнце заходило, и воздух был свежим. Леарко сделал глубокий вдох, набрал полные легкие этого воздуха. Это было ему нужно. Он мгновенно вспомнил едкий запах серы и зловонные испарения Тала. Там, возле этого вулкана, он впервые встретился с Идо.

Леарко на своем драконе летит над полем боя, разыскивая выживших. Его силы на пределе, и он отлично знает, что нарушает приказ своего дяди Форы. Волнение боя еще не утихло в его крови. Он превращал врагов в пепел огнем своего дракона, он пронзал мятежников своим оружием, как ему было приказано, и делал это один. А это немало для мальчика, которому всего четырнадцать лет, даже если он уже Всадник Дракона.

Он чувствует себя почти как Ниал. Он воин, солдат, несущий смерть врагу, отец будет им очень гордиться. Ни один гном, взрослый или молодой, не спасется от него.

Но в глубине души Леарко знает, что причина этого неожиданного вылета — другая, что бой и доблесть тут совершенно ни при чем. Теперь, когда рядом нет ни дяди, ни других, кто мог бы сделать ему выговор, он может дать волю своей жалости. Никто не будет над ним смеяться. Никто не будет упрекать его за то, что все встречи с войной и с отцом вызывают у него злобу и обиду. Леарко чувствует себя как пленник, у которого нет выбора. Отец послал его сюда, потому что сын такого отца должен готовиться стать великим воином, а не только его достойным преемником на троне. Что может быть лучше для проверки способностей сына, чем поле самого жестокого сражения — Земля Огня, где билось и никак не умирало сердце сопротивления? Леарко хотел бы уйти отсюда, но не

может. Что-то заставляет его быть здесь, и ничто не может разубедить его в том, что он прав.

Крылья его дракона бесшумно изгибаются в воздухе. Внизу — только обломки и трупы. Леарко напрягает зрение, и только случайность помогает ему заметить краем глаза что-то блестящее, мелькнувшее сзади. Он едва успевает выхватить из ножен меч и повернуться, чтобы отбить удар. Гном без доспехов на огромном красном драконе направляет на него меч с круглой деревянной рукоятью и изогнутым лезвием. Левую половину лица пересекает длинный белый шрам. Одно мгновение Леарко смотрит на него, потом начинает дрожать.

Это Идо.

— Смотри, кто здесь... — свирепо бормочет гном.

Леарко инстинктивно пытается спастись бегством.

А что еще он может сделать? Идо — прославленный в легендах непобедимый воин.

Гном с невообразимой быстротой делает прыжок вперед, и одновременно красный дракон хватается за хвост дракона принца. Тот кричит от боли, Леарко едва не вылетает из седла.

«Я умру, умру!» — думает он.

Красный дракон напрягает силы и далеко отбрасывает другого дракона.

Леарко уже не понимает, где находится, и, оглушенный, оказывается на земле. Но Идо не нападает на него, а без всякой жалости наблюдает за тем, как Леарко неуклюже поднимается на ноги.

Мальчик готовится защищаться, уверенный, что бежать невозможно. Он сжимает обеими руками меч и выставляет его перед собой.

Идо показывает жестом на это оружие и насмешливо говорит:

— Я вижу, вы до сих пор передаете его от отца к сыну.

Леарко понимает, в чем дело: это меч его отца.

— Ты знаешь, кто я?

— Идо.

Гном улыбается.

— Твоему отцу было примерно столько же лет, как тебе сейчас, когда я унизил его в Академии, и тогда он держал в руке тот же меч, который сейчас держишь ты. Он, должно быть, рассказывал тебе об этом.

Нет, никогда не рассказывал. Но Леарко все равно знает об этом. В коридорах дворца действительно часто шептались о том, как Идо когда-то унизил короля, когда тот однажды дерзко повел себя в Академии. Гном победил его в трех схватках из трех на глазах у всех остальных учеников.

Леарко сильнее сжимает меч в ладонях. Он прекрасно знает, что сейчас произойдет. Идо — заклятый враг его отца и не упустит такой случай, отомстит Дохору через него. Идо убьет единственного наследника короля, но перед этим будет пытаться и унижать его. Это конец.

Леарко чувствует, что его ладони стали липкими от пота. Но ему холодно.

«Я буду сражаться, — думает он. — Я сделаю то, чему меня научили, поступлю так, как хотел бы мой отец, сберегу свою честь».

Идо нападает неожиданно, и Леарко с трудом отбивает его удар. Он отступает назад, пока может: противник атакует с необыкновенной силой. Гном чувствует себя хозяином положения — это видно по его глазам. И он прав. Он непрерывно атакует, играет, забавляется, и Леарко целиком и полностью у него в руках.

Идо ускоряет ритм ударов, и Леарко чувствует ожог в плече. Он ранен. Кончик вражеского лезвия покраснел. Это его кровь. Первый раз он ранен мечом. До этого был только хлыст Форы.

У него вырывается слабый стон, он опускает голову, но овладевает собой. Он должен вести себя, как велит честь. Может быть, он умрет, но отец будет им гордиться. Отец

еще ни разу не был им горд, и Леарко это знает. Поэтому ему так важно быть мужественным: это последняя возможность. Он решает держать меч одной рукой.

Идо снова идет вперед, и его удары начинают точнее попадать в цель. От них остаются маленькие порезы, и каждый раз с губ Леарко срывается легкий стон. Он пытается подавить эти стоны, но ему не удается. Он чувствует себя таким слабым и глупым, что готов от этого плакать.

«Отцу скажут, что я был малодушным».

— Ты храбрый, — произнес Идо и с язвительной улыбкой заключил: — Но неопытный.

Потом гном нанес боковой удар по лезвию его меча, и повернул его с такой силой, что едва не вывихнул принцу запястье. Этого достаточно: меч Леарко отлетает далеко прочь. Принц еще смотрит на то, как его оружие вычерчивает сверкающую дугу в небе, когда Идо бьет его ногой в центр груди.

Леарко, задыхаясь, падает на землю.

Потом неожиданно наступает тишина. Леарко слышит только шум своего тяжелого дыхания. Меч Идо замер всего на волосок от его горла. Гном тоже дышит тяжело, и конец его клинка дрожит. Мальчик чувствует комок в горле там, где выступает кадык. Он проглатывает этот комок и закрывает глаза.

Леарко знает, что это его последнее мгновение, но боится меньше, чем ожидал. Его сердце вдруг начинает биться спокойнее. Тогда он поднимает голову и подставляет горло под удар.

— Если хочешь убить меня, сделай это, и конец.

Он думает: это фраза глупого героя вроде тех, про кого написано в повестях, которые отец заставляет его читать. Но он чувствует, что эти слова подходят для этой минуты и выражают то, чего он действительно желает.

Идо серьезно смотрит на него, по-прежнему держа свой меч у его горла.

— Что ты делаешь здесь один? Где остальные?

Этого вопроса Леарко настолько не ожидает, что должен немного подумать, прежде чем дать ответ.

— Они ушли и увели с собой пленных. Они уже уничтожили все и взяли то, что желали.

Гном разглядывает его, и взгляд у Идо суровый.

— Они? А где был ты, мальчик, когда эти злодеи сражались?

Эти слова бьют по мальчику-принцу сильнее, чем удар меча. Леарко отводит глаза в сторону, чтобы уйти от ответа, и смотрит на горы — они близко от него, но кажутся бледными от ветра и от дыма вулкана. А потом шепчет:

— Я был с ними.

Это признание было для него тяжелее, чем стыд, который он испытывал при виде каждой резни, которую устраивал его отец.

— Тебя оставили здесь, чтобы ты дождался нас? Что ты искал?

— Ничего.

Идо наклоняется к нему, продолжая держать под прицелом своего клинка. Леарко чувствует, как дыхание гнома обжигает ему шею.

— Не стоит тебе хитрить со мной. Я разрублю тебя пополам, но сначала узнаю все, что хочу, и, уверяю тебя, я знаю способы, которые заставят тебя говорить. Если ты по-прежнему будешь упрямиться, я заберу тебя с собой и ты заплатишься за эту минуту доброты, ясно?

Но для Леарко его слова совершенно безразличны. Теперь он уже по другую сторону страха: то, на что он решился перед этим, уже позволило ему преодолеть ужас.

— Я смотрел на то, что сделал. И искал кого-нибудь выжившего.

— Не рассказывай мне глупости, — сухо говорит Идо.

— Я был уверен, что ты мне не поверишь, и мне даже неинтересно, веришь ты или нет. Это правда.

Леарко чувствует, что эта упрямая уверенность скоро его покинет. Он хочет, чтобы все это закончилось навсегда и как можно скорее.

— Убей меня, — убежденно просит он.

«Он действительно этого хочет, он желает этого последнего удара меча».

Идо стоит перед ним. Он растерян, но по-прежнему ни на миг не ослабляет внимание. Однако его взгляд постепенно изменяется. Этот мальчик для него больше не враг. Наконец, гном вздыхает и опускает руку; меч повисает вдоль бока.

— Уходи, — решительно говорит он.

Леарко тупо смотрит на него.

— Я еще могу передумать, так что сам на твоём месте уже убежал бы со всех ног.

Но молодой принц остается лежать на прежнем месте, упираясь ладонями в землю. Ему вдруг расхотелось уходить. Он не хочет спасения, он его не заслужил. И тогда он опускает голову и начинает плакать. До этой минуты он держался, но больше у него нет сил. Он чувствует себя погибшим и глупым.

Идо стоит неподвижно и не знает, что делать.

— Я сказал тебе, что ты в безопасности. Не заставляй меня повторять это дважды.

Леарко встает, вытирает слезы. Тоска, для которой нет названия, сдавливает ему грудь.

— Мне жаль. — Вот все, что ему удалось сказать.

Потом он убегает на равнину — мимо своего убитого дракона, который лежит у другого дракона под ногами. Бежит, бежит и хотел бы исчезнуть. Он думает только о мече, приставленном к его горлу, и о словах, которые открыли путь всей этой боли.

— Я был с ними.

Леарко вздыхает. Воспоминание было неприятным. Он много раз думал о том, что случилось тогда, но не верил, что когда-нибудь снова увидит Идо. Когда он узнал, что гном, возможно, погиб, ему по какой-то странной причине это было неприятно.

Наконец он направился к стойлам. Он мысленно спросил себя, что его отец собирается сделать с мальчиком и какие новые ужасы скрывает это поручение, но это были бесполезные вопросы, от которых становилось еще тяжелее на душе. В конечном счете он, несмотря на все, что знал о Дохоре, оставался глупым мальчиком, который хотел угодить отцу.

Он подумал об Идо, о своем долге перед ним. Может быть, было бы лучше, если бы гном убил его там, возле горы Тал; но все же он обязан Идо жизнью. А теперь ему дан приказ убить Идо.

Леарко вошел в стойла, опутив взгляд, закрыл глаза и постоял так одно мгновение, готовясь к тому, что его ожидало, потом сказал конюху:

— Выпускай Ксарона, я лечу на задание.

22 ДЕРЕВНЯ

Жизнь Дубэ у народа хюэ была похожа на сон. Большую часть времени девушка проводила в постели, не в силах бороться с усталостью. У нее не было сил встать, раны ужасно болели, но главным препятствием, делавшим ее бесчувственной, была душевная усталость.

Она думала о том, что за пределами этой деревни, по ту сторону леса, который был виден в окно ее комнаты, ее ждут проблемы, которые до сих пор следовали за ней повсюду. Они дожидаются только ее выздоровления, чтобы снова наброситься на нее. Как только она уйдет с этой защищенной территории, уже ничто ее не спасет.

Прежде всего, было неизвестно, как обстоят дела с напитком: Лонерин, чтобы вырвать ее из лап смерти, израсходовал все содержимое пузырька, и больше не оставалось ничего. Дубэ чувствовала, что зверь спал, но его сон не был крепким. Ей рано или поздно придется

дорого расплатиться за то, что она так смело выпустила его на волю. Теперь у нее была лишь одна слабая надежда — попасть к Сеннару вовремя, пока ничего не случилось. И Сеннар... Кто сказал ей и Лонерию, что он до сих пор жив и что они смогут его разыскать? И среди всех этих мыслей — вопрос: как она должна вести себя с Лонерином? Тысячи мыслей терзали ум Дубэ, и ей повезло, что у молодого мага было много дел в эти дни.

— Я должен изучить врачебное искусство этого народа: может быть, среди их трав есть такие, которые смогут облегчить твое проклятие, — сказал ей Лонерин.

И после этого он почти все время проводил неизвестно где и приходил к Дубэ только по вечерам, всегда с черными кругами вокруг глаз и часто с царапинами на руках. Он легко касался губами ее щеки, а потом спрашивал ее о здоровье и тщательно следил за состоянием ран.

Было похоже, что теперь их отношения сводятся только к этому. Лонерин был словно одержим лечением, а Дубэ еще не хватало мужества для того, чтобы внести ясность в их отношения. Она была уверена, что рано или поздно ей придется пройти через это испытание, но чувствовала, что сейчас еще не готова к нему.

Так проходили ее дни. Она подолгу смотрела в квадратный проем окна, следя за тем, как небо час за часом меняет цвет, и слушала звуки леса. Может быть, она умрет, может быть, зверь вернется. Из этой постели все казалось ей далеким и неясным.

В течение многих дней единственной связью между ней и народом хюэ был жрец, который ее лечил. Он был очень молод, почти мальчик, и в его облике уродливо, но забавно смешались черты гномов и эльфов: остроконечные уши поднимались над бритой головой, а длинная борода густого темно-синего цвета позволяла догадаться, какого цвета у него волосы. Он ходил голым до пояса, и на груди у него была татуировка красного цвета, ярко выделявшаяся на светлой коже. Это было большое по размеру и сложное изображение Отца Леса, нарисованного с любовью и во всех подробностях. Штаны жреца имели необычный покрой, а сделаны были, как ей показалось, из замши. Жрец входил в комнату молча и никогда не пытался заговорить с Дубэ. Он даже не смотрел ей в глаза, только осматривал раны и не позволял своему взгляду блуждать по ее телу.

Когда он приходил, Дубэ было уютно. С одной стороны, она чувствовала себя всего лишь предметом, который изучают, и так было всегда, когда ее лечили или жрец подавлял ее проклятие. С другой стороны, смущало, что она не может говорить с ним и благодарить его. Руки у жреца были действительно необыкновенные. Каждый раз, дотрагиваясь до ее ран, он произносил странные заклинания — что-то вроде молитвы на неизвестном ей языке, и от них ей сразу же становилось легче. От его ладоней шло исцеляющее тепло, и было заметно, что выздоровление от этого действительно ускоряется. Порезы на коже срастались, и она розовела и здоровела на глазах. Это было чудо. Благодаря мазям и массажу Дубэ чувствовала себя с каждым днем лучше, и даже раненая ладонь, которой вначале она даже не могла шевелить из-за сильной боли, постепенно принимала свой обычный вид.

После четырех дней ухода и лечения раны почти зажили, и Дубэ решила прогуляться по деревне. Она так долго пробыла взаперти, что теперь ей был нужен свежий воздух, и, кроме того, она хотела, чтобы ее мысли прояснились.

Для нее нашли деревянную трость — явно слишком короткую, но позволявшую ей передвигаться, не прося ни у кого помощи. Трость раздобыл Лонерин: он научился разговаривать с гномами хюэ на книжном и немного упрощенном варианте языка эльфов, и поэтому без труда объяснил одному из хюэ, что ему нужно.

— Ты уверена, что справишься? — спросил он, вручая эту вещь нетвердо державшейся на ногах Дубэ.

Она улыбнулась:

— Я так долго пролежала в постели, что после этого могу чувствовать себя только хорошо.

Лонерин помог ей встать, поддерживая за руки, и, лишь убедившись, что она держится

на ногах самостоятельно, украдкой поцеловал ее в губы.

— Будь осторожна, — шепнул он ей на ухо.

Дубэ смущенно улыбнулась и вышла из хижины. Ноги у нее немного дрожали: несмотря на вынужденный отдых, она была еще очень слаба.

Дневной свет ослепил ее, а легкий утренний ветерок заставил вздрогнуть от холода. Когда Дубэ смогла открыть глаза, она раскрыла рот от изумления. У нее под ногами начинался висевший в воздухе мостик из дерева и веревок, который вел к ряду хижин, протянувшимся вдоль склона скалы. Они были похожи на гнезда ласточек и лепились к скале на разной высоте. Каждый дом был связан с остальными с помощью мостиков — таких же, как тот, который начинался от двери ее хижины, а разные «этажи» деревни были соединены деревянными лестницами, которые часто висели в воздухе. Изобретательные хюэ, помимо всего прочего, позаботились и о тех, кому, как ей сейчас, было трудно передвигаться: маленькие кабинки позволяли им перемещаться с одного уровня на другой благодаря усердным работникам, которые по необходимости поднимали или опускали их.

— Доброго пути, — улыбнулся девушке Лонерин, проходя мимо нее и ступая на мостик.

Дубэ спокойно обошла всю деревню и поняла, что она не очень велика. Около двадцати домов из темного дерева, с крышами из переплетенных сухих листьев выделялись своей окраской на фоне светлой скалы.

Этот народ был невероятно трудолюбивым. Дубэ подробно рассмотрела устройство деревни. В ней были каналы, которые подавали воду в большие подвесные цистерны, и система передвижных мостов, позволяющая отгородить одну хижину от другой в случае нападения врагов. Все это было сделано из материалов, добытых в лесу, но все, что делали хюэ, было так остроумно задумано и так превосходно выполнено, что не могло не восхищать. Эти механические системы восхищали не только идеальным соответствием своему назначению, но и своей изысканной красотой: повсюду на деревянных деталях были вырезаны узоры, которые свидетельствовали о большом мастерстве своих создателей. Многие из этих украшений изображали земляных драконов, которым здесь, вероятно, поклонялись как богам. Дубэ заметила, что хюэ ездили верхом на таких животных, но другой породы, которые были заметно меньше по размеру и более послушны. Ей нередко случалось видеть маленькие группы охотников, которые ехали на этих странных скакунах в направлении долины, которая находилась примерно на сто локтей ниже.

Вначале она думала, что хюэ живут прежде всего охотой, но, приглядевшись внимательней, поняла, что они активно занимаются и сельским хозяйством. В глубине ущелья небольшой огороженный участок земли орошался с помощью сети каналов, на нем местные женщины выращивали самые разные овощи. Некоторые из них Дубэ узнала, но большинство были ей незнакомы.

Немного позже она снова увидела тех величавых драконов, с которыми впервые встретилась на поляне. Видимо, хюэ построили свою деревню рядом с местом их обитания. Девушке пришло на ум, что гномы могли сделать это не случайно. Она убедилась, что права, когда заметила на вершине горы, к которой прилепилась деревня, деревянную фигуру, что-то вроде изображения животного-предка, и она с большим сходством изображала одного из этих крупных драконов. Рядом росло огромное дерево, которое чем-то напомнило девушке то, под которым они провели ночь в середине пути, — Отца Леса. Вокруг ствола была выстроена длинная хижина, более изящная, чем остальные, и с деревянной крышей. Каждый раз, когда кто-то из хюэ проходил мимо нее, он подносил руку к сердцу. Это явно было место для религиозных обрядов или жизненно важное место для деревни.

К концу прогулки Дубэ, изумленная и потрясенная увиденным, заметила, что местные жители, которые попадались ей навстречу, смотрели на нее с сочувствием и любопытством одновременно. Дети шли за ней следом, прячась за углами домов, взрослые украдкой бросали на нее взгляды и, указывая на нее, что-то говорили друг другу. Ей стало не по себе.

Она привыкла быть незаметной, а тут неизбежно оказывалась в центре внимания. Но все же при виде того, как они удивленно замирали при встрече с ней, Дубэ почувствовала нежность к местным гномам. Их простая трудовая жизнь, их бесшумная изящная походка, даже забавные формы их тел напомнили ей, какой могла бы стать ее жизнь в Сельве, если бы не случилось всего этого зла. Народ хюэ жил той внешне спокойной жизнью, на которую она все эти годы только с завистью смотрела издалека.

Дубэ вернулась в свою хижину в конце дня, уставшая до изнеможения, и едва успела на лечебные процедуры. И как раз в то время, когда жрец накладывал ей на раны мазь из трав, вошел Лонерин.

Лицо у него было осунувшееся и усталое, но взгляд блестел от восторга. Он держал в руках флягу.

— Вот оно! — торжествуя, произнес молодой маг.

Сердце Дубэ забилося быстрее. Она не смела надеяться.

— Сырья понадобилось мало. Оказалось, что нужно добавить амброзию, но это и так было очевидно. Ты же видела Отца Леса на вершине каменной стены? Амброзия вместе с двумя совершенно невероятными местными растениями, — последний компонент.

Лонерин говорил так быстро, что девушка с трудом поспевала за ним.

— Это лечебное питье? — почти робко спросила она.

— Конечно оно! Новый вариант. И теперь, когда я знаю, из каких растений оно делается, я всегда смогу изготовить его столько, сколько нужно.

Его лицо сияло радостной улыбкой. Лонерин вложил ей в руки флягу, отодвинув в сторону молодого жреца, и, не обращая на него внимания, обнял Дубэ. Девушка быстро высвободилась из его рук. Лонерин удивленно посмотрел на нее, но уже через секунду произнес:

— Сегодня вечером нас приглашают поесть в дом старейшины деревни.

Дубэ вспомнила длинную хижину под вершиной отвесной скалы.

— Для нас есть хорошие новости, — загадочно улыбнулся Лонерин. — Я зайду за тобой.

Дубэ проснулась от долгого полусонного сна, восстановившего ее силы, — и вдруг увидела, что на тумбочке что-то лежит. Ей стало любопытно, она встала с постели и увидела, что это одежда. Правду говоря, ее собственная одежда сильно пострадала в пути, здесь кто-то ее выстирал, но не смог ничего сделать с дырами от разрезов и разрывов.

Она села на край кровати и стала рассматривать свой новый наряд. Одежда была из того кожаного материала, разновидности замши, который, кажется, носили здесь все. Штаны, пожалуй, были коротковаты, но, заправленные в сапоги, будут очень хороши. А вот куртка без рукавов с вышитым на груди великолепным земляным драконом красного цвета, кажется, была нужного размера.

Дубэ сразу надела все это и вдруг почувствовала себя уютно. Это уже был не костюм убийцы или воровки — это было что-то другое, новое.

Ее взгляд упал на прежнюю одежду, которую она только что сняла. Посреди черной кожи она увидела что-то белое. Ее сердце сжалось: это было письмо Учителя.

Дубэ взяла его. Чернила выцвели оттого, что она так много раз нежно гладила и перечитывала его.

В очередной раз развернула это письмо, провела пальцами по строчкам, по истертым складкам. Сколько слез она когда-то пролила над ним.

«Я думаю, что люблю тебя. Ее я люблю через тебя».

Эти слова когда-то обжигали ей сердце любовью и болью. Теперь она поняла их глубинный смысл, и вдруг все стало ей ясно. Она снова сложила письмо и положила его туда, где оно было раньше, — в свою старую одежду.

— Ты готова?

Дубэ повернулась к двери. Лонерин ждал ее, тоже одетый в кожаную одежду народа

хюэ. Куртка у него была такая же, как у нее, только вышивка на груди изображала огромное дерево со множеством изогнутых ветвей и больших листьев.

— Да, — кивнула она, беря в руку трость.

Пока они шли, Лонерин рассказал ей то, что ей нужно было знать. Он объяснил ей, что староста — просто один из местных жителей, его выбрали всей деревней, чтобы он управлял делами их маленькой общины, и что хижина, куда они сейчас направляются, построена вокруг ствола местного Отца Леса.

— У народа хюэ есть два бога — один для леса, это Отец, другой для животных — земляной дракон Макхтахар. Здешним хюэ очень повезло, что рядом есть логово драконов.

— А что это за ужин? — спросила Дубэ.

— Староста деревни желает поговорить с нами. Со мной он уже смог побеседовать, и я рассказал ему нашу историю, но он, разумеется, желает познакомиться и с тобой тоже. Поэтому он позвал нас на праздничный ужин в честь Отца Леса, который они устраивают в каждое полнолуние, через каждые двадцать восемь дней.

Дубэ, немного помрачнев, спросила:

— Что ты сказал ему обо мне?

— Он знает о твоём проклятии.

— А о моей работе?

Лонерин довольно долго молчал, потом ответил:

— Знает, что нас преследует Гильдия, но не знает, что ты воровка.

Девушке это не понравилось: такое начало вечера — плохая примета.

Но когда они вошли в большой зал, Дубэ показалось, что ее тревога слабеет. Вокруг величественного ствола священного дерева был устроен огромный стол. Этот Отец Леса был заметно меньше, чем тот, который встретился им раньше, но принадлежал к тому же виду деревьев, в нем было то же таинственное мистическое очарование. Казалось, что это он освещает зал.

За столом сидели, похоже, все жители деревни в праздничных нарядах. На женщинах были яркие разноцветные рубахи с рисунками в виде геометрических фигур или звезд, а мужчины прикрыли обычно голые верхние части своих тел куртками, которые украшали красные узоры самых разных форм. Но особенно роскошными были прически женщин. Некоторые из них вплели себе в волосы разноцветные ленты, другие повязали головы тюрбанами из широких полос узорчатой ткани, остальные уложили волосы в сложные прически и прикрепили к ним самые разнообразные украшения — от зубов дракона до птичьих перьев. Над столом раздавался легкий радостный шум, и все — от гостей до горящих светильников, расставленных на одинаковом расстоянии один от другого, — придавало этому месту праздничный вид.

Дубэ и Лонерин сели рядом со старостой. Он оказался не таким старым, как предполагала девушка. Его густая борода была разделена на тонкие пряди, а длинные волосы отливали темно-синим, как ночь, блеском. Он сидел, скрестив ноги, на подушке — как и все остальные за этим столом — и любезно улыбнулся своим гостям, как только они к нему подошли.

Лонерин поприветствовал старосту на его языке, Дубэ могла только смущенно улыбнуться.

Староста взглянул на нее добрым и проницательным взглядом и сказал:

— Не бойся, больше я не обменяюсь с твоим другом ни одним словом, которого ты не сможешь понять.

И он улыбнулся девушке. Он говорил на языке своих гостей правильно с едва заметным акцентом, который придавал его речи особое изящество.

— Огромное спасибо вам за помощь, которую вы нам оказали, — с облегчением произнесла Дубэ.

— Крики Макхтахара привели нас к вам. Вы уничтожили его врага, и мы не могли не

помочь вам.

Гном явно имел в виду Реклу.

Начался ужин. Сначала была произнесена благодарственная молитва, основное содержание которой Лонерин попытался перевести Дубэ, потом все принялись за еду. Праздник, видимо, был очень большим торжеством, потому что было подано огромное количество разных блюд. Но по меньшей мере одно блюдо из каждой перемены ставили как дар к подножию Отца Леса.

Староста занимал своих гостей беседой, объясняя им обычаи своего народа.

Он вел себя чутко и сдержанно: ни одного вопроса о них, только тихий спокойный рассказ о своем народе и его привычках, Дубэ понемногу начинала чувствовать себя здесь почти как среди родных. Гном был таким любезным, движения хюэ, подносявших дары, были спокойны и плавны, а их лица — улыбки и дружелюбны.

Ужин закончился поздно ночью искупающим грехи танцем при свете полной луны. Вдали зазвучал рев драконов.

— Вы слышите? Макхтахар отвечает нам и поет вместе с нами. Он дал нам это чудесное место, пусть же этот лес всегда будет прославлен и защищает нас от эльфов.

Дубэ было странно слышать, что кто-то так говорит об эльфах. Она всегда считала их мирными и не могла себе представить, что они могут чем-то угрожать этому кроткому и великодушному народу. Но она не стала противоречить и молча приняла участие в церемонии.

Лишь когда праздник закончился, староста перевел разговор на темы, более близкие к делу. Он привел своих гостей в одну из комнат большой хижины, сел напротив них и предложил им тоже сесть.

— Я предпочел подождать и не говорить с вами, пока ты не поправишься, — сказал он Дубэ, повернувшись к ней. — Лонерин сказал мне, что вы путешествуете вместе и что у вас общая судьба. Так вот, я знаю, что привело вас сюда, и знаю, как вам помочь.

Сердце Дубэ забилося сильнее, но она смогла заметить, что Лонерин не был удивлен. Он явно уже что-то знал.

— Это Сеннар научил вас нашему языку, да? — спросил он.

Староста дружелюбно улыбнулся.

— Мы переселились сюда из Всплывшего Мира много сотен лет назад, когда эльфы еще не жили на побережье. Но мы мало что помним из вашего языка. Потом, почти сорок лет назад, сюда пришел тот человек, которого вы ищете.

И Лонерин, и Дубэ напряглись.

— Он долго был моим близким другом, и это у него я научился вашей речи. Мы долгое время часто бывали друг у друга в гостях, но несколько лет назад я перестал встречаться с ним.

Молодые путешественники похолодели от ужаса.

— Я понял, что ему теперь не приятно ничье общество, что его единственное желание — быть одному, и с тех пор мы общаемся только письменно.

— Значит, он жив? — вмешался в разговор Лонерин и облегченно вздохнул.

Староста кивнул.

— Дело, которое нам поручено, имеет огромное значение, я уже сумел однажды объяснить вам это. Для нас крайне необходимо разыскать Сеннара. Речь идет о спасении Всплывшего Мира, а не только о жизни моей спутницы.

Гном улыбнулся:

— Я не стараюсь вас разочаровать. Но прошу вас учесть, что, может быть, он сам не захочет вас принять.

Эта проблема была для его гостей далеко не главной.

— Где он живет? — спросила Дубэ.

— Мы сами проводим вас туда, когда вы пожелаете, отсюда до него шесть дней пути.

У Дубэ на душе было неясно и тревожно. Пройдет всего шесть дней, и она узнает ответ

Сеннара. Ей это казалось невозможным. Спасение от проклятия казалось ей далеким и плохо различимым, как сон. Но теперь она была ближе к нему, чем когда-либо.

Конец разговора она не поняла: слова слились для нее в неразборчивые быстрые фразы. Лонерин и староста обменялись комплиментами, был назван день отъезда. Но в ее уме все это оттесняла в сторону одна мысль: Сеннар жив, и он близко.

Потом девушка увидела, что Лонерин поднялся на ноги и староста вежливо прощается с ним.

Она машинально тоже встала и, наклонив голову, пробормотала:

— Благодарю вас за помощь.

— Имей веру, Дубэ. Я знаю, что Макхтахар на одно мгновение испугался тебя. Мои воины это видели.

Дубэ вздрогнула.

— Но под конец в крике Макхтахара было горе. Ты понимаешь меня? В тебе есть намного больше, чем пропасть, где живет чудовище.

У девушки не хватило мужества добавить что-нибудь к этим словам. Она снова поклонилась и, ошеломленная, вышла из хижины рука об руку с Лонерином.

Они вышли в прохладную ночь, свежий воздух которой пах травой и росой.

— Я провожу тебя, — сказал Лонерин.

Дубэ послушно позволила ему вести себя к дому: ее ум был слишком в большом смятении. Проклятие, напиток, крутой склон горы и то, что там произошло. Правду говорят, что все тайное становится явным. Сможет ли Сеннар ее вылечить?

Когда они дошли до двери ее хижины, Лонерин встал перед Дубэ и стоял неподвижно. Потом он начал смущенно тереть ладонь о ладонь.

— Мы уезжаем через три дня, ты согласна? К этому времени ты должна быть совершенно здоровой.

Дубэ кивнула и резко сказала:

— Тогда спокойной ночи.

Но когда она повернулась, чтобы уйти, Лонерин схватил ее за руку.

— Я хочу быть с тобой сегодня ночью.

На мгновение сердце замерло у Дубэ в груди.

— Мы не можем.

Она попыталась придать своему взгляду суровость, но это ей не удалось. Лонерин, что бы ни случилось, оставался ее спутником в походе и человеком, который множество раз спасал ее от гибели. Добывая ей лекарство, чтобы спасти ее в последний раз, он не спал ночами и измучился.

На мгновение Лонерин замер на месте, удивленный и растерянный.

— Я хочу только поспать рядом с тобой, и ничего другого...

— Это неправда. — Голос Дубэ дрожал.

Девушка впустила его внутрь, закрыла за собой дверь и осталась стоять, прислонившись к ней спиной.

— Что-то не так? — спросил Лонерин.

Было похоже, что он не ждал ничего подобного.

Дубэ подняла на него взгляд и стала пристально смотреть ему в глаза.

— Мы сделали ошибку.

Было похоже, что он не понял.

— Я...

— Мы не можем быть вместе.

Невозможно описать, с каким трудом скатывались эти слова с ее губ. Каждое было тяжелым, как огромный камень.

В первое мгновение Лонерин был ошеломлен, потом добродушно улыбнулся.

— Что новое ты теперь придумала, чтобы отказаться от счастья? Мы близко от

Сеннара, ты это помнишь? Он тебя освободит, и свое задание мы тоже выполним. Все идет хорошо, ты наконец станешь свободной...

Она покачала головой, глядя себе под ноги:

— Дело не в этом. Я не верю, что люблю тебя.

Лонерин недоверчиво посмотрел на девушку.

— И я уверена, что ты, если бы заглянул глубже в свое сердце, понял бы, что тоже не любишь меня.

— Ты ошибаешься, и очень сильно. Ты просто ищешь предлог, чтобы отдалиться от меня, потому что боишься. Ты так долго жила без надежды, что привыкла к этому и теперь любишь свое страдание и не хочешь расстаться с ним. Поверь мне, это естественно. Но ты должна преодолеть это и пережить этот момент.

Он подошел к Дубэ, желая ее обнять, но девушка прижалась спиной к двери и уклонилась от него. Слезы щипали ей глаза.

— Нам было очень хорошо, я не могу сказать, что это не так. И я пыталась забыть обо всем, просто принимать все, что ты мне давал, ни о чем не задумываясь. Но это невозможно. У меня не получается. Мне не удастся раствориться в твоих объятиях, согреться от твоих поцелуев. А я бы этого хотела — правда, хотела бы. Ты остаешься для меня только другом — самым лучшим и, может быть, единственным. Но только другом.

Бледное лицо Лонерина было еще блее под лучами луны, которая освещала комнату. Он застыл словно парализованный, и его руки по-прежнему были протянуты к Дубэ.

— В пещере было по-другому. Там ты отвечала на мои ласки, желала их так же сильно, как я, — возразил он.

Дубэ закрыла глаза, прислонилась головой к двери. Она вспомнила о письме, спрятанном в ее одежде, и о сне, который видела перед тем, как проснуться здесь.

— Я любила всего один раз — своего Учителя. Он был смыслом моей жизни, моей силой, он спас меня и научил всему. Когда он умер, во мне возникла пустота, которую я до сих пор не сумела заполнить. Все эти годы я делала только одно — искала его повсюду. Что бы я ни делала, это было для него и в его память. В тебе, Лонерин, я только снова искала его образ.

Руки молодого мага повисли вдоль тела, в его взгляде были потрясение и растерянность от неожиданного удара.

— Ты ведь не говоришь это всерьез.

— Сначала я верила, что ты можешь быть тем, кого я хотела. Я верила, что смогу спастись, ухватившись за тебя, но это не так. Несмотря на то, что было в пещере, я продолжаю рассуждать так, словно я одна и чувствую, что я одна. Ты считаешь, что для моего спасения достаточно победить проклятие, и все твои усилия направлены только на это. Любовь, которую ты, как ты думаешь, чувствуешь ко мне, — это только жалость к моему положению; я читаю это в твоих глазах. Для тебя я только жертва Гильдии, кто-то, кого надо спасти от твоих вечных врагов.

— Не устраивай нам проверку!

Дубэ вздрогнула: этот внезапный гнев Лонерина испугал ее.

— Не пытайся убедить меня, что это для нашего блага! — закричал Лонерин. — Это ты не хочешь меня, это ты не хочешь понять, что я могу спасти тебя по-настоящему просто тем, что люблю тебя.

Дубэ тихо опустилась вниз, скользнув спиной по двери, к которой прижималась, и осталась сидеть. Она была больше не в силах выносить этот разговор. Он нанесла Лонерину тяжелый удар, но другого выхода не было. Она вспомнила о зле, которое причинила Дженне, и подумала, что совершенно не может идти по жизни, не навлекая беду на других, — она несет им проклятие даже тогда, когда не намерена это делать.

Лонерин наклонился к ней, взял ее ладони в свои.

— Прошу тебя, скажи мне, что это только на мгновение. Выпись, и увидишь, что завтра все станет по-прежнему.

Дубэ покачала головой. Но он все же наклонился ближе и протянул ей губы. Она попыталась отодвинуться.

— Я не хочу...

Она отвернулась, но Лонерин взял ее лицо в руки и все-таки поцеловал ее — насильно. Он оторвался от этого лица, только когда услышал, что она плачет. Его глаза блестели.

Дубэ поднесла ладони к глазам и заплакала уже не сдерживаясь. Она услышала скрип дерева: Лонерин сделал шаг назад, отступая перед ней.

— Прости... — пробормотал он. — Я не знаю... нет, я знаю, в чем дело. Я не могу жить без тебя.

Дубэ отняла ладони от лица и посмотрела на Лонерина.

— Мне бы хотелось, чтобы я смогла полюбить тебя, правда. Ты думаешь, мне нравятся одиночество и отчаяние? Думаешь, мне нравится моя жизнь? Но у меня не получается, не получается!

Слезы помешали ей говорить. Лонерин попытался взять ее за руку, но она не позволила.

— Ты ошибаешься и делаешь больно не только мне, но в первую очередь себе самой, — сказал Лонерин голосом, не похожим на свой.

Потом он встал, и Дубэ отодвинулась в сторону, чтобы он смог открыть дверь и уйти. Услышав, как дверь закрылась за его спиной, она выплакала всю свою оставшуюся боль.

23

ПОСЛЕДНЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Идя назад по мостику, Лонерин задыхался от гнева. Проходя через деревню, он все время ускорял шаги и наконец побежал. Прохладный ночной воздух бил по его разгоряченному лицу, словно плеть.

Открывая дверь своего жилища, он толкнул ее изо всех сил, а войдя, резко рванул ее, закрывая за собой. Только после этого он остановился. Тишину его жилья нарушало только его собственное беспокойное дыхание. Он оглядел свою комнату — все как обычно. У одной из боковых стен — его изношенная рубаха и рядом лоскуты, которые он оторвал от нее, чтобы промыть раны Дубэ. Травы и пузырьки, которыми он пользовался, когда процеживал питье, лежат и стоят в порядке на столике под окном. Вот его кровать и на ней — аккуратно сложенные одеяла. Вдруг эта картина показалась ему невыносимо нелепой. Почему все нормально, почему на его вещах нет следов того, что случилось только что?

Он почувствовал приступ слепого гнева. Бросился к столику и перевернул его. Пузырьки упали и разбились, травы рассыпались по деревянному полу у него под ногами. Ему было все равно. Он сорвал одеяла с кровати и отбросил их прочь, швырнул в стену остатки своей куртки и закричал. Кто знает, что подумают об этом гномы... Они, конечно, проснулись, но это его не интересовало.

Он упал на колени рядом с тумбочкой, начал бить по ней кулаками и бил долго, пока не поранил себе ладони. Потом он остановился. Гнев бурлил в его крови, словно яд, но он знал, что, даже если уничтожит всю комнату, не почувствует себя лучше. То, что Дубэ не принадлежит ему, было ужасной правдой, от которой нельзя было уйти и которую ничто не могло изменить.

Слезы медленно потекли по его лицу. Как давно этого не случалось...

«Маленькие мужчины не плачут. Вытри лицо, Лонерин».

Так часто говорила ему мать, когда он был маленьким. После того как его отец ушел от нее, она очень старалась вырастить из Лонерина настоящего мужчину.

Молодой маг не понимал, почему это вспомнилось ему именно сейчас.

Он поднес ладони к лицу и заплакал навзрыд, как плакала чуть раньше Дубэ. На мгновение он вспомнил, как она сидела, сжавшись в комок, на полу у двери после того, как он заставил ее поцеловать его. Ему не удавалось почувствовать себя виноватым из-за этого

поцелуя: мысль об ее отказе не оставляла и следа сочувствия. И все же ему было плохо, слезы капали, просачиваясь между сжатыми пальцами, глаза покраснели и горели от слез.

Она ошибается, это было не так, как она сказала. Это другое — и все тут. Гильдия ни при чем. Он любит Дубэ. Он мог бы ее спасти. Когда он был маленьким, Черный Бог дал ему жизнь в обмен на жизнь его матери, и он не мог ничего сделать. На этот раз будет по-другому. И все-таки, несмотря на его старания и преданность, Дубэ продолжает отказывать ему в любви и упрямо терзает себя нелепой болью из-за прошлого.

Лонерин чувствовал себя раздавленным. Ему хотелось, чтобы Дубэ была рядом, больше всего на свете он хотел ощутить ее прикосновение — как тогда, когда его мать проверяла, нет ли у него жара, как в детстве на рынке, когда он словно растворялся в ярких сочных звуках голосов торговцев. Теперь было то же самое — то же блаженное счастье.

Лонерин до последней возможности наслаждался этими обрывками воспоминаний, пока не погрузился полностью в бездну печали и одиночества, откуда, как ему казалось, он мог не найти дорогу назад.

Но Лонерин еще надеялся, что Дубэ придет. Он мысленно увидел, как она, с опухшими от слез глазами, открывает дверь и бежит к нему. Он скажет ей, что она ошиблась, и все будет как раньше.

Он неподвижно просидел всю ночь, скорчившись так же, как она, но никто не пришел.

Из этого состояния Лонерина вывел гном, который обычно по утрам приносил ему завтрак: молодой маг услышал, как тот стучит в дверь. Он даже не заметил, сколько прошло времени. Ночь для него была однородной черной массой и не делилась на часы, время растеклось и застыло как вязкая жидкость, превратившись в один вечно настоящий момент.

— Войдите!

Гном вошел тихо. Лонерин услышал, как под его осторожными шагами захрустели обломки стекла, оставшиеся лежать на полу, поднял голову и увидел, что тот неподвижно стоит в центре комнаты с подносом в руках. Молодой маг почувствовал себя так, словно его застали на месте преступления. У гнома было испуганное лицо — должно быть, потому, что Лонерин выглядел страшно, но молодому магу это было все равно. Оба немного помолчали, потом гном пробормотал несколько обычных вопросов о его здоровье.

— Са макhtar Ани, — ответил Лонерин со слабой улыбкой. Все хорошо, даже если ни он, ни гном-хюэ не верят в это на самом деле. — Нар катхар, — добавил он. Это значило, что он не хочет есть. Гном поставил завтрак на пол и быстро исчез за дверью. Лонерин хотел было спросить его, где Дубэ, но не успел. К тому же важно было только одно: она не пришла. Вероятно, она тоже слышала его крики и сознательно отвернулась от него — дважды предала.

Лонерин посмотрел на чашки, от которых шел пар, и его желудок сжался. Потом его взгляд упал на то, что творилось в комнате. Все было разбросано и перевернуто, а у валявшегося на земле столика была сломана ножка. Лонерину стало стыдно за себя. Ему вдруг стало неприятно смотреть на следы собственного гнева, и он почувствовал, что должен выйти из хижины.

Снаружи было необычно темно. Небо было закрыто толстым слоем облаков. Драконы молчали в своих норах под обрывом. Несколько молний осветили долину, а потом успокоительный шумящий ливень омыл землю, как в тот раз в лесу, в середине пути. При этой мысли Лонерин не выдержал, и его взгляд упал на хижину Дубэ, которую он с трудом мог разглядеть вдалеке.

«Я должен посмотреть, как она себя чувствует, полечить ее раны, проследить, чтобы она выпила лекарство».

Он закрыл глаза, и ноги сами понесли его вперед.

Деревня казалась пустой. Деревянные мостики были сырыми. Он прошел пару мостиков, перешел на другой уровень, поднялся выше. Как только он увидел хижину Дубэ, его сердце забилося сильнее. Она, должно быть, до сих пор сидит там же, прислонившись спиной к двери.

Лонерин остановился. От дождя темное дерево, из которого была построена хижина, стало почти черным. Он взглянул на дверь и окна — закрыты. У него не было сил идти дальше, и он неподвижно стоял на этом месте. Его волосы были уже влажными от дождя.

Лонерин мгновенно понял, что Дубэ сказала ему правду. Она не любит его и никогда не полюбит. Прошло всего несколько часов, и дождевая вода унесла его иллюзии. У него не оставалось сил ни чтобы войти к ней, ни чтобы вернуться в свою комнату. Он сел под навесом и, чувствуя, как прилипает к телу мокрая одежда, стал смотреть, как льются с неба дождевые струи.

Дубэ сидела взаперти в своей хижине. Она устала и в любом случае совершенно не желала снова выходить на улицу. Там, снаружи, был Лонерин, а она была уверена, что не сможет выдержать его взгляд.

Она никогда не думала, что сказать ему «нет», прогнать его будет так больно. Она полностью и без жалости к себе понимала, что причинила боль человеку, который спас ей жизнь, тем, что эту жизнь разрушила. Она чувствовала себя как в начале пути, словно они вернулись в прошлое. Снова она была отмечена проклятием, ее судьба преследовала ее, заставляла наносить удары и раны, когда она этого не хотела, как будто она была предназначена только для того, чтобы нести смерть и боль.

Поэтому она заперла на засов дверь и закрыла ставни на окнах. Она не хотела видеть свет, темнота была ей ближе — как в детстве, когда она после смерти Горнара заперлась на чердаке.

Ее одиночество нарушал только жрец. Он вел себя с невероятной сдержанностью: не спрашивал, почему она заперлась, и не пытался открыть окна. Он не старался заставить ее заговорить и не смотрел ей в глаза. Он только продолжал выполнять свою работу и два раза в день приносил Дубэ еду. И девушке почему-то становилось уютнее от его безмолвного присутствия.

Ее тело исцелялось, и к ней возвращались силы. Но ее ум словно висел в пустоте. Часть ее души спрашивала, все ли правильно, не совершила ли она ужасную ошибку. В каком-то смысле ей не хватало Лонерина. Но Дубэ не смогла найти ответ на этот вопрос и тогда заперлась.

Однажды утром ее добровольному заточению пришел конец: в проеме двери появился не молодой жрец, а другой гном, старше и выше ростом. Он улыбнулся и сказал:

— Сегодня день отъезда.

Он говорил на ее языке с очень сильным, но приятным акцентом.

Затем он поднес руку к груди и добавил:

— Я Ильо, ваш проводник. Приготовься, я буду ждать тебя за дверью.

Он вышел так же бесшумно, как вошел, и закрыл за собой дверь.

Несколько секунд Дубэ неподвижно сидела на краю своей кровати в полумраке комнаты.

«Пора», — подумала она потом, быстро оделась и впервые с тех пор, как она и Лонерин оказались в этой деревне, взяла в руки свое оружие. Она один за другим уложила на место метательные ножи, вложила в ножны кинжал, натянула на лук тетиву. Она снова становилась воином. Дубэ неожиданно осознала, что ей не хватало тяжести ее оружия.

Наконец она увидела письмо. Оно лежало на тумбочке рядом с ее старой одеждой, которую никто не унес. Девушка почувствовала комок в горле: много лет в этом письме заключалась для нее вся жизнь. Она почувствовала огромное желание снова взять его с собой, положить себе на грудь. Но она знала: это закончилось. Когда она сказала «прощай» Лонерину, на самом деле она простила с Учителем, позволила Учителю вернуться в мир теней, навсегда отказалась от него. Поэтому она широко распахнула окна и стала дышать свежим лесным воздухом. Порыв ветра сбросил письмо на пол. Дубэ его не подняла. Вместо этого она открыла дверь и вышла из хижины.

Еще издали она увидела Лонерина, когда пыталась сесть на одного из тех маленьких драконов, которых уже видела, гуляя по деревне. Сейчас три таких дракона стояли рядом, уцепившись когтями за скалу.

Дубэ почувствовала желание накрыть голову капюшоном, но не поддалась искушению: от капюшона не будет никакой пользы. Она сдержалась и не показала свою тоску и чувство вины. Все это она заслужила.

Лонерин увидел ее не сразу, поэтому Дубэ позволила себе прежнее удовольствие — несколько мгновений рассматривала его так, что он ее не видел. Он двигался не так легко, как обычно, словно боялся этих животных, и по его лицу было видно, что он устал. Дубэ покраснела, опустила глаза и подошла к нему.

Гномы повернулись к ней, а Ильо ободряюще улыбнулся.

Дубэ наклоном головы поприветствовала всех собравшихся и попыталась глядеть только на них, чтобы не встречаться взглядом с Лонерином. Здесь были погонщики драконов и староста деревни, которому Дубэ поклонилась ниже, чем остальным. Затем она почти небрежно оперлась на трость, которой еще пользовалась при ходьбе, потому что чувствовала себя слабой.

Из этого затруднения ее вывел Ильо, который указал ей на одного из маленьких драконов и сказал:

— Мы поедем на кагуа: самый короткий путь проходит по тропам, между которыми нет связи, там могут двигаться только они.

Дубэ впервые видела одного из этих животных вблизи. Они были очень похожи на земляных драконов: такая же чешуя, только меньше по размеру и менее грубая, та же окраска. Но морды не такие вытянутые, а гребни на затылках короче. И главное, у кагуа не было крыльев, и на них была надета сбруя для удобства наездников.

— Перед отъездом надо помолиться нашему богу, — сказал староста.

Рядом с площадкой, на которой они находились, стояла большая деревянная статуя, явно изображавшая земляного дракона. Хюэ опустились перед ней на колени и простерлись перед ней, коснувшись земли лбами. Дубэ последовала их примеру и краем глаза увидела, что Лонерин поступил так же. Староста несколько раз произнес какие-то слова, которых она не поняла.

— Ответьте «Хавас».

Дубэ и Лонерин подчинились.

Хюэ повернулся к девушке:

— Я просил Макхтахара, Бога-Дракона, чтобы он охранял вас в дороге и помог вам достичь конца пути целыми и невредимыми. Твой ответ означал: «Молим тебя».

Он улыбнулся, и Дубэ кивнула.

Все трое поднялись на ноги, а потом сели на своих кагуа.

— Кагуа — младшие сыновья Макхтахара, они произошли от скрещивания нашего бога с крупными речными пресмыкающимися. И очень удобны для долгих поездок.

Действительно, с точки зрения удобства кагуа выглядели ничуть не хуже лошадей, и Дубэ быстро поняла, как без труда держаться прямо на таком животном. Ее мышцы немного болели, но это было вполне терпимо.

— Пусть ваше путешествие будет безопасным и удобным, и пусть вы найдете то, что ищете, — сказал староста перед тем, как попрощаться с ними.

— Спасибо за вашу неоценимую помощь, — ответил Лонерин.

Его голос был хриплым и низким, и Дубэ спросила себя: может быть, он много плакал?

Потом они отправились в путь.

Деревня быстро исчезла из вида — скрылась за одним из первых поворотов. Им улыбались новые надежды, но гибельных пропастей было не меньше, чем надежд.

У кагуа была довольно странная походка: при ходьбе они качались из стороны в сторону, почти опрокидываясь на бок, и из-за этого наезднику было трудно удерживать равновесие. Дубэ благодаря тренировке и тому, что крепко держала поводья, быстро нашла

нужный ритм движений. А у Лонерина это не получалось, и он сразу растянулся на спине своего кагуа и побледнел как полотно.

— Не бойся, привыкнешь. Через несколько часов ты будешь в порядке, — засмеялся Ильо.

Лонерин заставил себя улыбнуться, но было видно, что ему плохо. Потом он посмотрел на Дубэ. В первый раз они обменялись взглядами, и это пронзило Дубэ сердце. Она заметила, что глаза у Лонерина опухли, как бывает у человека, который не спал и плакал. От вида этих признаков его слабости ей было больно. Она чувствовала себя виноватой — об этом говорило хорошо знакомое ощущение, будто ее грудь наполнена чем-то жидким. Он долго смотрел на Дубэ, словно предъявлял ей как документ свое осунувшееся страдальческое лицо, а потом переключил внимание на что-то другое.

Весь день они ехали, не говоря друг другу ни слова. Тишину заполнял Ильо. Было похоже, что хюэ — веселый народ и очень любят поговорить. Ильо просвещал мага и девушку насчет природных свойств кагуа, их поведения, рассказывал легенды о том, каким образом эти животные были приручены. Дубэ слушала его неохотно и была довольна лишь тем, что эта болтовня заполняет молчание. Когда настало время поесть, они не сделали привал, а поели в седлах, на ходу. Кагуа были неустойчивы, и Ильо, подчеркивая это, долго распространялся о том, как они выносливы и сколько километров могут пройти, не уставая.

Путешественники сделали остановку только вечером, когда уже стемнело.

Ужин был скудным: еду сэкономили. После него Ильо, как ни странно, мгновенно уснул. Дубэ и Лонерин остались у костра одни. Какое-то время они молча смотрели друг на друга, и Дубэ спросила себя, не стоит ли ей нарушить молчание и сказать, что уже поздно и, может быть, им пора спать.

— Держи.

Она чуть не подскочила на месте, почувствовав, что рука Лонерина коснулась ее плеча. Молодой маг смотрел на нее и протягивал ей флягу. Девушка тут же поняла, что это такое, и ее сердце сжалось.

— Лечебный напиток, ты забыла про него. Жить ты ведь все-таки хочешь.

Дубэ, растроганная этой заботой, смотрела на него, и ее глаза наполнялись слезами. Ее вина зашевелилась у нее в груди, словно что-то ползучее свивалось в петли.

— Лонерин, я...

— Возьми лекарство, и хватит об этом, хорошо? И до завтрашнего дня выпей его, или скоро тебе снова станет плохо.

Дубэ взяла лекарство. Пузырек был согрет теплом тела Лонерина.

— Мне жаль, что я сделала тебе больно, — ты не знаешь, как жаль.

— Я не готов выслушать этот довод. У нас есть общая цель — прийти к Сеннару. Сделаем это, а дальше — конец, каждый сам по себе.

Дубэ вытерла слезы, втянула воздух носом.

— Как хочешь.

— Нет, этого захотела ты. Не пытайся свалить вину на меня.

— Ты прав.

— Уже поздно. Я иду спать и советую тебе сделать то же.

Дубэ только кивнула и сама залила костер водой. В лесу стало темно, и эту темноту наполняло только свистящее дыхание драконов-кагуа. Девушка видела спину Лонерина: он упрямо не желал повернуться к ней лицом. Это действительно был конец. Конец, причиной которого была она сама и которого она добивалась.

Девушка завернулась в плащ и опустила на постель из сухих листьев и хвороста. Кто знает — возможно, она сумеет освободиться от всего остального так же, как сейчас освобождается от любви к ней Лонерина. Может быть, он все-таки прав, и ее любовь к нему — только попытка утоления другой жажды, желания мучить себя болью, чтобы дать покой слишком многим мертвецам. Может быть, однажды она, хотя бы ценой страданий, сменит кожу как змея и возродится. Эта цель казалась ей неясной и недостижимой.

Девушка закрыла глаза, и дыхание ночи убаюкало ее, как колыбельная песня.

24

ПРИНЦ, КОТОРЫЙ НИКОГДА НЕ БУДЕТ КОРОЛЕМ

Идо решил отправиться в путь ночью. Чтобы попасть в Лаодамею как можно скорее, нужно было сократить путь и проехать через Большую Землю, но это было опасно: там он и мальчик большую часть времени будут на открытой местности. Поэтому самым разумным выходом было использовать темноту, хотя бы для этого и пришлось спать днем.

Незадолго до отъезда он на всякий случай привел Сана в старый арсенал.

Эта большая овальная комната была полна пыли и плесени. Углы затянула паутина; оружие, висевшее на стенах, заржавело. Но достаточно было открыть сундуки, чтобы найти несколько еще хороших клинков. Арсенал находился в самой сухой части акведука, в дальнем конце прохода, который был прорыт людьми Идо в дни сопротивления, и проходил далеко от всех каналов.

Идо вынул из кучи оружия меч, который, как ему показалось, сохранился лучше остальных, и пошел затачивать его на точильном круге.

— Зачем этот меч? У тебя же есть твой? — резко спросил Сан.

— Он будет для тебя.

Мальчик побледнел.

— Не волнуйся, это только на крайний случай.

Оба помолчали, потом Идо спросил:

— Ты умеешь им пользоваться?

Сан кивнул, но неуверенно.

— Отец учил меня с тех пор, как я был еще маленьким, но у меня еще ни разу не было случая сражаться по-настоящему.

— Тогда будем надеяться, что теперь тебе тоже не придется сражаться. Но все-таки тебе нужно хорошо усвоить, что ты должен быть готов ко всему.

Закончив точить, Идо сразу же вложил мальчику в руки меч и к нему — сильно потертые кожаные ножны. Потом они немного поупражнялись — ровно столько времени, сколько было нужно, чтобы мальчик вспомнил основные правила. Идо заметил, что Сан владеет мечом хорошо для своего возраста — может быть, немного по-школьному, но способности есть. Уроки, которые он получил, были хорошими.

Однако он заметил и другое: мальчик упражнялся неохотно и был рассеян.

— Ты же говорил мне, что тебе нравилось биться мечом.

— Это правда. — Мальчик опустил свое оружие. — Но я вот чего не понимаю: ты сказал, что защитишь меня, а теперь даешь мне в руки оружие; я...

— Сан, я же ранен, и я буду чувствовать себя спокойнее, если ты тоже будешь вооружен. Но оружие тебе не понадобится, не тревожься.

Идо увидел, как заблестели глаза Сана. Живший в нем ребенок рвался наружу.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось, — уверенным тоном добавил гном. — Но ты должен понять, что нужно учитывать любую возможность. Один из талантов хорошего воина — умение ничего не упускать из виду, а я, во всяком случае, очень опытный воин, верно?

Сан рукавом куртки вытер слезы и кивнул.

— Отлично. А теперь иди спать. Завтра ночью мы выезжаем.

Конь, которого они все эти дни держали в стойле и кормили кормом, оставшимся на складе, был в хорошей форме. Это хорошо, потому что им придется ехать без остановки, чтобы использовать каждое мгновение, которое будет дарить им темнота. Останавливаться для сна на равнине будет, без сомнения, трудно, поэтому им придется делать остановку всего на несколько часов и днем.

Когда они выехали, не было видно даже луны, и, как только они вышли из акведука, Сан прижался к спине Идо и застыл на месте.

— Ничего не видно.

— Только для того, кто не хочет видеть, — ответил гном.

Сам он проделал множество ночных переходов, знал все опасности и обманы темноты и знал, как в ней двигаться. Он долго приучал свой единственный глаз видеть ночью, а когда зрение стало немного слабеть из-за старости, стал больше пользоваться остальными органами чувств.

Они скакали всю ночь и, лишь проехав значительный отрезок пути, остановились, чтобы поесть. Только на рассвете они сошли с коня, чтобы отдохнуть по-настоящему.

Идо устроил укрытие из занавеса, который он взял с собой. Занавес был сделан из той же ткани, которая применялась, чтобы маскировать входы в акведук, и идеально подходила на роль палатки. С таким укрытием у них было больше возможностей остаться незамеченными в дороге, и гном растянул занавес так, чтобы он накрыл обоих.

— Будем спать по очереди, — сказал он. — По два часа каждый. Если захочешь спать во время своей смены, предупреди меня, ясно?

Сан одновременно ответил кивком и зевнул.

— Но сначала я должен попросить тебя: будь так добр, полечи меня еще своей магией. Мне это нужно, чтобы поправиться.

Сан неохотно положил свои ладони на раны Идо. Было видно, что мальчик устал, и в любом случае заниматься магией ему не нравилось.

Идо с восхищением смотрел на свет, который, как всегда, исходил от пальцев мальчика.

— Когда все это закончится, я отправлю тебя учиться к магу, — вдруг сказал он.

Мальчик посмотрел на него почти со страхом и сказал:

— Лучше не надо.

— Из-за твоего отца?

Руки Сана вдруг похолодели. Это случалось каждый раз, когда заходила речь о Тарике.

Идо поискал подходящие слова и сказал:

— То, что у твоего отца был такой взгляд на магию, не значит, что она сама по себе плоха. Это было только его мнение, понимаешь?

Сана это не убедило.

— Например, Тиранно был магом... По крайней мере, это пример, который мне приводил отец, когда заходила речь о чем-то таком.

У Идо эти слова вызвали тревогу. Он уже думал об этом. Насколько он знал историю жизни Тиранно — а знал он мало, — Тиранно в детстве был одаренным мальчиком, точно так же, как сейчас Сан. Гном задал себе вопрос: не входило ли все это в планы Иешоля?

— Это — крайность, исключительный случай. Возьми как пример своего деда. Он сделал с помощью магии великие дела, или ты так не считаешь? — сказал он, чтобы сменить тему разговора.

Сан не знал, что ответить.

— Все дело только в том, как использовать свой дар. То, что ты сейчас меня лечишь, хорошо, разве не так? А когда мы были в Большой Земле вместе с убийцей, помнишь, ты спрашивал себя, как тебе удалось освободиться?

Сан покраснел.

— Я не хотел, я почти не понял, что сделал... Мои ладони стали языками солнечного огня и, когда я посмотрел, оказалось, что веревки наполовину сгорели.

Идо мысленно сказал спасибо себе самому: значит, он угадал верно.

— Это магия, Сан, и она помогла тебе спастись. Ты тогда и меня спас.

Мальчик, ничего не сказав по этому поводу, продолжил его лечить.

Идо не был уверен, что говорил достаточно убедительно.

— У тебя выдающийся дар. Так начинал твой дед. Ты знаешь, что он разговаривал с

драконами?

Сан явно заинтересовался.

— В самом деле? — спросил он.

Идо кивнул:

— Ты разговариваешь с животными, Сан. Это выдающиеся способности, нельзя, чтобы они пропали зря. Поэтому я и посоветовал тебе учиться.

Теперь он понял, почему мальчик так сопротивлялся. Отец Сана умер совсем недавно, и сын, конечно, боялся предать его память, делая то, что тот ему запретил.

— Ты не обязан становиться магом, — продолжал говорить Идо. — Ты это сделаешь, только если захочешь. А если нет, сможешь заняться тем, что тебе больше понравится, может быть даже в Академии.

Он улыбнулся, и Сан с облегчением ответил ему улыбкой, но всего на одно мгновение.

— Что будет дальше, Идо? У меня нет ни дома, ни родителей.

Гном прекрасно понимал, что сейчас чувствует мальчик — смятение и растерянность.

— Ты молодой, перед тобой открыто множество дверей. Не бойся, ты сам узнаешь, куда идти и что делать.

Сан опустил глаза.

— Иногда я думаю об этом ночью. Я просыпаюсь и говорю себе, что у меня мало времени, очень мало. Каждый день у меня остается на один день меньше, и я боюсь. — Он проглотил комок в горле. — Боюсь, что все это никогда не кончится, что Гильдия меня найдет, и боюсь Тиранно...

— Ты не должен думать об этом, ты должен смотреть вперед. Тиранно разбит; то, что угрожает нам сейчас, — только его бледная тень, и она навсегда останется только тенью.

Сан кивнул. Было совершенно ясно, что он слепо верит в то, что говорит Идо и успокоительные слова гнома — единственное, что ему нужно, чтобы быть в состоянии продолжать путь.

— Верь мне. Все будет хорошо, в том числе и потому, что я буду защищать тебя, не жалея своей жизни, — ты согласен, Сан?

Мальчик решительно кивнул:

— Я никому не верю так, как тебе.

Идо улыбнулся, и Сан бросился ему на шею. Больное ребро отозвалось на его движение приступом боли.

— Тише... — прошептал гном. Но он был рад этому объятию и прижал Сана к себе.

Идо проснулся с каким-то странным ощущением в теле. Они были в пути уже восемь дней, и до сих пор все шло в общем и целом хорошо. Они двигались по ночам, а перед рассветом останавливались для сна. Спали они по очереди, но Идо за это время ни разу не позволил себе уснуть крепко. Их могли выслеживать.

В темноте Идо прислушался к своему телу. Он не мог сказать, что ощущают его кости, но у него было плохое предчувствие. Стемнело, должно быть, недавно: на западе была видна полоса тускло-синего цвета. Ночь казалась такой же, как все остальные, только светлее: луна — четверть диска — сияла необыкновенно ярко. И все-таки что-то было не так.

Идо разбудил Сана, но не стал делиться с ним своими мыслями: не было смысла пугать мальчика без всякого смысла, он уже достаточно напуган и без этого.

— Мы отправляемся сейчас же.

Мальчик широко раскрыл глаза.

— И не будем есть?

— Поедим в дороге.

Они сели на коня. И Идо заставил его бежать быстрее обычного.

— Что-то не так? — недоверчиво спросил Сан.

— Ничего, — пожал плечами Идо.

— Мы никогда не скакали так быстро.

— Чем раньше приедем, тем лучше.

Воздух задрожал от какого-то неясного низкого звука. Может быть, с ним сыграл злую шутку жаркий воздух, который продолжает мучить его зноем, хотя они и удаляются от Земли Огня? Но Идо казалось, будто в его ушах тихо, как шепот, звучит давно знакомый зов. В этом дрожащем звуке было что-то, что он мог различить лишь время от времени.

И вдруг он понял. Звук был еще далеким и слабым, но скоро он станет даже слишком ясным и близким. Гном пустил коня галопом и положил руку на рукоять меча.

Он инстинктивно подумал о том, как сейчас ему был бы полезен Веза, как бока Везы задрожали бы у него под ногами при этом звуке. Потому что звук, который он слышал, был криком дракона. Много лет этот рев означал для Идо друзей и союзников, но с тех пор, как Дохор пришел к власти, — обернулся смертью.

Конь ни при каких условиях не мог уйти от дракона, но Идо все же пришпорил коня и вынул из ножен меч.

— Что бы ни случилось, убегай, ясно? — сказал он мальчику.

— Не бросай меня! — в ужасе крикнул Сан.

Воздух задрожал, и ветер стал дуть им в спину.

Они почувствовали, как над их головами пролетело что-то огромное. Оно двигалось рывками. На мгновение оно неподвижно повисло в воздухе, закрыв собой луну, потом повернуло в их сторону и оказалось впереди. Эта темная масса закрыла собой весь горизонт. Только ее контуры были слабо освещены луной. Были видны прозрачные крылья и рот, полный огня, как горящая печь. Дракон раскрыл рот, и целая стена огня перегородила дорогу Идо и мальчику.

Этот огонь осветил всю морду дракона — кожу зеленого с переливами цвета и красные чешуи на гребне и хребте. Над серединой драконьего туловища возвышалась темная угрожающая фигура Всадника Дракона.

Идо быстро повернул коня в сторону, поехал вдоль огненной стены, пытаясь найти проход, и одновременно приготовился защищаться.

Дракон вынырнул из огня, неся на спине своего всадника, который по сравнению с ним казался маленьким, как игрушечный солдатик. Одна из драконьих лап на лету ударила коня, и Идо вместе со своим скакуном покатился по земле среди черных обломков, которыми была усыпана пустыня. Издалека до него долетел крик Сана. Мальчик убежал? Или дракон его схватил?

Идо, чтобы конь его не раздавил, откатился в сторону, успевая при этом ориентироваться и держа руку наготове на рукояти меча. Когда он сумел встать на ноги, ему едва хватило времени разглядеть, что под лапой огромного дракона корчится какое-то крошечное по сравнению с ним тело — разумеется, конь с Саном в седле. Идо похолодел. Но тут вдруг раздался второй крик, и сверкнула вспышка света, который его ослепил.

Когда Идо приоткрыл глаза, на земле недалеко от него лежало огромное обессиленное тело, а рядом с ним — две плохо различимые фигуры, похожие на свертки, — дракон, конь и Сан.

— Сан! — закричал Идо и хотел подбежать к мальчику, но ему помешал свист клинка, который мелькнул совсем рядом с его головой. Гном отклонился в сторону, потом снова выпрямился — и тут узнал своего врага.

Прошло пять лет, и мальчик стал настоящим мужчиной. Худощавое усталое тело подростка стало подвижным и ловким телом молодого мужчины. Но в лице и глазах осталось что-то, что напомнило гному мальчика, которому он сохранил жизнь у горы Тал, — мальчика, который тогда хотел быть убитым и вернулся назад искать уцелевших.

У него были зеленые глаза, непроницаемые и холодные, а короткие растрепавшиеся волосы были такие светлые, что в мутном свете луны могли показаться белыми.

— Леарко! — окликнул его Идо.

Юноша никак не отреагировал на это. Меч, который он держал в вытянутой руке, по-прежнему был направлен на гнома. Доспехи принца были испачканы землей: должно быть,

он упал со своего дракона, когда сверкнула та вспышка.

— Моему отцу нужен твой мальчик. Отдай его мне, и все будет хорошо.

Идо зло и насмешливо улыбнулся.

— Насколько я помню, пять лет назад ты был не в том положении, чтобы отдавать приказы. Если память меня не обманывает, я даже спас тебе жизнь.

— Идо, мне нужен только мальчик.

Значит, он еще не забрал Сана. Тогда что это был за неожиданно сверкнувший луч во тьме? Гном не мог найти этому никакого объяснения, да и не имел на это времени. Ему надо было сражаться.

Он бросился на противника. Рывок был мощный, но больное ребро отозвалось на движение плеча таким приступом боли, что у Идо перехватило дыхание. Леарко мгновенно отбил удар. Да, он уже не тот мальчик, которым был пять лет назад.

Идо никогда не думал о том, что было с Леарко после их встречи. Он был уверен, что принц вскоре после этого перестал участвовать в боях, что отец отрекся от него или, может быть, он умер от какой-нибудь болезни. Такой была обычно судьба тех, кто, как Леарко, слишком рано был брошен в ужасы войны и нагружен ответственными поручениями, к которым не был готов. Жизнь уничтожала их, и они умирали раньше времени. Идо никогда не думал, что снова встретится с ним.

Гном не дал себе смутиться из-за этого первого удачного ответа на удар. Не обращая внимания на боль, он повернул свой клинок, освободил его от меча противника и снова пошел вперед. Он подумал, не применить ли повороты запястья. Они всегда пользовался ими против молодых противников. Эта игра запястьем сбивала с толку неопытных бойцов и в конце концов овладевала их вниманием настолько, что они забывали следить за движениями собственного оружия.

Игрушки не действовали. Леарко явно был опытным бойцом: он начал подражать Идо, отвечая ударом на каждый удар. Изменение ритма не нарушало его ориентацию, он ни разу не ослабил внимание, все время был готовым к бою, быстрым и ловким. Последний удар — и Идо возвратился на безопасное расстояние.

— Ты становишься лучше.

Леарко не ответил. По его глазам и лицу было видно, что его мысли были не здесь.

— Ты знаешь, зачем твой отец хочет получить мальчика?

Гному показалось, что Леарко растерялся, услышав этот вопрос. Потом принц ответил:

— Он дал мне приказ. Я его подчиненный и выполняю, что приказано.

А потом нанес без предупреждения необычный удар снизу, который Идо был вынужден отбивать из непривычного для себя положения. Он оказался в невыгодном положении, и Леарко начал его теснить. Гному пришлось отступить, а этого с ним не случалось уже очень давно. За все долгие годы своей борьбы он ни разу не оказывался по-настоящему в трудном положении во время боя. Это время темных интриг не смогло произвести на свет ни одного воина, хотя бы немного похожего на Деинофоро, Рыцаря Черного Дракона, который выколол Идо глаз и которого Идо в конце концов убил своей рукой во время Великой Зимней Битвы. Это Деинофоро был его самым грозным противником.

Нога Идо наткнулась на какой-то выступ, и он упал на спину. Гном решил, что это конец: меч Леарко уже искал его горло, но он откатился в сторону и оказался на чем-то необычно плотном.

Меч принца на мгновение замер над самой землей, и этого времени Идо хватило, чтобы нанести удар по клинку противника и снова принять боевую стойку.

Он бросил взгляд на препятствие, желая понять, что это было. Это оказалось крыло дракона, который был чем-то оглушен — вероятно, той вспышкой света. Не Сан ли это сделал?

— Мне известно, что ты остался без помощника, — сказал он своему врагу, имея в виду дракона.

— Я умею сражаться и без него, — ответил принц.

Идо покачал головой:

— Видно, твой отец не усвоил этот мой урок... Всадник Дракона, сражаясь, всегда держит своего дракона рядом с собой, даже когда находится на земле и незащищен. То, что ты позволил, чтобы твой спутник получил такой удар, ясно показывает, что тебе далеко до истинного Всадника.

Леарко нанес свой удар, но сделал это под действием подавленного гнева, и удар получился слабым и неловким. Идо воспользовался этим и сделал выпад. Юноша едва успел спастись от смертельного удара, шагнув в сторону, но был легко ранен.

На этот раз отойти на безопасное расстояние пришлось принцу, и он сделал это, немного согнувшись из-за раны в боку. На мгновение его лицо сморщилось от боли.

— Так ты знаешь или нет, зачем твой отец хочет получить мальчика?

— Это не важно!

Леарко начинал нервничать. Он переложил меч в другую руку и пошел в атаку. Большой разницы не было: левой рукой он владел мечом так же хорошо, как правой. Идо последовал его примеру и тоже сменил руку.

Они снова начали биться клинком о клинок, принц в совершенстве владел боевым искусством. Но Идо чувствовал, что это — только школьная выучка, Леарко не чувствовал настоящего желания победить. В попытках принца нанести ему удар не было ни ненависти, ни хотя бы твердой решимости выполнить задание. Было, может быть, чувство долга, но долга перед самим собой.

А он сам, наоборот, был готов на все, чтобы спасти Сана. Тут Идо услышал слабый стон мальчика, и это дало ему силы для новой атаки.

Леарко начал отступать.

— Чтобы победить, надо всерьез желать победы! — крикнул Идо и сделал выпад. В этот раз — никакой жалости, не как пять лет назад, когда он пощадил Леарко и этим позволил ему стать тем, что он есть сейчас.

Было похоже, что Леарко ослабил защиту, почти казалось, что он хочет умереть. Он качнулся назад, глядя перед собой пустыми, невидящими глазами. Это не тронуло Идо: гном только немного изменил траекторию удара. И тогда молодой противник поднял меч и заставил его сделать широкое движение рукой. На этот раз ребро словно взвыло от боли. Идо потерял координацию и споткнулся, успев подумать, что нога Леарко вовремя оказалась в нужном месте.

Гном покатился по земле, сам не веря тому, что произошло. Он уже забыл, когда падал в бою, — так давно этого не случалось. А теперь — сбит с ног мальчишкой.

Он лежал на спине, и меч принца был приставлен сбоку к его голове. Идо поднял голову и посмотрел на Леарко.

Тот не проявлял никаких чувств — ни радости от победы, ни жажды крови. Ничто не нарушало полнейшего спокойствия его лица. Его дыхание было немного учащенным.

— Иногда достаточно быть хитрым, чтобы победить.

Идо улыбнулся. Меч еще был у него в руке. У него появилась одна мысль — отчаянная, но, может быть, она поможет ему выбраться. Он не хотел сдаваться.

— Это называется обман.

— Ты ошибаешься, это хитрость. С тех пор как я встретился с тобой, я только этому и учился.

В его голосе был холод бездонной пропасти. Кто он на самом деле, этот юноша? Чего хочет и что побуждает его действовать?

— В тот раз ты сказал мне правду? Ты тогда в самом деле прилетел искать выживших?

Глаза Леарко наполнились болью. Идо сжал рукоять меча.

— Это была правда.

— Твой отец хочет получить мальчика для того, чтобы его убить. Он заключил договор с Гильдией, продал свою душу за власть. Ты действительно хочешь ему помочь?

Леарко опустил глаза, и его меч слегка дрогнул.

Идо вскочил на ноги. Лезвие противника слегка задело его плечо, но он не остановился. Потом его клинок описал широкий круг, и на груди Леарко появилась длинная красная черта. Принц качнулся назад, но удержался на ногах и не коснулся земли.

Идо ясно понимал, что Леарко мог бы остановить его. Уловка, которую он применил, была простой, и мальчику хватило бы немного быстроты, с которой он действовал раньше, чтобы она не сработала. Но Леарко этого не сделал.

Леарко поднес руку к груди. Рана была всего лишь царапиной, но, должно быть, сильно болела.

— Увози его.

Идо посмотрел на принца.

Тот поднял взгляд и сказал:

— Однажды ты спас мне жизнь, уходи с мальчиком.

И бросил меч на землю.

Идо с трудом смог поверить в это, но не заставил Леарко повторять эти слова дважды.

Сан сидел рядом с драконом и держался рукой за лодыжку. Он явно был не в состоянии встать сам. Конь лежал без признаков жизни на расстоянии нескольких локтей от него с распоротым животом.

— Все в порядке? — шепотом спросил гном.

Сан ответил слабым кивком.

— Я не знаю, что случилось. Этот свет — мне было страшно.

— Все в порядке.

Он взял мальчика за плечо. Коня у них больше не было, нужно было идти пешком.

Леарко стоял неподвижно и молча смотрел на них.

Идо повернулся к нему:

— Ты не обязан следовать за отцом — не был обязан тогда, и тем более не обязан сейчас.

— Я его сын, — с грустной улыбкой ответил Леарко.

Идо вспомнил свое детство. Он был сыном свергнутого короля и рос полный ненависти и желания отомстить, он тоже был опутан этой сетью любви и долга, которую невозможно разорвать.

Он не стал больше ничего говорить, взял Сана за руку и исчез в ночи. На этот раз он чувствовал, что еще увидит Леарко, что история его жизни закончится еще очень не скоро.

25

КОНЕЦ ВСЕХ ИЛЛЮЗИЙ

Путь к дому Сеннара был спокойным. Долгие переезды на драконах-кагуа и тихие ночи под звездами. По вечерам было прохладно, и путешественникам приходилось спать рядом с драконами, чтобы согреться. Дождь шел всего один раз, и они укрылись от него в большой пещере.

Очень скоро горы снова утонули в зеленом море лесов; Лонерин и Дубэ стали видеть вокруг то же, что раньше встретили на противоположном склоне гор, — дикий лес, полный невероятно высоких деревьев и огромных листьев.

— Давно ли Сеннар живет один? — спросил однажды Лонерин.

— Самое малое три года, — ответил Ильо.

— А как это получилось? Я хочу сказать: может быть, он прогнал гостей, поссорился со старостой...

— Ничего такого не было. Наш Гхуар сам понял, что маг желает быть один, и просто перестал ходить к нему, а мы тоже стали воздерживаться от этого. Мы только иногда оставляем ему подарки в дупле дерева, недалеко от его дома. На следующее утро мы видим, что дупло опустело. К этому дереву я и поведу вас.

— А далеко ли оттуда его дом? — вступила в разговор Дубэ.
— Не очень далеко. Не бойтесь, вы его найдете.
— Вопрос в том, что мы найдем в нем... — подумал вслух Лонерин.

Ильо улыбнулся:

— Маг — великий герой вашей страны, верно? Вам нечего бояться его.
— Ты был с ним знаком? Разговаривал с ним?

Ильо кивнул:

— Один раз в деревне, несколько лет назад. Это одинокий человек, немного печальный.

Дубэ без труда поверила ему. Хроники рассказывали о Сеннаре и Ниал как о неразлучной паре. Смерть Ниал должна была стать неизлечимой болью для Сеннара, не говоря уже о ссоре с сыном и его уходе. Этого достаточно, чтобы порвать связи со всем миром.

Когда они доехали до места назначения, было уже недалеко до вечера.

— Вот оно, дерево с дуплом, о котором я вам говорил, — сказал Ильо и указал на это дерево. — Дальше вы должны идти сами.

Дубэ огляделась вокруг. Этот лес не выделялся ничем особенным, кроме тропинки, уходившей в чащу.

Заметив, что Лонерин уже слез со своего кагуа, она сделала то же самое.

Ильо улыбнулся как всегда и быстро ушел туда, откуда явился.

Дубэ и Лонерин оказались одни. Он немедленно направился к этой тропе и, ничего не говоря, встал впереди Дубэ. Она была смущена и растеряна. После того короткого разговора в начале пути они не обменялись ни словом. Она не могла даже смотреть на него, потому что от этого чувствовала себя плохо.

— Ты думаешь, Сеннар далеко? — на одном дыхании выговорил он дрожащим голосом.

— Ильо сказал, что до него близко.

Они шли целых полчаса, не видя на горизонте ничего. Потом Дубэ почувствовала какое-то странное и неприятное ощущение в ушах, словно от долетевшего издали низкого звука — такого низкого, что его невозможно было расслышать. Воздух вокруг них задрожал так, что Лонерин остановился и изумленно огляделся вокруг.

Потом раздался пронзительный крик, вернее, ужасный рев, от которого задрожали деревья, и снова раздался прежний шум. На этот раз он был прекрасно слышен. Это были удары крыльев.

Могучий порыв ветра заставил мага и девушку пригнуться к земле, и Дубэ взглянула вверх. Над ее головой пролетело огромное существо прекрасного зеленого цвета.

— Дракон! — крикнул Лонерин.

Как только дракон пролетел над ними, они снова выпрямились и увидели его среди деревьев. Он развернулся, с ревом полетел назад, остановился над ними, вытянув крылья, чтобы держаться на этой небольшой для него высоте. Смел со своего пути деревья, снова взревев, и выпустил когти.

Дубэ и Лонерин бросились бежать. Вдогонку им протянулся язык огня. Девушка закричала, а ее друг инстинктивно вызвал магический щит, преградивший путь огню, и все же их обдало волной жара. Они бросились на землю и укрылись под стволом упавшего дерева.

— Это настоящий дракон — такой, как во Всплывшем Море, а не такой, каких мы видели в ущелье, — тяжело дыша, сказала Дубэ. Она еще никогда не встречала такого громадного дракона. Он был ужасен.

— Разумеется, — почти спокойно ответил Лонерин, хотя и он задыхался от бега. — И этот дракон должен быть тебе знаком.

Дубэ вопросительно посмотрела на него.

— Это может быть только Оарф, — ответил молодой маг на ее немой вопрос.

Девушка открыла рот от изумления и замерла на месте. Когда-то она читала об Оарфе, она знала все про Оарфа, самого знаменитого из драконов, который носил на своей спине воительницу Ниал во время большинства ее приключений. Девушке было странно видеть его сейчас перед собой и притом во всей полноте его сил.

Они услышали, как Оарф еще раз развернулся и опять заревел на них.

— Бежим! — крикнула Дубэ и отпрыгнула от ствола. Они услышали за своей спиной шум хлопающих крыльев и рев Оарфа: дракон гнался за ними.

Не успев даже понять, как это произошло, они оказались на большом лугу. Здесь не было ни одного дерева, только трава до самого горизонта. Дракон мгновенно возник перед ними. Глаза у него были огненно-красные. Он был огромен и сейчас, с раскинутыми крыльями — невероятно красив. Но у Дубэ не было времени думать об этом. Она успела только сообразить, что он загнал их сюда специально. Теперь они были на открытом пространстве, и здесь им негде было спрятаться.

Оарф раскрыл пасть и дохнул огнем им в спину. Лонерин быстро вызвал заклинанием щит, но пламя было таким мощным, что молодой маг упал на колени. Дубэ распласталась на земле, прижалась к ней плотнее, закрыла глаза и спросила себя, неужели ей суждено умереть так — быть сожженной легендарным драконом, и подумала, что жизнь иногда идет очень странным путем.

Когда она набралась мужества и открыла глаза, вокруг нее и Лонерина было кольцо огня, и молодой маг обливается потом.

Девушка бросилась к нему:

— Все в порядке?

— Щит... откачивает как насос... похожие энергии.

Они увидели, как Оарф сделал еще один широкий поворот, и поняли, что погибли. Но тут огонь мгновенно исчез, и дракон пролетел над ними, не заревев и не тронув их.

Они увидели, как дракон опустился на землю посреди поднявшегося облака дыма, в нескольких метрах от кого-то, чью фигуру они плохо разглядели.

— Кто вы и чего хотите?

Сердце замерло у Дубэ в груди. Это мог быть только один человек — только он.

Дым рассеялся, и перед их глазами возник старик с длинными седыми волосами и такой же белоснежной седой бородой. Он был одет в поношенную черную рубаху с красной вышивкой и опирался на большую палку из сырого дерева. Но ни с чем невозможно было спутать его глаза: они были те самые, о которых Дубэ и Лонерин читали во многих книгах, — очень светлые, голубые, вызывающие беспокойство.

— Дубэ и Лонерин, по поручению Совета Воды, — произнес молодой маг.

Старик продолжал стоять на прежнем месте. Одну руку он держал на опущенной морде Оарфа, который продолжал смотреть на пришельцев взглядом полным ненависти.

— Из Всплывшего Мира?

— Да! Вы Сеннар? — спросила Дубэ, вскакивая на ноги.

Старик сощурил глаза.

— Мне нечего вам сказать. На этот раз я спас вам жизнь, но никогда больше не смейте показываться здесь.

Он повернулся, и Оарф опустил одно крыло, чтобы Сеннару было легче сесть на его спину. Старик двигался устало, хотя его тело выглядело еще сильным.

— У нас к вам важное дело, это касается вашего сына! — крикнул Лонерин.

Сеннар замер на месте, словно схваченный невидимой рукой. Его плечи слегка вздрогнули.

— Что вам известно о моем сыне?

— Он в опасности. Весь Всплывший Мир — в опасности. Я маг, мы проделали этот долгий путь, чтобы попросить у вас помощи и совета.

Сеннар продолжал стоять к ним спиной и ничего не ответил. Его рука по-прежнему лежала на крыле Оарфа.

— Дом с другой стороны, идите по тропинке на северо-запад. Я буду ждать вас там. Потом он улетел и снова оставил их одних.

Дом у Сеннара был скромный, таких можно было много увидеть во Всплывшем Море. Дубэ и Лонерину на мгновение показалось, что они вернулись на родину. Эта постройка была самым привычным и знакомым из всего, что они увидели за два месяца своего путешествия.

Дом был построен из камня; он был маленький, одноэтажный, с изящной крышей, низкой и остроконечной. Вокруг дома был огород, немного заросший сорняками, но в общем и целом хорошо ухоженный. Оарф свернулся в клубок возле одной из боковых стен и положил одно крыло на крышу. Он продолжал смотреть на двух пришельцев так, словно ему не терпелось броситься на них, и из его ноздрей вырывались две тонкие струйки дыма.

Дом заметно пострадал от времени. Оконные рамы были сломаны, а камни потрескались во многих местах. Могло показаться, что здесь никто не живет.

У входа их никто не ждал. Дубэ остановилась перед дверью: это место выглядело негостеприимно.

— Что такое? — раздраженно спросил Лонерин.

Девушка тряхнула головой и решила войти.

Они прошли под горевшим от злобы взглядом Оарфа и обнаружили, что дверь открыта лишь наполовину.

— Можно войти?

В ответ раздался только звук шагов человека, который шел с трудом и при этом хромал.

Лонерин вошел, и Дубэ последовала его примеру.

Внутри дом был по меньшей мере в таком же плохом состоянии, как снаружи. Из мебели было всего два стула, каменный очаг, кресло и стол. На полу повсюду лежали книги и листья, некоторые из них были исписаны странными символами, в которые Лонерин впивался взглядом, бледнея от ужаса. Все было покрыто пылью, и в доме пахло плесенью так, что можно было задохнуться.

Сеннар стоял у стола и сдвигал в сторону книги, которыми тот был почти полностью завален, стараясь освободить немного места. Он двигался устало и волочил одну ногу.

Очистив достаточно большой участок стола, Сеннар молча сел.

Он был не таким, каким Дубэ представляла его себе. Лицо было почти полностью скрыто волосами и бородой и представляло собой клубок морщин, на котором выделялись полные жизни голубые глаза. Руки, разрушенные старостью, высохли, почернели и заметно дрожали. Старик — и только, совершенно не похож на молодого героя, о котором она читала в книгах.

— Ну, в чем дело?

Лонерин вздрогнул. Он тоже был чем-то потрясен и по-прежнему не отводил глаз от клочков пергамента на полу.

Сеннар проследил за его взглядом.

— Ты член Совета?

Лонерин покачал головой и ответил:

— Я ученик нынешнего советника от Земли Моря.

— Тогда почему же тебя так возмутило, что в моих книгах есть запрещенные формулы?

Лонерин густо покраснел.

— Я уверен, что ты тоже изучил запретную магию, а возможно, и применял ее.

Юноша едва не подскочил на месте, а Сеннар усмехнулся и сказал:

— Я тоже применял ее...

Потом старый маг посмотрел на обоих своих гостей, и выражение лица у него было далеко не дружелюбное.

— Рассказывайте коротко, а потом уходите: так будет лучше. Что вы хотите мне

сказать?

Лонерин попытался прийти в себя, взял один из стульев и сел напротив старого мага. Дубэ сделала так же.

Он кашлянул, чтобы прочистить горло, и начал свой рассказ. Лонерин, должно быть, много думал о том, что и как сказать Сеннару, потому что говорил так, словно читал собственные записи. Но при этом его лицо было красным как помидор, и было похоже, что та уверенность, с которой он обычно выступал перед публикой, исчезла. Он глотал слова, прерывался, терял нить рассказа.

Сеннар сидел неподвижно, слушал Лонерина, подперев щеку рукой, и с удовлетворением изучал холодным взглядом каждый сантиметр его тела. Было похоже, что старого мага почти забавляет смущение рассказчика. Во всяком случае, он не делал ничего, чтобы ободрить Лонерина. Что касается Дубэ, то на нее Сеннар тоже время от времени бросал быстрые взгляды. Куртка, которую ей дали хюэ, позволяла хорошо видеть печать проклятия на ее руке.

— Вы пришли из деревни Гхуара? — вдруг спросил он и посмотрел на Дубэ.

Лонерин в это время как раз довел до середины рассказ о том, что за человек Дохор и как этот король пришел к власти.

— Мы пришли из деревни хюэ. Это они показали нам дорогу к вашему дому, — торопливо ответил он.

Сеннар еще уже сощурил глаза, и бледный шрам на его щеке стал заметней. Он по-прежнему пристально смотрел на Дубэ.

— Гхуар, очевидно, решил нарушить наш молчаливый уговор.

— Нет, это мы настояли, а он поверил в наши добрые намерения.

Сеннар вновь повернулся к Лонерину, как будто ничего не было сказано.

— Ты напрасно рассказываешь мне историю Всплывшего Мира за время, прошедшее с тех пор, как я улетел оттуда. Идо писал мне в эти годы, и, даже если бы он этого не делал, я и так знал бы все. Всплывший Мир так примитивен, все в нем так повторяется... Не важно, как зовут захватчика — Дохор или Тиранно и откуда он явился — из Земли Ночи или из Земли Огня. Всегда наступает момент, когда кто-то появляется и мирной жизни приходит конец. Всплывший Мир всегда такой. Он оказывается на краю войны, потом бывает уничтожен, после этого воскресает из пепла только для того, чтобы готовиться к новому нашествию. Это кончается тем, что однажды снова льется кровь и происходит резня, потому что в своей основе он стремится именно к этому.

После этого Лонерин довольно долго молчал, а Дубэ переводила взгляд с него на Сеннара и опять на Лонерина.

— Но ведь это круг, разве не так? Как вы сами написали в «Хрониках Всплывшего Мира», это бесконечный круг, который принесет... — неуверенно заговорил Лонерин, но не смог закончить, потому что Сеннар рассмеялся.

Это был злой, горький и полный отчаяния смех, который наполнил собой весь дом.

— Глупости! Дурь! Бред незрелого и счастливого мальчишки, которым я был тогда. Когда ты счастлив, ты можешь сказать все, что угодно, ты готов верить во что угодно, если оно позволяет тебе обманывать себя верой в то, что счастье будет продолжаться всегда. Но оно никогда не бывает вечным.

Он устало откинулся на спинку кресла, оперся о нее головой.

— Хочешь знать правду? На самом деле существуют только короткие периоды подготовки. За несколько лет народ выбивается из сил, прежние враги разбиты, а чтобы создать себе новых, нужно какое-то время. Но эти немногие годы короткого мира имеют только один смысл — подготовить новую кровавую баню. Сколько лет мирной жизни имел Всплывший Мир? Пять? И это — после сорока лет войны.

Лонерин резко качнул головой:

— Пусть так, но дело не в этом. В общем, вы правы — действительно возникла новая угроза для Всплывшего Мира, но меня интересует не причина ее появления. Существует

секта, которая поклоняется кровожадному богу по имени Тенаар, любящему смерть, и эти сектанты пытаются вернуть к жизни Астера.

Сеннар движением руки дал понять, что теряет терпение.

— И ты пришел сюда только для того, чтобы произнести передо мной эту скучную речь? Ты слышал, что я сказал тебе перед этим? Если ты прочел мои проклятые книги, то знаешь, какой огромный кусок себя самого я отдал Всплывшему Миру. Все мои надежды, все, во что я верил, и ногу в придачу. Я потерял свою уверенность, когда боролся против Тиранно, я убивал, воюя против него, и отдал ему еще пять драгоценных лет своей жизни с Ниал, потратив их на строительство мирной жизни! — Старый маг повысил голос, и в этом голосе зазвучал гнев. — Я отдал все. Эта проклятая страна отняла у меня всю мою энергию и всю волю, и я не намерен больше ничего ей давать. У меня больше не осталось ничего, она увела у меня даже моего сына. У меня есть только мое одиночество. Это все, что у меня остается, и Всплывший Мир его не получит. Это погибающая страна, наполненная неизлечимой ненавистью, и нет силы, которая могла бы спасти ее от гибели. Если ты даже сумеешь это сделать, отдав ей в дар все то, что у тебя есть и что не потерял в пути к моему дому, придет новый враг, а потом еще один. Всплывший Мир погружается в пропасть, и помешать этому невозможно. Каждый раз он опускается немного глубже, и нельзя остановить это падение.

Лонерин был ошеломлен.

— Тогда что же вы предлагаете? Оставить его на волю судьбы?

— Он все равно будет падать.

— Но вы же сражались ради этого мира, вы сами это сказали!

— И какая от этого польза? Появился этот Дохор, и все началось сначала, разве не так?

— Да, но...

— Даже Астер вернется на землю, как будто меня никогда не было, как будто Ниал никогда не было, как будто войны никогда не было.

Лонерин снова качнул головой — резко и сильно.

— Нет, на самом деле это не так. У нас есть новые средства, и я...

— Кто сейчас борется, скажи мне? Сорок лет назад были я, Идо, Ниал и Академия, не говоря уже о свободных Землях, откуда во множестве приходили молодые люди, чтобы погибнуть. А теперь?

— Есть Совет Воды, есть я, есть она... — Лонерин указал на Дубэ.

Сеннар зло и насмешливо улыбнулся.

— Твоя подруга ничего не говорит. У нее другие проблемы, верно? У нее здесь свои дела, и она только идет навстречу твоему сумасшедшему желанию чувствовать себя героем.

Дубэ почувствовала, что слова Сеннара — правда и что это унижительно для нее. То же почувствовал и Лонерин, который чем дальше, тем больше выглядел расстроенным.

— Вы не можете на самом деле верить в то, что говорите...

Сеннар горько улыбнулся.

— Мне шестьдесят лет, я старый и погибший человек. Это ты не видишь жизнь в верном свете, потому что ты еще мальчик. В твоем возрасте я думал в точности как ты, а теперь — посмотри на меня. Иллюзии рано или поздно кончаются.

Лонерин опустил взгляд. Если бы это случилось несколько дней назад, он посмотрел бы на Дубэ, ища у нее силу и доводы.

И может быть, Дубэ помогла бы ему. А теперь — нет. Теперь даже она не знает, что ответить.

— Мы просим у вас немного, — с трудом произнесла девушка.

Сеннар смотрел словно сквозь нее.

— Мы проделали этот долгий путь, чтобы попросить вас помочь нам просто советом. Мы лишь хотим знать, какими магическими средствами Гильдия может вернуть к жизни Астера и как можно противостоять этой магии, — договорила она.

— А ты кто такая? Он маг, а кто ты?

Дубэ опустила глаза и ответила:

— Я воровка. Гильдия убийц забрала меня к себе насильно, чтобы я работала на нее.

— И ты здесь из-за вот этого. — Он указал на символ на ее руке.

Дубэ кивнула.

— Тогда интересуйся только своими делами и не притворяйся, чтобы угодить другу, будто у тебя есть и другие интересы.

— Я не угождаю ему.

— А разве нет?

— Когда я пошла за ним, я приняла решение помочь ему выполнить его поручение и считала его дело своим. — Она почувствовала, что Лонерин украдкой смотрит на нее. — Я ненавижу Гильдию, это люди из Гильдии наложили на меня печать.

Сеннар долго смотрел на девушку, а потом так же долго — на клеймо, которым она была отмечена.

— Ты знаешь, кто такой Тенаар?

Дубэ, которую этот вопрос привел в замешательство, только покачала головой.

— Тенаар — другое имя Шеврара.

Дубэ побледнела от волнения. Она знала бога с таким именем, читала кое-что о Шевраре в балладах о Ниал. Это был бог эльфов, которому героиня-полуэльфийка была посвящена, когда была еще младенцем. В то время Астер уже преследовал полуэльфов. На деревню, где жили родители Ниал, напали фаммины, и мать девочки дала обет: если она сама спасется, то посвятит свою дочь Шеврару, богу войны и огня, создателю и разрушителю.

— Я прочел некоторые документы Астера — те, которые смог найти до своего отъезда. Среди его помощников были фанатичные поклонники этого бога эльфов, члены секты, которая возникла среди людей сразу после того, как эльфы ушли. Эти сектанты видели в Шевраре только его разрушительную сторону. Со временем имя бога стало произноситься Тенаар, но это то же самое божество.

У Дубэ его слова вызвали странное чувство, будто прошлое и настоящее были связаны какой-то нитью, будто у нее и Ниал есть что-то общее, какое-то глубинное родство.

— Вот в этом и состоит суть Всплывшего Мира — брать все, что есть на свете прекрасного, и уродовать до неузнаваемости. Искажать. Превращать во что-то несущее зло.

Сеннар вздохнул, и в этом вздохе были усталость и боль.

Потом он снова повернулся к Лонерину:

— Мне жаль, что я был жесток, мне жаль твои мечты, и, поверь мне, я уважаю то, во что ты веришь. Но время заставляет понять многое, и даже ты потом поймешь меня. Это сказал мне, очень много лет назад, граф Варен из Залении, Затонувшего Мира, куда я ездил искать помощи для войны против Тиранно. Время сгибает людей.

— Я знаю. Я прочитал об этом, — сказал Лонерин.

— Я думал, что это не так, но это правда. Речь идет не только о том, что ты с годами слабеешь телом, но и о том, что ты начинаешь понимать настоящую суть мира и чувствуешь, что это уничтожает тебя. Я прошел через это, а тот, с кем это происходит, больше не может выпрямиться. Мне пришел конец, я больше не тот, кто написал «Хроники Всплывшего Мира», и не тот, кто способен найти доводы против рассуждений Астера. Если бы я говорил с ним сегодня, я, может быть, признал бы, что он прав.

— Нет, вы только устали. Утрата Ниал, бегство вашего сына... я понимаю, как это может разрушить человека, — настаивал на своем Лонерин.

Одно лишь упоминание об этих двух несчастьях было для Сеннара как смертельный удар. Он согнулся, как человек, который хочет ослабить боль. Потом он поднял голову.

— Мне жаль, но я больше ничего не могу сделать для вас. Я не в силах бороться, мне не хватает для этого убежденности.

Лонерин сжал голову руками, и Дубэ почувствовала, что должна ему помочь. Она не знала как, но каким-то образом это поручение стало и ее делом, словно Лонерин во время похода передал его ей.

— Тогда сделайте это для вашего сына, — сказала она.

Сеннар выпрямился и пристально посмотрел на нее своим пронизательным взглядом.

— Вы знаете, где он? Вы его видели?

Дубэ покачала головой:

— Нет, но мы знаем, что он существует и что он в опасности.

В глазах Сеннара зажегся лихорадочный огонек тоски и тревоги.

Теперь заговорил Лонерин. Ободренный дерзким вмешательством девушки, он вдруг увидел слабое место в броне отчаяния старого мага. И он попытался пробить эту броню.

— Главу Гильдии зовут Иешоль, — начал он.

Сеннар кивнул и ответил:

— Я нашел его имя в тех документах, о которых я вам говорил. Тогда это был молодой ученик Астера, безмерно восхищавшийся своим учителем.

Дубэ знала этого ужасного человека, который сделал ее невольницей Гильдии.

— Этот человек сумел вызвать из мира мертвых душу Астера.

— Я ее видела, — вмешалась Дубэ. — Я видела фигуру мальчика с неясными очертаниями, она плавала в светящемся шаре в подземельях Дома — это место, где живут члены Гильдии.

— А почему ты считаешь, что это он? — Было похоже, что Сеннар заинтересовался их словами.

— Он был похож на свои статуи, их в Доме много. В Гильдии ему поклоняются как мессии.

У Сеннара вырвался еще один горький вздох.

— Теперь они ищут тело. Тело полуэльфа, — снова заговорил Лонерин.

Старик немного выпрямил спину, в его глазах вспыхнул свет понимания. Теперь ему все стало ясно.

— Тарик...

— Ваш сын?

— Или дети, которые, возможно, есть у него... — договорил Сеннар, словно размышляя вслух, и его голос дрожал.

— Вот поэтому мы и пришли к вам — просить помощи также и для вашего сына.

Но Сеннар уже погрузился в свои воспоминания и мысли.

— Жизнь опять наносит мне удар, ей еще не надоело причинять мне страдания...

Он, казалось, еще больше постарел. Его голос, лишенный интонаций, был полон боли. Дубэ почувствовала, что ее душа разрывается от сочувствия и сострадания к нему.

— Он ушел отсюда, когда ему было пятнадцать лет, захлопнув дверь перед моим носом. Для него существовала только его мать, и он не мог перенести того, что я оказался не в состоянии предотвратить ее смерть. — Он закрыл глаза, словно мысленно видел перед собой далекие образы. — Я хотел бы найти его, снова увидеть. Если бы я мог вернуть время назад и изменить то, что произошло.

Всего одна слеза стекла по его щеке, сухой, как пустыня, которую невозможно оросить. Он открыл глаза, стараясь прийти в себя.

— Если хотите, можете переночевать в амбаре. Оарф больше не сделает вам ничего плохого. Уже поздно, и я устал. Завтра мы продолжим наш разговор, но сегодня мне нужен отдых, прошу вас...

Дубэ и Лонерин кивнули и встали со своих мест.

Сеннар отвел их в амбар и с трудом приготовил для них две постели. Потом он ненадолго исчез и вернулся с двумя мисками супа, которые поставил на пол возле своих гостей, но не сказал при этом ни слова — и бесшумно исчез за дверью.

Дубэ и Лонерин ели в полном молчании. События этого дня и спор с Сеннаром словно прогнали прочь их собственные беды. В конце концов, что такое их ссора по сравнению с тем, о чем говорил старый герой? Они думали о том, как изменило его время, как он разочарован во всем и во всем отчаялся.

Лонерин спрашивал себя, закончит ли он сам жизнь тоже так — раздавленным и побежденным, была ли в самом деле хоть какая-то польза от того, что он все это время боролся со своей ненавистью, от борьбы, которую Сеннар называл бесполезной. Ответа не было — как всегда. Была только усталость от жизни, в которой он день за днем боролся с самим собой и своими самыми темными желаниями.

А Дубэ думала о своей жизни, о том, как она далека от этих проблем, таких великих и благородных. Ее существование было жалким и пустым, и, оказавшись лицом к лицу с Сеннаром, она в конце концов с безжалостной ясностью поняла, что оно бесконечно ничтожно и не имеет никакой ценности.

Они почти одновременно поставили на пол пустые миски, а потом улеглись на свои постели.

Дубэ уже повернулась на бок, но вдруг почувствовала, что Лонерин тронул ее за плечо. Она вздрогнула и повернулась к нему. Лонерин улыбнулся ей, и это было то же, что увидеть, как в пустыне распускается цветок.

— Спасибо за твои слова, — сказал он девушке, и это ее растрогало.

Все это продолжалось только одно мгновение. Лонерин отвернулся и снова замкнулся в себе. Дубэ еще какое-то время смотрела на его спину.

— Спасибо, — пробормотала и она.

26 МОГИЛА В ЛЕСУ

Лонерин проснулся довольно рано. Утренний свет пробивался сквозь щели между досками амбара. С самого начала пути он в первый раз чувствовал себя почти спокойно, как человек, который наконец исполнил свой долг. Теперь все было в руках Сеннара, и он мог позволить себе один день покоя и отдыха.

Он повернулся и увидел рядом Дубэ. Она, как всегда, спала на боку, положив руку рядом со своим клинком. Рана, которую она нанесла ему, теперь стала глухой болью и печалью его сердца. Может быть, она права, и его любовь на самом деле была только жалостью, и ничем больше. Как и она, он увидел в ее взгляде то, чем она не была, и пытался любить и защитить этот образ.

При этой мысли рука Лонерина инстинктивно потянулась к груди. Он очень удивился, когда почувствовал под своими пальцами маленький мешочек, словно не носил его на себе все это время. А потом вдруг вспомнил, что это такое. В мешочке был локон, который Теана подарила ему на память, когда он отправлялся на задание. Он вспомнил ее в тот момент, прекрасную и нежную, как всегда, и это воспоминание обожгло ему сердце. Потом он опустил взгляд на Дубэ, и смутный образ Теаны растаял. Может быть, Дубэ и не женщина его жизни, но оттого, что он видел ее такой незащищенной, нуждающейся в его помощи, его неуверенно влекло к ней.

Молодой маг вскочил на ноги, взял свои вещи и вышел из амбара, осторожно закрыв за собой дверь. Быть на расстоянии шага от Дубэ и чувствовать, что она так бесконечно далека от него, — это было больше, чем он мог вынести.

Снаружи его встретили свежий воздух и ослепительное солнце нового утра. Когда глаза Лонерина привыкли к свету, он какое-то время обводил взглядом все вокруг, ни на чем не останавливаясь, и наслаждался тем, что он здесь, в конечной точке своего пути, и в его уме не было ни одной мысли — только нежная печаль, которая стала почти сладкой.

Вдруг его сердце замерло: он на мгновение увидел Сеннара, который шел в сторону леса. Лонерину было трудно осознать, что один из величайших магов всех времен, герой, создатель нескольких из его любимых книг сейчас находится рядом с ним.

Лонерин, сам не зная почему, пошел за Сеннаром. Было, разумеется, невежливо вести себя так с хозяином, у которого ты в гостях, но любопытство было сильнее. Всю его жизнь Сеннар вдохновлял его множеством способов. Его наставник Фольвар воспитывал и обучал

его в духе легенды о Сеннаре, всегда указывал ему на Сеннара как на пример, которому он должен подражать. Сеннар тоже сирота, его тоже искушала ненависть... Все это Лонерин слушал с изумлением и восхищением и спрашивал себя, сможет ли он сам однажды стать таким же великим, как Сеннар.

Он держался на несколько шагов позади старого мага и присматривался к его неровной усталой походке. Сеннар волок за собой больную ногу, почти не пользуясь ею, и опирался на палку. Было странно видеть его таким усталым и побежденным. Кости его худых плеч выступали из-под рубахи, и Лонерин с болью почувствовал, что и сам он, может быть, в конце жизни будет так безжалостно обглодан временем.

Идти пришлось недолго. Сеннар остановился на крошечной поляне среди деревьев. На ней лежал небольшой белый камень, покрытый плющом. Старый маг с большим трудом опустил на колени и наконец сел перед этим камнем со скрещенными ногами. Он положил руку на камень, закрыл глаза и склонил голову.

Лонерин поспешил отвести от него взгляд, потому что чувствовал себя до неприличия лишним. Он не должен был идти за Сеннаром и тем более не должен был оставаться здесь и нарушать святость минуты такого печального уединения того, кем раньше так восхищался. Лонерин закрыл глаза, и вдруг ему вспомнилась плита на могиле его матери в Земле Ночи. В детстве он просидел перед этой плитой целый день перед тем, как уехать с дядей в свой новый дом. Он не хотел тогда уезжать и не мог оторвать глаз от этого куска дерева, на котором были вырезаны только две надписи и дата.

Его затопила волна горьких воспоминаний, и он оперся о ствол какого-то дерева, словно она могла сбить его с ног.

Когда он поднял голову, то увидел, что Сеннар стоит на расстоянии шага от него, смотрит на него ничего не выражающим взглядом и судорожно сжимает в руке палку.

— Извините меня, я... — Но оправдаться было невозможно.

— Тебе было любопытно? Хотел узнать, есть ли здесь мавзолеей, статуя или что-то еще в этом роде?

— Нет... я... честно говоря, я не знаю... причина была не в этом.

Сеннар как будто бы смягчился, увидев его растерянность.

— Это личное место, понимаешь? Это не памятник, к которому могут приходить все. Этот камень — только для меня. Он не твой и не Всплывшего Мира, он мой, Ниал и Тарика, если Тарик когда-нибудь вернется сюда.

Лонерин опустил глаза.

— Я это понимаю, и мне жаль, что... Я не думал, что вы придете сюда, просто, когда я проснулся, мне захотелось прогуляться.

На лице Сеннара мелькнула улыбка. Потом он махнул рукой и сказал:

— Иногда я бываю слишком суров, — и с трудом сел рядом с могильным камнем — так, чтобы тот был прямо перед ним. — Я прихожу сюда каждое утро. Этот обряд — глупость, я знаю, но он мне необходим.

Лонерин тоже сел.

— Это не глупость. Я прекрасно понимаю ваш обряд.

Сеннар повернулся и посмотрел на него.

— Ты тоже кого-то потерял?

Лонерин кивнул. И сказал:

— Ее могила далеко, я пока не смог вернуться туда. Когда я был ребенком, то очень много времени проводил возле этой могилы, надеясь, что что-нибудь произойдет... Я вернусь туда только после того, как Гильдия будет уничтожена.

Сеннар молчал, и Лонерин молчал тоже. Но молодой маг не смог удержаться и бросил взгляд на могильную плиту. Она была такой же простой, как та, под которой лежала его мать, только здесь был камень, а там дерево. Плющ почти полностью закрывал ее, но имя и дата были хорошо видны. Ниал умерла почти тридцать лет назад.

— Как это случилось? — вдруг спросил он.

Сеннар словно окаменел, и юноша сразу пожалел о том, что задал этот вопрос.

— Очень глупо, по вине эльфов, которые жили на побережье. Сразу после того, как мы прилетели сюда, поездив по этой стране и пережив много приключений, мы приехали к ним. Ниал захотела увидеть своих предков. — Он вздохнул. — Но часто бывает так, что наше представление о чем-то — одно, а действительность — совсем другое. Эльфы — враждебный нам народ, они ненавидят все народы Всплывшего Мира потому, что когда-то давно их изгнали из него. Во время нашего первого путешествия они посадили нас в заточение. Нам понадобились все наши дипломатические способности, чтобы добиться освобождения. Но, когда мы вышли из тюрьмы, нам было приказано больше не появляться в этих местах. Мы соблюдали это условие. К тому же мы начали устанавливать отношения с народом хюэ, и нам стало незачем бывать на побережье.

Сеннар прервал рассказ, опустил взгляд и стал смотреть перед собой.

— Но однажды произошел несчастный случай. Я не знаю, как это произошло, помню о нем только смутно. С тех самых пор, как я стал жить здесь, я ставил опыты — изучал магические возможности этой страны. Ты должен бы уже заметить, что она сильно отличается от Всплывшего Мира.

Лонерин кивнул. Все, что он и Дубэ пережили во время своего путешествия, было странным, необычным, и энергия Отца Леса показалась ему не похожей ни на что из того, что он знал во Всплывшем Мире.

— Здесь духи живут ближе к живым существам; думаю, ты это уже понял. Некоторые из них — души умерших, каким-то образом обитающие на этой земле. Можно слышать, как они кричат по ночам, можно увидеть, как они мечутся среди деревьев, ищут что-то. Другие духи — существа, природу которых я еще и сегодня не полностью понял. Во всяком случае, здесь есть скрытые силы, которые можно использовать в магических целях, и с тех пор как я здесь, я занимался только тем, что пытался понять, что они такое и как ими пользоваться. Именно во время одного из таких исследований, которое я проводил с помощью разных соков, выжатых из растений, и случилось несчастье. Только позже я подумал, что мной, возможно, овладели какое-то странное существо и его дух. Я почувствовал себя плохо, и с каждым днем мне становилось все хуже. Мой ум разделился на две части, как будто кто-то давил на границы моего сознания, говоря мне о мести, гневе и давнем убийстве. Я начал слабеть физически, и после этого события уже нельзя было остановить. Ниал сначала попыталась лечить меня сама с помощью своих малых познаний в магии, потом попросила помощи у хюэ. Но они, можно сказать, величайшие жрецы, почти не знают настоящего магического искусства. А мне тем временем становилось все хуже, я все больше походил на призрака, поселившегося внутри меня. И Ниал решила отправиться к эльфам.

Снова молчание. Лонерин жадно слушал его рассказ, но ждал терпеливо, понимая, каким мучением была для Сеннара эта исповедь.

— Она попыталась договориться с ними по-доброму, но, разумеется, ничего не добилась. Однако она не остановилась, а увела с собой мага-эльфа и насильно привела его в наш дом.

Сеннар провел ладонями по лицу, его спина сгибалась все ниже.

— Ниал заставила его лечить меня. Эльфы знают, как это делать: они живут в симбиозе с этой страной так же, как прежде жили со Всплывшим Миром. Он освободил меня от духа, жившего во мне, но только для того, чтобы бросить меня в ад, из которого мне до сих пор не удастся выбраться.

Его голос прервался.

— Эльфы нашли нас, забрали обратно мага и увели нас в свою страну, чтобы судить. Для них то, что произошло, было неслыханным насилием и обидой. Они не пожалели даже Тарика, который был ребенком, и в конце концов увели и его. Я ничем не мог защитить ни себя, ни свою семью. Я был очень слаб, едва держался на ногах, и у меня не было магической силы. Они потребовали, чтобы я расплатился своей жизнью за нашу вину.

Он замолчал. Над поляной повисла тяжелая тишина. Ее нарушали только какие-то

тихие певучие звуки, которые как будто служили ей фоном, — песни каких-то мелких птиц, и ничего больше.

— Ниал, чтобы спасти меня, сказала на суде, что вина лежит на ней, что преступление совершила она и что она, а не я должна расплатиться за это. Если бы только у меня была сила. Если бы я был здоров... Я бы никогда не позволил ей это сделать, никогда! Я бы умер, и ничего этого не случилось бы.

В его глазах вспыхнула такая бешеная ярость, что Лонерину стало страшно. Его взгляд был полон чувства вины, которое отпечаталось в нем за долгие ужасные годы одиночества.

— Она сделала все слишком быстро. Ей было достаточно расколоть центральный камень медальона — талисмана могущества, к которому была привязана ее жизнь. Быстрый удар меча, никто не успел вмешаться. Я и Тарик видели, как она упала на землю — без стоны, может быть даже не страдая. Мы это видели и не могли сделать ничего! Эльфы смотрели на все совершенно равнодушно и наконец сказали только, что преступник наказан и мы свободны.

Сеннар гневно сжал кулаки. Он чувствовал бесконечное презрение к себе.

— Вначале я хотел бросить все: мне было слишком больно. Но был Тарик, и я, разумеется, не мог бросить его одного. Он стал единственным смыслом моей жизни, силой, позволявшей мне идти дальше. Я хотел дать ему все то счастье, которого он заслуживал: то, что он увидел, было слишком несправедливо.

Старый маг вздохнул.

— Незачем говорить тебе, что и в этом я потерпел полное поражение. Тарик никогда не мог забыть тот день и хорошо знал, что виновен во всем я. Он всегда осознавал это, а я никогда этого не отрицал. Он рос, со временем стал ненавидеть меня, и ненавидел чем дальше, тем сильнее. Помимо всего прочего, у меня не было сил на то, чтобы дать ему настоящее образование, чтобы быть для него настоящим руководителем, настоящим отцом. В пятнадцать лет он больше не захотел иметь ничего общего со мной и ушел из дома. Больше я никогда его не видел.

На этот раз Сеннар окончательно замолчал, и Лонерин не знал, что прибавить к его рассказу. У него не было слов, чтобы утешить эту боль, и оставалось только сидеть рядом возле камня в тишине на этой маленькой поляне.

— А что с Идо? — вдруг спросил Сеннар, немного помолчав. Он посмотрел на Лонерина спокойным ясным взглядом и постарался принять более солидный вид, словно желал отказаться от своей исповеди. Может быть, он уже раскаивался в том, что произнес ее. — Я написал ему несколько писем, но когда Тарик ушел — не знаю, что со мной было, я потерял желание общаться с кем бы то ни было.

— Он здоров, — улыбнулся Лонерин. — И продолжает бороться, теперь один. Дохор объявил его предателем, Идо много лет боролся в Земле Огня, пока это было возможно. После этого он перешел в Совет Воды, который объединяет последние земли, избежавшие власти Дохора, — Пограничные Области Лесов, Воды и Землю Моря.

Сеннар, похоже, был немного озадачен этим ответом.

— Положение там действительно очень изменилось по сравнению с моим временем...

— И еще... Идо отправился искать вашего сына. Мы потеряли его следы, но я знаю, что Идо решил предупредить его об опасности и защитить.

Сеннар кивнул:

— Это должен был сделать я.

— Вы не могли ничего знать.

— Может быть, мне бы надо было вернуться во Всплывший Мир. Может быть, судьба велела мне именно это и бегство от нее было ошибкой, за которую я дорого заплатил. Но когда Тарик ушел, я почувствовал себя таким бесполезным, конченным. Я понимал, что не должен следовать за ним: Тарик убежал от моего контроля, он стал мужчиной, и было справедливо, что ему больше не внушали уважения ни мое горе, ни мое одиночество.

Какое-то время они молчали. Потом Сеннар горько рассмеялся.

— Я столько времени не говорил о таких вещах, а теперь говорю о них с посторонним человеком.

Он посмотрел на него с симпатией, и от этого взгляда Лонерину стало тепло на сердце.

— Твоя подруга, должно быть, уже проснулась, и можно идти готовить завтрак. Раз ты здесь, помоги мне встать: для меня с моей проклятой ногой это настоящее испытание.

Лонерин подал Сеннару руку и подумал: «Странно, что такой великий дух заперт в такое слабое теперь тело». Костлявая рука Сеннара, которую он крепко сжимал, казалась такой хрупкой под его пальцами.

Обратно они шли молча, но в этом молчании не было ничего враждебного. Теперь оно соединяло их, и это было скорее молчание сообщников.

Недалеко от дома, еще в лесу они встретили Дубэ. Оба увидели, как она движется, словно дикая кошка, среди деревьев, и слышали свист ее кинжалов.

Она тренировалась. Лонерин вспомнил, как в первый раз увидел ее за этим занятием и почувствовал к ней враждебность оттого, что обнаружил, что в ней есть много общего с убийцами из Гильдии. Теперь было иначе. Теперь, когда он видел, как ловки и точны ее движения, она была для него прекрасной, совершенной и недоступной. Она была запретным плодом, до которого он не мог дотянуться, и оставалась загадкой, несмотря на ночь, которую они провели вместе, и на все, через что они прошли вдвоем. Рана, скрытая в глубине его сердца, снова обожгла его болью.

Сеннар стоял рядом с ним и смотрел на Дубэ с восхищением и грустью. Кто знает, какие сладкие и горькие воспоминания навевала ему эта картина.

— Завтрак будет готов через несколько минут, — сухо сказал он, и Дубэ резко остановилась.

Было ясно, что она слышала и увидела их раньше, но продолжала тренироваться, словно ничего не произошло. Теперь она стояла и осмотрела на старика, но тот быстро пошел по тропе к дому, оставив двух молодых людей наедине.

Ее лицо стало ласковым, как только она встретила глазами со взглядом Лонерина, и ему это показалось отвратительным. После того вечера она все время обращалась с ним снисходительно, словно он был хрупким, как стекло. Он понял теперь, что она имела в виду, говоря ему, что не желает, чтобы на нее смотрели с жалостью.

— Где вы были?

— На могиле Ниал, — сухо ответил он.

Глаза Дубэ вдруг заблестели.

— Я была бы рада тоже сходить туда...

— Поверь мне, ты избежала очередного из множества печальных рассказов.

Лонерин пошел к дому и чуть позже услышал, как Дубэ последовала за ним.

27

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

— Значит, так ты платишь мне за мое доверие? Это твое уважение, это твое послушание отцу?

Леарко, в испачканной кровью куртке, стоял на коленях перед Дохором. Рана болела сильно. Раненный, он проделал весь обратный путь, а его дракону было еще хуже, чем ему. И как только он оказался дома, сразу же пошел с докладом к отцу.

— Ваше величество, он ранен... — вмешался его слуга Волько, и Леарко услышал, как слуга робко подходит к нему, вероятно чтобы помочь.

— Стой где стоишь! — раздался дрожащий от сдержанного гнева голос отца. — Он должен был умереть. Мне не нужны неумелые и бездарные ничтожества при моем дворе!

У Леарко перед глазами стоял туман. Рана не была тяжелой, но он потерял довольно много крови, и от этого по его телу растекались слабость и холод.

Его отец начал нервно ходить взад-вперед — несомненно, для того, чтобы продлить его

мучения.

— Ты хотя бы ранил его? — наконец спросил Дохор.

Леарко с огромным трудом поднял взгляд.

— Да, государь, в плечо.

Это была всего лишь царапина. Назвать ее раной было бы преувеличением. Но Леарко не смог сказать отцу, что не ранил Идо. Он не мог выдержать презрения, с которым отец смотрел на него. По сути дела, ему нужно было только, чтобы отец восхищался им.

Дохор неожиданно улыбнулся, и в улыбке было торжество.

— По крайней мере, мы избавимся от него.

Ошеломленный Леарко бросил быстрый взгляд на свой меч, который лежал рядом с ним на полу.

— Я хорошо знаю, какое у тебя нежное сердце, — продолжал говорить его отец, наполняя каждое слово презрением, — поэтому я поступил предусмотрительно и, чтобы защитить себя, смазал ядом твой меч.

У Леарко закружилась голова. Он был готов упасть без сознания, но не от потери крови.

Дохор, должно быть, заметил растерянность и оупение в его взгляде.

— На что ты там смотришь? О чем ты думаешь? Я подарил тебе победу и месть, поднес их тебе на серебряном блюде.

Леарко долго смотрел на отца, и в его взгляде был подавленный упрек. Его рыцарский поступок — верность долгу перед гномом — оказался напрасным. Не желая убить, он все-таки убил Идо, обманул Идо так же, как его самого обманул отец.

— Вы могли бы сказать мне об этом.

В глазах Дохора отразился глубинный стихийный гнев. Его сын никогда не осмеливался заходить так далеко!

Мощный удар ладони обжег сыну щеку. Леарко покачнулся, но устоял на ногах, хотя его голова кружилась все сильнее, и снова стал смотреть на отца.

— Ты еще раз показал мне, что ты не воин, а одно разочарование. Никогда больше не смей ничего делать вопреки моим планам.

Леарко кивнул, показывая, что подчиняется приказу. Он чувствовал, что его глаза наполняются слезами, но удержался и не заплакал: в этом не было смысла.

— Теперь стой на коленях здесь, перед троном, и не шевелись. Я не желаю видеть тебя до утра.

— Но, государь, в рану может попасть инфекция. Ему нужно немедленно оказать помощь! — горячо запротестовал Волько.

Король взглядом словно пригвоздил его к месту: он не допускал, чтобы кто-нибудь спорил с ним. Потом он тяжелыми шагами вышел из зала и исчез за колоннами.

Леарко остался стоять неподвижно. Он тяжело дышал, и огромная усталость уже становилась сильнее его. Однако он подчинился — как всегда.

— Мне жаль, мой господин, мне так жаль... — донесся до него голос Волько. Этот голос был полон боли, но Леарко было приятно слышать его. В холоде придворной жизни это был единственный близкий ему человек. — Я знаю, ваш отец суровый человек, но он делает это ради вашего блага, даже когда вам кажется, что он безжалостен и несправедлив... Он любит вас, я в этом уверен.

Леарко медленно опустил голову, из глаз его выкатились две слезы и упали на мраморный пол.

— Я не знаю, как это случилось.

Сан шел с трудом. У него была длинная рваная рана на лодыжке. Она была неглубокой, но все равно должна была сильно болеть, потому что мальчик хромал и было хорошо видно, что он с трудом переносил боль.

— Когда прилетел дракон, — добавил мальчик, поднимая голову, — я, наверное,

подумал что-то, а потом как будто вспыхнул свет, а через секунду я оказался на земле рядом с этим огромным зверем.

Идо внимательно слушал его, но совершенно не представлял себя, какая магическая сила это была. Несомненно, этот мальчик был очень сильным магом: он заставил дракона потерять сознание, а это не пустяк. Идо стал подозревать, что за запретом Тарика скрывалось что-то еще.

— Не беспокойся, теперь мы в безопасности, — сказал он мальчику.

Но это была только часть правды. Идо тяжело дышал и никак не мог привести свое дыхание в норму. Может быть, это просто усталость или проклятая старость, которую он не желал признавать, но выглядел он, должно быть, ужасно, потому что Сан, посмотрев на него, испугался.

— Идо, ты бледный...

— Это просто усталость — и больше ничего.

Они продолжали идти всю ночь, но к гному так и не вернулись силы. Его ноги ослабли, он чувствовал вкус крови во рту. И он решил, что им, может быть, стоит остановиться на отдых еще до рассвета.

Идо с трудом сумел развернуть полотнище-укрытие: руки как будто совсем его не слушались. Он и мальчик оба улеглись под полотном, но сначала Идо осмотрел рану на лодыжке Сана, взял одну из фляг и вылил на рану часть воды из нее. Сан немного сжал зубы.

— Ты поцарапался, когда падал.

Мальчик кивнул и сказал:

— Больно.

— Мне легко в это поверить, — слабым голосом ответил Идо.

Он вымыл руки, потом взял несколько бинтов из тех, которые принес с собой из акведука. Делать перевязку было трудно: руки Идо начали ощутимо дрожать, и капли пота выступили у него на лбу, хотя было не слишком жарко.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Идо вздрогнул. Это сказал Сан, который смотрел на него с явной тревогой.

— Да, — неуверенно ответил гном.

— У тебя дрожат руки.

Идо затянул узел, а потом стал прислушиваться к своему телу, обратил внимание на слабое жжение в плече и вспомнил о ране, полученной во время боя. Меч Леарко едва задел его, но, ощутив порез пальцами, Идо почувствовал, что рана опухла и болит.

— Я чувствую, что мне еще раз понадобится твоя помощь, — сказал он и заставил себя улыбнуться.

Сан напрягся.

— Успокойся. Ты должен только посмотреть на мое плечо — на то место, куда меня ранили.

Это в каком-то смысле успокоило мальчика, потому что он подошел ближе и стал смотреть туда, куда показывал ему гном.

— Скажи, что ты видишь.

Идо почувствовал на своей коже ладони Сана, и они показались ему невероятно холодными.

— Ожоги.

Вот как. Плохой признак.

— Кожа немного покраснела, на ней есть царапина... даже порез. Вокруг него все распухло, а края опухоли бледно-фиолетовые.

Идо очень мало знал о ядах. Этот вид оружия ему никогда не нравился. Он был воином, а не проклятым наемным убийцей, и если он отнимал жизнь у врага, то должен был убить одной силой своего меча и не нуждался в бесполезных хитростях. Но почему Леарко сделал это? Принц не был похож на человека, который способен кого-то обмануть, и при первой встрече, когда Леарко был еще ребенком, Идо увидел в его взгляде легкую дымку — признак

честности. Может быть, тут замешан Дохор.

— Что случилось, Идо?

Гном сразу очнулся от своих мыслей, повернулся к Сану и увидел, что мальчик уже готов впасть в панику.

«Спокойно; я должен сохранять спокойствие».

Он медленно сделал вдох, потом выдох, стараясь не показать, как устал от этого.

— Нам нужна помощь. Сами мы не сможем идти дальше.

— Тебе плохо?

Идо сделал вид, что не слышал этого вопроса.

Он не знал, сильно ли отравлен. Рана поверхностная, но для многих ядов достаточно и этого. В любом случае с момента ранения прошло уже много часов, а симптомы до сих пор достаточно слабы. Может быть, есть надежда.

Он пошарил в своих карманах. Руки плохо слушались его, даже стали менее чувствительными, так что ему понадобилось немало времени, чтобы найти то, что он хотел. Наконец он бросил на землю несколько камней со странными символами и клочок карты.

— Мне нужно, чтобы ты сделал кое-что магическое.

— Идо, хотя бы объясни мне...

Сан шатался и вот-вот должен был упасть. Гном схватил его за плечи — не так крепко, как хотел бы, посмотрел ему в глаза и сказал, стараясь придать уверенность своему голосу:

— Мы должны передать сообщение с просьбой забрать нас отсюда. Я не в состоянии идти дальше. Мы близко от границы с Землей Воды, и, если кто-то прилетит за нами на драконе, мы сможем выбраться. Но мы должны попросить о помощи, понятно?

Сан, бледный как полотно, кивнул в ответ.

— Я знаю только две магические операции — как зажечь огонь и как послать сообщение. Но я слишком слаб, чтобы сделать это сам. Нужно, чтобы ты помог мне произнести заклинание. Это необходимо еще и потому, что я очень плохой маг.

Гном встряхнул головой: мысли начали путаться у него в голове. Он вдруг обнаружил, что думает о своем посвящении в маги, о том, как учился магии, и вспомнил еще целый ряд бесполезных картин из прошлого.

— Ты должен сделать это для меня.

Сан кивнул, но без большой уверенности.

— Возьми камни.

Мальчик подчинился. Идо постепенно говорил ему, что надо делать, — велел уложить эти камни так, чтобы получился круг, потом подал мальчику перо и чернильницу, которые всегда носил с собой в дорожном мешке, и продиктовал сообщение:

— «Мы находимся на расстоянии трех километров от границы с Землей Воды, в направлении Большой Земли. Вы легко увидите нас. Я отравлен».

Рука Сана задрожала, и Идо уловил его полный ужаса взгляд.

— Это легкое отравление, только легкое, иначе бы я уже умер, — уточнил он. — Все-таки пиши дальше. «Я отравлен, мой спутник ранен. Пришлите дракона и мага. Идо».

Сан закончил писать и стал смотреть на него широко раскрытыми глазами.

— Теперь нужен огонь, — сказал гном и подал ему маленькие камни для разжигания огня. — Ты знаешь, как ими пользоваться?

Сан ответил слабым кивком.

На разжигание огня понадобилось много времени. Мальчик так волновался, что раз за разом только бил себя по пальцам. Идо не торопил его: гном знал, что от этого будет только хуже, и в глубине души понимал Сана.

Наконец маленькая искра взлетела над камнями и опустилась на карту.

— Сосредоточься.

Сан плохо знал, как это делается, и растерялся.

— Закрой глаза и положи руку на карту, смелей! — ободрил его Идо.

Сан снова подчинился, но его рука дрожала.

— Мысленно произнеси имя, которое я тебе говорю: Фольвар. Думай с усилием, понял? Думай только об этом.

К счастью, это было простое заклинание: Сан был в таком смятении, что не смог бы попытаться выполнить что-нибудь магическое еще раз.

Огонь медленно сжег клочок пергамента, и в воздухе быстро растворился голубоватый дым.

— Теперь можешь открыть глаза.

Сан открыл их, и Идо показал ему на дым.

— Это значит, что заклинание сработало. Ты молодец!

Гном устало улыбнулся мальчику. Его собственное тело уже вздрагивало от судорог.

Сан открыв рот смотрел на то, как голубоватые завитки улетают прочь. На мгновение Идо сумел заставить его забыть, в каком положении они находятся.

Гном взглянул на небо: оно бледнело.

— А теперь нам остается только ждать.

Теана бежала к своему учителю Фольвару со всех ног. Он редко звал ее. Все годы ее учебы любимцем учителя был Лонерин, хотя он немного отставал от нее.

Когда служитель сказал ей: «Ты срочно нужна учителю», она подумала о самом худшем.

Она вошла в комнату учителя встревоженная, резким движением распахнув дверь.

Как только она увидела Фольвара, ее сердце стало биться спокойней: учитель улыбался ей из кресла, в котором устало полулежал.

Теана замедлила шаги, но не смогла сдержать свои чувства и, опустившись на колени рядом с учителем, взяла его ладонь в обе своих руки.

— Учитель, я так беспокоилась! Вы позвали меня так поспешно, а вы меня никогда не зовете...

Ее старый наставник ласково улыбнулся. Теана обожала эту улыбку. Эта улыбка была утешением ее одинокого детства. Теана не могла себе представить свою жизнь без нее.

— Мне жаль, что моя спешка ввела тебя в заблуждение, но положение тяжелое.

Его лицо снова стало серьезным, и Теана встала с колен, ей было ясно: сейчас она получит какой-то приказ.

— Только что поступило сообщение от Идо. Он лежит отравленный недалеко от границы Земли Воды, а мальчик, который находится с ним, ранен. Им нужен маг — маг, который знает еще и искусство жрецов.

Теана застыла на месте от изумления.

— И вы хотите, чтобы туда отправилась я?

С недавних пор она лечила здесь, в Лаодамее, самых тяжелых раненых на войне, но это всегда была спокойная работа там, где ей ничто не мешало. На этот раз было иначе.

Фольвар кивнул.

Теана в ответ только склонила голову. Разумеется, она не собиралась отступать перед первым поручением, которое учитель дал ей за все это время. Но задание казалось ей слишком огромным, не по ее силам.

— Хорошо, учитель.

— Полетишь с Бьолом на его драконе.

Теана вскинула голову: она никогда не летала и очень боялась драконов. Ее руки слегка задрожали.

— Вылетайте немедленно.

Девушка снова наклонила голову.

— Я сделаю все, что могу... И спасибо вам за доверие.

Фольвар ласково улыбнулся:

— А теперь иди. Я уверен: ты меня не подведешь.

Всю дорогу Теана крепко прижималась к Бьолу. Она обхватила его обеими руками еще перед вылетом и не разжала их до самой посадки. Ей сказали, что полет будет продолжаться целый день, и никогда еще она не страдала так оттого, что под ногами нет земли. По сути дела, она боялась не драконов, а именно пустоты под ногами. Каждый раз, когда она оказывалась на большой высоте, она хваталась за что-нибудь: ей все время казалось, что она падает. Так было и теперь, на спине этого дракона.

— Не так сильно! — шутя крикнул Бьол.

— Простите меня, но я никогда не летала, — прошептала Теана.

Она чувствовала себя дурочкой. Теана совсем не любила приключения. Детство она провела в уединении, в родной деревне, и часто сидела запертая в доме. У нее не было никакой склонности к тому, чтобы действовать. Сейчас ей в первый раз выпало на долю такое опасное поручение.

Подумав об этом, она немедленно вспомнила о Лонерине, который любил опасные ситуации и должен вернуться героем из путешествия туда, где мало кто побывал. Она немного разжала руки. Воспоминание о поцелуе, которым она обменялась с Лонерином, заполнило весь ее ум, и ее душа заныла от боли. Он не знала, где сейчас Лонерин; все это время она боялась, что он не вернется, и постоянно думала о нем. Их холодное прощание стояло у нее перед глазами. Лонерин ушел с Дубэ, а перед этим рисковал жизнью, спасая ее. Это показало Теане, насколько дорога была ему эта сумрачная девушка. Теана вдруг поняла, что для нее нет места в жизни Лонерина, но не могла с этим смириться. Слова, которые они говорили друг другу во время занятий у Фольвара, улыбки, а потом — этот поцелуй, легкий поцелуй, который ничего не значил, но для нее стоил целого мира, — все это она никогда не сможет забыть.

Эти мысли отвлекли ее, и страх перед полетом понемногу рассеялся. Бьол, со своей стороны, все время старался развлекать ее разговорами о разных пустяках. Теана почти всегда отвечала ему односложными словами: она чувствовала себя неуверенно потому, что стыдилась своего страха и смущалась из-за неловкого положения, в котором оказалась: в полете девушка вынуждена была крепко обнимать незнакомого мужчину.

Вечером они оказались над местностью, о которой говорил в своем письме Идо. Эта часть полета была очень трудной для Теаны, потому что Бьол попросил ее не закрывать глаза.

— Две пары глаз лучше, чем одна, верно? Если только вам не слишком страшно смотреть вниз.

Она покачала головой и стала смотреть вниз. Приступ тошноты сдавил ей желудок, но она только сжала зубы. Она не могла сдаться в этот единственный раз, когда ее попросили проявить немного мужества.

Теана и Бьол смогли найти Идо и Сана благодаря магическому огню, который те зажигали раньше. Для Теаны это был указатель, который невозможно спутать ни с чем другим.

— Здесь! — сказала она и показала на это место рукой.

Бьол вытянул шею, посмотрел вперед.

— Я ничего не вижу.

— А я чувствую, — улыбнулась девушка. Это было слабое заклинание, но у Теаны и дар был особый — необыкновенная чувствительность к магическим силам. Погасший огонь для нее был как маяк, указывающий путь.

Девушка и ее спутник приземлились, и первое, что они увидели, был мальчик, который изо всех сил махал им руками в сгущавшейся темноте: к этому времени уже почти наступила ночь. Он кричал:

— Сюда, сюда!

Теана быстро и ловко спустилась с седла и бросилась к мальчику, спотыкаясь оттого, что сумка оттягивала ей плечо.

— Где Идо? — сразу же спросила она, стараясь стать хозяйкой положения.

Сан повел их к Идо. Мальчик был в полном смятении, и лицо у него было бледное. Его волосы растрепались и закрывали часть лба, а нетвердая походка стала еще более шаткой от спешки. У Теаны осталось о нем странное впечатление. Этот мальчик был ребенком и мужчиной одновременно, и от него исходила какая-то особая сила, но какая — она пока не могла понять.

Теана бережно взяла мальчика за плечи и посмотрела ему в глаза, погружая свой взгляд в их влажную лиловую глубину.

— Успокойся, теперь я здесь. — Она почувствовала, что под ее ладонями, лежавшими на его худых плечах, словно льется какой-то поток. — Скажи мне только, где Идо.

Сан просто поднял палец и показал в сторону.

Теана напрягла зрение, но увидела то, на что указал мальчик, только благодаря своей магической силе. Там было расстелено на земле маскировочное полотнище. Она повернулась к Бьолу:

— Не побудете ли вы с мальчиком?

Всадник кивнул. Тогда она бросилась к гному. Сердце колотилось у нее в груди. Ей становилось страшно.

Теана осторожно откинула край полотна, и перед ней возникло то лицо, которым она столько раз восхищалась на заседаниях Совета, но помятое и бледное. Идо казался старше, чем она его помнила, она еще никогда не стояла к нему так близко.

— Видно, вам было удобно лететь? — прохрипел Идо.

Теана вздрогнула, и он улыбнулся ей.

— Все хорошо... Лучше поздно, чем никогда.

Затрудненное дыхание, бледность, пот. Теана положила руку ему на лоб. Лоб был холодным. Вдруг она почувствовала себя хозяйкой положения.

Она подняла свободную руку и вызвала маленький огонек, который повис в воздухе над Идо. Теперь она лучше могла изучить состояние больного. А он сразу закрыл глаза. Плохо переносит свет — еще один симптом, который надо учесть.

— Подержите глаза открытыми всего минуту, прошу вас.

— Слушаюсь, — ответил Идо, но его голос все чаще прерывался, а взгляд стекленел. Яд попал в кровеносную систему, а это опасно.

Теана полностью сняла маскировочное полотно и подошла ближе к гному, чтобы лучше его осмотреть.

— Скажи мне, что с ним все в порядке, пожалуйста! — с печалью в голосе попросил ее подошедший к ним Сан.

— Тихо, мне нужно только одно — тишина, — ответила она. Она сосредоточилась и искала что-то. А когда наконец нашла, удрученно вздохнула. Небольшая рана на плече Идо гноилась, Теана поняла, что именно через нее яд попал в кровь. Гном смог продержаться так долго лишь потому, что это была маленькая ранка, чуть крупнее царапины. Если бы порез был больше, гном сейчас был бы уже мертв.

Теана повернулась к Бьолу:

— Перед тем как увезти его, я должна хотя бы оказать ему первую помощь, иначе он не доживет до конца пути.

Мальчик застонал, но всадник остался спокоен.

— Маг здесь вы.

Теана почувствовала, что на нее легла огромная ответственность. Ее руки дрожали, когда она вынимала из своей сумки все, что было нужно.

О том, чтобы приготовить противоядие, не было и речи: хотя Теана и поняла, какой яд был применен, у нее не было нужных лекарств. Единственное, что она могла сделать, — попытаться противостоять распространению яда, создать для него преграду на время перелета. Она полностью расстегнула куртку Идо и сняла ее, обнажив больного до пояса.

Перед тем как начать, она мысленно поблагодарила своего отца. Так она поступала

всегда, и делала это машинально, но каждый раз эта благодарность немного трогала ее душу. Все брало начало в нем, и ей всегда его не хватало. Сейчас она тоже должна была поблагодарить отца, тогда он защитит и направит ее. Медленная молитва, которую начали произносить ее губы, была составлена на языке, который теперь забыли в этом краю. Все тело Теаны двигалось, следуя ритму этого песнопения, и в это время Теана смешивала компоненты лекарства в маленькой чашке, которую вынула из сумки. Она почувствовала на своей спине удивленный взгляд Бьола, но постаралась не думать о нем. Она не должна отвлекаться.

Теана продолжала петь и одновременно окунула в приготовленную смесь длинную ветку ивы. Постепенно ладони девушки начали светиться, а молитва звучала все громче. Она сомкнула веки, давая ритму собственного голоса вести себя, и перед ее закрытыми глазами начал возникать сложный узор из светящихся извилистых линий, которые пересекались одна с другой. Мир для нее исчез, существовали только напев и сила, которая — Теана это чувствовала — изливалась из ее тела. Когда девушка почувствовала, что ее рука стала горячей, она начала лечение... Своим прутом она стала проводить на коже Идо странные штрихи, вычерчивая невидимый путь в лабиринте светящихся линий. Закончив каждую черту, она произносила слово, пение на миг прерывалось, а потом гармоничный напев снова звучал, пока ее рука вычерчивала новый элемент узора.

Наконец, этот большой арабеск стал виден во всей красоте своей сложной формы. По мере того как Теана его чертила, каким-то таинственным, непонятным образом дыхание Идо становилось нормальным, его лицо приобретало здоровый цвет, его руки и ноги согревались. Под конец девушка-маг добралась до раны, коснулась ее, и голос девушки долго пел одну высокую ноту. Она очертила круг около раны и тянула свой звук, пока у нее хватало воздуха в груди, а потом внезапно оборвала пение и открыла глаза. В то же мгновение линии на теле Идо исчезли, словно их никогда не было.

Теана оперлась ладонями о землю. Она совершенно обессилела. Это оказалось тяжелее, чем она предполагала: с момента, когда яд попал в организм, прошло довольно много времени, и отравы успела достаточно далеко распространиться по телу.

— Что ты ему сделала? — дрожа, спросил мальчик.

Теана повернулась к нему и улыбнулась.

— Это древняя магия. Теперь с ним все в порядке. Когда мы прилетим в Лаодамею, я приготовлю противоядие, и все будет хорошо.

Лицо Сана стало спокойным.

— Спасибо, огромное спасибо! — сказал он, бросаясь Теане на шею, и заплакал.

Теана улыбнулась: ей не часто случалось чувствовать себя такой полезной.

Тут она заметила, что Бьол смотрит на нее с изумлением.

— Я никогда не видел похожего заклинания. Что это такое?

— Древние магические и жреческие приемы. Меня научил им мой отец.

Ей было стыдно говорить об этом. Так долго эти ее способности были чем-то постыдным, что нужно скрывать, что даже теперь она не осмеливалась называть по имени бога, во имя которого применяла это искусство. Это был бог, которому нанесли обиду, преданный и неверно понятый. Это был бог ее отца, а раньше — бог эльфов, Тенаар.

28 НИАЛ

Завтрак прошел в полном молчании, а когда он был съеден, Сеннар занялся своими повседневными домашними делами и ходил по дому то туда, то сюда, не обращая внимания на двух своих гостей.

Закончив свою работу, он сел напротив них и спросил:

— С чего вы хотите, чтобы я начал?

— С нее, — рванулся со своего места Лонерин.

Но тут же ему на плечо легла рука Дубэ.

— Мой вопрос может подождать. Настоящая причина, по которой мы находимся здесь, — воскрешение Астера. Начните с него.

С этим огнем решимости в глазах она была прекрасна, и Лонерину невыносимо захотелось обладать этой девушкой. Он повернулся к Сеннару и постарался сосредоточиться на своем задании.

Старый маг одно мгновение сидел, откинувшись на спинку стула, потом встал и принес две книги. Это были толстые тома в черных переплетах — несомненно, запрещенные формулы. Сеннар нес их с трудом, и Дубэ бросилась ему на помощь.

— Я не так стар и слаб, как ты думаешь, — обиделся он, но это не отпугнуло девушку. Она просто взяла одну из книг и положила на стол.

Сеннар сделал то же со второй книгой. Было похоже, что он немного смущен. Должно быть, он уже упрекал себя за вспышку гнева.

— Тогда, Дубэ, расскажи мне как следует о том, что ты видела. Опиши мне это место во всех подробностях. То, что тебе кажется не играющим никакой роли, может оказаться самым важным. Поэтому не упускай ничего.

Девушка подчинилась и стала так же, как раньше перед Советом, описывать ему случай с духом, которого видела в недрах Дома.

Сеннар выслушал весь рассказ с большим интересом и очень сосредоточенно, но Лонерин заметил, что его руки немного дрожали. Потом он задал Дубэ несколько вопросов о расположении и виде некоторых символов, находившихся в той комнате, о цвете шара и еще кое о чем. Дубэ все прекрасно помнила.

В конце концов старый маг снова оперся спиной о спинку стула, словно смертельно устал.

— Для вызова духа Иешоль использовал очень древнюю магию эльфов. Астер знал ее, я нашел ее в некоторых из его томов; считается, что враг из Великой Пустыни, против которого сражались эльфы, попал во Всплывший Мир как раз в результате ошибки в обряде вызова мертвых.

Лонерин напряг внимание.

— Есть ли какое-то сходство между заклинанием для вызова умерших и заклинанием, которое заставляет их сражаться?

Сеннар покачал головой:

— Та формула вызывает только образы мертвых, но не их души. Когда Астер воскресил мертвецов во время Великой Битвы, мы, по сути дела, сражались с призраками, не имевшими ни души, ни своей воли. В этом случае дело обстоит иначе. Эта магия позволяет вызвать обратно душу умершего, его суть. Именно это видела Дубэ в сосуде — дух Астера. Теперь, согласно формуле вызова, нужно вместилище для духа. Некоторые маги используют тело мертвеца, если тот умер недавно, а другие — живого носителя. В нашем случае... моего сына.

Сеннар немного помолчал, потом заговорил снова. Теперь, когда он рассуждал о магии, к нему как будто вернулись силы, но даже сейчас он держался как-то неуверенно и смущенно. И его голос едва заметно дрожал.

— Пока в распоряжении мага нет подходящего тела, дух не может по-настоящему вернуться на землю. Дух остается в промежуточном состоянии и находится в нашем мире до тех пор, пока кто-нибудь не освободит его.

Лонерин кивнул:

— Тогда что же мы должны сделать?

— Освободителю придется рискнуть собственной жизнью. Нужно использовать очень мощный катализатор. Маг-освободитель должен погрузить внутрь него свою собственную душу. Это позволит ему привлечь дух умершего и запереть его в катализаторе. С помощью соответствующего заклинания маг освобождает душу умершего из катализатора и отправляет ее обратно в мир мертвых, а потом может вернуть свою душу в тело.

У Лонерина холод пробежал по спине. Это был сложный обряд, сложнее всех тех, которые он изучил и знал.

— Не буду отрицать, что это очень сложная операция и что вероятность удачи мала. Множество разных вещей могут пойти не так, как надо, и учти также, что этот обряд требует огромного количества энергии. После того как душа умершего оказывается на свободе, у освободителя почти не остается силы, а он, по сути дела, выполнил еще только половину работы. Если он не сумеет правильно распределить свою магическую силу, он окажется слишком слаб и не сможет вернуться назад.

«Да, мое задание было не честным во всех отношениях», — подумал Лонерин и спросил:

— А катализатор? Что он собой представляет?

— Существует только один предмет, который способен выдержать такие мощные энергии, — талисман власти.

Что это за талисман, Лонерин знал даже слишком хорошо. Это был мощный магический медальон, изготовленный эльфами, который Ниал использовала, чтобы нанести поражение Тиранно. Талисман состоял из восьми магических камней, каждый из которых был спрятан в одном из восьми святилищ, и он мог удержать любую магическую силу Всплывшего Мира.

— Но... разве он не был уничтожен, когда умерла Ниал?

Дубэ вопросительно посмотрела на Лонерина, но он движением головы запретил ей задавать вопросы.

— Ниал уничтожила только один из камней. Этого было достаточно, чтобы она умерла, но недостаточно для того, чтобы талисман потерял свою силу. Учти также, что два духа должны пробыть там мало времени. В общем, то, что один из камней расколот, облегчит магу задачу, когда он станет возвращаться обратно.

Лонерин кивнул. Он пытался набраться мужества, но этот обряд приводил его в ужас.

— Но трудность в другом. Когда Тарик уходил, он взял талисман с собой. И теперь он у Тарика.

Лонерин пожал плечами и сказал:

— Сейчас Идо, конечно, уже нашел его.

Сеннар откинулся на спинку стула и серьезно посмотрел на него.

— Обряд должен будешь выполнить ты. Ты это понимаешь?

— Я это знаю. Знаю с того момента, как начал этот путь.

— У меня теперь не хватит для этого сил, свой магический дар я весь истратил уже давно. Но я тебе помогу.

— Вы хотите сказать, что пойдете с нами?

Сеннар устало кивнул:

— Тарик в опасности, я не могу оставаться здесь и спокойно смотреть на это.

Лонерин улыбнулся и мельком увидел, что Дубэ улыбнулась тоже.

Однако Сеннар не ответил им улыбкой.

— Я ничем не смогу помочь тебе. Я смогу научить тебя, как это сделать, но я больше не тот могучий маг, о котором рассказывает легенда. Помни это.

Лонерин кивнул. Он не мог понять одного: физическое состояние мага, конечно, влияет на его магические возможности, но не так сильно, а Сеннар был очень сильным магом. Как он мог потерять часть своей силы?

— Вы потеряли силу не во время того случая с духами?

Взгляд Сеннара стал суровым, на лице отразились боль и горе.

— Об этом я не намерен говорить.

— Извините, — поспешил сказать Лонерин. — Я не хотел быть невежливым.

Сеннар небрежно махнул рукой:

— Все хорошо, не беспокойся. — Потом он повернулся к Дубэ и сказал: — А теперь займемся тобой.

Анализ, которому Сеннар ее подверг, ничем не отличался от тех обследований, которые она проходила раньше. Дубэ снова почувствовала себя насекомым под увеличительным стеклом и должна была выдержать обычный длинный ряд горячих углей, странных растений, окулировок и других процедур.

— Чем ты держишь проклятие под контролем? — спросил он.

Ответил Лонерин:

— Настойкой зеленой травы и драконьим зельем, пока была в Гильдии; потом я создал напиток, вызывающий меньше привыкания, добавив немного красного камня. Когда и он закончился, хюэ посоветовали мне использовать амброзию.

Дубэ и не представляла себе, что напитки, которые она принимала, имели эти названия и этот состав.

Сеннар серьезно кивнул, глядя на символ на ее руке.

— Думаю, ты сильно страдаешь...

Это был первый раз, когда маг, осматривавший ее, сказал что-то о ее страдании и вообще о ней как о человеке. Это почти тронуло Дубэ, словно Сеннар увидел в ней что-то, кроме проклятия зверя.

— Да, — пробормотала она.

— Так... Это началось почти год назад, верно? — Во взгляде, который старый маг бросил на нее, была симпатия, немного печали, но в первую очередь — сочувствие. Он улыбнулся девушке. — Знаешь, вначале, когда я увидел, как ты упражняешься, ты мне очень напомнила Ниал. В каком-то смысле она тоже была проклята.

Его грустный взгляд словно околдовал Дубэ. Она похожа на Ниал...

Сеннар отпустил ее руку.

— Это переданная печать.

Дубэ вопросительно посмотрела на него. Это было что-то новое: до сих пор никто не говорил ей ни о чем таком.

— Расскажи мне, как это с тобой случилось, и не упускай из виду все необычное, что произошло с тобой перед тем, как проклятие проявило себя.

Дубэ неуверенным голосом рассказала ему все — начиная с укола иглы, приступа во время кражи, от которого ей в первый раз стало плохо, до резни в лесу, которую она описала немногими ужасными словами.

— Все ясно, — серьезно заметил Сеннар. — Как ты и подозревала, тебя прокляла Гильдия, но я думаю, что это было сделано в интересах еще кого-то.

Дубэ окаменела от изумления.

— Проклятие, которое отпечатано на твоем плече, было предназначено кому-то другому и только потом было перенесено на тебя. Я сейчас объясню тебе, как это делается. Существуют запрещенные формулы, которые позволяют защищать предметы. Если какой-то человек знает, что кто-то другой желает украсть что-то очень важное, ценное или дорогое, он может проклясть этот предмет так, чтобы проклят оказался вор, кто бы это ни был. Это самая простая форма проклятия. Но если этот человек знает, кто может быть заинтересован в краже какой-то вещи, он может сделать так, чтобы любой, кто украдет этот предмет, стал посредником между проклятием и тем, кто заказал кражу. Ты улавливаешь мою мысль?

Дубэ слабо кивнула. Вопрос казался ей довольно сложным.

— Вот тебе пример. Какой-то маг владеет мощным магическим предметом, и ему известно, что другой маг желает иметь этот предмет потому, что знает, как им пользоваться. Для других эта вещь бесполезна. Тогда владелец проклинает этот предмет так, чтобы, кто бы его ни похитил, проклят оказался второй маг. Как можно догадаться, это очень тонкая техника. Как только печать наложена, первый маг сообщает об этом второму, и тот не только сам больше не сможет заполучить этот предмет, но будет кровно заинтересован в том, чтобы предмет никогда не был похищен. Понимаешь?

Дубэ кивнула.

— Документы, которые ты похитила, были защищены именно такой печатью. Проклятие было направлено не против тебя, а против того, кто поручил тебе эту кражу. Вот только этот человек нашел способ спасти себя с помощью магии, которую может знать лишь кто-то, имевший дело с Астером, потому что это Астер изобрел ее. Маг берет немного крови того, кто должен оказаться проклятым, произносит над ней определенное заклинание и вводит эту кровь несчастному козлу отпущения. То есть тебе.

Все части картины наконец встали каждая на свое место. Дохор! Дохор желал иметь эти документы, в которых было написано что-то о его скрепленном кровью договоре с Иешолем. Проклятие, которое было наложено на эти листы, должно было поразить Дохора. Он, чтобы освободиться от проклятия, попросил помощи у Верховного Стража Гильдии, и тот решил убить двух зайцев одним выстрелом. Проклятие было перенесено на Дубэ, и Иешоль в награду получил возможность держать у себя на привязи ту, кого считал заблудшей овцой Гильдии.

Дубэ сидела неподвижно, широко открыв глаза.

— Дохор...

Она почувствовала приступ бешеного гнева. Ее два раза использовали. Ее собственный король принес ее в жертву ради своей сумасшедшей жажды власти. Ее осудили на ужасную смерть и на такую же невыносимую жизнь вместо кого-то другого, и это — ради одной политики. Теперь она ненавидела не только Гильдию. У ее врага были лицо и имя, и это был враг всего Всплывшего Мира — Дохор.

Ее ладони легли на край стола и сдавили его так, что побелели, а ее руки задрожали от напряжения.

— Предатель, проклятый лгун!

Она вскочила на ноги, опрокинув при этом стул.

— Спокойно! — Она почувствовала на плече руку Лонерина, но сбросила ее.

— Проклятый!

— Тебе нет никакого смысла драться с моей мебелью, — бесстрастно произнес Сеннар.

Дубэ ответила ему гневным взглядом: в этот момент она могла бы драться с кем угодно. Но она увидела во взгляде Сеннара холодную решимость и сочувствие, которого совершенно не ожидала. Она сжала кулаки, закрыла глаза, заставила успокоиться свое бешено колотившееся сердце и легкие, которым не хватало воздуха, и села на место. Взгляд у нее был остекленевший и свирепый.

— Скажите мне, как это можно разорвать.

На лице Сеннара мелькнула улыбка.

— Если ты вполне уверена, что это сделал Дохор, то он обязательно хранит где-нибудь клочок бумаги этих знаменитых документов, о которых ты рассказала. Это — мост между ним и тобой. Если ты полностью уничтожишь этот клочок, проклятие сразу перейдет на него. В этом — основа той магии, с помощью которой он отвел проклятие от себя. Первый шаг — найти эти документы и уничтожить их с помощью особого магического обряда. А потом ты должна убить того, против кого было направлено проклятие.

Дубэ приняла его слова спокойно — не возмутилась, не задрожала, как с ней бывало всегда, когда ей приказывали совершить убийство. В этот раз она сама хотела пролить ту кровь, которая должна пролиться, и, вероятно, могла бы сделать это в любом случае — с обрядом, освобождающим ее от зверя, или без него.

— Я воровка и убийца, это будет нетрудно.

Сеннар ничего не ответил ей, только взглянул на нее.

— Я только сказал тебе, что делать. Как делать и делать ли — решай сама.

Дубэ кивнула.

Сеннар закрыл глаза.

— Я больше не гожусь для таких долгих разговоров. — Он повернулся к Лонерину: — Ты мог бы приготовить нам обед, а потом мы все отдохнули бы от этой утомительной беседы. Шкаф с продуктами — вон за той дверью.

Дубэ увидела, что Лонерин, перед тем как уйти, бросил на нее быстрый взгляд, но не повернулась в его сторону и не ответила. Она хорошо представляла, что он думал о ней, но ее обещание больше не убивать теперь не имело значения. Имело значение только желание отомстить, которым, она чувствовала, наполнялась как воздухом ее грудь.

Она продолжала сидеть на своем месте напротив Сеннара, сжимая руками стол и опустив глаза.

— Тебе бы не надо так легко уступать жажде мести.

Дубэ подняла взгляд и посмотрела в глаза старому магу.

— Ведь вы тоже желали отомстить.

— Да, и больше того. Если ты знаешь обо мне так же много, как мой друг, тебе известно, что я отомстил по крайней мере один раз в своей жизни.

Дубэ отвела взгляд.

— И потом, что это меняет? В любом случае я должна его убить, а если я сделаю это с удовольствием, тем лучше.

— Ты говоришь, что ты наемная убийца, но у тебя и внешний вид, и глаза не такие, как у них. Ты действительно хочешь стать одной из них сейчас? Разве не этого хотел Иешоль, когда принудил тебя работать для Гильдии?

Дубэ растерялась: этого она не учла.

— Вся разница в том, что жажда мести делает человека рабом и не дает ясно мыслить. Поверь мне, это так, я это хорошо знаю. И притом она всегда оставляет тебя неудовлетворенным.

Дубэ почувствовала, что ее гнев немного утих. Она спросила себя: может быть, новое испытание, через которое, кажется, она должна пройти теперь, тоже — часть ее судьбы? Куда бы она ни пошла, она всегда возвращается к убийству, она навечно осуждена убивать.

После обеда все трое занялись каждый своим делом. Лонерин пошел в амбар отдохнуть. Дубэ предпочла прогуляться, а Сеннар вернулся в свою комнату.

Ему было странно, что в доме есть кто-то кроме него, и чувства, которые он испытал за этот день, не давали ему успокоиться. В последний раз он был здесь не один много лет назад, но Тарик в то время уже был чем-то вроде привидения — ходил по комнатам молча, полный злобы.

Но не только это мешало ему сегодня отдохнуть после обеда. Ему не давало покоя то, что они говорили друг другу, и воспоминание о том, как Дубэ упражнялась в лесу. Увидев ее тогда, он вдруг вспомнил Ниал.

Вытянувшись на своей постели, Сеннар снова думал о магических действиях, которые должен будет выполнить Лонерин. К счастью, юноша не задавал ему вопросов об обряде, который лишил его большей части магической силы. Но воспоминание о тех немногих минутах, после которых прошло уже так много лет, воскресло в его уме. Оно было мучительней, чем когда-либо раньше, и таким ярким, словно с тех пор не прошло и дня.

На столе все готово. Пузырьки стоят в ряд, травы уже дымятся в курильницах, и книга — та, запрещенная, открыта на нужной странице. Сеннар сидит во главе стола, задумчиво глядя в пространство. Делать это или не делать? Мужества у него достаточно, и силы тоже. Главное, что останавливает, — сомнение. Правильно ли он поступает? Но он дошел до отчаяния. Тарик ушел, дом заполнила огромная горестная тишина, и ему уже не хватает маленькой могилы. Он пролил все свои слезы на эту каменную плиту, и теперь ему уже больше не удастся говорить с ней. Могила молчит, а ему нужен ответ.

Он рывком встает на ноги. Больше ничто не имеет значения. Он должен это сделать — и все.

Тихим дрожащим голосом он начинает читать формулу, от крепкого запаха траву него кружится голова, символы в книге качаются и сливаются перед его глазами.

Через окно в комнату попадает очень мало света, но достаточно нескольких слов на

языке эльфов, и даже этот слабый свет полностью исчезает. Темнота в комнате становится плотнее.

Он продолжает говорить. Теперь его голос звучит тверже, и от его ладоней льются потоки магической силы — как в тот раз, когда он был на корабле с Айрес, как во всех случаях, когда он тратил свою магическую силу.

Он думает только о результате. Начались боль и жжение в ладонях, но это не важно, не важно и то, сколько силы он истратит в этой попытке. Хотя бы всего на минуту, на одно мгновение увидеть ее такой, как была, такой, какой она и теперь осталась в его памяти.

Формула прочитана, темнота дрожит от звуков, но ничего не происходит.

Это нормально: он знает, что обряд трудный. Он должен быть настойчивым. А может быть, нет — может быть, нужно прекратить это, отказаться. Формула запрещенная, а он обещал, что больше никогда не будет применять ничего такого.

Но вместо этого он начинает читать ее громче, и еще одна порция силы утекает прочь с его ладоней. Его тело начинает слабеть, но дух тверд — это твердость отчаяния.

Опять ничего не вышло, но звуки, которые он слышит, стали более низкими, дрожащими и густыми.

Его ладони словно жжет огонь. Это нормально: он должен отдать часть своей жизни, своей энергии миру мертвых, чтобы получить доступ в прихожую этого мира. Он снова повторяет формулу, выкрикивает ее в пустоту и, обессилев, падает на колени. Ладони словно сожжены до костей, из каждой частицы его тела словно выжаты все соки, но это не важно. Для нее — все.

Пустота начинает принимать форму, в воздухе начинают плясать разноцветные пятна, и тот мир, который ему знаком, медленно исчезает. Получилось! Он вошел. Перед его глазами медленно собираются расплывчатые тени, они сливаются и становятся похожи на кого-то.

Он плачет, не всхлипывая, от радости и от боли: он узнал ее сразу, как только перед ним возникла ее фигура. Ее нельзя спутать ни с кем и ни с чем. Прекраснейшая, единственная. Волосы, длинные, как в день ее смерти, светятся голубым блеском в темноте, а одежда на ней та, которую она носила в боях. Она молода, как тогда, а он теперь старик, но это не важно.

Он видит, как она растерянно оглядывается вокруг, потом опускает глаза, видит его и узнает.

— Ниал...

Она нежно улыбнулась. Как ему не хватало этой улыбки! Ему не жаль умереть ради этой улыбки, ради этой единственной минуты, когда он имеет возможность снова увидеть любимую. Теперь он может даже истратить всю свою энергию и раствориться в пустоте.

— Что ты делаешь, Сеннар?

Ее голос звучит печально, и взгляд у нее тоже печальный. Когда-то он защищал ее, поднимал ее, когда она падала, помогал ей найти верный путь. Похоже, что теперь происходит наоборот.

— Я хотел снова увидеть тебя, и только. Мне тебя так не хватает...

— Мне тебя тоже не хватало.

Она протягивает к нему руку, гладит ладонью его щеку, но ее рука не имеет плотности, и Сеннар не может почувствовать эту ладонь своими пальцами. Он уже знал об этом, но для него невыносимо, что он не может прикоснуться к ней.

— Почему ты изменился? Раньше ты ни за что не сделал бы ничего подобного.

— Раньше все было по-другому. Тот прежний я умер навсегда. Он сидит с тобой у твоей могилы, а то, что еще оставалось, унес Тарик.

— Он любит тебя, даже если и отрицает это.

— Он любил только тебя.

Она грустно улыбается ему, но выглядит спокойной, умиротворенной. Такой она была

в последние годы, когда была счастлива жить вместе со своим мужем и сыном.

— Знаешь, это неправильно, что ты остаешься здесь. Это место не для тебя и не для меня тоже. Вернись обратно, Сеннар.

— Я не могу жить без тебя.

— Однажды мы снова будем вместе, мой любимый, но не сейчас и не так. Разве ты не видишь, что ты уничтожаешь себя, что ты умираешь?

— Меня это не интересует. Тарик покинул меня, выбрал свой путь, больше я ему не нужен. Забери меня отсюда.

На лице Ниал отражается боль, и ее горе пронзает душу Сеннара. Он пытается дотронуться до ее щеки, но у него не хватает сил.

— Ты не можешь умереть. Ты еще будешь нужен, позже, ты еще не выполнил до конца свою миссию. И потом, я не хочу, чтобы ты умер.

По щекам Сеннара текут слезы, прочерчивают на коже едва заметные влажные полосы.

— Но я-то не могу больше жить!

— Это неправда, и ты это знаешь. Дай мне уйти ради всех счастливых лет, которые мы прожили вместе, дай мне уйти.

— Возьми меня с собой.

— Не бойся, мы еще увидимся, но сейчас позволь мне уйти. У каждого есть свое место, и твое место не здесь.

— Возьми меня с собой!

Но его магическая сила кончается, энергии больше нет. Сеннар медленно, почти против своей воли, соединяет ладони. Есть вещи, которые невозможно сделать, как бы ты этого ни желал. Она медленно исчезает, словно дым, растворяющийся в небе. Она улыбается и продолжает улыбаться, пока ее лицо растворяется в темноте.

Сеннар зовет ее, но Ниал уходит прочь, возвращается к теням, и больше они никогда не смогут увидеться. Она сказала, что однажды они снова будут вместе, но он в это не верит.

Темнота становится прозрачней, в комнате снова полумрак. Сеннар падает на пол и начинает рыдать. Его ладони почернели, и он потерял огромную часть своей силы. Но все-таки он видел эту улыбку.

Сеннар закрывает глаза, и по его щеке стекает слеза. Всего одна слеза: у него их теперь осталось мало. Он поворачивается в постели, смотрит на свет, проникающий через ставни, как в тот день.

Ниал...

Но все-таки она была права: он еще нужен в этом мире.

29

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда Дубэ, Лонерин и Сеннар прилетели в Лаодамею, было утро. Их путь сюда был невероятно спокойным. Они летели на драконе, а путь выбирал опытный Сеннар, который хорошо знал эти края. У Оарфа были сильные и крепкие крылья, поэтому на перелет потребовалось всего две недели.

Дубэ никогда не видела этот город с высоты, и теперь этот вид произвел на нее впечатление. Белоснежная столица среди зелени Пограничной Области Лесов была как бриллиант на зеленом полотне, а королевский дворец выглядел как драгоценный камень. Всю ее душу заполнило ощущение, что она дома, и Дубэ удивилась этому. Дома у нее никогда не было, родная деревня Сельва была местом, куда она могла вернуться, но Сельва осталась в далеком прошлом, это была родина той Дубэ, которая умерла в лесу. А Неведомые Земли были такими до ужаса чужими, такими незнакомыми, что по сравнению с

ними Всплывший Мир показался ей настоящим домом. Она почувствовала себя его дочерью и обнаружила, что в ее уме возникла странная мысль: «Вот место, за которое действительно стоит умереть».

Когти Оарфа коснулись укреплений королевского дворца, Дубэ и Лонерин сошли на землю в одном шаге от большого водопада, возвышавшегося над этим внушительным зданием.

Они были здесь в последний раз всего три месяца назад, но им казалось, что прошло гораздо больше времени. С тех пор изменилось все. В путешествии всегда есть частица окончательного и непоправимого расставания: вернувшись, ты никогда не попадаешь точно туда, откуда ушел.

На крепостной стене стояли Фольвар и королева Дафне. Лонерин бросился к своему учителю, а Дубэ предпочла стоять в стороне, хотя королева поприветствовала ее кивком, на который девушка не могла не ответить. Сеннар же еще какое-то время сидел на спине Оарфа и оглядывался вокруг, словно пытаясь понять или вспомнить что-то. Может быть, он просто не узнавал это место.

При помощи Дубэ он с трудом слез со спины дракона и, оказавшись на земле, с горечью сказал:

— Я бесполезный старик.

— Не говорите так. Наоборот, вы — единственный, кто может нас спасти, — твердо ответила девушка.

Но от этих слов лицо старого мага не стало спокойнее.

— Последний раз я был здесь на празднике. Дафне уже была королевой. Ниал была со мной, на ней было великолепное платье из красного бархата. Было холодно, мы стояли здесь, наверху, и любовались этим видом. — Он огляделся вокруг. — Ниал спросила меня: неужели мы действительно хотим покинуть все это, неужели хотим взять на себя ответственность за то, что бросили Всплывший Мир, предоставили его самому себе?

Дубэ видела перед собой сверкающее великолепие водопада, зелень лесов, а на заднем плане — светлую полосу, окраину степей Земли Ветра — родины Ниал. У нее сжалось сердце.

— Я сказал ей, что мы заслужили это путешествие и тот покой, который оно нам принесет, что имеем значение только мы двое, что наш дом там, где я и она можем быть вместе. — Он сурово посмотрел на Дубэ. — Покоя не было, и у меня больше нет дома.

Дубэ не знала, что сказать. Все, что она думала до этой минуты, все тревоги до единой исчезли рядом с этой болью, такой огромной и так сдержанно открытой. Старый маг не стал больше задерживаться возле нее и пошел приветствовать Фольвара и Дафне. Они оба поклонились Сеннару до земли, а он в ответ произнес несколько вежливых фраз, справляясь об их здоровье и о том, какой чин носит Фольвар, с которым он, видимо, был знаком, когда они оба были молоды.

— Идо выздоравливает, но еще не вполне поправился, поэтому его здесь нет.

Услышав это от Дафне, Сеннар словно окаменел, в его глазах снова появился тот ледяной взгляд, который Дубэ уже замечала раньше. Она ошибалась, когда считала, что это признак холода в душе. На самом деле это была последняя преграда, так он защищал себя от наплыва воспоминаний, которые в эту минуту могли оказаться сильнее его.

— С ним находится и ваш внук. Но сначала мне нужно рассказать вам о многом.

Когда Сеннар встретился с Идо, он, вероятно, уже догадывался обо всем. Дафне подбирала слова осторожно, обдумывая их, и обращалась с ним так, словно он был хрупкой драгоценностью. И где Тарик? И почему вместо сына вдруг появился внук?

Он вошел в комнату тяжелой походкой, скрывая за бесстрастным выражением лица, как под маской, все — грусть о прошлом и горе, воспоминания и упреки.

На его взгляд, Идо постарел, но не так уж сильно. Совершенно седые волосы и усталая поза, которую гном принял в кресле, тоже могли ввести в заблуждение. Но в конечном счете

он был все тот же — непокорный и ворчливый. Он действительно был еще слаб после болезни, но жив.

Гном не смог бы подумать о нем то же самое. Сеннар уже давно был мертвым, и единственное, что еще заставляло его держаться на ногах, был упрямый инстинкт самосохранения. Идо заставил себя улыбнуться ему, но улыбка получилась не очень удачной.

— Идо...

Гном с трудом встал, подошел к Сеннару и обнял его — крепко и сердечно. Сеннар подумал о том, как много лет он не чувствовал этого тепла и как ужасно ему не хватало таких объятий.

— Я и не надеялся, что встречу с тобой снова, — пробормотал Идо.

— Я тоже, Идо, я тоже.

Сеннар почувствовал в горле соленый вкус слез. Он знал, откуда эти слезы. Скоро настанет время узнать, что случилось, и он ничего не может сделать, чтобы отсрочить эту минуту. Тот сладостный покой, который он на короткое время почувствовал, увидев старого друга, скоро будет разрушен.

— Когда умерла Соана? — спросил он, возможно, только для того, чтобы отдалить момент истины.

Плечи гнома слегка согнулись.

— Вскоре после того, как ты перестал мне писать.

У Сеннара сжалось сердце. Он всем был обязан Соане, без нее не было бы и Ниал.

— Теперь это будет наша общая боль, — сказал Идо, многозначительно глядя на него.

— Да, это уже слишком, — ответил Сеннар.

Он перевел дыхание. Настал момент узнать все.

— Идо, скажи мне это.

Гном не пытался изобразить изумление, которого не чувствовал, и не сделал попытки сменить тему разговора. Они не виделись много лет, но и теперь понимали друг друга очень хорошо. Идо просто сказал Сеннару, что случилось, глядя ему в лицо.

Позже кто-то рассказал, что слушал за дверью и знает, что Сеннар ошеломленно молчал, пока Идо рассказывал ему все. Другие говорили, что он кричал от горя или что он был в ярости. Но Лонерину не было интересно знать, плакал Сеннар или же онемел от горя, когда ему сообщили о смерти сына. Он был далек от всех этих мелочей, от этих людей, которые пытались рыться в жизни героя, чтобы выжать из нее ее суть. Горе священо, и его следует уважать, окружив молчанием и одиночеством. Поэтому Идо настоял на том, что сам сообщит Сеннару о его несчастье, а Сеннара потом нигде не было видно: он заперся в той комнате, про которую никто не знал, вдали от всего и от всех.

Лонерин представлял себе, как старый маг один мучается от горя. Но такой человек, как Сеннар, который столько видел, понял и принял за свою жизнь, преодолеет и это. И потом, есть еще Сан...

Лонерин видел его вскоре после прибытия. Мальчика постоянно сопровождал вооруженный охранник, который не сводил глаз с его спины, и было видно, что ему скучно и неудобно. Это был первый полуэльф, которого встретил Лонерин.

У них не было возможности поговорить друг с другом, но Лонерин слышал вокруг много разных слухов о Сане.

На следующий день после их прилета он, Теана и Фольвар должны были собраться вместе для разговора о заседании Совета Воды, которое должно было состояться скоро и на котором будут приняты решения о том, как действовать дальше.

При мысли о том, что он снова увидит свою соученицу, Лонерин чувствовал себя странно. В каком-то смысле он скучал по Теане и до сих пор по привычке машинально поглаживал рукой под рубахой мешочек с ее локоном. Но он боялся этой встречи. Пока его здесь не было, все изменилось, и он об этом знал. Прежде всего, изменился он сам. Уходя, он

без слов дал ей обещание, а вернулся, зная, что это обещание он нарушил.

Он был очень удивлен, когда, прилетев, не увидел ее на месте встречи, но подумал, что она предпочла поговорить с ним наедине. Встретив Теану перед дверью Фольвара, он почувствовал себя захваченным врасплох. Мысли его путались: что ей сказать, как поприветствовать, как объяснить ей свои чувства. Но она даже не подняла взгляд, повернулась, постучала в дверь и вошла внутрь, держась на несколько шагов впереди Лонерина.

Молодому магу она показалась прекрасной. Такой влекущей и далекой он ее не помнил. Теперь между ними словно были моря и горы. Это была не та даль, которая разделяла его и Дубэ, а что-то другое, и, может быть, в этом новом чувстве было больше боли и отчуждения.

Следуя за ней — вернее, за качавшимся у него перед глазами краем ее платья, — Лонерин вошел в дверь и оказался в комнате у своего учителя, как в прежние счастливые времена.

Они долго разговаривали, и Фольвар рассказал ученику, что произошло за время его отсутствия. О смерти Тарика Лонерин уже знал: во дворце только об этом и говорили; но учитель подробно объяснил ему, что произошло.

Потом речь зашла о Сане и его даре.

— Он — особенный, — серьезно сказала Теана.

Лонерин заметил, что она смотрит на него холодно и старается держаться очень уверенно. Она тоже изменилась.

— Когда мы прикоснулись друг к другу, я почувствовала между нами какой-то ток — магическую силу, причем такую, которая мне еще никогда не встречалась.

— Идо рассказал нам о многих подтверждающих это случаях: за время их пути сюда Сан не раз проявлял необычные магические способности, — добавил Фольвар и после этого долго рассказывал о приключениях гнома и мальчика.

— Значит, вы полагаете, что у него очень сильный дар? — спросил Лонерин.

— Не предполагаем, а уверены, — сухо заявила Теана.

— В нем есть что-то странное. В некоторых отношениях он невероятно похож на Астера, вам так не кажется? — заметил Фольвар.

— В каком смысле? — озадаченно спросил Лонерин.

— Астер был полукровкой, как и он, и, как он, имел сильнейший магический дар. Астер начал с того, что непроизвольно лечил больных заклинаниями — совершенно так же, как Сан.

Лонерин почувствовал странный холодок в костях.

— Что вы хотите сказать? Что ему судьбой предназначено стать вместилищем для души Тиранно?

Фольвар покачал головой:

— Этого я не знаю: у меня недостаточно данных. Но такие совпадения меня беспокоят, и в любом случае мы должны выяснить, действительно ли существует связь между огромной магической силой и тем, что маг — полукровка.

Затем настала очередь Лонерина рассказать о том, что с ним было. Он не стал долго задерживаться на приключениях, которые пережил в Неведомых Землях, а уделил основное внимание тому, что услышал от Сеннара.

Фольвар слушал его с интересом и со все большей усталостью.

— Если вы утомились, я могу закончить позже, — осмелился сказать юноша. Ему показалось, что за несколько месяцев, пока его здесь не было, учитель ужасно постарел.

Фольвар покачал головой:

— Нет, я желаю знать все до того, как соберется Совет Воды.

Лонерин продолжил говорить. Время от времени он бросал взгляд на Теану, но она оставалась холодной как лед и слушала его рассказ с интересом, но несколько отстраненно.

Когда он закончил, Фольвар утомленно посмотрел на него:

— Так вот, я предложу, чтобы тебе дали поручение.

— Какое может быть поручение, кроме этого?

— Быть советником.

У Лонерина словно все перевернулось внутри.

— Учитель, я...

Фольвар устало поднял руку:

— Я знаю, Лонерин, знаю. Но ты молод, а магия, о которой ты говоришь, очень сложна.

— Путешествие в Неведомые Земли тоже было сложным.

— Я просто указываю тебе на препятствия, которые поставит перед тобой Совет.

— Сеннар не может этого сделать, он сказал, что потерял часть своей силы, и это я убедил его прилететь сюда.

— А твоя подруга? Сеннар дал ей тот ответ, которого она хотела?

Лонерин ярко покраснел. Краем глаза он увидел еще раз неподвижную и бесстрастную фигуру Теаны. Быстро и коротко он рассказал и о задаче, которая выпала на долю Дубэ.

— И ты не хочешь ей помочь? Ей еще нужен лечебный напиток, и она не справится без помощи мага.

— Моя борьба против Гильдии для меня важнее всего.

Эти слова сорвались с губ мгновенно, Лонерин не обдумывал их. И это была правда.

Фольвар какое-то время смотрел на угли, горевшие в камине в одном из углов комнаты. Потом перевел взгляд на Лонерина и сказал:

— Я поддержу тебя. Но ты искушаешь себя самого, Лонерин. Однажды не будет больше поручений, которые надо выполнять, и ты должен будешь бороться со своей ненавистью. Что будет тогда?

— Что вы хотите сказать?

— Что ты никогда не отказывался от мести.

Лонерин опустил глаза и вздрогнул.

— Я имел возможность убить одного из них, но не убил.

— Это делает тебе честь, но мне бы не хотелось, чтобы твое благородство стало одержимостью.

«Оно — все, что у меня осталось», — мелькнуло в уме у Лонерина.

Когда они вышли из комнаты, была уже глубокая ночь. После долгого разговора все устали. Теана, даже не попрощавшись, сделала шаг в сторону своих комнат, но Лонерин схватил ее за руку.

— Я скучал по тебе, — сказал он и улыбнулся.

Девушка посмотрела на него холодным взглядом:

— Не лги.

Лонерин в каком-то смысле ждал этого ответа, но все же ему стало не по себе.

— Я не лгу.

Теана горько улыбнулась:

— И все-таки это ложь. И когда мы прощались, ты тоже лгал.

Вдруг в его памяти возник тот поцелуй, такой нежный. Это было что-то совсем иное, чем воспоминания о его единственной ночи с Дубэ, которые в последние дни заполняли его мозг.

— Как ты можешь думать такое? — почти возмущенно ответил он.

Он был смущен и сбит с толку. Он не понимал этого — ни сейчас, ни раньше. Теана всегда была для него чем-то неопределенным, с расплывчатыми контурами.

Она освободила руку из его пальцев.

— Не здесь, не перед этой дверью. — И увела его наружу. Здесь воздух был прохладным: лето кончалось. Ночь была светлая, полная звезд.

— Я не лгал тебе, когда поцеловал! — запротестовал Лонерин.

— Ты солгал, я это говорю потому, что знаю. Тебе достаточно было познакомиться с

ней, и все годы, что мы были рядом, оказались забыты. Правда, я никогда и не была ничем для тебя.

Такой разговор у них однажды уже был, но тогда и она не высказывалась так определенно, и он не чувствовал себя таким виноватым, как сейчас.

— Я уже говорил тебе, что это глупость.

— Ты любишь ее, я это знаю, — холодно сказала Теана. — Это понятно по тому, как ты на нее смотришь, как ведешь себя с ней. И в эти месяцы... в эти месяцы... — Она прикусила губу.

Лонерин подумал: сказать ей о том, что было в пути, или нет? Он должен был сказать Теане правду. Но какую? Он и сам не мог понять, в чем эта правда. Ему не удавалось найти определение ни для Теаны, ни для Дубэ. Они почти слились для него в одну фигуру.

— Вы сейчас вместе?

— Нет, — прошептал он.

— Она отказала тебе.

— В каком-то смысле — да.

Теана смотрела вниз, стараясь не заплакать, — и вдруг ударила Лонерина по щеке. От этой пощечины ему стало легче: это было справедливое наказание.

— Я ничего не мог с этим поделать, — сказал он. Это звучало глупо, в особенности для Теаны.

— Замолчи! Я думала, что все кончилось, а это не так — еще нет.

Теана прижала ладони к глазам и стала тихо плакать.

Как далеко она была! Лонерин понимал ее боль, но чувствовал, что не может коснуться этой боли, и это приводило его в ярость. Он горячо и крепко сжал ее плечи — совершенно так же, как несколько месяцев назад во время поцелуя. Потом попытался обнять Теану, но девушка открыла глаза, и в них была злоба.

— Она тебя выгнала, и ты теперь пришел ко мне? У тебя и на это хватает смелости?

— Нет, я...

— Не лги самому себе.

Теана вырвалась из его рук и ушла к себе. Лонерин ничего не сделал, чтобы удержать ее.

Ноги Сана не доставали до земли: стул, на котором он сидел, был слишком высоким для него, и это его раздражало. Он терпеть не мог выглядеть малышом. Он чувствовал себя взрослым, и собственное тело казалось ему тесным, потому что отставало от него в росте. Сейчас в его уме бродили неясные мечты о том времени, когда он станет красивым молодым мужчиной и сможет делать все, что захочет. Никто больше не будет ничего ему навязывать — не то что теперь, когда он должен встретиться с собственным дедом и не знает, что думать о нем.

Он волновался. Что сделать, когда тот войдет? Назвать его дедушкой? Броситься ему на шею? Дед, по сути дела, был для него чужим. Это был единственный родственник, который у него остался, но сейчас Сан ничего не чувствовал по отношению к нему, кроме страха.

Охранник ушел, и, насколько помнил Сан, это случилось в первый раз с тех пор, как он прилетел в Лаодамею. Как только он шагнул на крепостную стену, Идо, все еще одурманенный ядом, распорядился назначить ему охранника, который должен был всегда сопровождать его. Так и сделали. К нему приставили тощего и длинного как жердь парня, который всегда молчал, но стоял у него за спиной как тень. От этого Сан чувствовал себя младенцем, и уход охранника был единственным, что было ему приятно в этой встрече. Во всем остальном она принесла ему только волнение и тревогу.

Он стал смотреть на пальцы своих ног. Уже много минут он был здесь один, но никто не входил. Может быть, Сеннар чем-то занят? Может быть, он тоже не хочет встречаться с ним? Или, может быть, у него нет времени для маленького мальчика?

Вдруг дверь открылась, и Сан, сам не зная почему, вскочил на ноги — почти так,

словно его застали за каким-то плохим делом. Так случилось с ним всегда, если отец входил в комнату, когда он играл со своими светящимися ладонями.

Сеннар остановился на пороге. По его лицу совершенно невозможно было понять, что он чувствует.

«Какой он старый», — подумал Сан, и его сердце бешено застучало.

Несколько секунд дед и внук неподвижно стояли в центре комнаты и смотрели друг на друга. Время словно остановилось.

— Садись же, — сказал наконец Сеннар, закрывая за собой дверь.

Сан подумал, что у деда сильный голос. Сеннар был совершенно не таким, каким внук представлял его себе. Человек, написавший те книги, которые он читал, был молодым, имел красивый молодой голос и ясные глаза и был остроумным. Образ, живший в его сознании, не сочетался с хрым стариком, которого он видел перед собой.

Он немедленно выполнил приказание деда, и его ноги снова закачались в пустоте.

Пока Сеннар брал стул и усаживался на него, прошла почти вечность. Наконец он сел напротив внука и стал смотреть на него.

Сан смутился. Взгляд Сеннара блуждал по его телу, останавливаясь то на слегка заостренных ушах, то на волосах с синеватым отливом, но чаще всего смотрел в его глаза.

— У тебя глаза как у твоей бабушки, — произнес наконец Сеннар.

Сан не знал, что сказать на это, и только слабо кивнул. Ему хотелось убежать.

«Это твой дед, и он герой! Скажи что-нибудь умное!»

— Твой отец рассказывал тебе обо мне?

Сан спросил себя: что сказать в ответ — добрую ложь или жестокую правду?

— Можешь ничего не скрывать. Не бойся: со стариками всегда можно быть правдивым.

— Нет, он сказал мне, что вы умерли.

— Можешь говорить мне «ты».

— Как хотите.

Сан с удивлением обнаружил, что Сеннар смущен и растерян не меньше, чем он.

— Мне его не хватает, Сан... Тебя зовут Сан, верно?

Мальчик кивнул.

— Мне всегда его не хватало с тех пор, как он навсегда ушел от меня очень много лет назад. Добираясь сюда, я, по правде говоря, думал, что смогу встретиться с ним.

Сан с изумлением увидел в глазах деда слезы. Они так совпали по времени с тем комком, который поднимался из его глубины в горло.

— Но есть ты, верно? — И Сеннар улыбнулся.

Это была первая улыбка с начала этого трудного разговора. Сан не знал, почему она оказалась для него самым нестерпимым из всего, что было. Эту улыбку ему было труднее вынести, чем изучающий взгляд на своем теле, чем внезапное появление деда, чем даже его слезы. Сан понял, что больше не может сдерживаться, и заплакал. Он плакал со всхлипами, без остановки и ненавидел себя за слабость. Он чувствовал себя бесконечно одиноким и думал о том, что его прежняя жизнь полностью разрушена, от нее не осталось ничего, разве что невыносимый груз воспоминаний.

Сеннар медленно встал — Сан видел это глазами затуманенными от слез — и подошел к нему. А потом обнял его сильно, одной рукой, и в этом объятии совершенно не было снисхождения. Не старик обнимал малыша, а мужчина — равного себе мужчину.

— Теперь мы с тобой разделим эту боль пополам. Все это закончится, и, когда ты будешь в полной безопасности, ты будешь жить у меня. Это будет не то, что было раньше, но тебе будет хорошо. Будет хорошо.

Сан поднял на него взгляд и спросил:

— Ты не останешься со мной?

Сеннар в ответ лишь покачал головой.

— У меня снова есть задание, и я должен его выполнить. Так однажды сказала мне твоя бабушка слишком много лет назад. Но ты будешь жить вместе с Идо там, где никто не

сможет сделать тебе плохо, и я вернусь, клянусь тебе в этом.

Сан уткнулся головой в рубаху деда и в этот раз не чувствовал стыда от того, что он ребенок. Он подумал, что должен привыкать к своей новой жизни, что должен просто держаться на ногах, пока вокруг бушует буря. Он будет терпеливо ждать того, что принесет ему будущее.

Совет собрался в полном составе. Пришли все, начиная с Сеннара, который, с согласия всех членов Совета, был назначен на свою прежнюю должность советника от Земли Ветра, и до Дубэ, которая сидела в стороне, завернувшись в свой черный плащ.

Председателем на этом заседании был уже почти выздоровевший Идо.

Оно длилось, казалось, бесконечно. Особенно долго тянулось время, пока каждый из присутствующих выступал с отчетом. Совет не собирался полностью уже три месяца, и всем было что рассказать другим, чтобы держать их в курсе последних событий.

Первой выступила Дафне, сообщившая о ходе боевых действий. Ничего нового, поскольку сейчас на войне как раз наступило затишье. Дохору еще было трудно удерживать вместе недавно завоеванные земли, и часть его войск находилась на внутренних фронтах. Это давало Совету Воды несколько месяцев передышки.

А вот люди Иешоля были повсюду. Кроме тех, кого встретил Идо, в последнее время были замечены передвижения и других его подчиненных. Несколько человек из Гильдии за последнее время даже пытались войти в королевский дворец, но, к счастью, пока никто из них не смог выйти обратно.

Затем настала очередь Идо, который рассказал о том, что пережил в пути вместе с Саном.

После этого прозвучал длинный рассказ Лонерина, и только поздно ночью смог взять слово Сеннар.

Когда Идо произнес его имя, по рядам собравшихся пробежала странная дрожь. Сеннар давно уже был легендой, и все чувствовали себя так, словно прошлое воскресло.

Дубэ слушала старого героя очень внимательно. Она всегда пыталась представить себе, каким был его голос, когда он говорил перед собранием, и какими приемами красноречия Сеннар смог убедить Совет послать его одного, без спутников, в Затонувший Мир.

Но вот он открыл рот — и сразу же в каком-то смысле разочаровал ее. Сеннар казался слишком взволнованным, и его руки дрожали. Она подумала, что ему тоже было нелегко вернуться в прошлое и снова выступать в роли, которую он не исполнял уже много лет.

Но потом это напряжение куда-то пропало, и слова Сеннара, напоминавшие о делах прошедших дней, о событиях, которые многие в этом зале знали только по сочинениям историков, медленно покорили аудиторию.

Сеннар говорил об Астере как о ком-то, кого он сам хорошо знал, говорил о Всплывшем Мире, который в некоторых отношениях был иным, чем нынешний, но в то же время был до ужаса похож на него, и, что было самым главным, говорил о запретной магии без страха, с уверенностью человека, который повидал все и не отказывался ни от чего.

Скупыми и ясными словами он описал заклинание, которое нужно было применить, чтобы освободить дух Астера, а под конец произнес то, чего никто даже вообразить себе не мог.

— Это заклинание — крайне трудное и достаточно рискованное. Если бы я мог, я применил бы его сам. Моя жизнь связана с жизнью Астера, и в каком-то смысле я был бы обязан сделать это для него. Но я не могу. Я истратил мою жизненную силу в магических действиях, и у меня осталось ее слишком мало для обряда такого уровня. Другими словами, я был бы не в состоянии довести его до конца. Но это не мешает мне обучить того, кто должен будет выполнить его, и я буду сопровождать его во время задания.

По залу пронесся легкий шум. Конечно, некоторые здесь надеялись, что Сеннар останется здесь, с ними и поможет им хотя бы тем весомым влиянием, которое оказало бы на все умы его присутствие.

— Один человек уже вызвался выполнить это поручение, и я, хотя и не желаю опережать решения Совета, полагаю, что он идеально подходит для этого. Я говорю о том, кто убедил меня покинуть мое уединение и прилететь сюда, окончательно закрыв длинную страницу моей жизни.

Сеннар сел на свое место, не добавив больше ни слова, а Совет затих в сосредоточенном молчании.

Через несколько секунд Идо встал с места:

— Я думаю, что мы все остались совсем без сил после этого долгого заседания. Поэтому предлагаю отложить решение до завтра. Сегодня мы выслушали все необходимое, чтобы принять решение о наших будущих действиях. Я считаю, что ночь поможет нам найти пути, на которых нам удастся осуществить наши замыслы.

Он закрыл заседание, и все разошлись, обессиленные и молчаливые. Усталость действительно была, но дело было не только в ней. Они ослабили и от волнений, пережитых за этот долгий день, от радости, что Сеннар снова с ними, и от неуверенности в будущем.

Дубэ ушла в отведенную ей комнату. С тех пор как она узнала, что именно должна сделать, она предпочитала держаться в стороне от всех. Снова тяжесть ее судьбы была готова раздавить ее, и к тому же она еще никогда не чувствовала себя такой одинокой. Тень Учителя, которая много лет была такой ощутимо близкой, теперь исчезла как сон, а Лонерин, на которого она надеялась опереться, оказался ложной надеждой. Впереди у нее было только задание, которое она одновременно жаждала исполнить и желала отвергнуть.

Закутавшись в свой плащ и еще плотнее завернувшись, как дерево в кору, в свои мысли, она по пути нечаянно задела стул Фольвара.

— Простите, — сказала она и смущенно улыбнулась. — Это произошло нечаянно.

Она очень удивилась, когда советник улыбнулся ей в ответ широкой, хотя и усталой улыбкой.

— Представляю это себе, — сказал он.

Дубэ не смогла удержаться и взглянула на него вопросительно.

— Лонерин рассказал мне все.

Дубэ рассердилась. Ей совсем не нравилось, что обстоятельства ее жизни стали известны всем.

Она поклонилась и хотела уйти, но Фольвар удержал ее.

— Что ты собираешься делать?

Она уже подумала об этом. Здесь ей теперь было не место, и по очень многим причинам.

— Завтра я уйду.

— И не скажешь Совету, что ты хочешь сделать?

— Проклятие — моя проблема, не ваша.

— Но Лонерин сказал мне, что ты помогла ему убедить Сеннара. Тебя в самом деле совсем не интересует Всплывший Мир?

Когда-то точно не интересовал, но теперь она не могла сказать, что совсем не чувствует себя участницей этих событий.

— То, что я должна сделать, чтобы стать свободной, может только отдалить меня от Совета. Неужели вы благословите меня на такое дело — хладнокровное убийство врага?

Глаза Фольвара словно накрыла прозрачная пелена, их взгляд внезапно стал холодным.

— Изменилось бы что-то, если бы Дохор был убит не так, а в бою?

Его слова удивили и больно ранили Дубэ.

— Но я наемная убийца, — пробормотала она.

— В самом деле?

Она не знала, что ответить.

— В любом случае ты не можешь сделать все одна. Тебе нужен лечебный напиток, и его надо много. А магический обряд для уничтожения документов — кто его выполнит?

Дубэ плотнее завернулась в плащ.

— Найду кого-нибудь.

— Найдешь не здесь? Формулу знает только Сеннар.

Дубэ прикусила губу.

— Твоя судьба — не только твоя, и теперь ты это знаешь, Дубэ. Я недолго знаком с тобой, но не нужно быть очень зорким, чтобы увидеть, как ты изменилась. Останься и сообщи Идо о том, что ты должна сделать. Будет справедливо, чтобы Совет узнал об этом.

Фольвар улыбнулся девушке, а потом быстро вышел из зала и исчез в одном из коридоров.

Дубэ осталась стоять там, где была. Она чувствовала, что разделилась на две части. Такой она была всегда. Одна половина в ней то, что вело ее к смерти, а другая — что-то живое, настоящее, что шевелилось в глубине ее души, что-то чистое и подлинное. Оно шевельнулось и теперь, и было сильнее прежнего после того, что она обнаружила в себе за время своего долгого путешествия.

Дубэ вернулась в свою комнату и в эту ночь не стала собирать свои вещи, а попыталась уснуть. Завтра в Совете будет тяжелое заседание.

ЭПИЛОГ

Дубэ, кутаясь в свой черный плащ, вошла в Большой зал Совета и села в углу, как накануне. Она не имела желания быть настоящей участницей заседания, но в то же время ей необходимо было присутствовать здесь.

Почти сразу же кто-то сел рядом с ней. Дубэ в ту же минуту узнала свою соседку: это была та девушка, с которой вместе учился Лонерин, и, кажется, даже вспомнила, что девушку зовут Теана. Дубэ инстинктивно отодвинулась от нее, еще плотнее завернулась в плащ и попыталась сосредоточиться на том, что происходило в зале, который уже заполняли участники заседания. Но она поневоле продолжала чувствовать эту девушку рядом с собой. Хотя Теана ничего не делала, Дубэ ощущала ее присутствие, и ее смущало такое соседство. Дубэ украдкой взглянула на нее.

Теана была красива. Кожа у нее была прозрачная, как у маленькой девочки, волосы — светлые и кудрявые, задумчивое лицо человека, погруженного в свои мысли. Дубэ вспомнила, что, когда они отправлялись в путь, на этом лице были злоба и обида, и такой Теана осталась в ее памяти. Вероятнее всего, это была девушка Лонерина, которую он предал.

Дубэ почувствовала легкий холодок в костях: Теане она тоже невольно причинила боль.

Она подумала обо всех годах, которые эти двое провели рядом, о том, что они пережили вместе, о том, что их объединяло, и почувствовала легкий укол совершенно ненужной ревности. Она отказала Лонерину и теперь чужая для него, и, если он вернется к этой девушке, это будет хорошо.

— Лонерин рассказал нам о тебе и о том, что ты будешь должна сделать.

Дубэ приподнялась, повернулась к Теане и с тревогой посмотрела на нее.

— Ты сегодня скажешь об этом Совету?

Теана тоже повернулась к Дубэ. В глазах девушки-мага была ненависть — много ненависти. И все же эти глаза были ясными и светлыми как хрусталь, и Дубэ позавидовала Теане из-за них.

— Это мое задание, а не дело Совета.

— Но тебе нужен маг.

Дубэ озадаченно поглядела вокруг: она не могла понять, к чему ведет разговор ее соседка.

А та наклонилась к ней так близко, что Дубэ почувствовала на своем ухе тепло ее дыхания.

— Лонерин сказал, что пойдет с Сеннаром освобождать Астера, — сказала Теана.

Дубэ увидела, как та снова отстраняет от нее лицо. Теана улыбалась, в ее улыбке были одновременно победа и печаль. Дубэ это было неприятно.

— Ну и что?

Она заметила, что Теана нервно пожимает руки.

Ей захотелось выйти из этого зала, уйти отсюда. У нее нет ничего общего с этим местом, она должна убежать, найти Дохора и прикончить его, как требует зверь в ее сердце и как хочет она сама. Ее место всегда было не здесь, в четырех стенах, вместе с Советом, ей положено скрываться в тени дворцов, с кинжалом в руке, одной и проклятой. Потому что проклятой она была всегда, еще до зверя, и напрасно она поверила, что может освободиться: это только мечта.

Она рывком поднялась на ноги, отыскала взглядом более уединенное место в верхней части зала и поспешила укрыться там. Это было бегство, но ей было все равно. Лучше всего было бы вообще уйти отсюда, но она не смогла этого сделать. Как будто Лонерин передал ей частицу своей горячей любви к Всплывшему Миру.

Когда все места в зале были заняты, Идо начал заседание.

Спокойным голосом он напомнил слушателям — которые, как обычно, жадно ловили каждое его слово, — основное содержание вчерашней дискуссии. А потом решил наконец перейти к обсуждению главного вопроса.

— Совершенно ясно, что перед нами снова стоят две задачи. С одной стороны, необходимо переправить в безопасное место Сана. Без него Иешоль ничего не может сделать. С другой стороны, если дух Астера останется в том промежуточном положении, в котором он находится сейчас, он будет для нас угрозой вечно, а мы не можем обречь мальчика на то, чтобы он прятался всю свою жизнь. Значит, необходимо, чтобы кто-то снял заклинание, наложенное Иешолем. Сеннар долго рассказывал нам о том обряде, который нужно выполнить для этого, и сказал нам, что необходимо использовать как катализатор талисман власти. Так вот, этого талисмана у меня нет.

Слушатели были поражены его словами. Даже Дубэ удивилась: она — так же как, вероятно, и все остальные, — была убеждена, что Идо уже решил этот вопрос.

— Я не обыскал дом Тарика и не могу поклясться ни в том, что талисман до сих пор находится там, ни в том, что его там нет.

— А мальчик? Он знает что-нибудь о талисмани? — раздался чей-то голос из глубины зала.

Идо покачал головой:

— Нет, ничего. — Он перевел дыхание, потом снова заговорил: — Итак, наша задача состоит из двух частей — найти талисман и проникнуть в Гильдию, чтобы освободить дух Астера. Сеннар уже сказал нам, что желает взять на себя это поручение. Теперь я прошу его подтвердить это желание.

Дубэ увидела, как старый маг поднялся со своего места, которое было почти так же хорошо укрыто от посторонних глаз, как ее собственное.

— Подтверждаю. Это мое дело, именно оно привело меня сюда.

— Но тебе нужен помощник, — добавил Идо.

Сеннар только кивнул в ответ.

— И ты назвал его.

Лонерин, не дожидаясь официальных формулировок или каких-либо еще слов, вскочил на ноги.

— Не только он указал на меня. Я сам рад предложить свои услуги для этого задания.

Идо сделал ему знак рукой и с улыбкой сказал:

— Никто в этом и не сомневался. Есть ли возражения?

Возражения прозвучали, и их было немало. Дубэ слушала их внимательно. Она, не решаясь признаться в этом себе самой, надеялась, что какое-нибудь из них будет принято. Она чувствовала толчки зверя в своих внутренностях. Дубэ знала, что ей нужен маг, и

хотела, чтобы это был Лонерин. Может быть, хотела потому, что боялась не найти другого, может быть, из-за обиды на Теану, а может быть, потому, что их против их собственной воли соединяло какое-то чувство, слишком слабое для любви и слишком сильное, чтобы быть обычной дружбой.

— Это довольно трудная магия, она требует много сил, а перед нами маг, который еще не закончил обучение.

— Одно дело — привести сюда человека, и другое — участвовать в таком сложном обряде.

Лонерин выслушал всех, а потом заговорил:

— Мой учитель может засвидетельствовать, что я достаточно подготовлен, и, в любом случае, во время путешествия по Неведомым Землям мои магические способности тоже были испытаны в деле. Прошу вас также принять в расчет и мою силу воли. Задание этого Совета для меня важнее всего.

Фольвар высказался в поддержку своего ученика. Его голос был слабым, но каждое слово было как удар и попадало точно в цель.

— Он достаточно одаренный маг. Я могу заверить вас, что это задание ему действительно по силам, в особенности если эти силы отточит тренировкой учитель такого уровня, как Сеннар.

Тут снова встал сам Сеннар:

— Если я предложил этого юношу, то сделал это не зря. Я знаю, как тяжел и труден обряд, который надо совершить, для него нужны очень большие магические способности. Я чувствую, что он сможет справиться с этим, и я сам могу помочь ему, хотя мои силы теперь очень малы.

После этого Совет было легко убедить. Было решено, что Сеннар и Лонерин отправятся искать медальон-талисман, а когда найдут его, юноша вернется в Гильдию и выполнит то, что должен сделать. Подразумевалось, что Дубэ объяснит ему, при каких условиях он должен туда войти и что делать дальше.

Услышав свое имя, Дубэ еще сильнее закуталась в плащ.

— Что касается второй задачи — переправить в безопасное место Сана, то я сделаю это сам, — сказал наконец Идо.

Слушатели зашумели, и Дафне выразила словами то, что думали все:

— Мы ожидали, что вы наконец снова станете душой сопротивления. Одного удара по Гильдии недостаточно, планы Дохора — это не только его союз с Иешодем; и нам еще приходится сражаться.

— Я это понимаю, но я дал клятву защищать Сана, и дал ее не только его отцу. Поймите: я должен это сделать! Я представляю себе, как вам трудно, но сейчас я для вас, по сути дела, только символ.

Слушатели снова зашумели, и на этот раз сильнее.

— Я уже давно не бываю на полях сражений. Я составляю планы здесь, но воюют другие. И потом, вы справлялись с этим делом и без меня. Сейчас меня зовут дела другого рода.

Шум продолжался, но Идо заставил его утихнуть, внезапно заговорив опять:

— Сан отправится со мной в Затонувший Мир.

При упоминании об этой загадочной стране в зале установилась тишина.

— За дни своего ускоренного выздоровления здесь, в Лаодамее, я связался с королем Земли Моря, о чем некоторые из вас уже знают, и через его посредство обеспечил безопасность себе и Сану. Простите меня, но я не скажу, куда именно мы отправимся: у стен есть уши, и эта поговорка особенно верна после того, как мы в последнее время увидели так много убийц.

Шум начался снова и стал более гулким.

— Что же касается Дохора, будем действовать как всегда. Тиранно — гораздо более явная и близкая угроза, чем он.

Дубэ вздрогнула. Что-то говорило ей, что надо встать и заговорить, но она сдержалась. Ей нужно было посоветоваться с кем-нибудь — хотя бы с Идо. Ее задача имела другие цели, другие средства для решения, но силой обстоятельств ее цели и средства были связаны с этим залом.

— Полагаю, что это все. Возможно, пройдет много месяцев, прежде чем мы сможем встретиться снова, и может быть, для некоторых из нас сегодняшняя встреча окажется последней, — не знаю. Но перед нами снова поворот пути — так же как в те дни, которые еще помнят самые старшие из нас. И снова наша судьба зависит от того, как закончится наша экспедиция, от силы мага и от твердости воли старика — это я говорю о себе. Каждый из нас будет выполнять свое поручение так, словно остальных не существует. За эти годы мы сделали Совет Воды подобным телу, у которого много голов. Прошу вас помнить этот первый урок, который я вынес из-под развалин сопротивления, из моей любимой Земли Огня. Мне остается лишь выразить надежду, что все вместе мы однажды сможем насладиться мирной жизнью.

Идо установленной формулой распустил собрание, и все присутствовавшие в зале в полной тишине медленно направились к выходу.

Слова гнома тронули все сердца.

Дубэ вскочила с места, когда зал был уже почти пуст, пробралась через выходящую толпу и с трудом оказалась рядом с Идо.

— Я должна поговорить с вами, — сказала она гному.

— Говори, — ответил он с усталой улыбкой.

— Не здесь.

— Ты нашла то, что искала? — был первый вопрос, который гном задал ей, как только они остались вдвоем в его комнате.

В уме Дубэ на мгновение возник их короткий разговор на крепостной стене в Лаодамее перед ее уходом в Неведомые Земли. Тогда Идо сказал ей, что все зависит от нее, но она не поверила в это. Теперь она вдруг поняла его, но понимание не принесло ей облегчения. На своем пути она нашла многое, но так же много оставила. И в конце пути у нее не было ничего, разве только кинжал в руке — как в начале. Убийство в прошлом, убийство в будущем. Клетка.

— Не знаю, — честно ответила она.

— Поиск никогда не кончается. Ты читала «Хроники Всплывшего Мира»?

— Читала кое-что из них.

— Думаю, тебе было бы полезно прочитать их внимательно. Там тоже идет речь о поиске. Жизнь, по сути дела, и есть поиск, и я из глубины моих ста лет могу сказать тебе, что никому никогда не удастся по-настоящему владеть чем-либо.

Дубэ опустила глаза. Ей было не по себе оттого, что приходилось говорить такому важному лицу о том, что она должна сделать.

— Пока вы будете делать все возможное, выполняя ваши задачи, я выполню мою.

Она замолчала и взглянула на Идо. Он пристально посмотрел на нее, потом взял в руку трубку, лежавшую в углу, и сел.

— Что ты имеешь в виду?

— Сеннар объяснил мне, что я должна сделать, чтобы избавиться от проклятия.

И она сказала все сразу — не останавливаясь, почти не дыша, как будто избавлялась от тяжелой ноши, словно извергала из себя как рвоту часть той тьмы, тяжесть которой всегда чувствовала в своем желудке.

— Я должна убить Дохора, — серьезно закончила она. — Фольвар посоветовал мне сказать вам об этом. Потому что, хотя задача действительно моя, но от ее успеха зависит спасение Всплывшего Мира.

Идо молчал и нервно курил трубку. Из его рта через одинаковые промежутки времени вылетали маленькие облачка густого дыма, которые быстро растворялись в воздухе.

— Чего ты хочешь от меня? Чтобы я это одобрил?

Резкость этих слов больно ранила Дубэ.

— Хочешь, чтобы я благословил твоё дело? Никто здесь никогда не требовал, чтобы ты оказывала нам услуги. Ты пришла к нам как разведчица, а не как наёмный убийца, и я не намерен использовать твоё отчаяние для того, чтобы убить моего врага.

Он вскочил на ноги и стал быстро ходить по комнате.

— Я не могу иначе, — пробормотала Дубэ.

— А я не могу одобрить твоё дело. — Идо встал перед ней, положил свои короткие, широкие в кости руки ей на плечи; его усталое, покрытое морщинами лицо почти коснулось лица Дубэ.

— Совет не может дать тебе приказ убить Дохора. Мы даже не можем одобрить твоё дело, потому что это против наших принципов.

Дубэ отвела в сторону взгляд.

— Но все-таки если он умрет...

Идо мгновенно отошел от нее и снова зашагал по комнате.

— Если Совет одобрит это, мы будем такими же, как Иешоль, такими же, как Дохор, — готовыми на все, чтобы добиться своей цели. Ты понимаешь это, Дубэ?

Она понимала это — к сожалению, понимала. Даже Дохор, которого она ненавидела, чью жизнь могла бы принести в жертву хоть сейчас, — даже он не казался ей просто скотиной на бойне. А ведь Учитель говорил ей: «Тот, кого надо убить, — не человек... Он — ничто. Ты должна смотреть на него как на животное, или даже меньше того — как на деревяшку или камень». Но Дубэ знала, что даже он не верил в это. Как могла поверить она, его глупая ученица?

— Я не прошу у вас ничего — ни одобрения, ни чего-либо еще. Я только считала, что должна сообщить вам об этом.

Идо стоял перед окном, спиной к ней. Его дыхание было частым. Он был рассержен: Дубэ видела это по тому, как поднимались и опускались его плечи.

— Дохор мой враг уже сорок лет. Я ненавижу его, как никого, даже Астера ненавижу меньше.

Дубэ мгновенно поняла, что привело Идо в такой гнев.

— Мне так жаль; я вас понимаю. Но я не могу ждать, пока этот человек умрет на войне. Зверь сожрет меня раньше, а у меня не хватает мужества, чтобы закончить жизнь так. Мне действительно очень жаль.

Идо какое-то время продолжал стоять перед окном, потом встряхнул головой и повернулся к Дубэ.

— Тогда найди себе мага среди тех, кто присутствует здесь, и уходи. Я не могу дать тебе мое благословение официально, и должен признаться тебе, что надеялся сам сразиться с человеком, который сломал мне жизнь, но иди и скажи магу, что я разрешаю ему следовать за тобой и подчиняться тебе.

Это было больше, чем хотела Дубэ, и больше, чем то, на что она надеялась.

— Поверьте мне, я поклялась, что больше никогда не буду убивать, но...

— Живи, это единственное, что сейчас важно. Если когда-нибудь захочешь измениться, найти свой путь и освободиться, ты должна жить. Сделай так, как я тебе сказал.

Дубэ крепко пожала гному руку, но при этом не решилась поднять на него взгляд. Если бы она чувствовала себя достойной обнять его, она, может быть, обняла бы. Но ее руки были в крови, а на ее душе была тяжесть. Поэтому она разжала руку и, закрыв за собой дверь, ушла со своей ношей на плечах.

Теана стояла посередине коридора, возле комнаты Идо. Она знала, что Дубэ должна пройти здесь, потому что немного раньше видела, как та вошла в эту комнату. Оставалось только ждать, но ожидание лишало ее сил, и она ломала руки, как всегда делала, если волновалась.

Девушка-маг размышляла о своем решении. Она приняла его так внезапно, это не похоже на нее. Но она не собиралась отступать. Она не могла бы точно объяснить, почему она делает именно так. Ей было достаточно увидеть решимость Лонерина и услышать его слова: «Задание — важнее всего».

Конечно, важнее Дубэ, но и важнее ее самой тоже. Важнее всего. Лонерин никогда не был ее мужчиной, несмотря на его неловкие попытки любить ее и на ее собственную безграничную любовь к нему.

А раз так, уйти отсюда было, возможно, единственным, что она могла сделать. Смерть Дохора, хотя Дубэ желала убить и убила бы его по другим причинам, была бы спасением для Всплывшего Мира. И она могла внести свой, хотя бы малый, вклад в это дело.

Она увидела, что Дубэ идет мимо нее в своем черном плаще, и подумала, что в этой девушке действительно есть неотразимое обаяние: Дубэ одинока, запятнана и судьба ее неизвестна. Теперь Теана прекрасно понимала притягательность этого. Она отважно приблизилась к ней и спросила:

— Можно мне с тобой поговорить?

Дубэ посмотрела на нее с недоверием и беспокойством:

— Со мной?

Это было естественно: совсем недавно она очень невежливо обошлась с Дубэ.

— Да, — улыбнулась Теана и увела Дубэ во двор.

Небо было покрыто облаками, воздух пах мхом и дождем. Они сели на скамейку, обращенную в сторону балкона.

— Что ты теперь будешь делать? — спросила Теана.

Дубэ смотрела на нее с сомнением.

— Почему тебя интересует моя судьба?

Теана пожала плечами. Они и сама не вполне это понимала.

— Ты нашла себе мага?

Так она без подготовки перешла к главной теме разговора. Что ж, эта беседа в любом случае будет неприятной.

Дубэ покачала головой:

— Кто же захочет помочь убийце? Я не думаю, что найду кого-нибудь здесь.

Теана проглотила комок в горле. Помочь убийце. Об этом она не подумала.

— Могла бы пойти я.

— Ты?! — Дубэ рывком повернулась к ней.

— Я маг, и в некоторых отношениях — единственный в своем роде. Я хорошо владею искусством жрецов Тенаара — истинного Тенаара.

— Что ты имеешь в виду? — недоверчиво посмотрела на нее Дубэ.

— Мой отец для Гильдии был еретиком. Тенаар — древний бог, некоторые отождествляют его с Шевваром, богом эльфов.

— Я знаю.

Теана была поражена: об этом знали лишь немногие.

— Мой отец был его жрецом и всю жизнь пытался опровергнуть ересь Гильдии.

Но сомнение не исчезло из взгляда Дубэ.

— Какая у тебя причина идти со мной? Ты меня не особенно любишь, верно? Это очевидно, и я тебя понимаю.

Она говорила правду, но Теане было сложно объяснить все причины, которые привели ее к такому решению. Желание уйти подальше от Лонерина и двигаться к своей собственной цели, желание действовать, — она ведь всегда была в безопасности за креслом учителя Фольвара, — безумное и нелепое желание помочь девушке, которую любит или по меньшей мере любил Лонерин, острое удовольствие терзать себя, помогая своей врагине. Все эти глупые ответы смутно шевелились в ее сердце, но она не могла выразить их словами, по крайней мере перед своей соперницей.

— Причина в том, что тебе нужна помощь. Лонерин оказал бы ее тебе, но не может. А

раз так, это сделаю я.

И это была часть правды.

— Ты не можешь на самом деле хотеть этого, — покачала головой Дубэ и язвительно спросила: — Что это такое — желание страдать?

— Я предлагаю тебе свою помощь, — настаивала Теана. — Почему бы не принять ее, пока я не передумала?

Взгляд Дубэ стал жестким.

— Я ничего у тебя не просила.

— Я устала быть тут, ясно? Устала быть только хорошей ученицей учителя Фольвара. Несколько недель назад я летала спасать жизнь Идо: он был отравлен. И тогда я поняла, что должна выйти из моей тюрьмы, это тебе понятно?

Дубэ внезапно встала на ноги:

— Ты не представляешь себе, кто я такая. Я живу среди смерти, у меня в сердце прячется чудовище, и, когда оно управляет мной, я не отличаю друзей от врагов. Однажды я едва не убила Лонерина, об этом ты знаешь? Я иду туда, чтобы убить человека, понимаешь?

В ее взгляде отразилось отчаяние. Теана не знала, что сказать.

— Ты так сильно любишь его? — внезапно нанесла ей удар Дубэ. — Помогать мне бесполезно. Лонерин не так сильно желает меня, иначе он пошел бы со мной.

Этих слов Теана не ожидала.

— Мне это нужно, Дубэ... Мне нужно уйти отсюда и найти мой путь.

Дубэ прислонилась головой к стене, немного помолчала и наконец сказала:

— Спроси у Сеннара, что представляет собой это заклинание. Если и после этого захочешь пойти, то я отправляюсь завтра.

Она встала и ушла. Теана осталась одна во дворе, и осенний холод медленно подбирался к ней.

Лонерин рывком распахнул дверь и увидел Теану, которая укладывала свои вещи, собираясь в дорогу.

Не помня себя от гнева, он подбежал к ней, схватил ее за руки.

— Можно узнать, что это ты вбила себе в голову? Ты никуда не поедешь!

Теана была захвачена врасплох, но быстро овладела собой.

— Мне больно, — возмутилась она свистящим шепотом, и Лонерину пришлось отпустить ее.

— Почему ты уезжаешь? Это сумасшествие.

Она спокойно продолжила укладывать вещи. Лонерин увидел, как принадлежности ее жреческого искусства одна за другой исчезают в кожаной сумке.

— Ты не можешь диктовать мне, что я должна делать. Когда-то я предлагала тебе такую возможность, но ты отказался от нее.

— Ты же совсем не знаешь Дубэ, так почему должна ей помогать? Она идет убивать человека! У нее нет ничего общего с тобой!

Теана замерла на месте, ее руки задрожали. Так всегда бывало, когда ее охватывали гнев и чувство бессилия. Лонерин это знал и теперь с невыносимой томительной болью подумал о том, как много ему известно о Теане, как хорошо он ее знает.

— Я лечила Идо на вражеской территории, тебе об этом рассказали? — сказала она, поворачиваясь к нему.

— Да, но...

— Я устала сидеть в этом дворце, пока ты и остальные действуете. Таких, как я, больше нет, и теперь, когда я это осознала, я уйду искать свою дорогу — уйду далеко.

И она уставилась в пол, чтобы не заплакать.

Лонерин взял ее за плечи, но она снова ускользнула от его взгляда.

— Это ради меня?

Она продолжала прямо смотреть в пол.

— Если ради меня, ты не должна это делать.

— Это ради меня! — крикнула Теана, освобождаясь из его рук. — Тебе мало всех этих месяцев, когда тебя здесь не было, когда ты был с Дубэ и любил ее?

Лонерин хотел что-то сказать, но она движением руки остановила его и дрожащим от гнева голосом сказала:

— Молчи хотя бы ради приличия.

Она постаралась снова овладеть собой, но, когда заговорила, ее голос дрожал.

— Ты ушел вперед, а я осталась прикована к тому, чем ты всегда был для меня. — Эти слова словно пронзили Лонерина насквозь. В один миг ему все стало ясно. — Я уйду, чтобы спасти себя.

Он довольно долго молчал и смотрел на то, как она собирала вещи, иногда вскидывая голову, чтобы не всхлипывать.

«Я потерял ее, потерял Теану навсегда», — думал Лонерин и не мог думать ни о чем другом.

— Но почему с ней? — пробормотал он.

— Потому, что она — центр событий, разве ты не понял? Потому, что, если она добьется успеха, все закончится. — В тишине комнаты раздался всхлип, ускользнувший от ее строгого контроля. — Если я тебе действительно дорога, выйди отсюда и не приходи прощаться со мной завтра.

— Не проси меня об этом, — тихо сказал он.

— Если ты не хотел, чтобы все закончилось таким образом, ты должен был думать раньше. Я всегда знала, чего хочу, а ты? У тебя есть твоя месть — наслаждайся ею.

Лонерин словно окаменел: Теана была далекой от него, холодной, мужественной, а он никогда не представлял себе, что она может быть такой.

Он взял ее за плечи и поцеловал в лоб, хотя она пыталась уклониться, и прошептал:

— Очень тебя прошу, береги себя.

Теана закрыла глаза. Лонерин почувствовал, что она дрожит в его объятиях.

— Ты тоже.

Он разжал объятия и вышел из комнаты. Оказавшись за дверью, он наконец смог заплакать о своей ошибке.

Идо еще раз — для надежности — прочел запись на листе пергамента, который держал в руках.

Кирион, генерал из Земли Моря, стоял перед ним и серьезно смотрел на него. В это утро дул сильный ветер, и Сан плотно закутался в плащ.

Идо сложил пергамент, кивнул и сухо произнес:

— Спасибо за все.

— Для вас мы готовы сделать и больше, — улыбнулся Кирион.

Было раннее утро. Идо решил отправиться в путь как можно раньше и так, чтобы рядом было как можно меньше народа: Сан по-прежнему был в опасности. Он будет в опасности все время, пока они не прибудут на место назначения.

Кирион позвал всадника, которого привел с собой. Рядом со всадником стоял маленький синий дракон, сил которого было более чем достаточно, чтобы выдержать вес ребенка и гнома.

— Этот дракон не совсем такой, как те, к которым вы привыкли, — уточнил всадник.

Кирион посмотрел на него с изумлением и сказал:

— Ты говоришь с величайшим воином нашего времени.

Идо остановил генерала движением руки, а потом повернулся к его подчиненному и произнес:

— Не бойся: ты получишь его назад целым в конце моего пути.

Потом он кивком велел Сану садиться. Ладони мальчика, которые высывались из-под плаща, побелели; но он, хотя ему было холодно, был в восторге.

Идо помог ему сесть на дракона, потом сел сам.

— Ты готов?

— Да. Но куда мы летим?

— В Затонувший Мир, к давней подруге твоего деда.

Идо пришпорил дракона, и они оказались в небе.

— Ты что, обязательно должна таскать с собой все это?

Дубэ скептически посмотрела на Теану, которая волочила за собой кожаную сумку, полную книг.

Та кивнула в ответ и объяснила:

— Это книги, которые Сеннар дал мне для обряда. Я должна их изучить.

— Изучи в дороге. Мы не можем взять их ко двору Дохора, или нас разоблачат.

Теана снова кивнула.

Дубэ забросила себе на спину свой маленький узелок. Она в своей жизни обходилась почти без вещей.

Девушка-маг с трудом взобралась на коня. Дубэ задала себе вопрос: справится ли Теана со своим делом? Она ничего не знала о Теане — разве то небольшое, что та пожелала рассказать ей накануне в саду. Похоже, что решимость у нее есть, но этого явно недостаточно. «Любой, кто пошел бы за мной, рискует попасть в ад», — подумала Дубэ.

— Ты едешь? — окликнула ее Теана, нетвердо державшаяся в седле.

Дубэ оглянулась. Их никто не провожал, Лонерин не пришел. Он зашел к ней накануне вечером.

— Я был против того, чтобы Теана ехала с тобой, — сказал он.

— Я тоже, — ответила она.

Он стал смущенно разглядывать свои ладони, и Дубэ поняла, что это конец — действительно и навсегда. Какое-то время они были вместе, а теперь этого нет. Теперь между ними пропасть. Он поцеловал ее в щеку — быстро, без всякой страсти, как друга.

— Береги себя. Когда мы снова увидимся, ты будешь свободна, — сказал он и улыбнулся ей.

Дубэ улыбнулась в ответ. Свободна. Действительно свободна? Как сказал Идо три месяца назад, это зависит от нее.

Это убийство может стать последним. Последний раз пролить кровь, чтобы освободиться, и потом наконец можно надеяться на другую жизнь, не под красной Рубирой, звездой Гильдии, а под другой звездой. Дубэ не знала, возможно ли это. Она даже не знала, желает ли этого. Она только чувствовала усталость.

И теперь у нее не было Лонерина. Он не пришел проводить ее в путь, не пришел даже проводить Теану. Они обе были одиноки. У нее теперь не было никого, не было даже воспоминаний об Учителе: они исчезли в хижине гномов хюэ.

— Ты взяла мое лекарство и все, что нужно для других заклинаний? — спросила она Теану, садясь на коня.

— Да, — ответила та, кутаясь в плащ.

— Тогда остается только тронуться в путь.

Дубэ пришпорила своего коня, и он зашагал. Небо над ними было свинцово-серым. «Когда же эти облака наконец разойдутся и появится хотя бы один солнечный луч?» — подумала Дубэ.